

Роберт Стивенсон

Мастер Баллантрэ

Роберт Льюис Стивенсон

Мастер Баллантрэ

«Public Domain»

1889

Стивенсон Р.

Мастер Баллантрэ / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1889

«Несмотря на то, что настоящий роман скорее может быть назван бытовым, чем историческим, мы считаем нужным посвятить несколько слов тем событиям, на фоне которых разворачивается драма родовитого шотландского дома. Чарльз Эдуард Стюарт (принц Чарли), внук низложенного короля Иакова II, мечтал о завоевании английской короны для своего отца. В 1744 году он отправился во Францию, надеясь встретить могучую поддержку со стороны Людовика XV. Но он обманулся в этих ожиданиях. Тем не менее он в 1745 году высадился на шотландском берегу, собрал вокруг себя значительное число приверженцев, вступил в Эдинбург, разбил неприятеля при Престон-Пансе и проник в Англию вплоть до города Дерби (в двух днях пути от Лондона). Но нерешительность и недисциплинированность шотландцев принудили его к отступлению. Вернувшись в Шотландию, он выиграл сражение при Фолкирке, но был сам наголову разбит при Куллодене (1746). Лишившись армии, он должен был некоторое время скрываться, и лишь с большими опасностями ему удалось бежать во Францию. Так закончилась карьера „принца Чарли“, если не считать еще двух его тайных, но совершенно безуспешных поездок в Англию – в 1753 и 1761 годах...»

© Стивенсон Р., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

Предисловие к русскому переводу	6
Предисловие	8
Глава I	10
Глава II	18
Глава III	30
Глава IV	52
Глава V	77
Глава VI	92
Глава VII	106
Глава VIII	109
Глава IX	125
Глава X	138
Глава XI	151
Глава XII	166

Роберт Стивенсон

Мастер Баллантрэ

(The Master of Ballantrae: A Winter's Tale, 1889)

* * *

Предисловие к русскому переводу

Несмотря на то, что настоящий роман скорее может быть назван бытовым, чем историческим, мы считаем нужным посвятить несколько слов тем событиям, на фоне которых разворачивается драма родовитого шотландского дома.

Чарльз Эдуард Стюарт (принц Чарли), внук низложенного короля Иакова II, мечтал о завоевании английской короны для своего отца. В 1744 году он отправился во Францию, надеясь встретить могучую поддержку со стороны Людовика XV. Но он обманулся в этих ожиданиях. Тем не менее он в 1745 году высадился на шотландском берегу, собрал вокруг себя значительное число приверженцев, вступил в Эдинбург, разбил неприятеля при Престон-Пансе и проник в Англию вплоть до города Дерби (в двух днях пути от Лондона). Но нерешительность и недисциплинированность шотландцев принудили его к отступлению. Вернувшись в Шотландию, он выиграл сражение при Фолкирке, но был сам наголову разбит при Куллодене (1746). Лишившись армии, он должен был некоторое время скрываться, и лишь с большими опасностями ему удалось бежать во Францию. Так закончилась карьера «принца Чарли», если не считать еще двух его тайных, но совершенно безуспешных поездок в Англию – в 1753 и 1761 годах.

Роман «Мастер Баллантрэ» был начат в 1888 году в Америке и окончен через полтора года после скитаний по морю, в приморском местечке Вайкики, близ Гонолулу. Обстоятельства, при которых написана эта повесть, путевые переживания автора заметно отразились и на ходе рассказа: мы видим ту же частую смену картин, тот же быстрый перенос действия из одной части света в другую... И все это связано такой захватывающей фабулой, что история «Двух братьев» не уступает «Острову Сокровищ».

Помимо глубокой драматичности сюжета, роман интересен и обрисовкой характеров. По отзыву Конан Дойля, в этой повести мы встречаем «тщательно отделанный и тонко начерченный образ героини – мисс Алисон, – характер которой, взятый в целом, со всеми его недостатками, поразительно правдив и оригинален. Мужские персонажи тоже обрисованы сильнее и ярче, чем в предыдущих произведениях Стивенсона».

СЭРУ ПЕРСИ ФЛОРЕНСУ И ЛЕДИ ШЕЛЛИ

В этом рассказе говорится о событиях, происходивших в течение многих лет, и о путешествиях по далеким странам. В силу различных обстоятельств, рассказчик начал его в одной стране, а продолжал и окончил в другой. Рассказчику приходилось много раз бывать на море. И вот в то время, как он сидел на палубе корабля и слушал, как волны непрерывно шумели, он думал о том, как ему лучше описать все, что он слышал о двух братьях Дьюри-Деррисдир, о их ужасной вражде, как ему яснее представить зал в доме лорда Деррисдира, аллею из кустарников, и как ему лучше разработать ту тему, которую ему дал Маккеллар. Он переставал думать об этом только тогда, когда его настигала буря. Надеюсь, что рассказ этот заинтересует вас, сэр Перси, и подобных вам любителей морских путешествий, как вы.

И вот я посылаю вам рассказ, написанный в тропическом краю, на острове, лежащем приблизительно на расстоянии десяти тысяч миль от Боскомб-Чайна и Манора. Я посвящаю вам эту книгу, и в то время, как пишу вам, я ясно представляю себе голоса и лица моих дорогих друзей.

*Одним словом, вы любитель моря, и я также. Пусть ваши сигнальные буквы будут Б. Р. Д., а мои Р. Л. С.
Вайкики, май, 17, 1889.*

Предисловие

1

Будучи застарелым, решительным изгнанником, издатель последующих страниц вновь посетил город, который он торжественно считает своей родиной. Нет ничего тягостнее или, пожалуй, спасительнее такого посещения. На чужбине человек всегда будет нечаянным гостем и возбуждает больше внимания, нежели ожидал, а в родном городе, наоборот, он изумляется, что его так равнодушно принимают. На чужбине ему отраднее видеть привлекательные лица, встречать возможных друзей. А у себя он бродит по длинным улицам с мукою в сердце, потому что не видит ни лиц, ни друзей. В чужом месте он развлекается новизной, а здесь его мучит отсутствие старого, бывшего. В чужом месте он доволен собой, таким, каким он есть, а у себя на родине его поражает одинаковое сожаление о том, чем он когда-то был, и о том, чем он надеялся быть.

Все это смутно думалось ему, когда он в последний раз ехал со станции, чувствовал он это и в то время, когда остановился у дверей друга своего Джонстона Томсона, у которого намеревался погостить. Его сердечно приветствовали. Лицо друга не показалось ему очень изменившимся. Вспомнили старые дни, посмеялись. Когда спустя несколько минут оба они уселись лицом к лицу и осушили до дна стаканы за прошлое, он был уже почти утешен, он почти забыл два своих непростительных греха – и тот, что он покинул родной город, и тот, что вернулся в него.

– А ведь я для вас кое-что припас, – сказал мистер Томсон. – Мне хотелось почтить ваш приезд, потому что вместе с вами вернулась моя молодость, друг мой! Вернулась, правда, в несколько потрепанном и подержанном виде, но что делать! Это все, что от нее осталось!

– Что-нибудь все же лучше, чем ничего, – сказал издатель. – Но что такое, вы говорите, припасли для меня?

– Сейчас скажу, – ответил мистер Томсон. – Судьба послала мне в руки, как раз к вашему приезду, кое-что, могущее послужить нам вроде десерта. Но это – тайна!

– Тайна? – повторил я.

– Да, – сказал он, – тайна. Может быть, сущий вздор, а может быть и нечто. Но во всяком случае тайна, потому что этого не видел ни единый человеческий глаз, вот уже почти сто лет. Вещь деликатная, потому что тут дело идет о титулованном роде. Несомненно также, что эта вещь и не лишена мелодраматичности, потому что связана со смертью, – так гласит надпись.

– В жизни своей не слыхивал более темного и более многообещающего вступления! – заметил собеседник. – Но в чем же дело?

– Вы помните моего предшественника, старого Питера Мак Брейра, и чем он занимался?

– Помню хорошо. Он на меня взглянуть не мог без муки порицания, а никакой муки он вообще не выносил, чтоб не выдать ее. Он был для меня человеком, полным исторического интереса, только этот интерес так и ушел от меня.

– Он ушел от нас, так мы пойдем за ним, – сказал мистер Томсон. – Смею сказать, что старый Питер знал об этом так же мало, как я. Как видите, я унаследовал чудовищную кучу старых судебных дел и старых жестянок, частью от самого Питера, частью от его отца, Джона, основателя их династии, бывшего в свое время великим человеком. В числе прочего мне достались и бумаги Деррисдиров.

– Деррисдиров! – вскричал я. – Милый мой, это должно быть ужасно занимательно! Ведь один из них был замешан в делах 1745 года. Тут как-то припутался даже сам дьявол, вы можете

¹ Вошло не во все издания этого романа, а только в последние.

найти об этом заметку в «Воспоминаниях» Лоу, если не ошибаюсь. Тут совершилась какая-то невыясненная трагедия, не знаю, что именно, только позднее, около ста лет тому назад...

– Нет, больше ста лет, – сказал мистер Томсон, – в 1783 году.

– Вы откуда это узнали? Тут замешана чья-то смерть...

– Да, плачевная смерть лорда Деррисдира и его брата, мастера Баллантрэ (замешанного в беспорядках), – сказал мистер Томсон. – Так, что ли?

– По правде сказать, – отвечал я, – я имею об этом смутные сведения, почерпнутые из разных воспоминаний, слышал кое-какие, еще более смутные, предания от своего дяди, которого вы, кажется, знаете. Дядя, когда был маленьким, жил по соседству с Сент-Брайдом. Он рассказывал мне о какой-то запертой и заросшей травой аллее, о больших, никогда не отпираемых воротах; последний лорд и его сестра, старая девица, жили в задних частях дома, это была спокойная, тихая, бедствующая пара, о которой в окрестностях рассказывали разные ужасы.

– Так, – сказал мистер Томсон. – Последний лорд Генри Грем Дьюри умер в 1820 году, его сестра мисс Катерина Дьюри – в 1827 году. Вот что мне известно, а судя по тому, что мне удалось узнать за последнее время, это были люди скромные, тихие и небогатые. Говоря по правде, меня и натолкнуло письмо лорда на розыски того пакета, который мы вскроем сегодня вечером. Некоторые бумаги не удалось отыскать, он писал об этом Джеку М'Брейру, высказывая догадку, что они могли быть сложены и запечатаны отдельно мистером Маккелларом. М'Брейр ответил, что бумаги, о которых шла речь, все были в руках Маккеллара и все имели повествовательный характер, сколько было известно ему, М'Брейру. «Кроме того, – писал он, – я связан обещанием не вскрывать их до 1889 года». Можете себе представить, как все заинтересовало и подстрекнуло меня. Я перерыл все бумаги М'Брейра и отыскал-таки этот пакет который хочу вам показать.

В курильне, куда отвел меня мой хозяин, я увидел пакет, под несколькими печатями, заделанный в толстую бумагу, на котором была надпись:

«Бумаги, относящиеся к жизни и плачевной кончине покойного лорда Деррисдира и его старшего брата Джемса, обычно называвшегося мастером Баллантрэ, замешанного в возмущении, вверенные Джону М'Брейру, живущему в Лаунмаркете, в Эдинбурге, сего 20 сентября 1789 года, дабы он содержал их в тайне до истечения полного столетия, то есть до 20 сентября 1889 года, составленные и писанные мной, Эфраимом Маккелларом, за сорок лет перед сим бывшим управляющим владениями лорда».

Мистер Томсон человек женатый, и потому я не хочу говорить, сколько часов пробило, когда мы дочитали последнюю из нижеследующих страниц. Но я приведу слова, которыми мы потом обменялись.

– Вот вам и готовая повесть, – сказал мистер Томсон. – Вам остается только лишь написать сценарий, развить характеры, да улучшить стиль.

– Дорогой мой, – ответил я, – вот три вещи, которые я скорее умру, чем совершу. Это будет опубликовано как есть.

– Но ведь это чересчур уж просто, – заметил мистер Томсон.

– Нет ничего благороднее простоты, – возразил я, – и, пожалуй, нет ничего занимательнее. Я желал бы, чтобы и вся литература и все писатели были таковы.

– Ну, хорошо, хорошо, посмотрим, – сказал мистер Томсон.

Джонстон Томсон, W. S.² – это мистер Бакстер, впоследствии бывший душеприказчиком автора, которому Стивенсон часто писал. Описанная сцена и происходила в его доме, в Эдинбурге, Ротзейская площадь, № 7.

² W. S. сокращение слов Writer to the Signet, то есть, буквально, писец печати, что-то вроде коронного адвоката.

Глава I

Перечень событий, происшедших во время странствования мастера³ Баллантрэ

Так как мне известно, что события, о которых в этой главе пойдет речь, давно уже интересовали весьма многих лиц, то я вполне уверен, что подробное описание их доставит публике удовольствие, потому что оно удовлетворит ее любопытство. Дело в том, что я в продолжение многих лет жил в семействе лорда Деррисдира и могу с уверенностью сказать, что на свете нет ни одного человека, который мог бы рассказать так достоверно и правдиво о всех похождениях мастера Баллантрэ, старшего сына лорда, как я. Я близко знал его, мне известны такие похождения, о которых никому, кроме меня, не известно, у меня в руках есть письменные доказательства того, что я говорю правду, я путешествовал с ним, когда он совершал свое последнее путешествие по морю, и когда, кроме меня, почти никого с ним не было; я участвовал в одном из зимних путешествий, о которых составилось столько различных преданий, и молва о которых разнеслась далеко за пределы отечества, и я же был свидетелем смерти этого человека. А что касается моего покойного лорда Деррисдира, то я служил ему около двадцати лет, искренно любил его, и чем дольше я с ним жил, тем больше я о нем заботился.

Ввиду всего этого я считаю не лишним дать верные сведения о близком мне семействе; мне кажется, что, делая это, я исполняю обязанность, которую я должен исполнить в память о милорде, и мне думается, что мои старые годы протекут еще более спокойно и моя старая голова будет отдыхать еще с большим удовольствием на подушке, если я исполню задачу, которую я себе задал.

Семейство Дьюри-Деррисдир-Баллантрэ было знатное шотландское семейство старинного рода, существовавшее еще со времен Давида I и жившее на юго-западе Шотландии. Что Деррисдиры принадлежали к старинному роду, видно из того, что о них сложилась молва, будто они сломали на своем веку не одно копьё. Фамилия Деррисдир часто встречается в различных старинных рассказах, о них упоминает также Томас Эрсильдунский. В точности я не могу определить, кто и когда написал о них следующие строки, но я сам читал их. Вот они:

Жили-были два брата Дьюри-Деррисдир,
Один шел пешком, а другой ездил верхом,
Но когда они были раздражены,
То ни груму, ни жене не было покоя.

О подвигах Деррисдиров сложились всевозможные повести, но для нас, современных людей, эти подвиги кажутся довольно дикими и не особенно похвальными. От воинственных стремлений, которыми мужской элемент Деррисдиров был проникнут, семейный быт их сильно страдал. Но я не стану об этом распространяться, а прямо перейду к событиям, совершившимся в 1745 году, к тому памятному году, в котором трагедия, разыгравшаяся в семействе Деррисдиров, получила свое начало.

В то время в поместье Деррисдир-Баллантрэ, недалеко от города С.-Брайда на берегу Сольвея, жило семейство, состоявшее из четырех лиц. Поместье это один из лордов Дьюри-Деррисдир получил в подарок от короля еще во времена Реформации.

Старый лорд Деррисдир, хотя и не был особенно стар годами, был человек болезненный, поэтому он постоянно в теплом домашнем костюме просиживал у камина в продолжение всего

³ Master значит барич, барчук, в отличие от mister, господин, барин.

дня, почти ни с кем не разговаривал, но зато, когда это случалось, не произносил ни одного слова неправды. Он много читал, так как очень любил читать. Слыл он за человека хитрого, хотя на самом деле он был гораздо меньше хитер, чем люди воображали.

Мастер Дьюри-Деррисдир-Баллантрэ, сын лорда, унаследовал от отца любовь к чтению серьезных книг, а кроме того, еще и многие другие черты характера, но все они развились у него в более дурную сторону. Отца считали хитрым человеком, потому что он никогда резко не высказывался, у сына же эта сдержанность перешла в лицемерие. Образ жизни он вел довольно бурный: далеко за полночь просиживал за вином и за картами, ухаживал за всеми хорошенькими поселянками и слыл за отчаянного ловеласа. Вследствие этого у него часто бывали неприятности, то и дело то с тем, то с другим завязывалась ссора. Но от всех неприятностей он очень ловко избегался и, несмотря на все свои проделки, всегда выходил сухим из воды. Таким образом действий он нажил себе весьма многих недоброжелателей, но находились и такие люди, которые не завидовали его счастью и, напротив, предсказывали ему блестящую будущность, когда он сделается старше и станет человеком более солидным.

Один раз он, как мне говорили, запятнал свое имя чрезвычайно грязным поступком, но дело это замаяли. Происшествие это случилось раньше, чем я приехал в поместье Деррисдир, и факт этот до такой степени исковеркали, что я не решаюсь писать о нем, так как боюсь написать неправду. Если Джемс Баллантрэ действительно совершил этот поступок, то для такого молодого человека, каким он был в то время, это чрезвычайно позорный поступок, если же это неправда, то это непростительная клевета. Весьма возможно, что в том, что рассказывали, была известная доля правды, так как Джемс любил хвастаться своими успехами, и наверно, кто-нибудь, воспользовавшись случаем, заставил его на деле доказать, насколько он счастлив, тем более, что о нем ходила молва как о человеке, против которого трудно устоять.

Третье лицо, жившее в доме лорда Деррисдира, был молодой человек, двадцати четырех лет, младший сын лорда Деррисдира, мистер Генри. Он не отличался ни особенно дурным, ни особенно хорошим характером, а был человеком как все люди. О нем очень мало говорили. Всем было известно, что он был большой любитель удить рыбу (этим спортом он часто и долго занимался), что он был хорошим ветеринаром и, несмотря на то, что был еще так молод, управлял имением отца. Как трудно ему было управлять им при отношениях, существовавших между ним и его родными, это только мне одному известно, так же точно, как только я один знаю, как несправедливо судили о нем, называя его тираном и негодяем.

Четвертое лицо, жившее в доме старика-лорда, была мисс Алисон Грем, близкая родственница лорда, сирота и наследница большого состояния, которое отец ее приобрел посредством торговли.

Деньгами мисс Алисон распорядился старик-лорд и употреблял их на нужды своего поместья, так как поместье было заложено и на постепенный выкуп его требовались деньги. Лорд поступал таким образом с согласия своей родственницы, которая, как было условлено, должна была сделаться женой Джемса. Она с удовольствием дала слово выйти за него замуж, но насколько он был счастлив при мысли о женитьбе на ней – это другой вопрос.

Мисс Алисон была мила собой, умна, порою даже остроумна и своевольна. Так как жена лорда давно умерла, а у него никогда не было дочери, то мисс Алисон выросла в доме своего родственника без всякого женского присмотра и делала, что хотела.

Четыре члена этой семьи были совершенно неожиданно всполошены вестью о том, что принц Чарли высадился у берегов Шотландии. Милорд, как человек, ценящий покой, был того мнения, что сыновьям нечего торопиться идти сражаться.

Мисс Алисон была другого мнения, ей казалось романтичным идти на войну, и Джемс (что случалось с ним не очень часто) был одного мнения с ней. Его заинтересовало отважное предприятие, он, очевидно, рассчитывал приобрести славу, а также и средства для того, чтобы расплатиться с кредиторами, которых у него было немало.

Что касается мистера Генри, то он молчал и высказал свое мнение только после того, как лорд Джемс и мисс Алисон перестали спорить. Эти три человека спорили в продолжение целого дня, раньше чем прийти к какому-либо соглашению, и в конце концов решили, что один из сыновей должен отправиться воевать за короля Джемса⁴, в то время как другой останется дома с отцом, чтобы не стать в дурные отношения с королем Джорджем.

По всей вероятности, мысль эта принадлежала старику-лорду, и насколько мне известно, многие семьи поступили в то время таким же образом, как решил лорд.

Но один спор кончился, а другой начался. Дело в том, что лорд, мисс Алисой и мистер Генри, все были того мнения, что старший сын должен остаться дома, а младший должен отправиться на войну, но мастер Баллантрэ ни под каким видом не соглашался оставаться дома, его беспокойный характер и его тщеславие не давали ему покоя. Милорд просил его, мисс Алисон плакала, мистер Генри ясно излагал ему, почему ему следует остаться дома – все напрасно.

– Обязанность прямого наследника поместья Деррисдир ехать верхом, рядом с королем, – сказал Джемс.

– Если бы ты действительно вел себя как наследник, это другого рода дело, – сказал мистер Генри. – Но что ты делаешь? Чем ты занимаешься? Ты плутуешь только в картах, и больше ничего.

– Мы будем охранять замок Деррисдиров, Генри, не правда ли? – сказал отец.

– И вот еще что, Джемс, – прибавил мистер Генри, – если я отправлюсь в поход и принц будет победителем, то мне удастся примирить тебя с королем Джемсом. А если ты отправишься в поход, и та сторона, к которой ты будешь принадлежать, проиграет, то ты обязан поделиться со мной и правами, и титулом. Ну, а кем я буду в таком случае?

– Лордом Деррисдиром, – сказал старший брат, – ручаюсь тебе за это.

– Я не согласен играть в такую серьезную игру! – закричал мистер Генри. – Я вовсе не желаю быть в таком дурацком положении, в каком ни один человек, имеющий хоть каплю смысла в голове, не пожелает долго оставаться. Что я буду представлять из себя? Ни рыба, ни мясо. – Он с минуту помолчал, а затем сказал то, что он, быть может, в другое время не решился бы выговорить: – Ты любимец отца... твоя обязанность оставаться с ним.

– Ба, – сказал мастер Баллантрэ, – ты говоришь это из зависти, больше ничего. Я – любимец! Быть может, ты желаешь подставить мне ножку, Иаков?

Слово «Иаков» он произнес каким-то особенно насмешливым тоном.

Мистер Генри повернулся и, ничего не ответив, прошелся несколько раз по комнате. Он обладал удивительным искусством молчать, когда это требовалось. Но вдруг он сразу остановился перед мистером Джемсом и сказал:

– Я младший сын, и мне следовало бы идти, а между тем будущий владелец поместья говорит: «Я иду». Как же нам быть? Что ты скажешь мне на это, мой братец?

– Я скажу тебе, Гарри, вот что. Когда двое упрямых людей спорят, то есть только два способа разрешить их спор: начать драться, чего мы, надеюсь, делать не будем, или же бросить жребий. Вот гиней. Решай, какая твоя сторона, лицевая или оборотная.

– Отлично, если лицевая сторона будет наверху, то я иду в поход, если же оборотная будет наверху, я остаюсь дома.

Монета была брошена, и оборотная сторона оказалась наверху.

– Вот это тебе хороший урок, Иаков, – сказал мастер Баллантрэ.

– Очень жаль, что так случилось, – ответил мистер Генри и выбежал из комнаты.

В то же время мисс Алисон взяла монету, которая решила спор братьев и, рассердившись на нее за то, что она опрокинулась не так, как она, мисс Алисон, этого желала, выбросила ее за окно.

⁴ James, так в просторечии англичане переименовывают имя Иаков.

– Если бы ты любил меня так сильно, как я люблю тебя, то остался бы дома! – закричала мисс Алисон, подходя к Джемсу.

– Я не могу любить тебя сильнее своей чести, – ответил мастер Баллантрэ.

– О, у тебя нет сердца, – воскликнула она, – и пусть тебя убивают, мне все равно!

С этими словами она, заливаясь слезами, выбежала из зала и отправилась к себе в комнату.

Мастер Баллантрэ остался вполне равнодушным к этому порыву горя, и когда молодая девушка выбежала из комнаты, он, сделав насмешливую гримасу, обратился к своему отцу и сказал:

– Мне кажется, что это будет не жена, а какой-то домашний черт.

– Нет, не она черт, а ты! – закричал отец. – Ты огорчаешь меня, тогда как ты отлично знаешь, что ты мой любимец. Хотя мне и стыдно признаться в том, что я несправедлив, но я не могу этого отрицать. И, несмотря на всю мою любовь к тебе, ты с самого дня твоего рождения доставлял мне лишь одни неприятности, ты ни разу не порадовал меня, ни разу, ни разу, – повторил он еще в третий раз.

Не знаю, что привело милорда в такое волнение, легкомыслие и непослушание старшего сына или же упрек младшего относительно того преимущества, которое отец давал старшему, но только старик был в страшном волнении. Мне думается, что главной причиной этого волнения был именно вполне заслуженный упрек, который ему косвенно сделал его младший сын, потому что с этого дня милорд начал относиться к мистеру Генри гораздо лучше.

Рассорившись со всеми членами своей семьи, мастер Баллантрэ отправился в поход. Ему с трудом удалось набрать двенадцать молодых людей, все это были сыновья ленников, согласившихся ему сопутствовать. Все они были навеселе в то время, как они отправлялись в поход, и поднимаясь на холмы верхом на лошадях, пели и орали во всю глотку. У каждого из молодых людей на шляпе была вышита белая кокарда.

Со стороны молодых людей решиться в таком ничтожном количестве отправиться в поход было прямо-таки безумием. Это было тем более безрассудно, что как раз в то время, когда они скакали по холмам, корабль королевского флота с развевающимся на нем флагом вошел в залив. Большая лодка могла бы легко доставить всех этих молодых людей на корабль.

На следующий день после обеда, дав мастеру Баллантрэ возможность проехать известное пространство, мистер Генри также сел на лошадь и отправился к королю Джорджу, чтобы предложить ему свои услуги и передать письмо от отца.

Мисс Алисон заперлась в своей комнате и по целым дням сидела там и плакала. Единственное, чем она развлекалась, это тем, что вышивала кокарду на шляпе Джемса, и кокарда, как говорил мне Джон Поль, была совсем мокрая от слез, когда он, по ее поручению, снес ее вниз, в комнату Джемса.

Мистер Генри исполнил поручение, которое дал ему отец, но чем его миссия кончилась, это мне неизвестно, знаю только, что старик-отец по-прежнему сидел у камина и что он получил какое-то письмо от важного лица. Младший сын был теперь дома. Старшему сыну отец не писал. Тот, в свою очередь, был также не особенно к отцу внимателен.

Мисс Алисон посылала к нему с письмами одного гонца за другим, но не думаю, чтобы она получила от него хоть один ответ.

Она послала как-то с письмом к нему Макконоки, в то время, когда мастер Баллантрэ со своим отрядом добровольцев стоял перед Карлейлем. Макконоки подъехал к Джемсу как раз в то время, когда тот рядом с принцем ехал на коне. Он, по-видимому, пользовался большим расположением принца, потому что тот разговаривал с ним очень милостиво.

Мастер Баллантрэ, как рассказывал мне Макконоки, взял письмо, распечатал его, прочитал, сделал такое движение ртом, как будто он хотел свистнуть, и положил его за пояс, откуда

оно в то время, как лошадь сделала скачок, выскользнуло и упало на землю. Макконоки поднял его и положил его в карман. Я сам видел у него в руках это письмо.

В Деррисдир о мастере Баллантрэ приходили с разных сторон очень странные вести. Из того, что мы слышали о нем, мы могли заключить только одно, что мастер Джемс был в очень хороших отношениях с принцем, он ухаживал за ним и прямо-таки унижался перед ним. Подобное поведение такого гордого и надменного человека как Джемс, было крайне удивительно. Ходили толки, будто мастер Баллантрэ заискивает перед ирландцами. Сэр Томас Сьюливан, полковник Бурке и многие другие были его друзьями. И все это были ирландцы.

Действуя таким образом, Баллантрэ потерял расположение своих соотечественников. Во всех интригах против лорда Джорджа он принимал участие, поступал всегда так, как ему казалось удобным, невзирая на то, какие от этого могли произойти последствия, лишь бы принц оставался этим доволен, хорошо ли, дурно ли было то, что от него требовал принц; он все исполнял и находил все прекрасным и наподобие того, как он действовал в частной жизни, он действовал и тут во время военного похода: он жертвовал всем и всеми ради личной выгоды. Дрался он чрезвычайно храбро, в трусости его никто не мог упрекнуть.

Следующие известия, после известий из Карлейля, пришли из Куллодена. Известие это в Деррисдир принес один из сыновей ленников, отправившихся в поход вместе с Джемсом, и, как он уверял, единственный, оставшийся из них в живых.

Вследствие какой-то несчастной случайности Джон Поль и Макконоки в то утро, когда пришло известие, нашли в кусте остролиста ту гинею, которая, по мнению мисс Алисон, была причиной всего ее несчастья. Они в этот день, как выражалась прислуга в Деррисдире, «выходили за забор», и, по всей вероятности, они, найдя гинею, потеряли рассудок, потому что Джон Поль, вернувшись домой, не мог ничего глупее и хуже придумать, как вбежать опрометью в зал, где члены семейства сидели за столом, и закричать:

– Я сию минуту разговаривал с Тэмом Макморландом, отправившимся с мастером Баллантрэ в поход, и он сообщил мне, что за исключением его все убиты.

С минуту в комнате царило гробовое молчание, никто не решался первый произнести слово. Мистер Генри провел рукой по лбу, мисс Алисон закрыла лицо руками, а старик-лорд побледнел как мертвец.

– У меня теперь только один сын, – сказал он наконец, – и Генри, скажу тебе откровенно, что тот, который остался в живых, лучший из них.

Со стороны лорда было довольно странно сделать Генри в такую минуту подобное признание, но старик никак не мог забыть упрек, который относительно старшего брата сделал ему его младший сын, а так как он чувствовал за собой некоторую вину, то он надеялся на то, что он, похвалив Генри, несколько загладит свою вину.

Мисс Алисон, к удивлению присутствующих, ни с того, ни с сего набросилась сначала на старика-лорда, упрекая его за произнесенные им только что слова, затем на мистера Генри за то, что он относится так спокойно к известию о том, что брат его убит, а в заключение засыпала саму себя упреками за то, что она поссорилась с Джемсом накануне его отъезда. Она ломала свои руки, кричала, звала Джемса по имени и ясно выказывала свою любовь к умершему, так что вся прислуга, глядя на нее, приходила в изумление.

Мистер Генри встал и ухватился рукой за спинку своего стула. Теперь он был бледен как полотно.

– Ага, – вскрикнул он вдруг, – я, стало быть, не ошибся, что вы его любите!

– Слава Богу! Весь свет знал об этом! – закричала мисс Алисон и, не спуская глаз с мистера Генри, сказала: – Но вот чего никто другой, кроме меня, не знает, так это то, что вы в вашем сердце соперничали с ним.

– Да, одному Богу это известно, – сказал мистер Генри и с сердцем добавил: – Вы и я, мы оба любили напрасно.

После только что описанного печального события прошло довольно много времени. Все в доме шло своим обыкновенным порядком, ни в чем не было заметно перемены, за исключением того, что прежде за обеденным столом сидело четыре человека, а теперь сидело только трое.

Так как деньги мисс Алисон были лорду необходимы, то вскоре после того, как он получил известие о смерти старшего сына, он задался мыслью женить на ней младшего. Сидя у камина и перелистывая какую-нибудь латинскую книгу, он изо дня в день беседовал с мисс Алисон о мистере Генри и смотрел на нее так ласково, что на него самого приятно было смотреть. Когда она плакала, он утешал ее и разговаривал с ней о печальных событиях, которые происходили с ним во времена его молодости; когда она начинала сердиться и кричать, он делал вид, будто собирается читать, и действительно углублялся в чтение, предварительно, впрочем, извинившись перед ней за то, что он позволяет себе при ней читать; когда она предлагала ему в подарок свои деньги, как она делала это часто, он отказывался и старался доказать ей, что если бы даже он согласился на это, мистер Генри никогда не примет от нее этих денег, так как он слишком горд. Его любимая фраза была: *non vi sed saepe cadendo*, и его спокойствие и вместе с тем систематическое преследование намеченной себе цели привели к известным результатам: молодая девушка делалась откровеннее, менее сдержанна и поддавалась влиянию своего родственника. Это было вполне естественно, так как он с самого детства заменял ей отца и мать, и поэтому не мудрено, что она питала к нему расположение. Так как в жилах ее также текла кровь Дьюри-Деррисдиров, то неудивительно, что она готова была пожертвовать большей частью своего состояния для того, чтобы поместье Деррисдир достигло своего прежнего блеска. Она делала со своей стороны все, что могла, чтобы поместье это процветало: сколько бы ни требовалось денег, она никогда не отказывала в них. Не думаю, однако, чтобы самопожертвование ее дошло до того, что она решилась бы выйти замуж за моего бедного патрона, мистера Генри, если бы, как это ни странно, она не принуждена была сделать это ради того, чтобы помочь ему приобрести популярность и любовь своих крестьян, которой он чуть было совсем не лишился.

Виной всему этому был Тэм Макморланд. Тэм был не таким дурным человеком, каким он казался, но у него был один огромный недостаток, который причинял и ему, и другим вред, а именно: он не мог держать язык за зубами. Так как он был единственный человек, отправившийся из этого поместья в поход, или, вернее, единственный, вернувшийся из похода живым, то вполне понятно, что к нему обращались с вопросами о том, что происходило во время похода, как и кто дрался и прочее. Любопытных было много.

Странно, но я много раз замечал, что те, которые проигрывают сражение, желают непременно доказать, что их предали или обманули. Тэм старался доказать то же самое. Их предали при Дерби и при Фолкирке, ночной поход не удался вследствие предательства лорда Джорджа, а при Куллодене они должны были сдать, из-за предательства Макдональдов. Разговоры об этих предательствах не прекращались, простой люд только и толковал об этом и, наконец, начал впутывать в свои рассказы мистера Генри. Мистер Генри, как уверяла толпа, обманул молодых людей, отправившихся в поход: он обещал им собрать отряд и прийти к ним на помощь, а вместо этого отправился к королю Джорджу.

– И вскоре после этого, – оканчивал обыкновенно Тэм свой рассказ, – мой бедный добрый сэръ и бедные добрые юноши, отправившиеся с ним в поход, были преданы, а как только они перескочили через утес, Иуда, предавший их, исчез. Но все равно, хотя мой бедный сэръ и превратился в холодный труп и лежит в земле под кустом вереска, он остается все-таки моим сэром.

И при этих словах Тэм, как будто он выпил лишнее, принимался обыкновенно плакать.

Известное дело, что, когда люди долго и много говорят все об одном и том же, им в конце концов начинают верить.

Слухи о неблагородном поведении мистера Генри начали постепенно распространяться все дальше и дальше, по всему поместью, а затем даже и за пределы его. Недоброжелатели его и необразованные, глупые люди с жадностью ухватились за эту тему для разговора. Сплетни о предательстве и измене мистера Генри не прекращались. Сначала с мистером Генри старались не встречаться, затем при появлении его мужчины между собой начали бормотать и о чем-то шептаться, женщины же, как более храбрые люди, потому что они знают, что они менее ответственны за свои поступки, не стесняясь, начали осыпать его прямо в лицо упреками. О мастере Баллантрэ говорили чуть ли не как о святом.

О нем вспоминали как о человеке, который никогда не притеснял подчиненных ему людей. Он действительно вел несколько бурный образ жизни, говорили люди, бросал без толку деньги и кутил, но это гораздо лучше, чем быть скрягой и низким человеком, как «иные», и притеснять бедных ленников.

Дошло до того, что, когда мистер Генри проезжал как-то по дороге, женщина, бывшая в близких отношениях с его братом и имевшая от него ребенка, но, несмотря на это, не получившая от него никакого вознаграждения, бросила проезжавшему мимо нее мистеру Генри камень прямо в лицо и закричала:

– Скажи мне, где мой веселый, молодой возлюбленный?

Мистер Генри подтянул поводья, и в то время, как кровь потекла из его раненой губы, взглянул на женщину и ответил:

– Ах, это ты, Джесс? И ты туда же. А я думал, что ты меня лучше знаешь.

– Что ты сделал с ним?

Она бросила в него камень, тогда как он, именно он помог ей деньгами, когда она была в нужде.

Она подняла с земли второй камень, чтобы швырнуть его также в мистера Генри. Тот для того, чтобы защититься, поднял руку, в которой он держал хлыст.

– Как вы решаетесь бить меня, меня, беззащитную девушку! – закричала Джесси и бросилась бежать, крича при этом так громко и жалобно, как будто мистер Генри ударил ее.

На следующий день после этого по всему поместью прошла молва о том, что мистер Генри побил Джесси Броун, и так сильно, что она чуть-чуть не умерла.

Я рассказываю об этом факте нарочно, чтобы показать, до какой степени клевета может распространяться и до каких гигантских размеров она может пойти. Вскоре о моем бедном мистере Генри рассказывали уже столько небылиц и ему до такой степени испортили репутацию, что он не желал даже больше выходить из дому и, подобно своему отцу, целыми днями просиживал в комнате.

Несмотря на все неприятности, которые мистеру Генри приходилось переносить, он отцу ни на что не жаловался; он не желал говорить об этом с лордом, так как причина, из-за которой неприятности возникли, была чересчур печальна. Его обвиняли в подлом поступке, а он был слишком горд, чтобы жаловаться или оправдываться, а когда он не желал о чем-нибудь говорить, то обладал удивительной способностью молчать.

Я уверен, что старик-отец слышал о толках, которые ходили о его сыне; не может быть, чтобы Джон Поль или кто-нибудь другой не сообщил ему об этом, кроме того, он, наверное, заметил перемену в образе жизни мистера Генри, но он также не говорил об этом с сыном. По всей вероятности, он не знал, что ненависть простого народа к мистеру Генри дошла уже до невозможных пределов, иначе он непременно вмешался бы в это дело.

Что касается мисс Алисон, то она никогда не слушала новостей, и если какая-нибудь новость и доходила до нее, весьма мало интересовалась ею.

Как раз во время самого разгара этих неприятных действий против мистера Генри, которые возникли так же скоро, как они впоследствии прекратились, в Деррисдир пришла весть о том, что в городе С.-Брайде, стоящем на реке Свифте, ближайшем от Деррисдира

городе, назначено экстренное собрание важнейших представителей государства. Поводом к этому собранию послужил, если я не ошибаюсь, слух о каком-то готовящемся в ближайшем будущем мятеже. Говорили, что собрание это будет бурное, что оно не кончится раньше ночи, и шериф распорядился даже, чтобы к этому дню в С.-Брайд был вызван из Демфриса отряд солдат.

Старик-лорд решил, что сын его Генри непременно должен отправиться на это собрание, уже ради того, чтобы поддержать честь семейства Деррисдиров.

– Если ты будешь отсутствовать, – сказал милорд, – то могут подумать, что мы в нашей стране не имеем никакого значения.

– Обязанность, которую вы возлагаете на меня, отец мой, я, к сожалению, не могу взять на себя, – ответил мистер Генри, – так как, скажу вам всю правду, я не могу показаться перед народом, чтобы не наткнуться на грубость и неприятности.

– Вы первый из этого семейства, который вынужден признаться в том, что его ненавидят! – закричала мисс Алисон.

– В таком случае мы поедem в город втроем, – сказал милорд и в первый раз в течение четырех лет велел подать себе сапоги.

Джон Поль до такой степени отвык обувать лорда, что с трудом напялил на него сапоги. Мисс Алисон надела свой костюм для верховой езды, и они все трое поехали верхом по дороге в С.-Брайд.

Дорога была полна разного шатавшегося народа. Как только толпа увидела мистера Генри, она принялась свистеть, орать и горланить во все горло: «А, Иуда, куда ты дел мастера Баллантрэ? Скажи, где бедные молодые люди, которые отправились в поход вместе с ним?»

Кто-то решился даже бросить в мистера Генри камень, но толпа набросилась на злоумышленника и пристыдила его, указывая на ехавших рядом с ним старика-лорда и мисс Алисон.

Не прошло и десяти минут с тех пор, как лорд выехал, как он уже убедился в том, что мистер Генри был прав и что ему не следовало показываться на улице. Он не сказал ни слова, но повернул лошадь и, опустив голову на грудь, уехал с сыном и родственницей обратно домой.

Мисс Алисон также не сказала ни одного слова, но мысли ее, без сомнения, были сильно заняты только что случившимся происшествием. Гордость ее страдала, так как и она была из рода Дьюри, и ей было жаль ее родственника, с которым так несправедливо и грубо обращались.

Всю следующую после этого события ночь она провела без сна.

Ее за многое нельзя было не осуждать, но за то, что она в эту ночь так страдала, ей можно было простить ее прежние несимпатичные поступки.

Когда настало утро, она первым делом отправилась к старику-лорду и, усевшись рядом с ним на свое обычное место, сказала:

– Если Генри все еще любит меня, то я согласна выйти за него замуж. – К мистеру Генри она обратилась со следующими словами: – Любви, Генри, я дать вам не могу, но Бог свидетель, я от всей души жалею вас.

Первого июня 1748 года они повенчались. В декабре этого самого года я в первый раз переступил порог дома лорда Деррисдира, и все, что после этого дня случилось в этой семье, произошло при мне, я очевидец всего происшедшего.

Глава II

Перечень событий

(Продолжение)

В холодный туманный день в конце декабря я оканчивал путешествие, которое предпринял. Кто мог быть моим проводником во время этого путешествия, если не Пэти Макморланд, брат Тэма! Несмотря на то, что это был десятилетний мальчишка, он рассказал мне такое множество грязных сплетен, каких я в жизни еще никогда не слышал. Он заимствовал их, очевидно, у своего брата. Я в то время был еще молодым человеком и поэтому не мудрено, что мое любопытство было сильнее гордости. Я желал бы видеть человека, который, странствуя долго и в такую холодную погоду, не заинтересовался бы рассказами о людях, живших или живущих в той стране, в которой он сам собирается жить, тем более, когда ему показывают даже те места, где то или другое событие случилось.

Пока мы проходили мимо болота, я наслушался уже вдоволь рассказов о том, что случилось в Клавергаузе, а когда мы очутились на опушке леса, я знал уже множество чертовских рассказов. Когда мы прошли мимо аббатства, я слушал рассказы о старых монахах и свободных торговцах, которые поселились в его развалинах и устроили там себе кладовую. Чтобы легче сбывать свои товары, торговцы эти поселились на расстоянии пушечного выстрела от поместья Деррисдир. О жителях же этого поместья, а в особенности о бедном мистере Генри мальчишка рассказывал мне больше всего и говорил он о них только дурное.

Слушая рассказы мальчугана, я получил такое сильное предубеждение против семейства, которому я собирался служить, что был крайне удивлен, когда я увидел перед собой, под Аббатским холмом, пресимпатичное поместье, расположенное на берегу защищенного от ветра залива. Поместье это и было поместьем лорда Деррисдира. Дом, в котором жил лорд, был выстроен во французском или итальянском стиле, я не знаток в этом деле, и производил очень хорошее впечатление, а окружен он был такими роскошными садами, лужайками и кустарниками, каких я никогда еще не видел.

Содержание этих роскошных садов и цветников требовало больших расходов, и деньги эти могли бы быть употреблены с большей пользой для семейства, если бы их потратили на то, чтобы выкупить поместье.

Мистер Генри сам вышел ко мне навстречу, чтобы приветствовать меня. Это был высокий, темноволосый молодой человек (все Дьюри-Деррисдир были брюнеты), с открытым, но невеселым лицом, атлетического телосложения, но, кажется, не особенно крепкого здоровья. Он, нисколько не гордясь, взял меня за руку и, ласково разговаривая со мной, втянул меня вслед за собой в дом. Он не дал мне даже снять моих дорожных сапог, а повел меня прямо в зал и представил меня своему отцу.

Было еще светло, и первое, что мне в комнате бросилось в глаза, был ромб из белого стекла в середине щита, нарисованного на раскрашенном окне, который, как мне казалось, портил впечатление, производимое красивым, роскошным залом с висящими на стенах портретами, раскрашенными потолками и высеченным из мрамора камином, у которого милорд сидел и читал своего «Ливия».

У него было такое же открытое лицо, как и у его сына, мистера Генри, но он был только несколько худощавее и еще любезнее.

Он, как мне помнится, задал мне множество вопросов, осведомился у меня относительно Эдинбургской коллегии, где я кончил курс, и расспрашивал меня о различных профессорах, с которыми, равно как и с их специальностью, он был, как я заметил, хорошо знаком, и, таким

образом, я, разговаривая с ним о хорошо известных мне предметах, в самом скором времени почувствовал себя на новом месте как дома.

В то время, как мы разговаривали, в комнату вошла миссис Генри. С первого взгляда она показалась мне не особенно красива, вероятно, вследствие того, что была очень полна, так как в скором времени ожидала пополнения семейства. Она была со мной также очень любезна, но держала себя более гордо, чем другие. Во всяком случае, в неприветливости ее упрекнуть нельзя было, и поэтому я почувствовал к ней также известного рода симпатию, хотя менее сильную, чем к лорду и мистеру Генри.

Прожив короткое время в доме лорда Деррисдира, я уже не верил ни одному из тех рассказов, которые я слышал из уст Пэти Макморланда, и я искренно привязался к семейству, в котором поселился. Эту привязанность я сохранил в моем сердце на всю жизнь. Больше всех я любил мистера Генри. С ним я постоянно работал (я был приглашен в дом лорда с той целью, чтобы помогать ему работать), и с ним заниматься было чрезвычайно приятно, несмотря на то, что он относился ко мне во время занятий довольно строго. В свободное же от занятий время он был со мной необыкновенно ласков и любезен и обращался со мной не как со своим секретарем, а как с себе равным.

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как я поступил к нему в дом в качестве секретаря, когда он, в то время как мы занимались с ним, поднял голову от бумаги, над которой он сидел, и каким-то робким голосом сказал:

– Я должен сказать вам, мистер Маккеллар, что вы работаете очень хорошо.

Это было первое слово похвалы, которой я удостоился, и с этого дня я приобрел в доме репутацию в высшей степени знающего и толкового человека. Сам мистер Генри перестал с тех пор наблюдать за моими занятиями и предоставил мне полную свободу действий, и вскоре я начал пользоваться не только его доверием, а доверием всей его семьи, и я только и слышал: «Ах, это надо поручить мистеру Маккеллару», «Ах, это сделает мистер Маккеллар, он такой умный, такой ловкий, дельный» и прочее, и прочее.

Во время своего пребывания в доме лорда Деррисдира я действительно очень часто давал членам семьи советы и, должен сказать, весьма удачные.

К мистеру Генри я чувствовал особенную симпатию, ясно было, что он был несчастлив, и поэтому я очень жалел его. Он порою целыми часами просиживал в мрачном раздумье, устремив глаза на какой-нибудь счет, лежащий перед ним, на страницу счетной книги или же в пространство. Выражение его лица делалось при этом такое печальное и такое напряженное, что, глядя на него в такие минуты, я чувствовал к нему особенное сожаление. Порою мною овладевало также любопытство: мне интересно было знать, что мучило этого человека.

Один раз как-то мы сидели с ним в его рабочем кабинете. Комната эта находилась в верхнем этаже дома. Вид оттуда был очень красивый, прямо на залив, на маленький мыс, поросший лесом, и на плоский песчаный берег. На этом берегу со своими лошадьми и товарами расположились торговцы и, освещенные заходящим солнцем, весело бегали взад и вперед.

Мистер Генри стоял у окна и смотрел на запад; насколько я мог заметить, солнце насколько не мешало ему смотреть, но, несмотря на это, он провел рукой по лбу и по глазам, как будто что-то мешало ему смотреть, и, повернувшись ко мне, улыбнулся и сказал:

– Вам, я думаю, и в голову не приходит, о чем я только что думал. Я думал о том, насколько бы я был счастливее, если бы я мог, подобно этим торговцам, бегать и ездить по свету, добывая себе этим хлеб.

Я ответил ему на это, что, насколько я мог заметить, он мучит себя совершенно напрасно мрачными мыслями, что завидовать другим людям не следует, так как неизвестно, насколько они счастливы, и указал ему даже на одно изречение Горация, где он высказывался по поводу зависти. Мне было легко найти подходящее изречение, так как я только недавно покинул коллегия и еще твердо помнил всевозможные цитаты из древних классиков.

– Пожалуй, вы правы, – ответил он. – Итак, займемся лучше снова нашими счетами.

Имея изо дня в день дело с мистером Генри, я начал понимать, что его вечно беспокоит тень мастера Баллантрэ. На самом деле, надо быть слепым, чтобы, живя в этом доме, не видеть этого. Живой или мертвый (в то время все полагали, что он мертв), человек этот был соперником своего брата: его соперником в чужой стране, так как, где бы мастер Баллантрэ ни находился, он всюду чернил брата, и его соперником на его родине и даже дома в отношении отца, жены и даже прислуги.

В доме лорда было двое старых слуг, которые принадлежали к двум различным партиям: один из них стоял за мастера Баллантрэ и был врагом мистера Генри, а другой стоял за мистера Генри и был врагом мастера Баллантрэ. Первый из них, Джон Поль, маленький, лысый и дородный человек, с крайне важным видом, богобоязненный и необыкновенно преданный слуга, страстно любил покойного мастера Баллантрэ и ненавидел мистера Генри. Никто не смел позволить себе того, что позволял себе Джон. В своей ненависти к мистеру Генри он забывался до такой степени, что осмеливался явно выказывать ему свое презрение.

Милорд и мистер Генри делали ему, разумеется, за это выговоры, но не настолько строгие, как он, по моему мнению, заслуживал, и ему стоило только скорчить гримасу, сделать вид, как будто он плачет, и начать сетовать о том, что его дорогого «барчука», как он называл мастера Баллантрэ, нет, и все дерзости ему прощались.

Что касается мистера Генри, то он по большей части не обращал внимания на дерзкие выходки Джона и отвечал ему на это лишь печальным и угрюмым взглядом. Соперничать в любви с покойным братом он не желал, а бранить или уволить старика за его преданность к покойному он не решался: у него не хватало на это энергии.

Второй старый слуга был Макконоки. Он был большой сплетник, любил клясться и божиться, вечно орал, ругался и очень часто был пьян. Когда Джон и Макконоки начинали спорить о мастере Баллантрэ и о мистере Генри, то они увлекались до такой степени, что обнаруживали даже в споре свои собственные пороки и достоинства, приписывая свои достоинства тому лицу, за которое они стояли, и свои пороки тому, которое они бранили. Макконоки очень скоро «пронюхал», что я симпатизирую мистеру Генри, и начал со мной откровенничать, отрывая меня даже порой от моих занятий.

– Вы не знаете, что это был за человек, этот хваленый мастер Баллантрэ, – говорил он. – Черт его побрал, и да будет он проклят! – кричал он. – Если бы он не родился, то мистер Генри был бы не мистером Генри, а мастером Баллантрэ, наследником поместья. Быть может, вы воображаете, что в то время, как он был жив, кто-нибудь его любил? Вовсе нет. Да и за что же? Никто не слыхал из его уст ни одного ласкового слова. Он вечно только бранился, насмехался над всеми и говорил сальности. И это джентльмен, черт бы его побрал! А что это был за безнравственный молодой человек, что за ужасный развратник, просто срам!

– Вы, быть может, слышали когда-нибудь о Вулли Уайте? Слышали? Нет? Ну, видите ли, Вулли был, как говорят, очень благочестивый человек, в высшей степени благочестивый, но, несмотря на это, я никогда не мог смотреть на него равнодушно, он всегда был мне противен. Говорят, что он время от времени позволял себе делать выговор мастеру Баллантрэ за бурный образ жизни, который он вел. Мастеру Баллантрэ надоело выслушивать замечания благочестивого Вулли, и он решил отомстить ему. Хорошее намерение, не правда ли? – спросил Макконоки, скаля зубы. – И что же он сделал? – продолжал он. – Он подкрался к дому, в котором жил Вулли, и закричал: «Бу-у!..», бросил ему в окно горящие ракеты, а в камин на горящие головешки порох. Вулли, вообразив, что к нему лезет черт, до такой степени испугался, что не мог двинуться с места, а мастер Баллантрэ все подбрасывал да побрасывал в камин порох. Наконец, Вулли взмолился и начал просить пощады, и только после того, как злодей наслаждался вдоволь мучениями своего ближнего, он оставил его в покое.

– Спросите Джона Поля, он был свидетелем этой жестокой шутки, и несмотря на то, что он души не чаял в мастере Баллантрэ, он, как христианин, возмущился этим издевательством над другим христианином.

Я спросил Макконоки, не знает ли он, чего, собственно, мастер Баллантрэ желал достигнуть, действуя таким образом.

– Где же мне знать? – ответил старик. – Мастер Баллантрэ никогда об этом не говорил. – Затем, скаля снова зубы и, по обыкновению, изрыгая проклятия и подтверждая слова своей клятвой, он бормотал себе под нос о том, что и когда происходило в этом доме и в каких дурных делах был замешан мастер Баллантрэ.

Во время одной из таких бесед Макконоки показал мне письмо, которое мисс Алисон послала мастеру Баллантрэ и которое тот выронил. На этом письме ясно виднелись следы копыт прошедшей по нему лошади.

Это была моя последняя беседа с Макконоки, так как во время ее он позволил себе отзывать о миссис Генри до такой степени гадко и непозволительно, что я решил с тех пор держать его на почтительном от себя расстоянии.

Милорд был удивительно ласков с мистером Генри, он часто благодарил его за его хлопоты по имению и за его заботливость об отце и, ласково хлопая по плечу, громко говорил:

– Он у меня добрый, хороший сын.

Милорд был человек умный и справедливый, и поэтому он не мог не признавать заслуг своего сына и был ему действительно от души благодарен. Но, насколько я мог понять, благодарность было единственное, что милорд мог дать своему сыну Генри, вся же любовь его принадлежала покойному Джемсу. Мистер Генри знал это, по всей вероятности, так же хорошо, как и я. Я же, несмотря на ласковое обращение милорда с мистером Генри, убедился в том, что он любил покойного сына больше, чем живого, совершенно случайно, по некоторым словам, которые сказал мне как-то милорд.

Старик спросил меня, ладим ли мы с мистером Генри и довольны ли мы друг другом. Я ответил ему, разумеется, правду, и сказал, что мы ладим великолепно.

– Да, да, – сказал на это милорд, поглядывая на огонь в камине, – да, да, оно и не может быть иначе, он добрый малый, он очень добрый малый. А слышали вы, мистер Маккеллар, что у меня был еще другой сын? Он был менее дельный, чем его брат, и, быть может, менее нравственный, но я любил его, очень любил. Он умер. Но когда он был жив, мы все гордились им, очень гордились. Если б он не погиб, то из него, наверное, вышел бы удивительный человек, я уверен в этом... и все любили его больше, чем мистера Генри. – Последние слова он сказал, устремив грустный, задумчивый взгляд на пылавший в камине огонь. Затем, помолчав с минуту, он обратился ко мне и с некоторой живостью сказал: – Впрочем, я рад, я чрезвычайно рад, что вы в хороших отношениях с мистером Генри, он вас никогда не обидит.

С этими словами он открыл книгу, которую держал в руках, и это было признаком, что он не желает больше разговаривать.

Но едва ли милорд читал со вниманием и едва ли он понимал, что читал. Мне кажется, что его мысли, равно как и мои, были заняты сражением при Куллодене и смертью мастера Баллантрэ.

После этого разговора с милордом в сердце моем зародилось неприязненное чувство к старику-отцу, любившему недостойного сына больше достойного, и я стал питать даже некоторую злобу на умершего мастера Баллантрэ. Моя привязанность к мистеру Генри была настолько велика, что я сердился на тех, которые его не любили.

Скажу теперь несколько слов о миссис Генри. Быть может, я буду судить ее строже, чем она этого заслуживает, не знаю, пусть читатель решит этот вопрос, когда прочтет эту книгу, но мне кажется, что мое суждение беспристрастно.

Но раньше, чем писать о миссис Генри, я должен упомянуть об одном маленьком эпизоде из моей жизни в доме лорда, благодаря которому я сблизился еще больше с его семьей и сделался его поверенным, а также и поверенным его сына.

Я находился приблизительно с полгода в семействе лорда Деррисдира, когда Джон Поль заболел и слег в постель. По моему мнению, он заболел от пьянства, но те, которые ухаживали за ним, уверяли, что он ничего и в рот не берет, и смотрели на него чуть ли не как на святого, поэтому я, не имея никаких доказательств истины моих предположений, молчал и не говорил о том, что я думал. На третье утро после того, как Джон заболел, мистер Генри вошел ко мне в комнату и, глядя на меня каким-то смущенным взглядом, сказал:

– Маккеллар, не можете ли вы оказать мне маленькую услугу? Видите ли, мы платим одной особе пенсию, и Джон обыкновенно относит эту пенсию той личности, которая получает ее от нас, но так как Джон болен, то я решительно не знаю, кому мне дать это поручение, в случае, если бы вы отказались его исполнить. Дело это семейное, и я могу поручить исполнение его только такому человеку, которому я доверяю. Я снес бы эти деньги сам... но в силу некоторых обстоятельств я не могу это сделать. Макконоки болтун, его я также послать не могу, а между тем у меня есть причина... я не послал бы... ну да, я не желал бы, чтобы об этом узнала моя жена.

Сказав эти слова, он сильно покраснел.

Когда я узнал, что мне поручают отнести пенсию какой-то простой девушке, по имени Джесси Броун, я подумал, что мистер Генри, так сказать, «вознаграждает» ее за свои бывшие грешки, и поэтому, когда мне стало известно, что он расплачивается за грехи другого, я крайне удивился.

Дом, в котором жила Джесси Броун, находился в маленькой отдаленной улице С.-Брайда. Улица эта была довольно пустынная и была населена преимущественно торговцами. Перед самым входом в дом стоял человек с повязанной головой, а неподалеку от дома находилась харчевня, из которой, несмотря на то, что не было еще девяти часов утра, раздавались шум, гам и гиканье пьяных парней.

Никогда в жизни я не видел еще так рано поутру такой противной картины, свидетельствовавшей о пьянстве и разгуле; даже в таком большом городе, как Эдинбург, мне не случилось этого видеть, и я готов был бежать из этой части города, до такой степени мне неприятно было оставаться там.

Комната, в которой жила Джесси, была настолько же грязна и неприветлива, как и вся обстановка, которая ее окружала, и сама она имела такой же грязный и к тому же растрепанный вид.

Она не соглашалась дать мне расписку в получении денег (мистер Генри был чрезвычайно аккуратен и поручил мне потребовать с нее расписку), раньше чем я не согласился выпить вина и чокнуться с ней, и в продолжение всего времени, которое я пробыл там, она держала себя удивительно развязно, корчила из себя то важную барыню, то бойкую, чрезмерно веселую поселянку и ни на минуту не переставала заигрывать и кокетничать со мной. Мне положительно противно было смотреть на нее.

Когда я передал ей деньги, она приняла трагический вид и сказала:

– Ага, это те деньги, которыми желают заглавить кровавое преступление! Это деньги крови. О, если бы только мой молодой, веселый барин был жив, все было бы совершенно иначе! Но он убит, он лежит в земле, под холмом. Мой бедный веселый барин!

Повторяя «мой бедный веселый барин», она принялась кричать, и в то время, как она, подняв руки и выворачивая глаза, устремила их в пространство, она производила впечатление актрисы, крайне неестественно исполнявшей свою роль. По всей вероятности, она видела игру какой-нибудь актрисы и теперь подражала ей.

Ее жалобы ничуть не трогали меня, а когда она, взяв в руку расписку, энергичным движением подписала свое имя и, воскликнув: «Вот вам!», швырнула мне ее и затем разразилась площадными ругательствами, я почувствовал к ней прямо-таки отвращение. Слушать, как из уст женщины выходили подобные неженственные слова и как она называла моего патрона Иудой-предателем, который послал меня к ней, было мне до такой степени противно, что я поспешил оставить дом, в котором она жила. В первый раз в жизни я слышал, как мистера Генри называли Иудой, и я был поражен нахальством этой отвратительной женщины.

Я уж совсем собрался уходить, а она все еще не переставала ругаться, так что я под градом ругательств, словно собака под дождем палочных ударов, вынужден был дойти до того места, где стояла моя лошадь.

Даже тогда, когда я садился уже на лошадь и собирался отправиться в путь, Джесси все еще не могла успокоиться и, высунувшись из окна, посылала мне вслед ругательства, в то время как вышедшие из харчевни торговцы осыпали меня насмешками. Один из них натравил на меня злую, но небольшую собаку, и та укусила меня за ногу.

Это был для меня хороший урок избегать в будущем дурного общества, хотя в том, что я попал в это общество, в этот раз я вовсе не был виноват. Страдая от боли в ноге и в самом дурном расположении духа, я отправился домой.

Когда я вернулся домой, мистер Генри был в своем рабочем кабинете. Казалось, будто он очень занят делами, но по выражению его лица я тотчас убедился, что мысли его были заняты вовсе не работой, и что он был встревожен.

– Хорошо, что вы вернулись, – сказал он мне, когда я вошел к нему, и тотчас спросил меня, как Джесси приняла меня.

Я рассказал ему обо всем, что произошло, и сказал, что, по моему мнению, Джесси дерзкая и неблагодарная женщина, не застуживающая, чтобы о ней заботились.

– Да, Джесси относится ко мне крайне недружелюбно, – сказал мистер Генри, – да и, говоря откровенно, мистер Маккеллар, я не могу похвастаться тем, что у меня много друзей. А Джесси имеет основание питать ненависть к нашему семейству. Я не могу скрывать то, что знает весь свет: один из членов нашей семьи обманул ее. – Это было в первый раз, когда он вскользь намекнул о поведении своего брата; намек этот, по-видимому, невольно сорвался у него с языка, потому что он тотчас прибавил: – Забудьте о том, что я сказал, пусть это останется между нами. Мне не хотелось бы, чтобы об этом говорили, так как это будет неприятно миссис Генри... и моему отцу.

При этих словах он покраснел так же сильно, как в ту минуту, когда он дал мне поручение.

– Мистер Генри, позвольте мне дать вам добрый совет, – сказал я. – Не давайте денег этой женщине. Ну, согласитесь сами, надолго ли ей хватит вашей пенсии? Такого рода женщины, как она, не знают цены деньгам. Она протранжирует все, что вы ей прислали, в один день. И вы воображаете, что она будет вам благодарна? Вовсе нет. Вы благодарности от нее никогда не добьетесь. Ваша щедрость не приведет ни к каким результатам, за исключением разве того, что ваших посланных будут травить собаками, и те будут кусать им ноги.

Мистер Генри улыбнулся.

– Мне чрезвычайно жаль, что вас укусила собака, – сказал он тоном искреннего сожаления.

– Имейте в виду, что то, что я говорю вам, суцая правда, – сказал я, – я сам был свидетелем, что это за безнравственная, скверная женщина. Сначала, когда я увидел ее, она также показалась мне жалкой, но когда я понял, что это за личность, я почувствовал к ней отвращение.

– Она, безусловно, падшая женщина, – сказал мистер Генри, – а так как мне известно, что виною ее первого падения был член нашей семьи, то я считаю своей обязанностью ей помочь. Хотя я мало говорю о своем семействе, я все-таки забочусь о его репутации.

Сказав это, он замолчал. Это был первый интимный разговор, который мы с ним вели.

В тот же день после обеда я имел случай убедиться в том, что отцу мистера Генри отлично известна любовная интрига сына с Джесси Броун, и что если мистер Генри секретничал, так только из-за своей жены.

– Вы исполнили сегодня весьма неприятное поручение, – сказал милорд, обращаясь ко мне, когда я вошел к нему, – и я считаю долгом поблагодарить вас за вашу любезность, тем более, что исполнение подобных поручений отнюдь не входит в число ваших обязанностей. В то же время я обязан предупредить вас, в случае, если мистер Генри этого не сделал, что мне крайне желательно, чтобы моя невестка не узнала об этом ни слова. Разочароваться в своем мнении о живых неприятно, а знать, что честь покойного чем-нибудь запятнана, вдвойне неприятно.

Слова милорда возбудили в душе моей гнев. Я готов был сказать ему в лицо, как дурно он поступает, что старается поддерживать в миссис Генри фальшивое убеждение в непорочности ее бывшего идола. С этой минуты я ясно понял, какого рода отношения существовали между миссис Генри и ее мужем и кто был дорог ее сердцу.

Написать рассказ о виденных или слышанных мною событиях я могу, но в точности передать все мелочи семейной жизни, передать интонации голосов, выражение взглядов и малейшие движения души мистера Генри и его супруги не берусь, так же как не могу на какой-нибудь страничке ясно изложить все малейшие подробности восемнадцатимесячной совместной жизни двух супругов. Могу сказать, что в том, и в этом супружестве не было согласия, виновата была миссис Генри. Она воображала, что, выйдя замуж за мистера Генри, совершила удивительный подвиг, и играла роль какой-то мученицы. К сожалению, в этой совершенно неправильной мысли милорд поддерживал ее. Она считала за особенное достоинство со своей стороны, что она, будучи замужем за мистером Генри, все еще питала любовь к его покойному брату, и хвасталась своим постоянством.

В этом отношении милорд, опять-таки к крайнему сожалению, также поддерживал ее. По всей вероятности, он рад был, что мог разговаривать с кем-нибудь о своем любимом сыне и сетовать о своей потере, тем более, что с мистером Генри он не решался говорить о нем и восхвалять достоинства покойного, которых вовсе не существовало. Кончилось тем, что милорд и миссис Генри образовали как бы оппозиционную партию против мистера Генри, и мистер Генри был словно исключен из своего собственного семейства.

Лорд Деррисдир имел привычку, как только он кончал обедать, подсесть к камину и выпить стаканчик вина. Когда миссис Генри была еще девицей, она обыкновенно брала скамеечку и в то время, как милорд выпивал свое вино, усаживалась у его ног и болтала с ним. То же самое она продолжала делать после того, как вышла замуж за мистера Генри.

Если бы мне не было обидно за мистера Генри, то я, быть может, любовался бы, глядя на старика-лорда, так ласково беседовавшего со своей дочерью, но так как я любил своего патрона, то не мудрено, что с виду крайне привлекательная картина возбуждала в моем сердце лишь одно негодование. Случалось, что мистер Генри, вооружившись мужеством, присаживался к жене и милорду, но те, хотя и не решались выслать его, говорили с ним таким принужденным тоном и так неестественно улыбались, что он, ясно сознавая, что они, стараясь быть с ним любезны, делают над собой усилие, спешил уйти от них и перейти в тот конец комнаты, где находился я. Зал был до такой степени велик, что оттуда, где мы сидели, невозможно было слышать, что лорд и миссис Генри говорили, и до нашего слуха доносилось лишь непонятное бормотание.

Тут он сидел и прислушивался к бормотанью, а я сидел рядом с ним и также прислушивался, и когда время от времени милорд грустно покачивал головой и клал свою руку на голову миссис Генри, или же она клала свою голову к нему на колени, как бы желая оказать ему особенную ласку, или же когда они смотрели друг на друга глазами, полными слез, мы могли быть уверены, что разговор перешел на любимую тему и что тень покойного витала в той комнате, где мы находились.

Порой я сердился на мистера Генри за то, что он переносил так терпеливо все выходки своей жены, но когда я узнал, что она вышла за него замуж только из жалости к нему, я понял, почему он не позволял себе выражать какие-либо претензии.

Да на самом деле, мистеру Генри крайне трудно было настаивать на чем бы то ни было. Я помню, например, такой случай.

Мистер Генри заметил, что в одном из окон дома цветное стекло загрязнилось, и сообщил своей жене, что он намерен заменить это стекло. Как оказалось, окно это, с разноцветными стеклами, особенно нравилось покойному мастеру Баллантрэ, и поэтому миссис Генри при одном намеке на то, что в том окне, которое нравилось брату ее мужа, муж ее желает что-либо изменить, покраснела от злости и закричала:

– Я удивляюсь, как вы осмеливаетесь даже думать об этом!

– Да, я действительно удивляюсь самому себе, – ответил мистер Генри с такой горечью в голосе, какой я никогда еще у него не слышал.

Разговор этот происходил за обедом, и, к счастью, старик-лорд вмешался в спор супругов и начал беседовать о чем-то другом, так что к концу обеда, как я воображал, мистер Генри и миссис Генри забыли о первоначальной теме разговора. Но на самом деле это было не так. После того, как мы встали из-за стола, милорд по обыкновению уселся со своей невесткой у камина, а мы с мистером Генри на другом конце комнаты, и оттуда мы видели, как миссис Генри, положив голову на колени милорда, горько плакала.

Мистер Генри принялся разговаривать со мной по поводу различных хозяйственных вопросов. Он почти никогда не говорил со мной иначе, как о письменных или хозяйственных делах, и вообще был плохим собеседником, но в этот день он разговаривал много и довольно оживленно и при этом не отрывал своего взгляда от жены и отца, сидевших у камина, и голос его звучал совсем иначе, чем обыкновенно, хотя нельзя сказать, чтобы в нем было более веселости.

Стекло в окне не заменили, мистер Генри не решился заменить его, хотя я уверен, что его самолюбие страдало от этого нового поражения.

Но, несмотря на все поражения, которые он терпел, он оставался в обращении с женой все таким же терпеливым и даже любезным. Я сказал бы, слишком любезным. Если бы я был женат и моя жена позволила бы себе обращаться со мной с таким пренебрежением, то моя гордость возмутилась бы против такого поведения; мистер Генри же, кажется, считал за счастье, что она смотрит на него как на своего раба. Она держала его в подчинении, поступала с ним как с ребенком: она то звала его к себе, то отгоняла его, то бранила его, то прощала, то обращалась с ним холодно, но любезно, то делала ему выговоры, уязвляла его и прикидывалась оскорбленной. Когда она считала нужным прибегать к строгости, она смотрела на него холодным взглядом, и он, понимая значение этого взгляда, тотчас подчинялся ей; когда же она находила нужным быть ласковой, то она умела прикинуться такой внимательной и любезной, как будто за время своего замужества только и делала, что расточала свои ласки.

Но, несмотря ни на какие выходки с ее стороны, он оставался любящим и нежным мужем. Любовь к ней ясно выражалась в его глазах, и он любил ее так сильно, что, как очень многие говорили, ему была дорога даже та земля, по которой она ступала.

Когда миссис Генри собиралась произвести на свет ребенка, она потребовала, чтобы муж в продолжение всего времени, пока это происходило стоял у изголовья ее кровати и несмотря

на то, что, как мне говорили, он, глядя на ее страдания, бледнел как полотно, что пот градом лил с его лица, и он, не зная, что ему делать, скомкал свой носовой платок и свернул его в шарик величиной с ружейную пулю, он не смел отойти от постели раньше, чем не родилась его дочь, Катарин. После этого он в продолжение нескольких дней не мог выносить вида ребенка, да и впоследствии никогда не чувствовал к нему той нежной отцовской привязанности, которую он чувствовал бы, если бы не присутствовал при его рождении и не видел бы, какие страдания причиняло его появление на свет любимой им женщине.

Вот как обстояли дела в семействе лорда Деррисдира до 7 апреля 1749 года, до дня, положившего начало событиям, разбившим столько сердец и погубившим столько жизней.

В этот день я незадолго до ужина сидел в своей комнате, когда Джон Поль, не потрудившись, из вежливости, даже постучать, вбежал ко мне и сообщил мне, что пришел какой-то господин и желает непременно видеть секретаря. При слове «секретарь» он насмешливо улыбнулся.

Я спросил, что это за человек и как его зовут, и таким образом узнал, почему Джон Поль пришел в такое дурное расположение духа. Как оказалось, незнакомец не желал назвать себя по имени, и это страшно оскорбило мажордома.

– Хорошо, – сказал я, слегка улыбаясь, – я пойду и спрошу его, что ему нужно.

Я вышел в приемную и увидел там толстого, коренастого мужчину, закутанного в дорожный плащ и, по-видимому, вернувшегося из далекого путешествия. Неподалеку от него, с открытым от удивления ртом, стоял Макконоки и, потирая подбородок, смотрел на незнакомца, который, со спущенным на лицо капюшоном, ждал моего появления.

Как только он увидел меня, он подошел ко мне и заискивающим тоном сказал:

– Мой дорогой сэр, тысячу раз извиняюсь, что потревожил вас, но я нахожусь в крайне неловком положении. Мне дано поручение, исполнение которого доставляет мне некоторое затруднение, потому что... потому что... Но надеюсь, что вы, сэр, живя в доме лорда и неся на себе даже некоторую ответственность, не относитесь враждебно к какой бы то ни было партии? Я, по крайней мере, так полагал, и поэтому и осмелился обратиться к вам.

– Вы можете быть совершенно спокойны, – сказал я, – тот, кто переступил порог дома лорда Деррисдира, не рискует ничем, к какой бы партии он ни принадлежал.

– Я был в этом уверен, я был в этом уверен, – сказал незнакомец, – иначе бы я не решился явиться сюда. Видите ли, в чем дело. Ко мне нынче утром на корабль явился человек, фамилию которого я теперь не могу припомнить, но весьма достойный, хороший человек, могу вас уверить в этом, и попросил меня исполнить одно поручение. Человек этот, явившись ко мне, рисковал даже своей жизнью, и я должен сказать вам откровенно, мистер... мистер... виноват, я забыл вашу фамилию, я помню только, что фамилия крайне благозвучная... ну, одним словом, с моей стороны был также большой риск, что я взял на себя это поручение и явился сюда. Моя жизнь много раз была в опасности, могу вас уверить, и я не боялся за нее, но потерять ее из-за чужого, поручения было бы неприятно. Итак, видите ли, во время сражения при Карлейле я видел одного молодого человека, сына...

– Продолжайте, продолжайте, – сказал я, заметив, что он, взглянув на Макконоки, запнулся, – вы можете говорить вполне откровенно, он вас не выдаст.

– Очень приятно, чрезвычайно приятно это слышать, – сказал незнакомец, – тем более, что я должен сообщить вам мою фамилию, а я знаю, что здесь, в Шотландии, люди, носящие эту фамилию, не пользуются симпатией. Но во всяком случае от вас, от такого джентльмена, как вы, я не желаю ее скрывать и шепну вам ее на ухо: меня зовут Фрэнсисом Бурке, я полковник Бурке, и я, рискуя своей жизнью, приехал сюда, чтобы видеть ваших господ. Извините меня, мой дорогой сэр, за то, что я беспокою вас, но будьте так любезны отправиться к вашим господам и передать им, что полковник Бурке явился к ним, что он привез им от одного джентльмена письма, которые доставят им большую радость.

Полковник Бурке принадлежал к числу ирландцев, составлявших свиту принца. Бурке были известные мятежники, и их в Шотландии ненавидели. Мне представилось поведение старшего сына лорда. Весьма естественно, что шотландцы были крайне удивлены, когда услышали, что мастер Баллантрэ присоединился к свите принца. В то время, как я думал еще об этом, предчувствие истины запало вдруг в мою душу.

– Подождите здесь, – сказал я, отворяя дверь соседней комнаты, – я передам лорду то, что вы мне поручили.

– Очень любезно, очень любезно с вашей стороны, мистер... мистер... Как ваша фамилия? – сказал полковник.

Я быстро поднялся по лестнице и вошел в комнату, где находились милорд, мистер и миссис Генри. Милорд сидел на своем обычном месте у камина, миссис Генри сидела у окна и работала, а мистер Генри, как он делал это часто, ходил взад и вперед по комнате. Посреди комнаты стоял накрытый для ужина стол.

Я вкратце сообщил им о том, что я слышал. Милорд как бы в изнеможении прислонился к спинке кресла, а миссис Генри совершенно машинально вскочила с места. Она и муж ее взглянули друг на друга странным, враждебным взглядом, и в то время, как глаза их встретились, они оба побледнели как полотно. После этого мистер Генри повернулся ко мне и, не говоря ни слова, указал только пальцем на дверь. Я понял, чего он желал, и бросился бежать за полковником.

Когда я в сопровождении полковника вернулся в комнату, я застал милорда, его сына и невестку все в тех же самых позах, в каких они находились, когда я ушел; я уверен, что никто из них во время моего отсутствия не проронил ни слова.

– Милорд Деррисдир, не правда ли? – спросил полковник, кланаясь.

Милорд ничего не ответил, но также поклонился.

– А это, по всей вероятности, нынешний наследник поместья Баллантрэ? – спросил полковник.

– Я никогда не считал себя наследником, – ответил мистер Генри, – я Генри Дьюри.

После этого полковник обратился к миссис Генри и, прижав руку, в которой он держал шляпу, к сердцу и особенно низко и почтительно кланаясь, сказал:

– Не может быть сомнения в том, что я имею честь видеть перед собой обворожительную мисс Алисон, о которой я так много слышал. Такая чудная фигура и такое прелестное личико могут принадлежать только ей.

Муж и жена снова обменялись взглядами.

– Я миссис Генри Дьюри, – ответила она, – урожденная Алисон Грем.

В эту минуту милорд встал со своего места и сказал:

– Я старик, полковник Бурке, и старик слабый, болезненный, и поэтому я прошу вас не мучить меня, а сообщить мне поскорее то, что вы хотите мне сообщить. Быть может, вы принесли мне известие о моем... о моем... – он не решался выговорить слово, но затем совершенно изменившимся голосом произнес: – о моем сыне.

– Мой дорогой лорд, – ответил Бурке, – я отвечу вам коротко и ясно, как солдат: да, я принес вам о нем известие.

Милорд своей дрожащей рукой сделал полковнику знак, чтобы он говорил, но так как тот ничего не отвечал, употребил над собой усилие и спросил:

– Известия хорошие?

– О, самые лучшие, какие только могут быть, – быстро ответил полковник. – Мой дорогой друг и товарищ в настоящее время в Париже и, по всей вероятности, так как мне хорошо известны его привычки, теперь отправляется куда-нибудь обедать. Однако, что я вижу, мне кажется, что прелестнейшей миссис Генри дурно?

Миссис Генри, действительно, была бледна как смерть, и прислонилась к оконной раме, но когда мистер Генри подбежал к ней и хотел поддержать ее, она отшатнулась от него, и по ее телу пробежала дрожь.

– Я совершенно здорова, – произнесла она побледневшими губами.

Мистер Генри остановился, и лицо его приняло строгое и сердитое выражение, но в ту же минуту он обратился к полковнику и сказал:

– Ваше известие несколько поразило миссис Дьюри, но это вполне естественно: она выросла у нас в доме и любит моего брата, как будто это ее родной брат.

Миссис Генри взглянула на своего мужа благодарным взглядом. По всей вероятности, она была довольна его словами, и он заслужил ее одобрение.

– Простите меня, миссис Дьюри, за то, что я причинил вам испуг, – сказал полковник, – но я просто ирландский солдат и заслуживаю, чтобы меня расстреляли за то, что я не сумел сообщить нежной леди более деликатным образом о таком неожиданном и радостном событии. Но вот тут у меня три письма, написанные самим мастером Баллантрэ. Я знаю, что это гениальный человек, и поэтому уверен, что из его писем вы гораздо лучше узнаете о том, что с ним происходило, чем из моих бестолковых рассказов.

Говоря это, он вынул из кармана три письма, подал первое из них лорду, который жадно схватил его, и подошел со вторым к миссис Генри.

Но миссис Генри не взяла и едва слышным голосом сказала:

– Отдайте его моему мужу.

Полковник был живой и решительный человек, но в эту минуту он не знал, как ему поступить.

– Так, так, – сказал он. – Непременно, непременно. Какой я недогадливый, какой недогадливый!

И при этом он все время не выпускал письма из рук и держал его перед миссис Генри.

Наконец мистер Генри протянул руку, и полковнику ничего другого не оставалось, как отдать письмо.

Мистер Генри взял оба письма – письмо, адресованное на его имя и на имя жены, и, сдвинув брови, как бы серьезно думая о чем-то, посмотрел сначала на одну надпись, а затем на другую. Я всегда восторгался его тактом, но в этот раз он превзошел все мои ожидания.

– Позвольте мне вашу руку, – сказал он, подходя к жене. – Неожиданное известие поразило вас, и поэтому я советовал бы вам прочесть письмо, адресованное на ваше имя, в вашей комнате, после того, как вы отдохнете.

Она взглянула на него удивленными глазами, как будто она видит перед собой какое-то чудо, и хотела ответить что-то, но мистер Генри не дал ей на это времени и сказал:

– Последуйте моему совету, я могу вас уверить, что это будет самое лучшее. Полковник Бурке, наверное, извинит вас за ваше отсутствие.

С этими словами он положил ее руку на свою и вместе с ней вышел из комнаты.

Миссис Генри в этот вечер уже не выходила больше из своей комнаты. На следующее утро после этого, как я слышал впоследствии, она отдала мужу письмо нераспечатанным.

– Прочти его, и дело с концом, – сказал он сердитым голосом.

– Избавь меня от этого, – сказала она.

Этими словами они, на мой взгляд, испортили то хорошее впечатление, которое и он, и она произвели друг на друга своим поведением накануне. Письмо же было передано мне, и я сжег его, не распечатав.

Чтобы правильно передать все похождения мастера Баллантрэ после битвы при Куллодене, я, прежде чем написать эту книгу, обратился к полковнику Бурке, ныне кавалеру ордена св. Людовика, и попросил его дать мне сведения, которые меня интересовали, так как много лет прошло с тех пор, как все это происходило, и я за свою память не ручаюсь. Говоря откоро-

венно, я был крайне удивлен его ответом: он прислал мне мемуары о своей собственной жизни, в которых о мастере Баллантрэ говорилось чрезвычайно мало. Мемуары эти были длиннее, чем вся эта книга, и нельзя сказать, чтобы они были очень назидательны. Он в своем письме, которое прислал из Эттенгейма, просил меня после того, как я воспользуюсь необходимыми мне отрывками, найти кого-нибудь, кто издал бы его мемуары целиком, и мне кажется, что если я в своей книге помещу некоторые отрывки из них целиком, я достигну той цели, которую я преследую, то есть познакомлю читателя с похождениями мастера Баллантрэ после битвы при Куллодене, и вместе с тем исполню желание кавалера Бурке. Таким образом читатель получит самые подлинные сведения о том, что произошло с героем моего рассказа, а также и понятие о том, как пишет кавалер Бурке, и в случае, если бы кому-нибудь из читателей понравилось повествование кавалера и он желал бы издать полностью его мемуары, он знает, где он может приобрести их целиком.

В следующей главе я помещаю мемуары полковника Бурке и отчасти то, что он рассказывал нам в Деррисдире за бутылкой вина в тот день, когда он явился туда с письмами; я говорю «отчасти», потому что о многих проделках мастера Баллантрэ полковник во время беседы с милордом умолчал.

Глава III

Странствования мастера Баллантрэ

(Из мемуаров кавалера Бурке)

...Мне кажется, не стоит и упоминать о том, что отъезд из Рефвена доставил мне большее удовольствие, чем прибытие туда, но так как я, чтобы не попасть в руки врагов, принужден был избрать самые пустынные места, и товарищи мои рассеялись в разные стороны, то волей-неволей я очутился вскоре совершенно один в пустынной, незнакомой мне местности, где, благодаря последнему удару, нанесенному нам, ирландцам, мне, как везде в Шотландии, угрожала опасность. Едучи все дальше и дальше вперед, я углубился в крайне печальные размышления о неприятном положении, в котором я очутился, когда неподалеку от себя на одном из холмов я увидел другого всадника, которого я сначала принял за привидение, так как весть о том, что он убит во время сражения при Куллодене, разнеслась по всей нашей армии.

Привидение это было не кто иной, как сам мастер Баллантрэ, сын милорда Деррисдира, молодой человек чрезвычайно красивой наружности и с необыкновенно изящными манерами, как бы созданный для того, чтобы составлять украшение любого королевского двора и пожинавать лавры в бою.

Я крайне обрадовался этой встрече, так как он был один из немногих шотландцев, которые обращались с нами, ирландцами, любезно и внимательно, и, кроме того, мог оказать мне огромную пользу во время моего бегства. Он, по-видимому, был также очень доволен, что встретился со мной, но закадычными друзьями мы сделались только после одного в высшей степени романтического обстоятельства, настолько же романтического, как легенды о короле Артуре.

Это произошло на второй день нашего странствования, после того, как мы под сильнейшим дождем переночевали у подошвы горы.

Тут же, у подошвы горы мы встретились с неким Аланом Блэком Стewardом (если я не ошибаюсь, то это его имя и фамилия⁵, с которым я познакомился во Франции. Он сказал, что едет той же дорогой, как и мы, и когда мы отправились в путь, присоединился к нам. Он почему-то невзлюбил мастера Баллантрэ, по всей вероятности, он ему завидовал, и все время поддразнивал и позволял себе даже говорить ему дерзости, стараясь таким способом вывести его из терпения.

На одно из резких и хвастливых замечаний Стewardа мастер Баллантрэ ответил ему следующим образом:

– Все, что вы говорите, мистер Стeward, чрезвычайно остроумно, но вот что, не попробовать ли нам, кто из нас быстрее ездит верхом?

И при этих словах мастер Баллантрэ дал своей лошади шпоры и помчался вперед.

Стeward помчался вслед за ним, и мы промчались таким образом больше мили. По моему мнению, пролететь на лошади такое пространство пустое дело, и поэтому я не мог удержаться от смеха, когда, взглянув назад, я увидел, как он, остановившись на одном из холмов и приложив руку к сердцу, еле-еле дышал и не решался ехать дальше.

Несмотря на то, что инцидент этот даже развеселил меня, я обратился к моему спутнику и сказал:

⁵ *Примеч. мистера Маккеллара.* Не Алан Брек ли это, получивший впоследствии известность как разбойник? Кавалер Бурке часто путает имена.

– Я бы на вашем месте не удовлетворился подобным издевательством над моим противником, а если бы он обидел меня, то распорядился бы иначе, а то это, как вам сказать, выходит, точно вы струсили.

Мастер Баллантрэ сдвинул брови и сердито взглянул на меня.

– Я, по моему мнению, отлично поступил, что отвязался от человека, которого терпеть не могут в Шотландии, и храбрость моя тут ровно не при чем.

– Вы говорите, что шотландцы его терпеть не могут, а между тем вы едете рядом с человеком, который отнюдь не пользуется расположением шотландцев. Если вам не нравится мое общество, то прошу вас, не стесняйтесь и «отвяжитесь» от меня.

– Полковник Бурке, – сказал он, – я вовсе не желаю с вами ссориться, и поэтому я считаю долгом предупредить вас, что у меня терпения немного.

– Я также не очень терпелив и нисколько не стесняюсь признаться в этом, – ответил я.

– В таком случае, – сказал он, подтянув поводья, – мы с вами далеко не уедем, и поэтому, по моему мнению, самое лучшее, если мы теперь или окончательно поссоримся и расстанемся навсегда, или окончательно помиримся...

– И будем дружны как братья? – сказал я.

– Какого черта братья! – ответил он. – У меня есть родной брат, а между тем я не питаю к нему ровно никакого дружеского чувства. Но, во всяком случае, так как мы встретились с вами во время бегства и были некоторое время товарищами, то дадим друг другу клятву, хотя бы мы и разошлись навсегда, не мстить друг другу и не выдавать один другого. В сущности, я человек недобрый и нахожу, что быть добродетельным крайне скучно.

– О, я такой же дурной, как и вы, – ответил я. – У Фрэнсиса Бурке также течет в жилах кровь, а не молоко. Итак, стало быть, кем же нам быть, друзьями или врагами?

– Мне кажется, что самое лучшее, если мы погадаем, – ответил Баллантрэ.

Это предложение было крайне оригинально, и оно показалось мне чрезвычайно интересным. На самом деле, разве это не оригинально, что два молодых джентльмена XVIII века бросают монету и, наподобие древних рыцарей, гадают, что им делать: задушить ли им друг друга или же сделаться навек друзьями? Подобного романтического приключения со мной никогда еще не случалось, и такого рода эпизоды можно найти только у Гомера. Ясно, что древние писатели брали свои рассказы из жизни, если даже в XVIII веке случались еще такие же инциденты, о каких они писали.

Монета упала на ту сторону, которая обозначала мир, и мы заключили дружбу.

После этого мой спутник объяснил мне, почему он устроил состязание в езде верхом со Стевардом. Баллантрэ не желал, чтобы знали, что он жив, и боялся, что Стевард узнал его и проболтается, и что он, мастер Баллантрэ, может таким образом подвергнуться преследованию. Зная, что он перегонит Стеварда, он предложил состязание, будучи уверен, что Стевард из самолюбия никогда не решится упомянуть об этой встрече и о том, что он отстал в езде верхом.

– Алан Блэк слишком горд, чтобы рассказывать о своей неудаче, – сказал он.

Около полудня мы подъехали к тому берегу, возле которого на якоре стоял корабль, на который мы и спешили. Корабль этот назывался «*Sainte-Marie-des-Anges*» и он пришел сюда из порта Havre de Crâce.

Мастер Баллантрэ дал сигнал лодке, чтобы она подъехала к нам, и затем спросил меня, знаком ли я с капитаном корабля.

Я ответил ему, что капитан – мой соотечественник, исключительно честный, но, к сожалению, крайне боязливый человек.

– Это ничего, – ответил Баллантрэ. – Во всяком случае, я скажу ему правду.

Я спросил его, что он хочет этим сказать и имеет ли он намерение рассказать капитану о результатах нашей битвы, и предупредил его, что если он расскажет о том, что случилось, то капитан, наверное, тотчас поспешит отчалить от берега и уйдет обратно в море.

– Так что же из этого? – сказал Баллантрэ. – Оружие нам теперь не поможет, сколько бы нам его ни доставили, нам теперь остается только бежать.

– Мой дорогой друг, кто говорит о том, чтобы корабль доставил нам оружие. Я протестую против того, чтобы ты сказал всю правду капитану, только потому, что тогда он уйдет с нами в море и все наши друзья, а быть может, даже сам принц, погибнут. Сколько жизней подвергнутся таким образом опасности!

– Капитан и его экипаж также живые люди, они также не захотят умирать, – возразил Баллантрэ.

На это я ответил ему, что это с его стороны только пустая отговорка, чтобы настоять на своем, и что я требую, чтобы он не рассказывал капитану о результатах последнего сражения.

Мастер Баллантрэ ответил мне на это очень удачной шуткой, и, собственно говоря, только ради того, чтобы упомянуть о ней, я передал дословно весь этот разговор.

– Фрэнк, – сказал он мне, – вспомни наш уговор быть друзьями; я не предлагаю тебе держать язык за зубами, но я прошу тебя только молчать и не открывать рта, когда я буду говорить.

Услыхав эти слова, я, разумеется, рассмеялся, но все-таки предупредил его, чтобы он подумал о том, какие могут быть последствия от того, если он скроет истину.

– А, черт с ними, с этими последствиями! – сказал мой беспечный товарищ. – Я никогда не думал о последствиях, когда что-нибудь предпринимал, и поступал всегда так, как мне было желательно.

Как я предсказывал, так и случилось: как только капитан узнал о результатах последнего сражения, он моментально отчалил от берега и вышел в море, и раньше чем настало утро, мы были уже в Грэт-Минче.

Корабль был ветхий, а шкипер корабля, хотя и очень симпатичный, порядочный человек, также ирландец, знал свое дело довольно плохо.

Дул сильный ветер, и море страшно бушевало, так что в продолжение всего дня мы почти ничего не ели и не пили, до такой степени непрерывное волнение воды действовало на наше расположение духа, а ночью ветер, как бы желая показать нам, до какой силы он может дойти, задул с северо-востока и превратился в ураган.

Мы заснули, когда вдруг вой ветра и беготня матросов по палубе разбудили нас. Я думал, что последний час наш настал, до такой степени я испугался, когда услышал эту страшную бурю, и мысли мои невольно обратились к Богу. Баллантрэ смеялся надо мной и поддразнивал меня и своими глупыми шутками приводил меня еще больше в ужас. В такие часы, когда жизнь человека висит на волоске, если в душе его живут религиозные чувства, он яснее, чем когда-либо, понимает, что он беспомощное существо, и что если Бог ему не поможет, он пропал. Ни один друг не в силах помочь ему, все они такие же беспомощные существа, как и он сам. Так как я человек религиозный, то я счел нужным вставить это замечание.

Три дня продолжалась буря, и в продолжение трех дней мы лежали в каюте и почти ничего не ели, за исключением сухарей. На четвертый день ветер утих, и наш корабль, с которого буря снесла мачты, понесся по волнам. Капитан не имел никакого понятия о том, где мы находимся, он вообще плохо знал путь и ничего не делал, как только возносил мольбы к Божьей Матери, что с его стороны было очень хорошо, но ведь не в этом одном заключается обязанность капитана корабля.

По моему мнению, единственная возможность нашего спасения из этого затруднительного положения заключалась лишь в том, если бы какой-нибудь другой корабль пришел к нам

на выручку и взял бы нас к себе на борт. Хорошо, если только это будет не английский корабль, в противном же случае мне и Баллантрэ грозила бы опять-таки опасность.

Пятый и шестой день прошли, а мы все еще качались на волнах, и волны несли нас, куда им было угодно. На седьмой день к кораблю кое-как приделали мачту, и он пошел по ветру. В продолжение всего этого времени его несло по направлению к юго-западу, особенно во время бури его, должно быть, очень далеко туда занесло.

Девятый день настал, а мы все еще носились бесцельно по морю. Погода была холодная и пасмурная, и море сильно волновалось. Не было никакого сомнения в том, что нас снова ожидала буря.

Мы находились в критическом положении, и радость наша была безгранична, когда мы вдалеке увидели небольшой корабль, шедший к нам навстречу, и когда мы убедились, что он подходит все ближе и ближе к нашему кораблю «Sainte-Marie».

Но радость наша продолжалась недолго. Когда корабль остановился и спустил лодку, чтобы перевезти нас к себе, мы увидели, каков экипаж этого корабля: это были какие-то грязные, полупьяные парни. Они с криком, пением, гиканьем и проклятиями влезли к нам на палубу и, обнажив кортики, принялись хозяйничать у нас.

Капитан корабля был грубый, неопрятный мужик, со смуглым лицом и черными курчавыми волосами. Имя его было Тиич. Это был известный морской разбойник. Он также явился к нам на палубу и без стеснения принялся командовать и кричать. Кличка его была «Сатана», а корабль свой он называл «Ад», хотя название корабля было «Сарра». Человек этот походил на какого-то полоумного, и в то время, как я смотрел на него, меня охватывал ужас. Я шепнул мастеру Баллантрэ на ухо, что я не желал бы быть одним из последних, которых убивают, так как ждать подобной очереди ужасно, и что я молю в душе Бога, чтобы пытка наша скорее кончилась и чтобы, если нам суждено быть убитыми, нас убили бы уже поскорее, а не мучили.

Мастер Баллантрэ в знак согласия кивнул мне только головой.

– Эй вы, мастер Тиич, – обратился я к атаману пиратов, – если вы сатана, то вот к вашим услугам черт.

Эта шутка чрезвычайно понравилась ему, и, благодаря ей, меня, Баллантрэ и еще двоих из нас, в качестве служителей сатаны, перевезли на корабль в лодке, так как других, между прочим и шкипера, заставили перейти на корабль по доске, перекинутой с одного борта на другой. Так как один корабль от другого находился на далеком расстоянии и доска, вследствие волнения, качалась, то перейти по ней и не упасть в воду было большим подвигом.

Глядя на эту опасную переправу моих спутников, я страшно побледнел. Я не помню кто, мастер ли Тиич, или кто-то из пиратов, сделал по этому поводу замечание, и поэтому я знал, что я побледнел; помню только, что в то время я был в таком страхе, что у меня даже мысли путались.

Чтобы загладить впечатление, которое произвела моя бледность, и не подать виду, что я испугался (иначе меня непременно заставили бы пройти по доске), я, набравшись храбрости, принялся шутить и болтать всякий вздор и таким образом угодил Тиичу и спасся от перехода по доске; но когда я уселся в лодку, которую огромные волны так и подбрасывали и которая должна была доставить меня на корабль пиратов, и я очутился в обществе полупьяных негодяев, я испытывал такой страх, что едва в силах был говорить. Но, несмотря на то, что ноги у меня были словно налиты свинцом, а язык у меня еле-еле ворочался, я все-таки сказал несколько удачных шуток и острот.

К счастью, как только мы перешли на корабль пиратов, я увидел лежащую на палубе скрипку. Я тотчас схватил ее и принялся наигрывать различные пляски, и этим произвел на пиратов очень хорошее впечатление. Они прозвали меня «скрипач Пэт», но мне было решительно все равно, какую кличку я получил, главное было спасти свою жизнь.

Описать корабль, на котором мы находились, я не берусь, скажу только, что кораблем его даже назвать нельзя, а его скорее можно было сравнить с домом сумасшедших, несшимся по волнам и командуемым безумцем. Мы все время или пили, или пели, или ссорились, или дрались, или плясали, а главное, никогда не были трезвыми, так что я уверен, что если бы нас застиг шквал, мы непременно лежали бы на дне моря, а если бы какой-нибудь королевский военный корабль напал на нас, то мы не могли бы даже защищаться, а сдались бы ему прямо в руки без боя.

Один или два раза мы видели издали судно, которое мы могли бы отлично догнать, если бы вся наша команда, а во главе всех наш командир, не были окончательно пьяны. И в то время, как мы кутили и пили, корабль все дальше и дальше уходил. Я, по правде сказать, в душе благодарил святых, что никаких морских сражений не происходило, так как по натуре был отнюдь не пират.

Тиич управлял кораблем, но что это было за управление! Несмотря на то, что все его боялись, беспорядок на корабле был поразительный, а о дисциплине не могло быть и речи. А между тем он воображал, что он отличный капитан, и был о себе чрезвычайно высокого мнения. Я знал многих французских маршалов и шотландских полководцев, которые мнили о себе куда меньше, чем Тиич.

Действительно, чем дольше мы живем, тем более мы ценим ум древних философов, вроде Аристотеля и ему подобных ученых, и теперь, когда я уже стар и оканчиваю свою карьеру и, стало быть, на своем веку видел много людей, я должен сказать, что мне ни разу за всю жизнь не приходилось видеть человека, который не кичился бы чем-нибудь, хотя редко кто из них имел на это право.

Прошло довольно много времени, прежде чем мне удалось перекинуться с мастером Баллантрэ двумя-тремя словами без свидетелей, но, наконец, мы ночью как-то тайком взобрались на бугшприт, в то время как товарищи наши спали или пили, и принялись беседовать о нашем печальном положении.

– Никто, за исключением святых, не может спасти нас, – сказал я.

– Я другого мнения, – ответил Баллантрэ, – и спасу себя сам. Этот Тиич – самое противное существо на свете. Что он делает? Какая нам от него польза? Он только пьет и ползает себе по морю. Я вовсе не желаю быть больше грязным, вымазанным дегтем пиратом и находиться в зависимости от этого пьяного негодяя.

И он сообщил мне свой план. Он хотел стать во главе разбойников, завести на корабле строгую дисциплину и вместо того, чтобы ничего не делать, заняться преследованием кораблей, ограбить их и, запасшись хорошими средствами к дальнейшему существованию, бросить это дело и отстать от разбойников.

После этого я сообщил ему, в свою очередь, что все случившиеся с нами события сильно повлияли на меня, что нервы мои очень расстроены и что ему не следует рассчитывать на мою помощь, так как едва ли я в силах буду принять участие в каком бы то ни было серьезном деле.

– Меня не так легко расстроить или напугать, – ответил Баллантрэ.

Вскоре после этого разговора с нами случилось происшествие, во время которого мы чуть-чуть не погибли все без исключения, и которое может служить доказательством того, в каком состоянии находились умственные способности всей нашей команды, а более всего нашего атамана.

Мы все были порядочно пьяны, когда один из безумцев, составлявших наш экипаж, заметил плывущее вдали судно.

Тиич велел идти в погоню за ним, и мы, размахивая руками и горланя, в надежде на успех нашего предприятия, бросились в погоню за кораблем.

Баллантрэ стоял как раз на носу корабля и, держа руку над глазами, не принимал участия в нашем гоготании, а смотрел в даль, в то время как я потешал всю команду дикарей своими шуточками и веселыми, не совсем приличными анекдотами.

– Подними наш флаг, покажи этим свиньям, кто мы такие! – закричал мне Тиич.

Несмотря на то, что Тиич был хвастун, он был большой трус, и мне поэтому чрезвычайно странно было слышать подобного рода приказание в ту минуту, когда мы гнались за чужим кораблем, но я не стал с ним спорить, а взял черный флаг и прикрепил его к мачте.

Баллантрэ с насмешливой улыбкой взглянул на меня и сказал:

– Разве ты не видишь, пьяный пес, что судно, за которым мы гонимся, военное судно?

Тиич с пьяных глаз сначала было заспорил и заорал, но его ошибка была столь очевидна, что, как ни был пьян он сам и все его люди, они тотчас убедились воочию в том, что Баллантрэ был прав. Он бросился к борту, и все другие устремились за ним. Произошло необычайное явление – все эти пьяные мгновенно протрезвились; никогда в жизни я не видывал, чтобы совсем пьяные люди могли так скоро отрезвиться. Военный крейсер шел прямо на наш столь бесстыдно поднятый флаг; нам был ясно виден его флаг. И вот над крейсером взвилось облачко дыма, раздался выстрел, и ядро упало в воду около нашего судна. Люди бросились к снастям и им удалось повернуть нашу «Сарру», и теперь она изо всех сил уходила от военного судна.

Выстрел этот наделал на нашем корабле страшный переполох. Команда наша со страху не знала, куда ей скрыться. Один из пиратов, не зная, что ему делать, схватил бочонок с ромом, стоявший на палубе, и швырнул его за борт, я схватил черный флаг и бросил его в море и готов был, кажется, сам броситься туда же, до такой степени я был поражен нашей неудачей. Тиич же побледнел как мертвец, и немедленно после выстрела убежал в свою каюту. В продолжение этого дня он только два раза выходил на палубу, подходил к бакборту и, посмотрев на плывущее вдали военное судно, уходил снова в свою каюту. Он даже не заботился о том, что с нами происходит, и если бы случайно на корабле не было чрезвычайно опытного пирата, который стал за руль и управлял нашим судном, и погода была бы более бурная и менее ясная, то мы, наверно, попали бы на виселицу.

Подобным поведением Тиич, разумеется, скомпрометировал себя в глазах своей команды, и это он, по всей вероятности, понял, потому что на следующий день после описанного мною случая он, желая снова приобрести авторитет, который он накануне потерял, вздумал выкинуть чрезвычайно оригинальный фокус. Рано поутру он зажег в своей каюте серу, и в то время, как она пылала, закричал: «Ад, ад!». Пиратам, по-видимому, уже не раз приходилось видеть этот фокус, и они знали, что он означал, потому что, как только они услышали этот крик, они пришли в ужас. Тотчас после этого Тиич выбежал на палубу: лицо было покрыто сажей и совсем черное, волосы и борода всклокочены, за кушак было засунуто несколько пистолетов, а в руке он держал обнаженный кортик, которым он размахивал во все стороны. В то же время он жевал стекло, от этого кровь текла по его губам и по его подбородку. Вероятно, он научился этому фокусу у индейцев, живущих в Америке, потому что он был родом оттуда и, по-видимому, применял этот способ, когда желал наводить ужас на всю команду и имел намерение совершить какое-нибудь злодеяние.

Первый, кто попался ему навстречу, когда он выбежал на палубу, был пират, выбросивший накануне бочонок с ромом за борт. Тиич набросился на него, ни с того, ни с сего назвал его мятежником и всадил ему кортик прямо в сердце, так что тот упал мертвым. Перескочив через труп несчастного, Тиич, ругаясь и размахивая своим кортиком, так и норовил пырнуть в сердце кого-нибудь из нас. Это был какой-то дикий зверь, выскочивший из клетки.

Но вдруг, совершенно неожиданно, Баллантрэ вышел вперед и обратился к атаману.

– Перестань дурачиться! – закричал он. – Быть может, ты воображаешь, что мы тебя боимся? Нисколько. Вчера, когда мы нуждались в твоей помощи, ты спрятался, ну, так и убирайся обратно, откуда пришел, мы отлично обошлись без тебя вчера, обойдемся и сегодня.

Среди толпы пиратов послышалось какое-то бормотание, слышались одобрительные возгласы, а вместе с тем и какой-то шепот, выражавший страх. Тиич же как-то особенно завыл и поднял руку, в которой он держал кортик, желая, по-видимому, с обычной ловкостью опытного моряка вонзить его в грудь Баллантрэ.

– Выбей из его руки оружие! – кричал мне Баллантрэ таким голосом, что, прежде чем я успел одуматься, я исполнил уже его приказание, и кортик был у меня в руках.

В то же время Тиич стоял передо мной как дурак и забыл даже о том, что у него в кушаке торчат пистолеты.

– Убирайся в свою каюту, – закричал Баллантрэ, – и не смей показываться на палубе, раньше чем ты отрезвишься! Ты что, воображаешь, что мы желаем погибнуть из-за тебя, черномазая, полоумная, пьяная, злая bestия? Убирайся вон сейчас!

С этими словами он толкнул его ногой с такой силой, что тот в страхе бросился бежать в каюту.

– Ну, а теперь, господа матросы, я желаю сказать вам два слова, – обратился Баллантрэ к пиратам. – Не знаю, как на ваш взгляд, но, по моему мнению, подобного рода шутки, какие позволяет себе атаман, отнюдь не уместны. Кроме того, мы проводим время в праздности, ничего не делаем и ничего не добываем, и это мне также не нравится. Я желаю нажить деньги, затем пристать к берегу и разделить, как честный человек, добычу между вами. Но только я нуждаюсь в вашей помощи. Дайте мне совет, как мне поступить. Я новичок в морском деле. Как нам устроить, чтобы у нас на корабле была дисциплина и дело наше пошло бы на лад?

Один из пиратов вышел вперед и сказал, что, по его мнению, им необходимо иметь руководителя, и что без руководителя дело на лад не пойдет. Все в один голос согласились с ним в этом отношении. Решено было избрать руководителя или, как они выражались, начальствующее лицо, и Баллантрэ единогласно был выбран в «начальники».

Бочки с ромом были переданы в его распоряжение, были установлены известные правила, которым пираты, по отношению к своему начальнику, должны были подчиняться, и в конце концов кто-то предложил вышвырнуть за борт Тиича и отдать его каюту Баллантрэ. Но Баллантрэ воспротивился этому: он тотчас сообразил, что если он не в состоянии будет угодить пиратам, то они в будущем поступят с ним так же, и эта мысль страшила его. Он сказал, что Тиич все-таки может приносить им пользу тем, что он будет действовать устрашающим образом на экипаж чужого корабля, что он своим смуглым лицом, черными всклокоченными волосами, своими ругательствами и проклятиями будет своего рода пугалом для чужих. Так как Тиич был теперь разжалован и, так сказать, смещен со своего председательского места, то в случае если бы нам удалось захватить хорошую добычу, решено было выдать ему несравненно меньшую часть, чем другим, даже гораздо меньшую, чем мне.

Теперь остались еще только два пункта, относительно которых мы никак не могли прийти к общему соглашению, а именно: как заставить Тиича принять предлагаемые ему условия и кому взять на себя ответственность объявить ему о том, что его смещают.

– Не заботьтесь об этом, – сказал Баллантрэ, – я пойду к нему и объявлю ему обо всем.

И он преспокойно отправился вниз в каюту к пьяному Тиичу, совершенно один.

– Вот это человек так человек! Вот такого атамана нам и нужно! – закричал один из пиратов. – Да здравствует наш новый предводитель!

Мы все принялись аплодировать и кричать «ура», и я, кажется, кричал громче всех.

Эти рукоплескания произвели впечатление на Тиича и заставили его опомниться и бросить свою спесь, подобно тому, как в прежнее время крики и восклицания собравшейся на улице толпы заставляли не одного законодателя изменить данный им закон.

Что происходило между Тиичем и мастером Баллантрэ, в точности никто не узнал, хотя впоследствии кое-какие отрывки из их беседы и дошли до нашего сведения; знаю только, что

все мы были крайне изумлены, когда вскоре после того, как Баллантрэ ушел в каюту, он под руку с бывшим атаманом вышел на палубу и объявил, что все улажено.

Я не буду долго останавливаться на описании тех двенадцати или четырнадцати месяцев, которые мы после этого провели в Атлантическом океане. Мы занимались тем, что нападали на различные корабли и грабили их. Не говоря уже о том, что мы таким образом добывали себе провиант, мы заработали даже кое-какие барыши. Описывать подробно, как мы грабили, я также не стану, так как не думаю, чтобы кому-нибудь могло доставить удовольствие читать мемуары пирата, хотя бы даже такого, как я, сделавшегося пиратом совершенно помимо своей воли.

Дела наши шли несравненно лучше, чем под предводительством Тиича, и Баллантрэ, к великому моему удивлению, отлично командовал и возбуждал всеобщий восторг.

Я невольно пришел к тому заключению, что дворянин всюду должен занимать первое место, даже на корабле пиратов. Хотя сам я по своему происхождению стою несколько не ниже шотландского лорда, а между тем на корабле морских разбойников занимал место отнюдь не почетное. Я оставался все тем же «скрипачом Пэтом» или, иначе говоря, шутом пиратов.

Это происходило по той причине, что мне не представлялось случая чем-нибудь отличиться. Я не моряк и не люблю моря, а поэтому чувствую себя на море отвратительно, и если говорить откровенно, я в продолжение всего нашего путешествия по морю боялся его и своих товарищей-разбойников. Я человек отнюдь не трусливый, я сколько раз участвовал в сражениях на суше и на глазах весьма почтенных, заслуженных генералов отличался своей храбростью, и чинами перегнал весьма многих товарищей, но когда мы сцеплялись, один корабль с другим и начинался грабеж другого корабля, у меня каждый раз душа уходила в пятки. Маленькая лодка, в которую мы садились с тем, чтобы попасть на чужой корабль, волны, поднимавшие ее кверху, и, наконец, веревочная лестница, по которой мы взбирались на судно, которое решено было ограбить, – все это невероятно страшило меня. Кроме того, мы никогда раньше не могли знать, сколько народу на чужом корабле и со сколькими людьми нам придется сражаться, и поэтому в то время, как мы порою в бурную погоду взбирались на чужой корабль по лестнице и над нами висели серые тучи и ветер громко ревел и гудел, я считал себя самым несчастным человеком в мире. К тому же у меня натура несколько чувствительная, и вследствие этого мне противны были сцены, которые происходили во время нашего грабежа. Два раза мы застали на корабле, на который мы взобрались, женщин, и, несмотря на то, что мне в жизни приходилось видеть, как разоряли целые города, и на моих глазах во Франции происходили ужасные народные мятежи, мне было неприятно видеть, как грабили и обижали эти несчастных слабых существ, и морские разбойничьи похождения, в которых было так мало привлекательного и так много дурного, крайне возмущали меня. Я откровенно признаюсь, что меня можно было подбить на эти грабежи только тогда, когда я был пьян.

То же самое было и с пиратами. Они ленились, и поэтому их также надо было напоить, прежде чем пуститься в погоню за кораблем, иначе они ленились работать, а чтобы заставить Тиича преследовать и грабить корабль, его надо было напоить допьяна. Вот поэтому-то самая трудная задача для Баллантрэ заключалась в том, чтобы добывать нам спиртные напитки. Но он справился и с ней. У него всегда были хорошие запасы. Он был человек действительно гениальный: несмотря на всю трудность своего положения, он умел поставить себя по отношению к шайке разбойников в совершенно особое положение. Он не заискивал перед ними из боязни, как я, а, напротив, держал их строго и на почтительном отдалении от себя и обращался с ними наподобие того, как отец обращается со своими детьми или учитель со школьниками.

Мастеру Баллантрэ очень трудно было держать в руках свою команду еще по той причине, что они были страшные ворчуны и крайне дерзкие люди. Когда они были пьяны, они ни о чем не думали, но когда они отрезвлялись, они начинали размышлять. Иные из них начали даже раскаиваться в том, что они занимались таким гадким промыслом; один пират в особен-

ности, так как он был очень религиозен, жалел о том, что соблазнился таким дурным делом, как морской грабеж. Мы с ним порою удалялись куда-нибудь в сторонку от других и усердно молились, в особенности в дурную, ненастную погоду, во время ливня или тумана, и я думаю, преступники в тюрьме, раскаивающиеся в своих преступлениях, наверное, не более усердно молятся, чем молились мы. Большинство же разбойников, которым уже надоело разбойничать и не иметь от этого ровно никакой выгоды, так как они были люди не религиозные, только и занимались тем, что ворчали на то, что на их долю не приходилось никакого барыша, и что поэтому им надоело без толку носиться по морю.

Дело в том, что хотя мы и ограбили множество кораблей, нам от этого было весьма мало пользы, так как ни на одном мы не нашли того, в чем нуждались, а именно денег. Сколько раз мы с величайшим трудом влезали на корабль с целью грабежа и не находили там ничего, за исключением земледельческих орудий или груза табака, который корабль перевозил по назначению. Досадно вспомнить, но сколько раз бывало, что мы, перелезая по доскам и балкам и рискуя жизнью, попав на чужой корабль, не находили ровно ничего, за исключением маленького количества сухарей и одного или двух анкеров спирта.

Между тем, нападая корабли и ничего не находя, мы двигались все дальше вперед, пока корабль наш не сделался тяжелым от грязи. Гнаться на нем за другими кораблями нам было уже трудно, это мы отлично понимали, и понимали также, что нам в скором времени надо будет ввести его в док для очистки. Мы вошли в рукав какой-то грязной реки и спустили якорь. Сознание того, что нам скоро придется делить добычу, а добыча крайне ничтожная, раздражило еще сильнее аппетит пиратов; они желали во что бы то ни стало поживиться чем-нибудь ценным, и поэтому мы все не решались пристать к берегу и стояли на месте в надежде, не появится ли корабль, который можно было бы ограбить. Мы бы, быть может, еще долго стояли без толку на одном месте, если бы один неожиданный случай не решил, так сказать, нашей участи.

Но раньше, чем рассказать о нем, я должен еще кое о чем упомянуть. Я должен сказать, что, несмотря на то, что мы ограбили множество кораблей, нам почти ни на одном из них не оказывали противодействия, так что мы обыкновенно забирали все, что мы находили, без боя, в особенности, когда на корабле находились женщины. Только один раз, когда мы напали на один корабль, несмотря на то, что на нем были женщины, без боя не обошлось. Мы двух людей даже убили и нескольких ранили, и нас бы, пожалуй, даже отбили и мы проиграли бы сражение, если бы Баллантрэ своей храбростью не подал примера другим пиратам и они не дрались бы с таким мужеством. Мы все-таки добились своего и ограбили корабль, забрали даже несколько человек на наш корабль; пленные наши тотчас согласились помочь нам перейти на наш корабль и подавали нам канаты и все, что мы от них требовали, когда мы пригрозили им, что в противном случае мы заставим их перейти на наш корабль по доске. Этим способом, по всей вероятности, и Тиич, когда он был еще атаманом, наводил на своих подчиненных страх, и таким образом он заставлял их делать то, что он желал.

Общество Тиича, этого полоумного человека, положительно отравляло нам существование, и выходки его много раз причиняли нам неприятности.

Теперь расскажу о неожиданном случае, который с нами произошел.

Отдохнув некоторое время, мы пустились лавировать по реке, и скоро неподалеку от нас увидели корабль, который, несмотря на густой туман, плыл так же хорошо или, вернее сказать, так же дурно, как наш. Один из пиратов стал на нос корабля и посмотрел, на каком расстоянии чужой корабль находится от нас и нельзя ли нам пустить в него ядро. Волнение было очень сильное, и наш корабль так и поднимало волнами. Мы три раза выпалили из пушки, но, несмотря на это, из-за густого тумана не могли разобрать, попали мы в цель или нет. В то время, как мы еще рассуждали о том, что нам дальше предпринять, с чужого корабля раздалась

пушечные выстрелы; ядро попало в наших канониров и убило их, а затем влетело и врезалось в переднюю часть корабля.

В этом выстреле и в том, что наших канониров убили и все мы на палубе были обрызганы кровью, не было ничего особенного, что могло бы повлиять в дурном смысле на нашу команду, а тем более на Баллантрэ; но между тем наш молодой атаман тотчас понял, что дело проиграно, и что нам нечего вступать в бой с кораблем, команда которого так хорошо вооружена. Люди, плававшие на том корабле, с которого раздался выстрел, по-видимому, также поняли, что имеют дело с разбойничьим кораблем, и поэтому поспешили отплыть как можно дальше вперед, в то время как наша «Сарра» («Ад» была только кличка корабля, его настоящее имя было «Сарра»), по причине своей ветхости, еле-еле поспевала за ним. Обогнать какой-нибудь корабль она ни в каком случае больше не могла; я думаю, что в том состоянии, в котором она находилась, она не могла бы даже обогнать плавающую на воде бутылку.

Надо было видеть, какой восторг выразался на лицах матросов чужого корабля, когда они увидели, что наши канониры упали; отплывая все дальше и дальше вперед, они хохотали, шутили и смеялись, как будто они совершили какой-нибудь особенный подвиг.

Девять дней мы стояли на якоре и отдыхали, выжидая ясной погоды, но на десятый день туман рассеялся и мы отправились снова в путь. Вскоре после этого туман снова спустился на воду, а затем снова рассеялся, и в эту минуту мы увидели на совсем близком расстоянии от нас крейсер.

Когда на крейсере заметили появление нашей «Сарры», на нем поднялась суматоха; ясно было, что команда узнала наше судно, и что «Сарра», как судно пиратов, пользовалось известностью.

Прежде, когда наш корабль был еще не поврежден и мы перегоняли множество кораблей и грабили их, о нем хотя и ходили слухи, но никто в точности не мог дать верного отчета о том, какой вид он имеет, так как мы, ограбив корабль, на который нападали, убивали или брали к себе на судно экипаж; теперь же, когда, по причине ветхости нашего корабля, мы потерпели уже несколько поражений, весть о нем дошла во многие места, и о нем публиковалось даже в газетах.

Я был уверен, что в самом скором времени мы должны были погибнуть. Корабль наш не мог уже выдерживать продолжительные путешествия, нас рано или поздно должны были настичь, и, разумеется, о пощаде с чьей бы то ни было стороны не могло быть и речи.

Но тут опять-таки поразительная гениальность мастера Баллантрэ спасла нас.

Я много раз удивлялся тому, каким образом Баллантрэ достиг того, что Тиич слушался его беспрекословно и делал все, что он желал, но никогда не мог добиться от него по поводу этого вопроса определенного ответа. Он отвечал мне на это только шуткой:

– Если бы наш экипаж узнал, при помощи чего я держу Тиича в повиновении, то он был бы крайне удивлен, так же точно, как и я, в свою очередь, буду очень удивлен, если исполню то обещание, которое я дал ему, Тиичу, так как вовсе не имею намерения его исполнить.

Это было все, что я слышал, но из этого я, разумеется, ничего не понял.

Одним словом, как бы то ни было, Тиич и мастер Баллантрэ шли рука об руку.

Когда они увидели неподалеку от нашего судна корабль, они потребовали, чтобы якорь был спущен, а как только приказ их был исполнен, Тиич и Баллантрэ начали угощать команду ромом. Пьянство началось страшное. К вечеру экипаж был до такой степени пьян, что едва мог держаться на ногах. Сцены при этом происходили самые разнообразные: матросы то дрались, то пели, то плясали, то ругались, то мирились и скорее походили на безумных, чем на здравомыслящих людей.

Баллантрэ потихоньку шепнул мне, чтобы я не пил ни одной капли рома, если жизнь моя мне дорога, но чтобы я притворился пьяным. Я должен сказать, что, кажется, никогда в жизни не провел еще такого скучного дня, как этот. В продолжение нескольких часов я ровно

ничего не делал, а лежал только на носу корабля и смотрел на воду, на тину и на водоросли, поднимавшиеся со дна реки.

Вскоре после того как стемнело, Баллантрэ, прикидываясь пьяным и шатаясь, подошел ко мне и затем, как бы не будучи в силах держаться на ногах, упал на нос корабля рядом со мной. При этом он шепнул мне:

– Встань, сделай вид, будто ты шатаешься, спустись в каюту и, бросившись на ящик, прикинься спящим; вскоре ты мне будешь нужен.

Я исполнил в точности приказание Баллантрэ: шатаясь, спустился в каюту и бросился на ближайший от двери ящик.

На этом ящике лежал уже человек; он приподнялся и оттолкнул меня. На мой взгляд, человек этот не был пьян, но как только я улегся на другой ящик, он также лег и, по-видимому, снова крепко заснул.

Мое сердце сильно забилося. Я понял, что Баллантрэ решился на какой-нибудь отчаянный поступок.

Вскоре после того, как я улегся, Баллантрэ вошел в каюту, зажег спускавшуюся с потолка лампу, кивнул одобрительно головой и снова ушел на палубу, не сказав никому ни слова.

Я посмотрел сквозь пальцы и увидел двух матросов, лежавших на ящиках и спавших или прикидывающихся спящими. Матросы эти были Деттон и Грэди, очень храбрые люди.

В то время как мы лежали внизу, в каюте, остальной экипаж предавался на палубе пьянству. Я много раз слышал, как на этом самом корабле шумели и пировали, но такого крика, такого шума и гама я еще никогда не слышал. Это была оргия каких-то совершенно невменяемых людей, и в то время как я прислушивался к этой оргии, я решил, что в ром, который пили пираты, было, наверно, примешано какое-нибудь скверное, возбуждающее мозги вещество.

Прошло довольно много времени после того, как Баллантрэ зажег лампу, а шум на палубе все еще продолжался. Но вдруг наверху раздался какой-то стон, после которого мгновенно настала полная тишина, и спустя долгое время после того Баллантрэ снова вошел в каюту, но в этот раз уже в сопровождении Тиича.

Последний, увидев нас, принялся ругаться.

– Тсс... – сказал Баллантрэ, – не ругайтесь. Эти люди нам не помешают. Вы можете смело стрелять над их ухом, и они все равно не проснутся: ведь вам известно, какой сонный порошок мы им подмешали в ром.

В полу каюты был сделан люк, и под ним находилось помещение, в котором хранилась захваченная нами добыча и ждала, пока мы ее разделим. Люк закрывался железной крышкой, которая запиралась тремя висячими замками; ключи же от этих замков для того, чтобы более обезопасить добычу от кражи, находились у трех лиц: у Тиича, Баллантрэ и у одного матроса по имени Гаммонд. К моему великому удивлению, все ключи оказались у Баллантрэ в руках, и еще к большему моему удивлению я, взглянув сквозь пальцы, увидел, как Баллантрэ и Тиич, спустившись в люк, вернулись оттуда, неся в руках четыре тюка. Тюки эти были тщательно увязаны, и к каждому из них была приделана из веревок ручка, чтобы тюк удобнее было держать.

– Ну-с, а теперь поспешим уйти, – сказал Тиич.

– Еще одно слово, – сказал Баллантрэ. – Я узнал, что кроме вас есть еще человек, который так же хорошо, как вы, знает путь, как пройти на лодке по болоту, и мне кажется, что он знает путь даже лучше вас.

– О, в таком случае мы пропали! – закричал Тиич.

– Все нет, – ответил Баллантрэ, – и я положительно не понимаю, почему вы так думаете. А теперь послушайте, что я вам скажу: во-первых, скажу вам, что ваш пистолет не заряжен; вы помните, что я взялся утром зарядить ваш и мой пистолеты; ну-с, свой-то я зарядил, а ваш – нет; во-вторых, не воображайте, пожалуйста, что я отправлюсь в путь с таким полоумным

человеком, как вы, когда есть на свете другой человек, которому так же хорошо известен путь, как вам; в-третьих, эти три человека, лежащие здесь в каюте, делающие вид, как будто они спят, и которым теперь незачем больше прикидываться спящими, мои союзники и помогут мне зажать вам рот, чтобы вы не кричали, и затем привяжут вас к мачте, а когда ваши товарищи проснутся, в случае, если они проснутся после того зелья, которое мы им намешали в ром, то они освободят вас, и вы расскажете им, как вас надули.

Тиич не ответил ни слова, а только смотрел на нас, как испуганное дитя, в то время как мы затыкали ему рот и связывали его.

– Учись, дурацкая голова, как надо действовать. Ну, что, где твоя добыча? – сказал Баллантрэ. – Прежде ты был капитан Тиич, а теперь ты капитан Лерн⁶.

С этими словами мы вчетвером, неся в руках каждый по тюку, покинули корабль «Сарра». Мы потихоньку спустили лодку и никем не потревоженные поплыли среди ночной тишины по реке, в то время как порой до нас доносились стоны спавших крепким сном пьяниц.

Туман был такой густой и стоял так высоко над водой, что Деттон, который знал путь, не мог грести иначе, как стоя, так как он не видел, куда направить лодку; когда он садился, туман был ему чуть ли не по грудь. Как оказалось впоследствии, благодаря этому туману мы только и спаслись.

Мы отъехали только на несколько шагов от корабля, когда начало уже светать и птицы стали летать взад и вперед над водой. Но вдруг Деттон перестал грести, сел на корточки и шепнул нам, чтобы мы, если наша жизнь нам дорога, не проронили ни одного слова и прислушались к шуму на воде. Мы прислушались и вскоре услышали сначала с правой стороны от нас, а затем с левой шум весел. Не было никакого сомнения в том, что с крейсера, который накануне заметил нас, были спущены лодки, и что «Сарру» желали застигнуть врасплох и захватить в плен. Стоило только людям, подплывавшим к кораблю, увидеть нас, и мы погибли: нас захватить было пустое дело. В то время как мы, сидя в лодке, боялись пошевелить веслом и молили Бога, чтобы туман не рассеялся, так как это было наше единственное спасение, я испытывал такой страх, что пот градом лил с моего лица. И как раз в то время, как мы, притаившись, сидели на одном месте и боялись пошевелиться, мы почти над самым нашим ухом слышали, как один из офицеров, находившихся на соседней лодке, шепнул:

– Тише, братцы, тише.

– Делать нечего, – шепнул Баллантрэ, – так сидеть и ждать нельзя, надо постараться где-нибудь скрыться. Попробуем доплыть до бухты.

Мы так и сделали. Из предосторожности мы, не решаясь грести веслами, гребли руками, только слегка дотрагиваясь до воды и устремив глаза на туман, который скрывал нас от врагов, медленно, но все-таки двигались вперед.

И небо смиловалось над нами. В скором времени мы въехали в густой кустарник, росший на отмели, вылезли из лодки и вместе с нашими тюками скрылись в кустах, а так как туман начал рассеиваться, то мы, чтобы скрыть все наши следы, потопили лодку.

Как только мы скрылись в кустах, солнце взошло, туман рассеялся, и мы увидели, как морские офицеры и матросы с крейсера один за другим полезли на палубу нашего корабля. Гибель «Сарры» была неизбежна. Я впоследствии слышал, что капитан, захвативший «Сарру» в плен, прославился этим подвигом, он приобрел взятием «Сарры» в плен известность и получил даже за это награду. Я же с достоверностью могу сказать, что взять в плен команду корабля пиратов в том состоянии, в котором она находилась, не составило большого труда⁷.

⁶ Teach (Тиич) по-английски – учить, а learn (Лерн) – учиться.

⁷ *Примечание мистера Маккеллара.* Капитана корабля «Сарра» Тиича не следует путать со знаменитым капитаном Блекбердом, назвавшим себя также Тиичем. Тиич и Блекберд – совершенно разные личности. Быть может, второй Тиич и заимствовал многое у первого, а главное, заимствовал его кличку, и им, быть может, многие восторгались, но во всяком случае второй Тиич был самозванец. А что касается выражений восторгов, так ведь и мастером Баллантрэ многие восторгались.

Я собрался уже было мысленно благодарить святых угодников за наше спасение, когда на меня напал вторично страх.

Мы наудачу, не разбирая, куда мы плывем, пристали к первой попавшейся нам на пути отмели, но, как оказалось, почва на этой отмели была крайне болотистая. Отсюда выбраться следовало как можно скорее. Но вопрос, как, не рискуя жизнью, выбраться оттуда и попасть на берег, по которому можно было бы дойти до безопасного места?

Деттон советовал нам подождать, пока наши враги уйдут в море, и затем постараться вытянуть из тины нашу лодку и доплыть на ней до берега. Это было бы, разумеется, лучше, чем идти неизвестно куда, напрямик, и бродить часами по болоту. Кто-то из нас выглянул из кустов, чтобы посмотреть, увезли ли нашу «Сарру» и можно ли нам выйти из нашего убежища, но, как оказалось, «Сарра» стояла все на том же месте, а на ней развевался теперь английский разноцветный флаг.

Наше положение было теперь чрезвычайно сомнительное. Болото, в котором мы находились, было отнюдь не такое место, в котором следовало долго оставаться, тем более, что мы из жадности захватили как можно больше ценных вещей, а провизии захватили мало. Кроме того, для нас было чрезвычайно важно узнать, где мы находимся и какие люди живут в ближайшей от нас местности, раньше чем весть о взятии нашего корабля и о нашем побеге разнесется по свету. Остаться здесь, на болоте, мы не могли, нам грозила гибель; сесть на лодку и плыть по реке значило отдаться в руки врагов; мы решили идти пешком и искать таким путем выхода из нашего скверного положения.

Солнце взошло и было очень жарко, когда мы отправились в путь или, вернее, пустились бродить по болоту. Деттону мы дали в руки компас, а сами мы поочередно несли тюк, который он должен был нести.

Я должен сказать, что бродить по болоту была задача отнюдь не легкая: ежеминутно ноги наши вязли, и мы с трудом вытаскивали их, чтобы не утонуть; чтобы не провалиться, нам приходилось обходить опасные места и делать крюк, что было также не очень приятно; жара была невозможная, в воздухе было страшно душно, и к тому же насекомых в болоте были, положительно, мириады; они кусали нас и не давали нам ни минуты покоя; каждого из нас окружало буквально целое облако.

Мне не раз в жизни приходилось слышать о том, что люди интеллигентные и знатные с большим терпением выносят тягости путешествия, чем простые люди, и что очень часто бывает, что во время военного похода офицеры с большим терпением выносят все трудности похода, чем солдаты. Теперь я на деле убедился, что это правда.

Мы с Баллантрэ, оба чрезвычайно знатного происхождения, терпеливо выносили все неприятности и препятствия, тогда как Грэди, простой матрос, обладавший огромным запасом физической силы и по виду гигант, очень скоро начал жаловаться на усталость. Про Деттона этого сказать нельзя, он не отставал от нас и не ворчал⁸.

Грэди надоедал нам страшно своими жалобами; он уверял, что не может идти дальше, так как очень устал, отказывался нести тюк Деттона, когда очередь доходила до него, просил постоянно, чтобы ему дали выпить рому, тогда как у нас его было очень мало, и дошел до того, что, идя позади нас, вздумал пугать нас тем, что он нас застрелит, если мы не позволим ему отдохнуть, и в доказательство того, что он исполнит свою угрозу, вытащил даже из-за кушака заряженный пистолет.

Баллантрэ хотел было вырвать у него из рук пистолет, но я дал ему совет не делать этого и лучше отдохнуть. Он послушался меня, и мы сели отдыхать и принялись закусывать.

Но еда и отдых не особенно благотворно подействовали на расположение духа Грэди. Когда мы отправились в путь, он снова начал ворчать и жаловаться на свою участь и, наконец,

⁸ *Примечание мистера Маккеллара.* Это и понятно. Деттон, как офицер, нес на себе ответственность.

по неосторожности, вместо того, чтобы идти по нашим следам, прошел в сторону и, прежде чем мы могли подоспеть к нему на помощь, со страшным криком провалился в болото вместе со своей ношей.

Печальная участь несчастного, а вместе с тем и раздирающий его душу крик сильно подействовали на нас, но этот непредвиденный случай до известной степени принес нам пользу и помог нам выбраться из нашего затруднительного положения, потому что этот инцидент побудил Деттона влезть на дерево, откуда он увидел высокую гористую местность, покрытую лесом. Я также влез на дерево и, посмотрев в ту сторону, куда указывал мне Деттон, увидел то же, что и он. Теперь мы знали, куда нам идти.

Деттон пошел снова вперед, держа в руках компас, но, по всей вероятности, он стал теперь храбрее и был менее осторожен, потому что я увидел, как он сначала один раз споткнулся, а затем второй, после чего он, бледный как мертвец, обернулся к нам и сказал:

– Дайте мне вашу руку: мне грозит опасность.

– Я не понимаю, почему вы так думаете? – ответил Баллантрэ.

Деттон закричал громко о помощи, и я увидел, как болото начало втягивать его и он погрузился в него до пояса.

– Помогите мне, – закричал он, прицеливаясь в нас из пистолета, – или будете прокляты, и я убью вас!

– Нет, нет, не бойтесь, – сказал Баллантрэ, – я только пошутил, я тотчас помогу вам!

Он положил на землю свой тюк и тюк Деттона, который он также нес, и, обращаясь ко мне, сказал:

– Не подходи к нам раньше, чем я тебя позову.

С этими словами он бросился бежать к утопавшему, державшему все еще пистолет на прицеле, и на лице которого хотя и был еще заметен страх, но уже не такой сильный.

– Ради Бога, – сказал утопавший, – будьте осторожны, смотрите, куда вы ступаете.

Баллантрэ подошел теперь совсем близко к Деттону и сказал ему:

– Не двигайтесь, дайте мне подумать.

Затем, подумав с минуту, он сказал:

– Протяните мне обе ваши руки.

Деттон положил на землю пистолет, и земля была до такой степени пропитана водой, что как только пистолет попал на нее, он тотчас провалился. Увидев, что пистолет исчезает под землей, Деттон вскрикнул и нагнулся, чтобы вытащить его, но в ту минуту Баллантрэ поразил его кинжалом и толкнул его в болото. Не знаю, желал ли несчастный ухватиться за Баллантрэ или он сделал невольное движение руками, но только он протянул руки; движение это, однако, ему не помогло, и я не успел вздохнуть, как он уже провалился с головой в болото.

Баллантрэ провалился в него также уже по щиколотку, но не завяз в нем, а успел выско-чить и тотчас после этого подошел снова ко мне.

Я был ни жив, ни мертв. Колени мои так и дрожали.

Заметив мое волнение, Баллантрэ сказал:

– Однако, черт тебя побери, Фрэнсис, я думал, что ты храбрее. Ну, можно ли так пугаться? Что я такое особенное сделал? Что я помог пирату провалиться в болото? В этом, по моему мнению, ничего ужасного нет. Разве с разбойниками церемонятся? А теперь мы можем быть, по крайней мере, спокойны относительно того, что никто нас не выдаст и не узнает, что мы были пиратами, или что мы опоили или усыпили кого-нибудь. Свидетелей у нас больше нет.

Я был до такой степени взволнован сценой, которую видел, что все еще не мог прийти в себя и только с трудом мог ответить мастеру Баллантрэ несколько слов.

– Ну, пойдем теперь, – сказал мне мой спутник, – будь храбрее, имей больше мужества. Теперь мы ни в ком больше не нуждаемся. Деттон указал нам, куда нам идти, и мы отлично

обойдемся теперь без него. Согласись сам, что я был бы дураком, если бы не воспользовался благоприятным случаем избавиться от лишнего свидетеля моих действий на «Сарре».

Я не мог это отрицать, но вместе с тем не мог удержаться от слез, – настолько сильно подействовало на меня ужасное происшествие, которого я только что был свидетелем; я нисколько не стыдился этих слез, и мне кажется, что ни один порядочный человек не осудит меня за то, что я расплакался. Хорошо, что у меня был еще маленький запас рома; я чувствовал, что мне необходимо подкрепиться, и поспешил это сделать. Я опять-таки повторяю, что нисколько не стыдился своих слез, так как придерживаюсь того мнения, что даже на войне не следует быть варваром.

Мы с Баллантрэ отправились снова в путь, и фортуна нам помогла: в тот же вечер мы благополучно выбрались из болота.

Мы до такой степени устали, что, дойдя до сухого песчаного места, согретого светившим в продолжение всего дня солнцем, улеглись под группой сосен и крепко заснули.

На следующее утро мы проснулись очень рано и начали разговаривать. Но так как оба мы были в дурном расположении духа, то разговор наш чуть-чуть не окончился дракой.

Мы находились теперь к югу от французских владений, за сотни миль от какого-нибудь человеческого жилья; нам предстояло весьма опасное путешествие, во время которого мы легко могли погибнуть, и если мы с мастером Баллантрэ когда-нибудь нуждались во взаимной дружбе, то именно теперь.

Во время своего пребывания на корабле пиратов Баллантрэ, к сожалению, заимствовал у разбойников выражения, которых он прежде не употреблял и которые я не могу назвать вежливыми или приличными; я уверен, что если бы какой-нибудь джентльмен слышал эти выражения из уст молодого аристократа, он пришел бы в ужас.

В только что упомянутое утро Баллантрэ, разговаривая со мной, употреблял также крайне невежливые выражения. Я сделал ему по этому случаю замечание. Он обиделся и отошел в сторону. Я последовал за ним и старался доказать ему, насколько его поведение неприлично. Наконец он взял меня за руку и сказал:

– Фрэнк, ты помнишь нашу клятву быть друзьями, но, несмотря на эту клятву, я ни за что на свете не взял бы обратно слов, которые показались тебе оскорбительными, если бы я не чувствовал к тебе искренней привязанности. Быть может, ты мне не веришь, но я тотчас докажу тебе, что я говорю правду. Если я взял с собой Деттона, то только потому, что он знал дорогу; Грэди я взял с собой по той причине, что Деттон не желал отправиться со мной в путь без Грэди. Но что заставило меня взять тебя с собой? Не что иное, как моя привязанность к тебе. Ты постоянно только бранишь и журишь меня. По-настоящему мне следовало оставить тебя на корабле, и теперь ты сидел бы в оковах на английском крейсере. А ты еще надоедаешь мне своим проклятым ирландским языком и придираешься ко мне из-за пустяков.

Я возразил ему на это, что если мой язык проклятый, то и его язык не лучше, что он своим языком говорит такие скверные слова, которые слушать противно, и разговор наш перешел бы, вероятно, в серьезный спор, если бы неожиданное появление человека не прервало его и не дало бы нашим мыслям совершенно иное направление.

Разговаривая, мы ходили взад и вперед по песчаному берегу. Неподалеку от нас, на том месте, где мы спали, лежали наши тюки; один из них мы развернули, и деньги, которые лежали наверху, должны были броситься всякому в глаза. В то время, как мы разговаривали, мы не заметили, как какой-то человек с топором на плече подошел к соснам, под которыми лежали наши тюки. На вид это был крестьянин. Увидев золото и тюки, он от изумления открыл даже рот. Я уверен, что раньше, чем мы его увидели, он стоял и слушал, что мы говорили. Как только он заметил, что мы его увидели, он пустился бежать со всех ног.

Появление незнакомца крайне встревожило нас, и не без причины. Незнакомец застал двух вооруженных людей в морских костюмах и слышал, как они спорили, в то время как перед

ними лежали какие-то тюки; естественно, что все это должно было возбудить в нем подозрение, тем более, что на расстоянии нескольких миль отсюда недавно был захвачен разбойничий корабль. Не было никакого сомнения в том, что незнакомец поспешит объявить в селе о том, что он видел, и что нас постараются схватить.

Мы, разумеется, забыв о том, что мы только что спорили, недолго думая, взяли наши тюки и бросились бежать, куда глаза глядят. Но неприятно было, что мы не знали, куда бежим. Хотя Баллантрэ раньше и старался всячески выведать от Деттона, в какую местность мы приблизительно попадем и как нам выбраться из нее, нам трудно было найти верный путь по устным указаниям кого бы то ни было, так как мы никогда не бывали в этой местности. В какую сторону мы ни кидались, вода нам всюду преграждала путь.

Мы начали уже отчаиваться в том, что мы выберемся из этой местности, и с трудом переводили дыхание, так быстро мы бежали, когда, взобравшись на какую-то дюну, мы увидели перед собой маленький залив. Залив этот отличался от других заливов, которые преграждали нам путь до сих пор, тем, что он окружен был высокими скалами. Это была скорее бухта, чем залив, но вода в ней была настолько глубока, что небольшой корабль мог там смело плавать. Мы действительно увидели стоявший на якоре корабль, с которого на берег была перекинута доска. Здесь, на берегу, экипаж корабля развел огонь и, усевшись вокруг него, обедал. Корабль же по своему наружному виду походил на корабли, которые строят на Бермудских островах.

Ненависть, которую все сельчане питают к пиратам, и желание отнять у них приобретенные ими сокровища, без сомнения, должны были побудить их броситься за нами в погоню. Нам необходимо было бежать из этой местности как можно скорее.

Теперь мы ясно убедились в том, что мы находимся на полуострове, но попасть оттуда на материк нам было не легко, так как нам угрожала опасность быть схваченными. Эти соображения заставили нас немедленно решиться на храбрый и отчаянный поступок.

Но, прежде чем исполнить его, мы легли на несколько минут на землю, чтобы отдохнуть и набраться сил, но в то же время прислушивались, не гонятся ли за нами. Отдохнув немного и пригладив растрепавшиеся волосы, мы, приняв крайне беспечный вид, подошли к обедавшей компании.

Корабль, стоявший в бухте, был торговый корабль, шедший с грузом из Индии и находившийся на обратном пути в Альбани, город Нью-Йоркской провинции. Название корабля я в настоящую минуту вспомнить не могу. Мы были крайне удивлены, когда нам рассказали, что корабль спрятался в бухту от «Сарры». Мы никак не ожидали, что наш разбойничий корабль приобрел такую известность.

Как только альбанский торговец услышал, что «Сарра» захвачена в плен и не может ему причинить уже никакого вреда, он вскочил на ноги, предложил нам выпить с ним чарку за то, что мы принесли ему такое хорошее известие, и велел своим матросам-неграм сняться с якоря.

Мы же тем временем старались войти в доверие капитана и, любезно побеседовав с ним, попросили его взять нас на корабль в качестве пассажиров.

Капитан подозрительно взглянул на наши костюмы и на наши пистолеты и, подумав минуту, сказал, что у него на корабле нет места, что у него еле-еле хватает места для себя и для своей команды. Ни наши усердные просьбы, ни крупное денежное вознаграждение, которое мы ему обещали, не поколебали его решения.

– Я вижу, вы о нас дурного мнения, – сказал Баллантрэ наконец, – а между тем я докажу вам, что вы ошибаетесь. Я скажу вам всю правду: мы якобиты-беглецы, и тот, кто выдаст нас, получит за наши головы награду.

Когда альбанский торговец услышал эти слова, он как будто поддался на наши просьбы и задал нам несколько вопросов, касающихся войны с шотландцами. Баллантрэ очень терпеливо выслушал все вопросы и обстоятельно рассказал ему все, что он желал знать.

После этого капитан сделал какой-то непринужденный или, вернее, грубый жест и сказал:

– Я уверен, что принц Чарли вознаградил вас за ваше усердие. Не правда ли?

– О, да, разумеется, – ответил я. – И надеюсь, что вы, дорогой сэр, возьмете с него пример и будете настолько любезны, что не заставите нас тщетно просить вас принять нас на корабль.

Слова эти я сказал на ирландском языке, и правильно поступил, так как мое обращение на ирландском языке произвело на него хорошее впечатление. Странно, какой удивительной симпатией ирландцы пользуются у многих наций. Сколько раз я замечал, как нищий, прося милостыню, достигал своей цели, употребив это наречие.

Я нарочно говорил на ломаном языке, чтобы рассмешить капитана, и мне это удалось. Он, действительно, рассмеялся, а как только он рассмеялся, мне уже легче было уговорить его взять нас к себе на корабль.

Но, прежде чем согласиться взять нас с собой, он поставил нам несколько условий, затем он отнял у нас оружие, и уж после этого позволил нам вступить на его корабль. Как только мы уселись, он дал приказ отчалить от берега, и мы с попутным ветром быстро понеслись по волнам, в душе благодаря Бога за наше спасение. У самого устья реки мы встретились с крейсером, захватившим в плен команду «Сарры», а затем прошли мимо «Сарры», на которой мы столько месяцев мучились и столько терпели. Вид обоих кораблей даже и теперь привел нас в ужас.

Корабль, на который мы попали, был хорошо построен, и мы были очень довольны, что очутились на нем, особенно когда мы вспоминали о том, в каком положении находились теперь наши бывшие товарищи. Сесть на корабль, с капитаном которого мы не только не были знакомы, но о котором мы даже ничего не слыхали, и ехать с ним неизвестно куда, было, разумеется, своего рода риском; мы могли, как говорится, попасть из огня да в полымя, но все-таки тут было больше шансов на успешный исход нашего предприятия, чем если бы мы остались на «Сарре» и попали бы на военный корабль в качестве пленников.

Попав на корабль альбанского торговца, мы, стало быть, устроились лучше, чем мы думали. В то время масса альбанских торговцев занималась контрабандой, и союзниками их в этом отношении были индейцы и французы. Они, как и все контрабандисты, были большие плуты и шпионы и примыкали к какой угодно партии, лишь бы им это было выгодно. Наш альбанец хотя и не был контрабандистом, был человек очень жадный, но в обращении крайне любезный. Он вскоре подружился с нами и, раньше чем мы пришли в Нью-Йорк, он обещал нам доставить нас в Альбани, а затем проводить нас через границу, где мы могли соединиться с французами. За эту услугу он потребовал от нас большое вознаграждение, и мы, разумеется, обещали его ему, так как в нашем положении нам торговаться было нельзя.

Мы поплыли по реке Гудзон и пристали к берегу в Альбани. В городе было множество милиции, собравшейся сюда из всей Нью-Йоркской провинции; альбанцы пылали ненавистью к французам. Губернатор Клинтон, очень деятельный человек, был страшно встревожен всеми этими событиями. Индейцы также стали на военное положение против белых и при этом не щадили ни мужчин, ни женщин, попадавших к ним в плен, и скальпировали их. Скальпы эти производили на меня потрясающее впечатление.

Мы не могли попасть в Альбани в худшее время, чем то, в которое мы попали. Мы, как иностранцы, не могли не обратить на себя внимания. Наш альбанец не сдержал своего слова и не перевез нас через границу. Нам, беглецам, отовсюду грозила опасность, и мы положительно не знали, как нам выбраться из нашего ужасного положения.

Но и здесь счастье не покинуло нас, и с Божьей помощью мы совершенно случайно благополучно выбрались из Альбани. Что за слабое существо человек! Несмотря на то, что Баллантрэ обладал гениальным умом, и что он и я были люди очень храбрые, мы бы без Божьей помощи ровно ничего не достигли. И сколько истины в этих словах, что без Бога ни до порога!

Вот каким образом мы спаслись. Во время одного кутежа, который устроил наш альбанец, мы познакомились с молодым индейским торговцем, по имени Чу. Он был человек очень

храбрый и отлично знал все секретные тропинки в лесах Нью-Йоркской провинции. Он был в дурных отношениях со своими родичами и хотел убежать от них, и мы воспользовались тем, что он собрался бежать, присоединились к нему и предложили ему бежать вместе. Он запасся всем, что требовалось для нашего бегства, и в один прекрасный день, не сказав ни слова нашему альбанскому торговцу, мы, усевшись в индейскую пирогу, бежали из Альбани.

Чтобы описать все трудности нашего путешествия, надо обладать большими литературными способностями, чем владею я. Читатель должен сам представить себе ту дикую, страшную страну, по которой нам пришлось путешествовать, он должен представить себе непроходимые болота, крутые скалы, бурные потоки и удивительные водопады. И по такой дикой стране мы должны были путешествовать целыми днями, то плывя на нашем челноке по речкам, то неся челнок на плечах и странствуя пешком. Ночью же мы зажигали костер и спали возле него, в то время как неподалеку от нас раздавались крики волков и других диких зверей.

Если бы мы могли переехать Гудзонов залив и пробраться к Кроун-Пойнту, то мы скорее бы приблизились к цели, но так как было известно, что французы заняли позицию у Чамплэнского озера и, разумеется, тотчас задержали бы нас, заметив, что мы беглецы, то нам пришлось делать столько обходов, переезжать через такое множество речек и озер и перебираться через такое большое количество перешейков, что у меня не хватает памяти перечислить их.

В обыкновенное время на тропинках и дорожках, по которым нам пришлось бродить, редко кого можно было встретить, но в то время, когда мы путешествовали, по случаю войны, лес был полон индейских разведчиков различных диких племен. Как раз в тех местах, где мы меньше всего рассчитывали встретить их, они попадались нам навстречу. До сих пор у меня остался в памяти один день, когда мы вдруг, совершенно неожиданно, на заре увидели перед собой пять или шесть татуированных чертей, размахивавших топорами.

Положим, что встреча с ними кончилась благополучно, как большинство подобных встреч, но только благодаря тому, что Чу пользовался известностью и большой симпатией среди многих индейских племен. Он действительно был чрезвычайно любезный человек и очень приятный собеседник и в своем обращении был необыкновенно прост и сердечен, и несмотря на то, что индейцы его очень любили, мы много раз подвергались опасности быть убитыми татуированными чертями.

Чтобы индейцы относились к нам более милостиво, мы при каждой встрече с ними должны были выкатывать наш бочонок с ромом и угощать их, и только таким образом нам удавалось благополучно отделаться от них и спасти наши скальпы. Ром они называли «scaura», и наш «scaura» пришелся им удивительно по вкусу.

Однажды они, выпив большое количество рома, не удовольствовались этим и вздумали гнаться за нами, чтобы отнять у нас весь наш запас. К счастью, они все-таки были настолько пьяны, что не в силах были поспеть за нами, иначе, я уверен, мне никогда бы не удалось написать эти мемуары.

Как раз в то время, когда нам грозила опасность попасть в руки французов или англичан, в самый критический момент нашего путешествия нас постигла снова неудача: молодой индеец, наш проводник, внезапно заболел и в несколько часов умер. Судя по признакам его болезни, он умер от отравы. Мы таким образом лишились нашего проводника, переводчика и лодмана, так как он соединял в себе одном все эти три должности. Своей смертью Чу поверг нас в полное отчаяние, и мы положительно не знали, как нам быть.

В то время как молодой индеец путешествовал с нами, он много раз читал нам лекции по географии Америки; он, по-видимому, очень гордился своими познаниями по географии. Баллантрэ обыкновенно прислушивался к тому, что он говорил, я же по большей части пропускал эти лекции мимо ушей, так как мне они казались скучными. Поэтому, несмотря на то, что я знал, что мы находимся в области, где живут адирондакские индейцы, и что мы, по словам Чу, были уже не очень далеко от цели нашего путешествия, я решительно не знал, куда и в какую

сторону нам ехать или идти. Баллантрэ, вопреки моим ожиданиям, знал столько же, сколько и я; очевидно, он забыл о том, что он слышал от Чу, и помнил только, что нам надо ехать сначала по одной реке, затем перейти перешеек и ехать по другой, а впоследствии еще и по третьей.

Но так как в гористых местностях обыкновенно множество рек, то естественно, что трудно разобраться в них и узнать, по какой именно из них нужно ехать. Где было нам, знатным джентльменам, никогда не бывавшим в этой дикой стране, знать, как нам выбраться из дремучих лесов, в которые мы попали? Мы положительно теряли голову.

Еще другое обстоятельство приводило нас также в отчаяние: мы совершенно не умели управлять индейской пирогой и порою, не будучи в силах двинуться дальше вперед, просиживали по получасу в челноке, не говоря ни слова, сложив руки и с грустным видом глядя в пространство. Если бы в это время к нам подъехал только один индеец, то он смело мог сделать с нами все, что ему угодно; он одним своим появлением до такой степени напугал бы нас, что мы не в силах были бы с ним бороться, тем более, что мы не могли бы даже объясниться с ним, так как ни одного индейского слова не знали.

Не мудрено, что, очутившись в таком критическом положении, Баллантрэ пришел в самое скверное расположение духа и, как он делал в таких случаях, начал ругаться самыми неприличными словами, которым он, так же, как и дурным манерам, научился на корабле пиратов. С ним положительно сладу не было, и я не знал, как мне унять его.

На третий день нашего путешествия без Чу мы, перебираясь через гористый перешеек, уронили челнок, который мы несли на плечах, и он разбился. Перешеек находился между двумя озерами довольно больших размеров, а озера были окружены непроходимыми лесами. Кроме того, по краям озер были болота, в которых легко было увязнуть, а так как у нас лодки больше не было и мы переехать через озеро не могли, то нам ничего другого не оставалось, как идти вокруг озера пешком, понятно, только избегая топких мест.

Мы с Баллантрэ засунули за пояс пистолеты, взяли в руки топоры, связали в пакеты самые драгоценные вещи и, захватив столько съестных припасов, сколько оказалось возможным взять с собой, отправились в дальнейший путь. Наше железное оружие мы бросили в озеро и не взяли с собой, так как оно своей тяжестью могло служить нам только помехой.

Мне кажется, что подвиги Геркулеса, о которых так много говорится у Гомера, были пустячным делом в сравнении с той задачей, которую нам предстояло исполнить.

Местами лес был до такой степени густой, что мы, чтобы пробраться через него, должны были прорубать себе дорогу, местами же почва была страшно болотистая, и надо было смотреть в оба, чтобы не провалиться. Я один раз чуть-чуть не провалился в болото: перескочив через лежавшее на земле бревно, я вдруг очутился по колена в воде; тогда я ухватился за пень, показавшийся мне необыкновенно крепким, но как только я ухватился за него, он словно лист бумаги выскользнув у меня из рук и провалился сквозь землю, до такой степени почва была пропитана водой.

Спотыкаясь, ежеминутно падая на колени и прорубая себе путь сквозь густую чащу леса, мы шли все дальше и дальше вперед, в то время, как колючие иглы и ветви царапали нам лицо и разрывали наши платья. И, несмотря на такой ужасный труд, мы продвигались вперед очень медленно: мы делали мили две в день, не больше.

Крайне неприятно было еще то, что мы никак не могли разобрать, где мы находимся, так как не было никакой возможности разглядеть местность, и мы двигались вперед, сами не зная куда.

Когда мы незадолго до заката солнца очутились на открытом месте, по которому протекала река, и которое со всех сторон было окружено высокими горами, Баллантрэ швырнул свой пакет на землю и сказал:

– Я не желаю идти дальше.

После этого он попросил меня развести костер и начал ругаться такими кучерскими словами, что мне противно было слушать.

Я попросил его забыть о том, что он некоторое время был пиратом, и вспомнить, что он когда-то был джентльменом.

– Что это ты, обалдел, что ли, что вздумал меня учить? – закричал он. – Прошу тебя не спорить со мной. – Затем он сжал кулак и, погрозив им по направлению к горам и холмам, снова закричал: – Разве я могу относиться равнодушно к тому, что мне придется погибнуть здесь, в этой отвратительной дикой стране! Не лучше ли было бы, если бы меня убили на поле битвы, тогда я умер бы как джентльмен. А теперь!..

И при этом он кричал, стонал, кусал себе пальцы и каким-то диким взглядом смотрел на землю.

В эту минуту он наводил на меня ужас. На мой взгляд, подобное поведение со стороны солдата и джентльмена заслуживало порицания, в особенности солдата, так как последний должен относиться к мысли о смерти спокойно.

Но я не считал нужным отвечать ему, и так как вечер был довольно свежий и мне стало холодно, то я поспешил развести костер.

Я должен сказать, что находиться в пустынном месте и сознавать, что каждую минуту можно быть настигнутым дикарями, крайне невесело. Я сам находился в самом скверном расположении духа и от нечего делать принялся грызть зерно кукурузы.

В то время, как я молча грыз зерно, Баллантрэ взглянул на меня и спросил:

– У тебя есть брат?

– Слава Богу, у меня их пять человек, – ответил я.

– У меня только один, – сказал он каким-то странным голосом и затем быстро добавил: – и он заплатит мне за все, за все, что я терплю.

Я спросил его, почему брат должен расплачиваться за то, в чем он вовсе не виноват?

– Как не виноват! – закричал Баллантрэ. – Он сидит дома, носит мое имя, занимает то положение, которое я должен был бы занимать, и ухаживает за моей будущей женой, в то время как я нахожусь здесь, в дикой стране и в обществе проклятого ирландца и дрожу от холода! О, какой же я был дурак!

Этот взрыв негодования был до такой степени неприличен, и намек насчет «проклятого ирландца» так обидел меня, что я не желал больше разговаривать с ним.

Странно, что в продолжение всего нашего путешествия Баллантрэ только один раз, пока мы были в Нью-Йорке, упомянул о том, что он имеет намерение жениться на мисс Грем, так как она обладает большим капиталом и вложила в поместье лорда уже много денег и, стало быть, имеет на землю немалые права. Теперь же, в то время как мы сидели в глуши, он вторично упомянул об этом, и это было в ноябре месяце 1747 года, как раз в тот день, когда, если я не ошибаюсь, брат его повенчался с мисс Алисон. Хотя я человек не суеверный, я все-таки нахожу крайне странным, что Баллантрэ упомянул о брате и о мисс Алисон именно в день их свадьбы, и я приписываю это чему-то сверхъестественному⁹.

Все последующие дни мы по-прежнему странствовали. Когда Баллантрэ не знал, в какую сторону нам идти, он бросал монету и при помощи гадания решал, в какую сторону направиться.

Когда я однажды заметил ему, что считаю это постоянное гадание каким-то ребячеством, он ответил:

– Я не знаю лучшего способа для решения интересующего меня вопроса, так как человеческий разум в данном случае слишком слаб.

⁹ *Примеч. мистера Маккеллара.* Чистейшая ошибка: в ноябре месяце не было еще и разговора о женитьбе мистера Генри на мисс Алисон. См. книгу, которую я написал.

Если я не ошибаюсь, то, кажется, на третий день нашего странствования мы наткнулись на труп оскальпированного человека, страшно изуродованного и плавающего в крови; по трупу несчастного гуляли птицы, и весь он был усеян мухами. Я не могу сказать, какой ужас овладел мною при виде этого зрелища, и я должен признаться, что, глядя на несчастного, я потерял всю свою энергию и всю надежду на благоприятный исход нашего путешествия.

В этот же день, когда мы взбирались на холм, находившийся в той части леса, которая, как видно, была выжжена, Баллантрэ, шедший несколько впереди, вдруг сел на корточки и спрятался за пень сломанного дерева. Я поспешил последовать его примеру и также скрылся за пнем, и отсюда, из этого убежища, в то время как нас никто не мог видеть, мы отлично могли следить за тем, что происходило вокруг нас, и мы ясно разглядели, как в конце долины нам навстречу шла целая партия дикарей, все голые по пояс, вымазанные сажей и жиром и раскрашенные киноварью, в цвет их одежды. Они шли гуськом и быстрым шагом, так что не прошло и десяти минут, как они подошли уже к тому месту, где мы находились, и, крича и горлая, прошли мимо нашего убежища, не заметив нас. Что мы испытали в эти десять минут, я не в силах описать, знаю только, что они показались нам вечностью. Куда шли эти индейцы, искали ли европейцев, которых они могли скальпировать, – это неизвестно, да и испуг наш был настолько велик, что мы об этом и не думали, а только ломали себе голову, что нам делать: лежать ли по-прежнему на земле и ждать, что будет дальше, или отправиться в дальнейшее путешествие, ежеминутно рискуя попасть в руки татуированных чертей. Мне кажется, что даже Аристотель, несмотря на его великий ум, не был бы в состоянии решить этот вопрос.

Баллантрэ обернулся ко мне; лицо его было покрыто смертельной бледностью, а зубы так и стучали; он не мог выговорить ни одного слова и только вопросительно взглянул на меня.

– Кто их знает, союзники ли это англичан или французов, – шепнул я, – но, во всяком случае, мне кажется, что нам надо отправиться снова в путь.

– Знаю, знаю, – ответил он. – Но рано или поздно мы, по всей вероятности, все-таки попадем к ним в руки.

И с этими словами он вытащил из кармана гинею, потряс ее в руках, взглянул на нее и затем бросился снова лицом на землю.

Дополнения мистера Маккеллара к мемуарам полковника Бурке

Я прерываю здесь мемуары полковника по той причине, что в последний описанный полковником день он с мастером Баллантрэ рассорился, и они продолжали свое дальнейшее путешествие каждый в отдельности. Я должен сказать, что то, что полковник рассказывал нам относительно этой ссоры, до такой степени неправдоподобно, что я не осмеливаюсь даже передать его рассказ. Знаю только, что, окончательно рассорившись, каждый из них пошел своей дорогой, и что тому и другому пришлось перенести множество невзгод, пока они не попали в форт С.-Фредерик, где корабль, шедший во Францию, взял их с собой.

Теперь я упомяну еще о двух фактах, которые, по моему мнению, весьма интересны. Первый факт это то, что мастер Баллантрэ во время своего скитанья, без полковника Бурке, зарыл все свои сокровища, так как таскать их с собой ему наконец надоело, но что места, где он зарыл их, никто и никогда не нашел и даже он сам, несмотря на то, что он сделал там особенную заметку. Второй интересный факт тот, что когда мастер Баллантрэ, вскоре после того, как полковник Бурке пришел в форт С.-Фредерик, пришел также туда, полковник встретил его как родного брата, и так как у Баллантрэ не было денег, чтобы заплатить за проезд на корабле, Бурке за свой счет перевез его во Францию.

Хотя Бурке по простоте души и относился к мастеру Баллантрэ чисто по-братски и, рассказывая нам о нем, всячески старался его расхвалить, я все-таки должен сказать, что если можно хвалить кого-нибудь, так только достопочтенного автора напечатанных в этой главе мемуаров.

Я подчеркиваю, что полковник Бурке прекрасный человек, во всех отношениях заслуживающий уважения, именно потому, что в начале моего знакомства с ним я отнесся к нему несколько несправедливо, основываясь на некоторых высказанных им взглядах, казавшихся мне несимпатичными. Во всяком случае, я уверен, что и о ссоре, происшедшей между ним и Баллантрэ, он, не желая сказать что-нибудь дурное про своего друга, рассказал совсем не то, что было на самом деле. Я отлично изучил характер мастера Баллантрэ и знаю, что второго такого забияку, каким он был, трудно найти. Мне очень жаль, что полковник Бурке не вполне чистосердечно высказался относительно этой ссоры и не рассказал о ней в своих мемуарах, тем более, что знать об этом было бы чрезвычайно интересно и читать очень приятно, так как полковник (за исключением некоторых лишних похвал в адрес Баллантрэ) рассказывает обо всем, что с ним и его другом случилось, крайне правдиво и весьма увлекательно.

Глава IV

Гонения, перенесенные мистером Генри

Нетрудно догадаться, о котором из событий, происшедших во время его путешествия с Баллантрэ, полковник Бурке больше всего говорил. Во всяком случае то, что рассказал полковник, было то же самое, что я прочел впоследствии в его мемуарах, но все места, касавшиеся неблагородных поступков Баллантрэ, были исключены. О бегстве с корабля пиратов Бурке рассказал совсем иначе, чем это было на самом деле, а о гадком поступке с Деттоном он даже не упомянул.

Но дослушать рассказ полковника до конца мне не пришлось, так как мистер Генри, сидевший тут же вместе с нами и, по-видимому, погруженный в мрачные думы, вдруг встал и, извинившись перед полковником за то, что он покидает его, но что у него необыкновенно спешное дело, попросил меня немедленно отправиться вместе с ним в его рабочий кабинет.

Придя к себе в кабинет, мистер Генри, не скрывая больше своего волнения, с лицом, искаженным от испытываемых им тяжелых чувств, принялся ходить взад и вперед по комнате, ежеминутно хватаясь рукой за лоб.

– У меня есть к вам дело, – сказал он, но вдруг, не договорив фразы до конца, прервал нить разговор и попросил меня велеть подать нам самого лучшего вина.

Это меня крайне удивило, так как он никогда не имел привычки пить во время занятий; но что удивило меня еще больше, так это то, что он выпил несколько стаканов залпом один за другим. Этого уж он никогда не делал.

Но вино оказало на него благотворное действие. Выпив последний стакан, он сказал:

– Вы, по всей вероятности, нисколько не удивитесь, если я вам скажу, что брат мой, который, как мы только что слышали, жив, нуждается в деньгах.

Я ответил ему, что это меня нисколько не удивляет, но что в настоящее время нам очень трудно выслать ему какую бы то ни было сумму, так как мы не при деньгах.

– Да, я знаю, что у меня их нет, но можно послать часть денег, отложенных для выкупа имения.

Я осмелился заметить, что это деньги миссис Генри.

– Я сумею ответить перед женой за свои поступки! – закричал он сердито.

– Это я отлично знаю, – ответил я. – Но если вы позволите, то я осмелился бы дать вам совет.

Я постарался объяснить ему, что трогать эти деньги не следует, так как время для этого в высшей степени неудобное, и что если мы растратим эти деньги, то мы таким образом потеряем все, что мы за последнее время сэкономили, и имение нельзя будет выкупить. Я просил его не тратить этих денег, осмелился даже возражать ему, когда он начал со мной спорить, и когда он, ничего не отвечая мне, с горькой усмешкой покачивал лишь головой, я в своем рвении дошел до того, что забыл, что я подчиненный, а мистер Генри мой патрон, и громко воскликнул:

– Помилуйте, можно ли делать такие вещи! Ведь это просто-напросто безумие, и я не желаю помогать вам в исполнении этого безумного намерения.

– Вы говорите так, как будто мне доставляет удовольствие тратить эти деньги, – сказал мистер Генри. – Не забудьте, что у меня есть ребенок, и что я уж единственно ради него не стал бы трогать эти деньги, если бы это не было необходимо, тем более, что я за последнее время полюбил это поместье и живо интересуюсь всем, что его касается.

Он на минуту погрузился в мрачное раздумье и затем продолжал:

– Но что же мне делать? Посудите сами. Мне тут ничего не принадлежит, ничего, ровно ничего. Известие, которое я получил сегодня, разбило всю мою жизнь. Мне принадлежит

только мое имя и тень прошедшего: воспоминания о том, что я создал. Прав нет у меня никаких.

– Мне кажется, что если бы вам вздумалось ходатайствовать перед судом, то оказалось бы, что вы имеете весьма существенные права, – сказал я.

Он взглянул на меня пылающим взором и хотел ответить что-то, но не высказал того, что думал. Я раскаялся уже было в том, что сказал, так как понял, что если мистер Генри говорил о своей любви к поместью, то он косвенно говорил и о любви к жене, все интересы которой были сосредоточены на поместье, – полюбив ее, он почувствовал симпатию и к тому, что нравилось ей, – когда взгляд мой упал на мистера Генри, и мысли мои приняли иное направление.

Он стоял передо мной и вытаскивал из кармана скомканное письмо, затем бросил его на стол и громким, сердитым голосом и дрожащими от волнения губами начал читать:

– *«Мой дорогой Иаков!»*... Послушайте только, как он обращается ко мне! – закричал он. – *«Мой дорогой Иаков! Ты, вероятно, помнишь, что я прежде называл тебя этим именем, теперь же ты на самом деле занял положение Иакова и вытеснил меня»*... Что вы скажете на это, мистер Маккеллар, и это пишет мне родной брат! Клянусь вам, я некогда искренно любил его, я всегда защищал его, и вот что он мне пишет! Но я не позволю ему хулить меня! Я не хуже его! – закричал он, расхаживая взад и вперед по комнате, – я не только не хуже, а, видит Бог, даже лучше его! Я не могу дать ему ту огромную сумму денег, которую он спрашивает; он отлично знает, что поместье не дает нам таких доходов, чтобы мы могли тратить такие суммы, но я дам ему все-таки большую сумму, быть может, даже большую, чем он надеется получить от меня...

– О, вы не поверите, сколько мне пришлось вынести из-за него! Послушайте только, что он пишет дальше; прочтите это сами, или нет, дайте, я вам прочту. *«Я знаю, что ты скупой пес»*... Скупой пес! Я – скупой! Разве это правда? Скажите, Маккеллар, разве это правда? – Он взглянул на меня таким сердитым взглядом, что я думал, что он тотчас ударит меня. – Да, да, все думают, что я скупой. Ну, пусть думают. Но вы увидите, что это неправда, и он увидит, и Бог знает, что на меня клеветают. Однако я скажу вам вот что: если он заставит меня растратить все наше имущество, и если он окончательно разорит нас и мне придется просить милостыню, то я задушу, задушу этого кровопийцу. Пусть он спрашивает все, все, что хочет, я все дам, что он спрашивает. Ведь он наследник, он имеет все права...

– О, – закричал он, – я все это предвидел, все предвидел, когда он не дал мне идти на войну, я знал, что все это будет!

Он снова налил себе стакан вина и собрался поднести его к губам, когда я, набравшись смелости, подошел и удержал его за руку. Он на минуту призадумался.

– Вы правы, – сказал он после этого и бросил стакан и бутылку в камин. – Давайте лучше считать деньги.

Я не смел дольше спорить с ним и поспешил исполнить его приказание. В душе я был крайне взволнован. Я привык видеть мистера Генри всегда спокойным и тихим, и поэтому не мудрено, что, когда я увидел его в таком возбужденном состоянии, это чрезвычайно поразило меня. Мы уселись с ним за стол, сосчитали деньги и вложили в пакет, который мистер Генри намеревался передать полковнику Бурке с тем, чтобы тот доставил его по назначению.

Окончив это дело, мистер Генри отправился снова в зал, где находились его отец и полковник, и все они втроем просидели до глубокой ночи.

Перед самым рассветом меня попросили сойти также вниз и проводить полковника до лодки, которая ждала его. Быть может, он не очень охотно принял меня в проводники и желал, чтобы более почетное лицо проводило его, – не знаю, но только ему пришлось довольствоваться моим обществом, так как мистеру Генри нельзя было ночью показываться на улице, главным образом из-за свободных торговцев.

Утро было чрезвычайно холодное, ветер дул сильный, и когда мы проходили по длинной аллее, засаженной кустарниками, полковник еще крепче закутался в свой плащ.

– Сэр, – обратился я к нему, – ваш друг требует крупную сумму денег. По всей вероятности, он сильно нуждается в них, если не стесняется просить так много.

– Надо полагать, что так, – ответил Бурке, как мне показалось, довольно сухо.

Быть может, впрочем, я и ошибся, и мне только показалось, что он ответил неохотно, потому что рот его был закутан и звук голоса вследствие этого был глухой.

– Я не член семейства, а только слуга, и крайне преданный слуга, поэтому вы можете говорить со мной совершенно откровенно, – сказал я. – Как вы думаете, мне кажется, что от мастера Баллантрэ мы ничего хорошего не дождемся.

– Дорогой друг мой, – сказал полковник, – я могу ответить вам на это только одно, что я лично восторгаюсь гениальными способностями этого человека и его удивительным умом, но, несмотря на это... – Он запнулся, по-видимому, он не знал, можно ли ему продолжать говорить.

– Но, несмотря на это, – сказал я, – трудно ожидать от него чего-нибудь хорошего.

– Пожалуй, что так, мой дорогой друг, – ответил Бурке.

В эту минуту мы подошли к тому берегу залива, где полковника ждала лодка. Перед тем как сесть в лодку, он сказал:

– Позвольте поблагодарить вас за вашу любезность и за то, что вы проводили меня, мистер... виноват, я все забываю вашу фамилию, и так как вы питаете такой живой интерес к семье лорда, сообщить вам об одном маленьком обстоятельстве, которое семейству не известно, но о котором ему, быть может, крайне полезно будет знать. Если я не ошибаюсь, то друг мой забыл упомянуть о том, что у него где-то в Париже хранится громадный капитал, состоящий из шотландских денег, и что самое неприятное, – вдруг плачевным голосом закричал полковник, – это то, что из этих денег на мою долю не придется ни одного пенни.

Он при этих словах с видом иронии снял предо мной шляпу и как-то иронически низко поклонился, как будто я был виноват в том, что друг его не дает ему ни одного пенни, а затем, с привычной ему вежливостью, любезно подал мне на прощание руку и с денежным пакетом под мышкой, под нос насвистывая патетическую арию из «Shule Aroon», уселся в лодку.

В первый раз в жизни я слышал этот мотив. Я услышал его впоследствии вторично, услышал и мотив, и слова, ты убедишься в этом, читатель, и тотчас вспомнил, где и когда слышал его в первый раз. Странно, до какой степени сильно в памяти моей запечатлелся мотив, который насвистывал полковник, и как ясно я вспоминаю еще до сих пор всю эту сцену: как полковник влезал в лодку, как он принялся свистеть, как один из свободных торговцев, ждавших его в лодке, шепнул ему: «Тише, черт вас побери!», и как раздался стук весел и лодка отчалила от берега, и как она подъезжала все ближе и ближе к парусному судну, стоявшему в порядочном отдалении от берега и ожидавшему прибытия лодки.

Сумма денег, высланная мастеру Баллантрэ, нанесла нашим делам большой ущерб. Для того, чтобы кое-как сводить концы с концами и иметь возможность хозяйничать, надо было сделать снова весьма значительный заем, и с этой целью мне пришлось ехать в Эдинбург. Таким образом я приблизительно недели три находился в отсутствии.

Что происходило в продолжение этого времени в доме лорда, я в точности сказать не могу, так как никто не сообщил мне об этом, но при своем возвращении я нашел в поведении миссис Генри огромную перемену. Послеобеденные разговоры с милордом прекратились, с мужем она вела себя любезнее, заговаривала с ним гораздо чаще и старалась даже казаться покорной, а главное, чего прежде никогда не было, очень интересовалась своей маленькой дочкой.

Казалось, подобная перемена в поведении жены должна была бы понравиться мистеру Генри. Но на самом деле это было не так. Напротив, всякая перемена в поведении жены была

ему неприятна, так как он отлично понимал, что жена его вела себя таким образом, чтобы скрыть от него то чувство, которое она питала к его брату. Прежде, когда она воображала, что мастера Баллантрэ не было уже в живых, она как бы хвасталась своим постоянством и своей любовью к нему, теперь же, когда она знала, что он жив, ей было совестно за то, что она так явно выказывала свою любовь к тому, кто ее вовсе не любил, и чтобы заставить других забыть об этом, она и переменяла свое обращение с мужем и ребенком.

Так как я решил ничего не скрывать, а рассказывать обо всем, что происходило, совершенно правильно и придерживаться во всем правды, то я не могу не сказать, что поведение мистера Генри по отношению к жене было теперь хуже, чем ее поведение по отношению к нему. Появление полковника Бурке, очевидно, дурно подействовало на него: он сделался страшно раздражителен и хотя при чужих и сдерживался, но когда был наедине со мной, явно выказывал свое дурное расположение духа. Со мной он не стеснялся и не только не скрывал от меня своего дурного расположения духа, а порой относился ко мне даже крайне несправедливо. Даже жене он очень часто отвечал резко, большей частью тогда, когда она оказывала ему ласку, к которой он не привык, а порой просто так, без всякой видимой причины, просто потому, что он был постоянно недоволен и желал на ком-нибудь сорвать свою досаду. Если бы мистер Генри и его жена могли со стороны взглянуть на себя, то они, наверное, сами удивились бы происшедшей в них перемене.

И в то время, как мистер Генри изо дня в день раздражался и, так сказать, давал волю своему дурному расположению духа, он вместе с тем приводил поместье все в худшее и худшее состояние, потому что не переставал посылать брату деньги, когда тот обращался к нему с просьбой. И все это он делал молча. Играло ли тут роль благородство или оскорбленная гордость, этого я решить не берусь, знаю только, что мастер Баллантрэ без конца присылал к нам свободных торговцев за деньгами, и что он ни разу не получал отказа.

Я ничего не мог против этого сделать; спорить с ним я не решался, так как это все равно ни к чему бы не привело: он бы меня не послушался. Быть может, по той причине, что его совершенно несправедливо обвиняли в скупости, он как бы назло тем, которые это говорили, швырял, выдавал суммы денег брату, который только и делал, что требовал их. Фальшивое положение, в котором он находился, способствовало этому, и, быть может, и другой человек, даже с более спокойным характером, сделал бы то же самое, если бы он очутился на месте мистера Генри.

При таких условиях денежные средства наши, понятно, все убывали и убывали, поместье приходило все в худшее и худшее положение, так как не хватало средств, чтобы поддерживать его, траты все увеличивались, а доходы уменьшались, и мы в конце концов вынуждены были начать делать различные экономии: лошади продавались, конюшни пустели, пришлось оставить лишь четыре дорожные лошади, а остальных продать, и несколько человек из прислуги пришлось уволить, так как не было возможности содержать их. Они, разумеется, начали роптать, ропот поднялся также среди остальной оставшейся в доме прислуги, и прежняя ненависть против мистера Генри снова возродилась в их сердцах. Кончилось тем, что мне пришлось прекратить даже мои ежегодные визиты в Эдинбург, так как закладывать уже было нечего.

Это было в 1756 году. В течение семи лет, прошедших с тех пор, как мастер Баллантрэ потребовал впервые деньги, этот кровопийца вытянул все соки из имения Деррисдир-Баллантрэ. Но, несмотря на это, в продолжение всех этих семи лет мистер Генри все посылал деньги и все упорно молчал о том, что он их посылал. Мастер Баллантрэ никогда не обращался с просьбой за деньгами к отцу, а всегда к брату, и это он делал умышленно, чтобы отец не знал, что он требует денег. Так как лорд и миссис Генри не знали, что мистер Генри посылал брату деньги, то они крайне удивлялись тому, что он то на том, то на другом делал экономию. Его упрекали в том, что он скупец, и к нему начинали питать неприязненные чувства. Скупость вообще отвратительный недостаток, а у такого молодого человека, как мистер Генри, которому

не было еще и тридцати лет, недостаток этот казался еще хуже. Лорд и жена мистера Генри были крайне недовольны переменами, происходившими в хозяйстве, но так как мистер Генри смолоду управлял имением, то они ни во что не вмешивались и только сердились.

Мистер Генри и его жена редко бывали вместе и встречались по большей части только за столом, во время обеда или ужина.

Вскоре после известия о том, что мастер Баллантрэ жив, миссис Генри, как я уже говорил, стала относиться к своему мужу лучше, и, в противоположность ее прежнему поведению с ним, старалась быть даже ласковой и покорной. Но попытки ее к сближению с мужем ни к чему не привели. Не знаю, осуждать ли мне мистера Генри за то, что он не воспользовался благоприятным случаем завоевать любовь своей жены, или же обвинять мне миссис Генри за то, что она после нескольких тщетных попыток так быстро спряталась снова в свою скорлупку и сделалась по-прежнему холодна и неприступна, но только результатом всего этого было полное отчуждение супругов, и они постепенно отвыкли друг от друга настолько, что встречались и разговаривали друг с другом только за столом. Даже материальные вопросы, и те обыкновенно разбирались за обедом, между прочим и следующий вопрос: почему я перестал ездить в Эдинбург, и выкупаем ли мы понемногу имение.

Случилось так, что как раз в тот день, когда об этом зашла речь, жена мистера Генри была в дурном расположении духа и во что бы то ни стало желала спорить. Как только она услышала, как на вопрос об этом, предложенный лордом, мистер Генри ей ответил, вся кровь от злости бросилась ей в лицо.

– Мне, наконец, надоело терпеть всевозможные лишения! – воскликнула она. – Мы экономничаем и скарעדничаем, а какая мне от этого выгода? Какое я имею удовольствие? Ровно никакого. Я не желаю жить так, как мы живем. Соседи и без того смеются над нами. Я не буду больше стесняться и буду жить так, как мне это нравится. Эта глупая экономия во всем с нынешнего же дня прекратится.

– Но у нас нет средств на то, чтобы жить широко, – возразил мистер Генри.

– Как нет средств? – закричала она. – Стыдитесь говорить такие вещи. Впрочем, мне все равно, делайте что хотите, у меня есть свои деньги.

– Деньги эти, согласно брачному контракту, принадлежат мне, сударыня, – проворчал мистер Генри и вышел из комнаты.

Милорд поднял руки к небу и тотчас после этого встал из-за стола и вместе со своей невесткой подошел к камину. Я воспользовался тем, что все встали, и также вышел из комнаты.

Я отправился в рабочий кабинет мистера Генри. Он сидел за письменным столом и коло-тил по нему перочинным ножиком. Выражение лица у него было сердитое.

– Мистер Генри, – сказал я, – вы сами вредите себе и, по моему мнению, пора кончить все это.

– О, – закричал он, – это вы так думаете! Вы относитесь ко мне справедливо, но, поверьте, что кроме вас, все без исключения обвиняют меня! И это вполне естественно. Ведь у меня отвратительный недостаток, я – скупой! – Он взял перочинный нож и засадил его лезвие по рукоятку в стол. – Но я покажу им, какой я скупец, какой я скряга! – закричал он. – Я открою им глаза, и пусть они рассудят, кто из нас благороднее, он или я.

– То, что вы называете благородством, не благородство, а гордость.

– Прошу вас не учить меня, я в ваших поучениях не нуждаюсь, – ответил он.

Я понял, что он нуждается в помощи, и поэтому, не долго думая, отправился вниз, и как только миссис Генри ушла к себе в комнату, я постучался к ней и попросил позволения войти.

Она в удивлении взглянула на меня, когда я вошел, и спросила:

– Что вам угодно от меня, мистер Маккеллар?

– Бог свидетель, сударыня, что я никогда бы не осмелился вас потревожить – сказал я, – если бы я не убедился в том, что это необходимо. Моя совесть не позволяет мне дольше молчать. Я положительно удивляюсь, как вы и лорд Деррисдир можете быть, извините за выражение, до такой степени слепы, что не видите, что вокруг вас делается. Вы столько лет живете с таким благородным, таким честным человеком, как мистер Генри, и так мало его знаете.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила она резким тоном.

– Знаете ли вы, куда идут деньги мистера Генри, ваши деньги и те деньги, которые ваш муж тратил прежде на покупку вина для стола? Знаете куда? В Париж, к известному вам человеку. В продолжение семи лет мы выслали ему восемь тысяч фунтов, и мой патрон был до такой степени нерассудителен, что скрывал все это от вас.

– Восемь тысяч фунтов! – повторила она. – Это невозможно! Наше поместье не дает таких доходов.

– Одному Богу известно, сколько нам стоило труда добыть эти деньги, – сказал я, – но факт остается фактом: мы послали ему восемь тысяч шестьдесят фунтов с несколькими шиллингами. Если я осмелился вмешаться в это дело, так только с той целью, чтобы вы не думали о моем патроне, что он скуп, когда это неправда. Теперь вам все известно, больше я ничего не скажу.

– Вы отлично сделали, что вмешались в это дело, – сказала она, – и я действительно достойна порицания за то, что я такая невнимательная жена, – присовокупила она, глядя на меня с улыбкой, – но я постараюсь все это изменить, непременно постараюсь. Мастер Баллантрэ был всегда очень беспечный и легкомысленный человек, но сердце у него доброе и благородное. Я напишу ему. Вы не можете себе представить, как вы расстроили меня тем, что вы мне сообщили.

– Я думал, напротив, оказать вам большую услугу тем, что я открыл вам глаза, – сказал я, в душе страшно сердясь на нее за то, что она все еще так восторженно отзывалась о мастере Баллантрэ.

– Да, да, разумеется, вы оказали мне услугу, разумеется, оказали услугу, – сказала она.

В тот же самый день я, к великому своему удовольствию, увидел, как мистер Генри выходил из комнаты жены. Он имел совсем иной вид, чем в продолжение всех этих последних лет, а на его лице заметны были следы пролитых слез. По всей вероятности, он помирился с женой.

«Ага, – подумал я, – я все-таки правильно поступил, что обратился к миссис Генри».

На следующий день, в то время как я сидел за своими счетными книгами, мистер Генри сзади подошел ко мне и нежно потряс меня за плечи.

– Я не ожидал, что вы такой изменник, – сказал он мне ласковым голосом.

Это было все, что он сказал, но он сказал это таким ласковым, полным благодарности тоном, что в нем я прочел самую искреннюю похвалу.

Мое вмешательство привело все-таки к известным благоприятным результатам. Когда в следующий раз посланный от мастера Баллантрэ явился снова к нам за деньгами (и это было в очень скором времени), он вместо денег получил только письмо. Обыкновенно я отвечал на все эти письма коротко и ясно, так как тут и писать было нечего, а в письме обозначалось только, какая посылалась сумма, в этот же раз я даже и не видел письма, которое ему послали. Мистер Генри вместе с женой сочинили его, и, по всей вероятности, содержание его было не особенно интересно для того, кому оно посылалось. Во всяком случае, я должен сказать, что давно не видел мистера Генри в таком хорошем расположении духа, как в тот день, когда было послано письмо.

Отношения между мистером Генри и его женой сделались сноснее. На мистера Генри в его семье не смотрели теперь, по крайней мере, как на врага, и он, наверное, жил бы с женой даже дружно, если бы только он был менее горд, а она перестала любить своего прежнего идола.

Эта злополучная страсть к брату ее мужа и была главной причиной ее несчастья и несчастья мистера Генри.

Удивительно, насколько мысль о том, что миссис Генри любит не его, а его брата, отравляла существование мистера Генри и насколько эта мысль оскорбляла его гордость и препятствовала сближению супругов. И странно, что хотя миссис Генри теперь никогда не заикалась о своих чувствах к мастеру Баллантрэ и упорно молчала о нем, все мы знали, что любовь ее принадлежала не тому человеку, за которым она замужем, а тому, кто жил и наслаждался жизнью в Париже. Быть может, читатель полагает, что после того, как я сообщил ей о том, что мастер Баллантрэ разоряет ее и ее мужа, она стала меньше любить своего идола? О, нет, нисколько! Что мистер Генри приходил в возмущение от мысли о том, что жена любит его брата, вполне естественно: если бы мастер Баллантрэ когда-нибудь оказал ей малейшее внимание, нежно любил ее или интересовался ею, то можно было бы еще понять, почему она питает к нему привязанность, но он, наоборот, относился к ней всегда крайне нелюбезно и нисколько не стеснялся в своем поведении с ней. Поэтому вполне понятно, что любовь к бессердечному, беспутному человеку приводила мистера Генри в ярость.

Я вообще по природе не влюбчив и мало интересуюсь любовными интригами, поэтому не мудрено, что любовь, которую миссис Генри питала к такому недостойному человеку, как мастер Баллантрэ, не внушала мне симпатии и возбуждала во мне лишь одно отвращение. Я отлично помню, как я один раз рассердился на какую-то простую девушку, прислуживавшую в доме лорда, за то, что она пела какую-то любовную песню, которую, по моему мнению, нельзя было петь, и помню, что вся женская прислуга в доме лорда не любила меня за то, что я не обращал на нее никакого внимания. Мистер Генри очень потешался этим и не раз поддразнивал меня по поводу того, что женская прислуга меня недолюбливает. Странно, несмотря на то, что и мать моя, и моя тетка Диксон, которая платила даже за меня в то время, как я находился в университете, были очень хорошие и трудолюбивые женщины, и я, стало быть, имел дело с прекрасными представительницами женского пола (женский пол был мне всегда несимпатичен), и хотя я и не позволял себе обращаться с женщинами нелюбезно, я по возможности избегал их общества. В том, что я избегал женщин, я нисколько не раскаиваюсь, так как не раз имел случай убедиться в том, что те, которые поступали в этом случае менее благоразумно, чем я, страдали от этого. Мысль о том, как много страданий мужчинам причиняет любовь к женщинам, невольно приходила мне на ум, когда я думал о мистере Генри, и невольно запала мне снова в душу в то время, как я перечитывал во второй раз письмо, поданное мне неизвестным человеком. Письмо это я получил вскоре после того, как посланный от мастера Баллантрэ отправился в обратный путь, не получив денег, и письмо это было первым предвестником последовавших в скором времени неприятностей.

**Письмо полковника Бурке
(впоследствии кавалера Бурке)
к мистери Маккеллару**

«Мой дорогой сэръ, вы, без сомнения, будете крайне удивлены, получив письмо от столь мало знакомого вам человека, но так как во время своего пребывания у лорда Деррисдира я заметил, что вы человек серьезный и положительный, и я должен сказать, что эти качества в человеке я высоко ценю, настолько же высоко, как я ценю солдата за его храбрость, то я и решаю обратиться письменно к вам, тем более, что мне известно, какой интерес вы питаете к той уважаемой семье, которой вы служите, или, вернее сказать, какой вы друг этой семьи. В этом я убедился, когда поговорил с вами в то утро, в которое вы были так любезны проводить меня.

Находясь уже второй день в Париже, в этом знаменитом городе, где в настоящее время стоит мой полк, я воспользовался случаем и отправился к

моему другу, мастеру Б., чтобы узнать от него, как ваша фамилия, которую я, признаться, снова было забыл, и теперь, узнав ее, спешу сообщить вам весьма интересную новость.

В то время, когда мы виделись с вами в последний раз, я сообщил вам о том, что у моего друга в Париже хранится весьма крупное состояние. Благодаря этому состоянию он в скором времени по приезде в Париж поступил в полк, а благодаря протекции сделался командиром полка, тогда как я, несмотря на то, что состоял в свите принца, должен был ехать в провинцию, в глушь. Я также привык вращаться в аристократическом обществе и служить при дворе, и поэтому вполне сочувствую моему другу в том отношении, что он не пожелал жить в провинции, хотя, должен сказать, дорогой сэръ, что лучше решиться уехать подальше от столицы, чем искать протекции у дам, как это сделал мой друг Б. Он вообще пользуется огромным успехом у женщин, и благодаря им он сделал карьеру.

Но счастье его продолжалось недолго. Когда я имел удовольствие видеть его в последний раз, он только что вышел из Бастилии, куда его засадили, по какой причине, мне неизвестно, так как она держится в секрете, и откуда его теперь выпустили. В настоящее время у него, разумеется, ничего больше нет, ни полка, ни капитала: все у него отнято. Ни хитрость, ни протекция не могут ему теперь больше помочь, вы, вероятно, согласитесь со мной в этом отношении.

Мастер Б., умом и гениальностью которого я и ныне восторгаюсь и которого я люблю, так как считаю его своим другом, находится в настоящее время в крайне печальном положении. Он положительно в отчаянии и желает непременно предпринять экскурсию в Индию (туда я также намереваюсь съездить, вместе с моим известным соотечественником, мистером Лалли).

Насколько я мог понять, моему другу на поездку нужны деньги, и вот об этом я и имею честь доложить вам, мой дорогой сэръ. Вы, быть может, слышали военную поговорку: „Врагу, лишь бы он обратился в бегство, каждый рад выстроит хотя бы даже золотой мост“, и вот этой поговоркой я советую вам руководствоваться.

*В надежде, что вы воспользуетесь моим советом, я, прося вас передать мое низжайшее почтение лорду Деррисдиру, его сыну и прелестной миссис Дьюри, остаюсь, дорогой сэръ, вашим покорным слугой
Ф. Бурке».*

Это послание я, разумеется, тотчас отнес мистеру Генри, и он, равно как и я, подумал, по всей вероятности, одно и то же, а именно: что письмо пришло неделей позже, чем следовало. Я, конечно, поспешил послать ответ полковнику Бурке и попросил его передать мастеру Баллантрэ, чтобы он прислал за деньгами, что мы вручим их посланному, но, несмотря на всю мою поспешность, я не мог предупредить того, что должно было случиться. Я мог только надеяться на то, что Провидение не допустит, чтобы совершилось что-нибудь ужасное, хотя, как я теперь вспоминаю, мы, желая предупредить разыгравшуюся все-таки катастрофу, сделали со своей стороны все, что могли, чтобы не дать ей возможности совершиться.

Получив письмо от полковника, я приобрел подзорную трубу, чтобы иметь возможность видеть из своей комнаты, если кто-нибудь чужой покажется вдали аллеи. Кроме того, я узнал у крестьян, в какое время приблизительно свободные торговцы приходят в поместье, чтобы в случае, если между ними окажется посланный от мастера Баллантрэ, я мог пригласить его к себе и осведомиться о том, что меня интересовало. Я обратился с этим вопросом к крестьянам, а не к самим торговцам, с которыми я иногда встречался, по той причине, что торговцы

эти были народ грубый. Иметь с ними дело было крайне неприятно, тем более, что большинство из них были воры, и, кроме того, все они были вооружены. Меня эти вечно полупьяные разбойники терпеть не могли и не только дали мне почему-то прозвище «подагрик», а старались всячески злить меня. Раз как-то я поздно вечером шел по одной из боковых аллей огромного парка, как вдруг на меня набросилась партия полупьяных торговцев и крича: «Подагрик, подагрик!», заставила меня плясать перед ней, то есть торговцы своими обнаженными кортиками принялись бить меня по ногам и таким образом, разумеется, заставляли меня прискакивать и делать невольные движения ногами. Хотя существенного вреда они мне не причинили, они настолько сильно побили меня, что мне пришлось несколько дней пролежать в постели. По моему мнению, для Шотландии это положительно позорно, что в XVIII веке там могли происходить еще подобные вещи, и виновники таких гадких поступков, совершая их, не подвергались за это наказанию.

Седьмого ноября того же злосчастливого года я, гуляя по парку, увидел вдруг свет на Меккеросском маяке. Я гулял уже довольно долго, и мне пора было уже возвращаться домой, а между тем я все-таки пошел по аллее дальше вперед, так как настроение у меня в продолжение всего этого дня было до такой степени скверное, что я решил, что мне необходимо побыть еще на воздухе. Я прошел к тому месту, которое носило название «Горная вершина». Солнце уже зашло, но на западе виднелась еще широкая светлая полоса, бросавшая свет на залив, и при этом свете я увидел вдали, на берегу залива, партию контрабандистов, разводивших огонь, а на воде люггер, взятый на гитовы. Корабль этот, по всей вероятности, только недавно бросил якорь, а лодка только что была спущена и в скором времени должна была пристать к пристани, находившейся в конце аллеи, засаженной кустарниками. Не было никакого сомнения в том, что тот, кто должен был подъехать к нашей пристани, был посланный от мастера Баллантрэ.

В ту же минуту, как я заметил все это, не думая о том, что мне могла грозить какая-нибудь опасность, спустился по откосу холма к самому заливу и, спрятавшись за кустарниками, наблюдал за тем, что происходило на корабле и на лодке.

Лодка отплыла от корабля, в ней сидел капитан Крэль, и, что случалось чрезвычайно редко, – сам сидел на руле. Рядом с ним сидел пассажир. Матросы с трудом поместились в лодке, вследствие того, что вся она была занята пакетами и чемоданами пассажира, но, несмотря на это, она быстро помчалась по воде, когда матросы принялись работать веслами. В самом скором времени лодка пристала к пристани, пакеты и чемоданы пассажира лежали уже на берегу, а рядом с ними стоял сам пассажир.

Это был высокий, стройный человек в черном костюме, с саблей на боку и с тросточкой в руке. Когда капитан на лодке отъезжал от пристани, человек в черном костюме махнул ему тросточкой, как бы выражая этим не то поклон, не то благодарность.

Как только лодка отошла от берега, я, набравшись мужества, в то время как душа моя была полна страха и предчувствий истины, вышел из своей засады и остановился неподалеку от того места, где стоял незнакомец. Мне кажется, что я простоял бы на берегу, дрожа от холода, в продолжение всей ночи, если бы незнакомец не обернулся в ту сторону, где я стоял, и, увидев меня сквозь туман, который начал было спускаться на землю, не сделал бы мне знак рукой и не закричал бы, чтобы я подошел к нему.

Я с тяжелым сердцем подошел к незнакомцу.

– Вот, мой добрый человек, – сказал он мне, на правильном английском языке, – тут у меня есть вещи, которые следовало бы снести в дом лорда Деррисдира.

Теперь я подошел к нему настолько близко, что ясно мог разглядеть его.

Это был очень красивый и стройный молодой человек, с худощавым смуглым лицом и быстрым, живым, острым взглядом, какой бывает у людей, привыкших командовать, и с родимым пятном на щеке, которое нисколько не портило его. На руке у него блестел крупный бриллиант, костюм на нем был хотя одноцветный, но щегольский, сшитый на французский фасон,

он носил более длинные манжеты, чем было модно в то время, и они были из самой тонкой материи.

Меня крайне удивлял этот нарядный костюм человека, только что покинувшего грязный корабль контрабандистов. В то время, как я думал еще об этом, незнакомец взглянул на меня вторично, и теперь уже пронизательным, испытующим взглядом, и затем, улыбнувшись, сказал:

– Бьюсь об заклад, что я знаю, кто вы такой, и мне известно не только ваше имя, но и ваше прозвище. Вы – мистер Маккеллар.

Услыхав эти слова, я задрожал.

– О, – сказал он, – вам нечего меня пугаться. Я вовсе не сержусь на вас за ваши скучные письма, и я имею даже намерение воспользоваться вашими услугами. Называйте меня мистером Балли. Я это имя теперь принял или, вернее, чтобы быть более точным, свое настоящее имя я сократил в «Балли». Будьте так любезны и потрудитесь забрать столько вещей, сколько вы в состоянии снести, и доставьте их в дом, остальные вещи могут полежать немного на берегу. Ну-с, пойдемте, нечего нам тратить без толку время.

Он говорил таким повелительным тоном, что я совершенно машинально, не думая о том, что я делаю, взял в руки часть вещей и собрался их нести. Я был до такой степени взволнован и расстроен, что положительно сам не помнил, что я делаю.

Как только я взял в руки вещи, он быстро повернулся и пошел вперед по аллее, засаженной по обеим сторонам кустарником. В аллее было уже довольно темно, так как кустарники, которыми была засажена аллея, были густые и принадлежали к числу растений, зеленеющих и летом, и зимой.

Я шел за моим повелителем и нес пакеты, но, несмотря на то, что я нес большую тяжесть, я вовсе не замечал этого, до такой степени я был взволнован мыслью о неожиданном появлении мистера Баллантрэ.

Пройдя небольшое пространство, я вдруг остановился и положил на землю пакеты. Молодой приезжий обернулся ко мне и взглянул на меня.

– Ну, что же? – спросил он.

– Вы мастер Баллантрэ? – спросил я.

– Совершенно верно. Да я и не скрывал этого, сметливый мистер Маккеллар.

– Боже мой, да зачем же вы приехали сюда? – закричал я. – Уезжайте, уезжайте лучше обратно, пока еще есть время!

– Благодарю вас за совет, – сказал он, – но я им не воспользуюсь. Если я явился сюда, то в этом виноват ваш патрон, а никак не я, у меня не было другого выхода. А так как он, а отчасти и вы виноваты в этом, то и несите последствия вашей вины. А теперь потрудитесь опять взять мои вещи, вы бросили их на землю, а земля сырая, и несите их вслед за мной.

Но в этот раз мне и в голову не пришло послушаться его. Напротив, я подошел к нему очень близко и сказал:

– Если ничто не может заставить вас вернуться назад, то это только доказывает, что вы не христианин и не джентльмен, так как если бы вы были тем и другим, вы бы никогда не решились быть настолько бессовестным, что...

– Однако вы выражаетесь довольно бесцеремонно, – перебил он меня.

– Если ничто не может заставить вас вернуться назад, – продолжал я, не смущаясь, – то, во всяком случае, приличие требует, чтобы о вашем прибытии было доложено. Подождите здесь с вашим багажом, а я сбегаю в дом и сообщу вашим родственникам о том, что вы приехали. Ваш отец старик, и... и... – я запнулся, а затем присовокупил: – одним словом, приличия должны быть соблюдены.

– Я вижу, мистер Маккеллар, вы человек светский. Но вот что, милейший, послушайте, что я вам скажу, и запомните это навсегда: вам никогда не удастся заставить меня делать то, что вам будет желательно, я всегда буду действовать так, как мне это будет угодно.

– А, вот как, – сказал я. – Ну, мы еще посмотрим.

И я со всех ног пустился бежать по направлению к дому. Он хотел схватить меня, но не успел и начал звать меня и сердито кричать, чтобы я вернулся, затем я слышал, как он засмеялся и побежал за мной. Но он пробежал только несколько шагов и, как я предполагаю, отстал, потому что я не слышал, чтобы он долго бежал вслед. Во всяком случае, я знаю только то, что через несколько минут я приблизился уже к дверям дома, с трудом переводя дыхание, бросился по лестнице наверх и вбежал в зал, в котором в это время сидела вся семья.

В первую минуту я даже говорить не мог, но, по всей вероятности, присутствовавшие в комнате прочитали на моем лице, что случилось что-нибудь особенное, потому что все трое вскочили с места и взглянули на меня в испуге.

– Он приехал, – выговорил я наконец с трудом.

– Он? – спросил мистер Генри.

– Да, он сам, – сказал я.

– Мой сын? – закричал лорд. – О, что за неосторожность, что за неосторожность! Зачем он приехал? Неужели он не мог остаться там, где он находился вне всякой опасности?

Миссис Генри не сказала ни единого слова, а я даже и не взглянул на нее, сам не зная почему.

– Так, – сказал мистер Генри с глубоким вздохом. – Ну, а где же он?

– Я оставил его в длинной аллее, – сказал я.

– Пойдемте к нему вместе со мной, – сказал он.

Мы вышли вместе с ним и, не говоря ни слова, дошли до круглой площадки, по которой разгуливал мастер Баллантрэ. Он ходил взад и вперед, свистел и размахивал тросточкой. Было еще настолько светло, что можно было увидеть человека, но не настолько светло, чтобы разобрать черты его лица.

– А-а, Иаков! – сказал мастер Баллантрэ. – Вот видишь, Исав возвратился.

– Джемс, ради Бога, на называй меня Иаковым, а называй меня моим собственным именем, – сказал мистер Генри. – Я не стану фальшивить и не говорю, что я очень рад видеть тебя, но, во всяком случае, я приветствую тебя и прошу тебя войти в дом нашего отца.

– Или, вернее сказать, в мой собственный дом, – сказал мастер Баллантрэ. – Или, быть может, ты считаешь теперь, что это твой? Я ведь не знаю, какого ты мнения. Впрочем, что говорить об этом. Из-за этого вопроса мы уже достаточно спорили. А теперь мне очень интересно спросить тебя только вот о чем: уделишь ли ты своему старшему брату местечко у домашнего очага нашего отца? Ты не выслал мне денег в Париж, ну, так и принимай меня теперь здесь.

– К чему эти пустые слова? – возразил мистер Генри. – Ты отлично понимаешь свое положение в доме.

– Надеюсь, – сказал мастер Баллантрэ, смеясь; и этими словами кончился разговор братьев, не подавших даже друг другу руки при свидании после стольких лет разлуки.

Мастер Баллантрэ повернулся теперь ко мне и попросил меня снести его вещи в дом.

Я ничего не ответил, а взглянул только вопросительно на мистера Генри, давая ему этим понять, что я жду сначала его приказаний.

– Пока мастер Баллантрэ находится здесь, в нашем доме, я попросил бы вас, мистер Маккеллар, исполнять его желания, как будто это мои, – сказал мистер Генри. – Извините, что мы постоянно утруждаем вас то одним, то другим поручением, и потрудитесь, пожалуйста, выслать человека, который снес бы в дом вещи мастера Баллантрэ.

На словах «выслать человека» он сделал особенное ударение.

Этими словами мистер Генри сделал косвенное замечание своему старшему брату, а тот был настолько нахален, что, взглянув на меня сбоку, процедил сквозь зубы:

– Потрудитесь распорядиться, «раболепный» мистер Маккеллар. Можно вас так назвать?

Мне кажется, что если бы мне обещали целое королевство за то, чтобы я в эту минуту открыл рот, я и то бы не решился выговорить слово, до такой степени злость и досада сдавили мне горло. Я, кажется, готов был лучше сам снести вещи в дом, чем сказать что-нибудь. Я молча повернулся и пошел по аллее, по направлению к заливу. Было уже совершенно темно, и я, не думая о том, куда я иду и зачем, и позабыв о поручении, которое мне было дано, шел все дальше и дальше вперед, когда я впотьмах наткнулся на вещи мастера Баллантрэ и чуть-чуть не сломал себе, наткнувшись на них, ноги.

Странно, когда я раньше шел за мастером Баллантрэ и нес два пакета, я даже не заметил, что они настолько тяжелы, теперь же я с трудом мог поднять один из них. Вследствие этого мне пришлось сделать тот же путь два раза, снести в дом сначала один пакет, а затем другой, и это заняло у меня довольно много времени, так что я в зал к ужину явился позднее, чем обыкновенно.

Когда я вошел в комнату, приветствия уже кончились, и все общество сидело за столом и ужинало, и когда я взглянул на свое обычное место, то я с болью в сердце заметил, что оно уже занято, и что для меня за столом прибора нет. Мастер Баллантрэ не успел переступить порог дома, как он причинил мне уже две неприятности.

Он первый заметил меня, когда я вошел и с недовольным видом остановился у порога двери. Он вскочил со своего места и сказал:

– Ах, виноват, кажется, я занял место добрейшего мистера Маккеллара. Джон, накрой еще прибор. Я вовсе не желаю расстраивать обычной компании, и стол настолько велик, что мы все отлично поместимся за ним.

Я положительно не верил ни своим ушам, ни своим глазам, когда я услышал, как мастер Баллантрэ, ласково взяв меня за плечи и весело смеясь и извиняясь передо мной, подвел меня к моему обычному месту и усадил. Усадив меня, он стал за стул лорда, и в то время, как Джон накрывал прибор, ласково смотрел на старика. Старик поднял голову и взглянул на сына, и во взглядах как отца, так и сына я прочел такую нежность, что я пришел даже в изумление от такой трогательной сцены.

И в продолжение всего ужина мастер Баллантрэ держал себя удивительно ровно и любезно со всеми. Он не сказал ни одного резкого слова, не позволил себе даже подтрунить над кем-нибудь, он не говорил даже на английском языке, на котором он привык объясняться, так как он казался ему недостаточно мягким, а говорил мягким шотландским языком; все его манеры отличались изяществом, он относился ко всем без исключения с удивительным вниманием, но нисколько не пересаливал, а был любезен в меру. Он угощал меня вином, предлагал мне выпить с ним за мое здоровье, шутил с Джоном, гладил руку отца, рассказывал о различных забавных происшествиях, приключившихся с ним во время его путешествия, вспоминал о прошедших счастливых днях в доме своего отца и производил такое чарующее впечатление как своим поведением, так и своей красотой, что я не удивлялся тому, что миссис Генри и милорд восторгались им, и что в то время, как они смотрели на него, лица у них сияли.

Как только ужин кончился, миссис Генри встала и собралась уходить к себе в комнату.

– Вы прежде никогда не имели этой привычки, Алисон, – сказал мастер Баллантрэ.

– Да, но я имею эту привычку теперь, – сказала миссис Генри (она сказала неправду), – и поэтому, Джемс, позвольте мне пожелать вам спокойной ночи, а также поздравить вас с тем, что вы не умерли, как мы думали, несколько лет тому назад.

При этих словах голос ее задрожал.

Бедный мистер Генри играл довольно плачевную роль во время ужина; он имел еще более печальный вид, чем обыкновенно, и, по-видимому, был очень доволен, когда жена его встала,

чтобы выйти из комнаты, хотя о причине, побуждавшей ее уйти, он, разумеется, догадывался, и мысль эта ни в каком случае не могла доставить ему удовольствие. Когда же он услышал, каким нежным голосом миссис Генри прощалась с мастером Баллантрэ, лицо его сделалось еще мрачнее, чем оно было за ужином.

Мне казалось, что я теперь лишний человек, и поэтому, скрывшись за спиной мистера Генри, собрался было выйти из комнаты, когда мастер Баллантрэ удержал меня.

– Нет, нет, мистер Маккеллар, я не пушу вас, – сказал он. – Это уже своего рода нелюбезность, что вы хотите бежать от меня. Вы таким образом обижаете блудного сына, вернувшегося в дом отца. Выпейте лучше еще стаканчик вина с мистером Балли.

– Да, да, мистер Маккеллар, – сказал милорд, – прошу вас быть у нас как дома, и не считать себя у нас чужим. Я уже говорил моему сыну, – слово «сын» он выговорил каким-то особенно нежным голосом, – да, да, я уже говорил ему о том, какой вы полезный человек и какой вы услужливый и любезный.

И таким образом я молча просидел в гостиной до того часа, в котором мы обыкновенно расходились спать, и если бы я не присутствовал в саду при встрече братьев, я полагал бы, что мастер Баллантрэ самый добродушный человек в мире. Но так как в саду я убедился совершенно в противном, то, несмотря на всю свою любезность и на все старания казаться иным, чем он был, Баллантрэ не в силах был обмануть меня. В том, что он человек фальшивый, я убедился в тот же вечер, а именно следующим образом.

Мистер Генри не принимал участия в разговоре и в мрачном раздумье сидел несколько поодаль от отца и брата, когда мастер Баллантрэ вдруг вскочил с места и, подойдя к брату, ласково похлопал его по плечу и сказал:

– Гарри, мой мальчик, не будь таким печальным, потому что твой брат вернулся домой. Не беспокойся, я у тебя ничего не отниму, пусть все тебе принадлежит, я тебе не завидую, но не завидуй и ты мне за то, что я займу местечко у очага нашего отца.

Ты помнишь свидание братьев, читатель, и поэтому поймешь, насколько меня возмущала фальшь мастера Баллантрэ.

– Твой брат прав, Генри, – сказал лорд, нахмутив брови, что он редко делал. – Ты солиднее и серьезнее, чем твой старший брат, несмотря на то, что ты моложе его, и поэтому ты должен относиться снисходительно к Джемсу и быть с ним как можно ласковее.

– Я привык, что ко мне относятся несправедливо, – сказал мистер Генри.

– Кто относится к тебе несправедливо? – закричал милорд. (Я никак не думал, что такой тихий человек мог так сердито кричать). – Я сколько раз благодарил тебя за то, что ты для меня сделал, и сколько раз говорил тебе, как высоко я тебя ценю. Да, я думаю, и брат твой тысячу раз благодарил тебя и также высоко ценит твои достоинства. Ты смело можешь положиться на то, что мы всегда будем питать к тебе те чувства, которые мы питаем теперь, и пусть это будет тебе наградой за твои труды.

– Да, да, Гарри, на постоянство в моем чувстве к тебе ты можешь смело рассчитывать, – сказал Джемс. И мне помнится, что в ответ на эти слова мистер Генри взглянул на брата каким-то свирепым взглядом.

Глядя на то, что происходило в доме лорда по приезде мастера Баллантрэ, я поневоле задавал себе эти четыре вопроса: «Поступал ли мастер Баллантрэ дурно с братом оттого, что он ненавидел его? Имел ли он при этом в виду исключительно свои интересы? Играл ли он с ним, как кошка с мышкой, потому что это доставляло ему удовольствие, и устраивал ли он ему чисто дьявольские козни именно из желания помучить кого-нибудь? Или же, наконец, он, питая чувство привязанности к брату, просто по привычке обращался с ним скверно?». По зрелом обсуждении этих вопросов я пришел к тому убеждению, что четвертый вопрос можно совершенно исключить, что никакой привязанности в душе мастера Баллантрэ к мистеру Генри никогда не существовало, что кроме вражды он к нему ничего не питал.

Но, несмотря на ту злобу, которую мастер Баллантрэ питал к мистеру Генри, он был такой искусный актер, что, когда он желал притвориться нежным, любящим братом, ему это великолепно удавалось. Когда он был с мистером Генри наедине, он, нисколько не стесняясь, явно выказывал ему свою вражду (при мне он также не стеснялся), когда же лорд находился тут же с ними, он обращался с братом в высшей степени сердечно, а когда миссис Генри присутствовала в той же комнате, где он с братом находился, он и с ней, и с мистером Генри был одинаково любезен. И, по-видимому, вся эта комедия доставляла удовольствие этому актеру, и, разыгрывая ее, он чувствовал себя как нельзя лучше.

Вероятно, по той причине, что я явно выказывал свое расположение к мистеру Генри, а быть может и потому, что я, пересылая ему в Париж деньги, позволял себе иногда в письмах делать ему маленькие замечания относительно того, что не следует злоупотреблять добротой мистера Генри, мастер Баллантрэ питал в своем сердце злобу также и против меня, и я служил ему также мишенью для его издевательств и интриг.

Когда мы оставались с ним вдвоем, он тотчас принимался издеваться надо мной и из-за всякого слова или поступка поднимал меня на смех, в присутствии же лорда и его семейства он обращался со мной удивительно любезно и старался даже угождать мне. Комедия, которую он разыгрывал со мной, в высшей степени возмущала меня и ставила меня в крайне затруднительное положение: привязаться к такому человеку, как он, я никак не мог и не мог выказывать ему каких бы то ни было чувств расположения, и, стало быть, выходило так, что он со мной любезен, а я даже не ценю этого, тогда как в то время, когда никто из семьи не присутствовал при нашей беседе, мастер Баллантрэ говорил мне такие обидные вещи и обращался со мной с таким презрением, что желчь поднималась во мне.

Но что говорить обо мне? Дело не во мне. О себе я упомянул только так, к слову. То, что мне пришлось испытывать, ничто в сравнении с тем, что испытывал мистер Генри, и в то время, как я терпел различные неприятности, я еще яснее представлял себе, какие мучения претерпевал мой бедный патрон.

Вся тяжесть бремени лежала на нем. Разве можно было требовать, чтобы он в присутствии отца и жены отвечал любезностью на любезность мастера Баллантрэ, когда он знал, что это только одна комедия? Разве он мог любезно и ласково улыбаться ему, как тот делал это, когда он отлично знал, что это фальшивая улыбка? А между тем, на него падала тень, будто он ненавидит брата, и его считали нелюбезным и неблагодарным. Ему оставалось только одно: молчать. Да если бы он и был менее горд и вздумал бы жаловаться, кто поверил бы ему? Миссис Генри и милорд были изо дня в день свидетелями, как мастер Баллантрэ ухаживал за своим братом, и как мистер Генри отвергал это ухаживание. Я уверен, что если бы их вызвали в суд и заставили бы их высказать мнение по поводу того, кто из обоих братьев ведет себя лучше, то они, наверно, сказали бы, что мастер Баллантрэ любезный и внимательный брат, а мистер Генри завистливый и неблагодарный человек. И мистер Генри был тем более достоин порицания, что в то время, как он жил себе спокойно в доме отца, брат его был на краю смерти, и что благодаря тому, что его считали мертвым, мистеру Генри удалось жениться на той девушке с огромным состоянием, на которой должен был жениться он, мастер Баллантрэ.

– Генри, не желаешь ли ты составить мне компанию и поехать со мной верхом? – спросил брата как-то мастер Баллантрэ.

Мистер Генри, который в продолжение всего утра терпел неприятности от мастера Баллантрэ, ответил резким тоном:

– Нет, не хочу.

– Разве ты не можешь ответить мне менее резко? – сказал мастер Баллантрэ тихим, укоризненным тоном.

Я привел эту сцену только в пример, но подобного рода сцены повторялись изо дня в день. Не мудрено, что отец и жена осуждали мистера Генри, что, глядя на то, что вокруг меня

происходило, я приходил в какое-то лихорадочное состояние и едва в силах был сдерживать гнев, который волновал мне кровь.

С таким врагом, как мастер Баллантрэ, нападавшим на нас не открыто, а из-за угла, чрезвычайно трудно было бороться. Если бы миссис Генри была более добросовестная и внимательная жена, то она, разумеется, очень скоро поняла бы, что против ее мужа велась интрига, тем более, что она была уже много лет замужем и имела время изучить характер своего мужа. Если бы она только желала, то она давным-давно завоевала бы себе его доверие и знала бы, что происходит в душе этого гордого человека.

Но она этого не желала, и это меня крайне удивляло. Далее, меня крайне удивляло, что милорд, который был человек отнюдь не глупый и крайне сметливый, мог до такой степени попасть под влияние своего старшего сына, что совсем не замечал его интриг. Я могу объяснить себе это только тем, что мастер Баллантрэ был удивительный актер и мастер своего дела, и что поэтому его очень трудно было уличить в обмане. Что касается миссис Генри, то ее обмануть было чрезвычайно легко, и не было ничего легче, как очернить в ее глазах ее мужа, так как, насколько я мог заметить, нет людей, которые относились бы друг к другу до такой степени несочувственно, как муж и жена, охладевшие друг к другу. Далее, неудивительно было, что и милорд, и миссис Генри были слепы: это происходило по той причине, что в них укоренилось совершенно фальшивое предубеждение против мистера Генри и пристрастие к мастеру Баллантрэ. И этим пристрастием мастер Баллантрэ умел отлично пользоваться, и, кроме того, пользовался одним средством, которое обезоруживало не только отца и миссис Генри, а также и мистера Генри: он постоянно толковал о том, что если в Шотландии посторонние лица узнают, что он жив, ему может грозить опасность, и страх за жизнь их любимца до такой степени действовал на лорда и на его невестку, что они не позволяли себе даже критиковать его поступки, а дрожали только над его драгоценной жизнью.

В то время, как я наблюдал за тем, что изо дня в день происходило, я волей-неволей сравнивал наружность обоих братьев; я лично чрезвычайно терялся в присутствии мастера Баллантрэ, но это было вполне естественно, так как я не обладал выдающейся наружностью, но что мистер Генри, который во всяком случае имел вид джентльмена, совершенно стусевывался в присутствии старшего брата, меня удивляло. Но все-таки отрицать этого я не могу. Когда мистер Генри воодушевлялся каким-нибудь серьезным государственным вопросом, он говорил чрезвычайно умно и держал себя при этом с большим достоинством, и по мере того, как лицо его воодушевлялось, оно казалось красивее, но когда он молчал и углублялся в свои мысли, он казался крайне неинтересным, тогда как мастер Баллантрэ, говорил ли он, молчал ли он, всегда был одинаково красив. Он был, кроме того, изящнее своего брата, и все его движения были крайне грациозны, тогда как движения мистера Генри были угловаты. И чем больше мистер Генри старался походить в этом отношении на брата, тем менее это ему удавалось и тем менее грациозны делались его движения, а чем больше мастер Баллантрэ убеждался в том, что брат его старается ему подражать, тем больше он следил за каждым своим жестом и радовался, что все старания мистера Генри не приводят ни к чему. Он отлично понимал, что брат его не может соперничать с ним в этом отношении, и радовался этому.

Я говорил уже о том, что Баллантрэ ужасно любил пугать своих близких тем, что ему может грозить гибель.

Он говорил об этом таким легким, отнюдь не серьезным тоном, как будто ему доставляло особенное удовольствие упоминать об этом. Мистера Генри он постоянно поддразнивал тем, что жизнь его висит на волоске, и, толкуя о своей гибели, старался всячески оскорбить брата.

Я помню, например, такой случай: как-то он, мистер Генри и я случайно остались в зале втроем. Мастер Баллантрэ подошел к окну из разноцветных стекол и, указывая на видневшийся посреди его ромб, сказал:

– Вот окно, через которое в сад пролетела гинья, принеся тебе столько счастья, Иаков.

Мистер Генри ничего не ответил и только с укором взглянул на брата.

Убедившись в том, что ответа не последует, мастер Баллантрэ продолжал свою коварную речь:

– Не смотри на меня таким недовольным взглядом, – сказал он. – Если ты желаешь, то ты легко можешь избавиться от меня. Тебе стоит только донести о том, что я тут скрываюсь. Пожалуйста, не стесняйся. С каких пор ты сделался таким щепетильным? Быть может, ты не решаешься донести о том, что я здесь, так как боишься, что на меня это сильно подействует? О, не беспокойся, я привык к сильным ощущениям.

Мистер Генри все еще молчал и, несмотря на то, что он попеременно то краснел, то бледнел, не отвечал ни слова, но когда мастер Баллантрэ засмеялся каким-то злым смехом и, как бы в шутку, ударив брата по плечу, назвал его сердитым псом, тот отскочил от него, но при этом сделал такое энергичное движение рукой и взглянул на него таким свирепым взглядом, что мне сделалось даже страшно. По всей вероятности, мастер Баллантрэ был одного мнения со мной, потому что, сколько мне помнится, он никогда не дотрагивался до мистера Генри рукой.

Но, несмотря на то, что мастер Баллантрэ только и толковал о том, что его жизнь в опасности и что за его голову назначена цена, он преспокойно ездил по деревне и, по-видимому, нисколько не думал даже о том, что его могут взять или на него могут донести, так что не мудрено, что мне приходило в голову, что шотландское правительство заснуло и нисколько не заботится о том, что происходит в государстве.

Я признаюсь откровенно, что много раз испытывал желание донести о том, что враг мистера Генри скрывается в доме своего отца, но меня удерживали две вещи: во-первых, я был уверен, что если мастера Баллантрэ казнят, отец его и миссис Генри будут чтить память его, как память святого, а во-вторых, я боялся что мистера Генри заподозрят в том, что он сделал донос, и ему трудно будет очистить себя от этого подозрения.

Между тем мастер Баллантрэ, нисколько не остерегаясь, ездил себе по имению, и хотя весть о том, что он вернулся, разнеслась уже по всему поместью, совершенно спокойно показывался повсюду. И, несмотря на то, что всякий, кто узнавал о том, что мастер Баллантрэ вернулся, спешил шепнуть об этом своему соседу, решительно никто не причинял ему ни неприятности, ни вреда. Напротив, его встречали более радушно, чем мистера Генри, а что касалось свободных торговцев, то он был с ними положительно в дружбе, и мне приходилось бояться их гораздо более, чем ему.

Но хотя мастер Баллантрэ ни в чем не терпел неудачи и обыкновенно чрезвычайно ловко избегался от всего, что было ему неприятно, от одной личности, доставлявшей ему массу хлопот и неприятных минут, он никак не мог отделаться. Эти неприятные минуты доставляла ему Джесси Броун, и я тотчас расскажу об одном случае, происшедшем между ею и мастером Баллантрэ, так как случай этот привел к весьма серьезным последствиям.

Читатель, наверное, помнит, что я упоминал уже о Джесси Броун. За последние годы она необыкновенно сдружилась с контрабандистами; капитан Крэль, и тот был одним из самых ярых ее поклонников.

Как только она узнала о том, что мастер Баллантрэ вернулся в Деррисдер, она начала преследовать его своими любезностями. Куда бы он ни являлся, она всюду поджидала его. Я отлично знаю, что она не питала к нему ровно никакого чувства привязанности, а между тем она постоянно толковала о своей любви к нему. Она делала это, так как это входило в ее планы.

Увидев мастера Баллантрэ издали, она тотчас принималась кричать: «Мой дорогой барич!» и, как мне передавали, всякий раз пыталась броситься к нему на шею. При этом она была обыкновенно чрезвычайно грязно одета и по большей части пьяна, так что обниматься с ней отнюдь не могло доставлять удовольствия щегольски одетому мастеру Баллантрэ.

Меня, как человека постороннего и не расположенного к мастеру Баллантрэ, занимали рассказы об испытаниях, которые ему приходилось терпеть, но мастера Баллантрэ, толковав-

шего так много о терпении, это отнюдь не занимало, а, напротив, приводило в ярость. Были люди, которые рассказывали мне, будто мастер Баллантрэ, отбиваясь от Джесси, так сильно бил ее своей тростью, что она без чувств падала на землю. Насколько это верно, не знаю; мне достоверно известно только то, что мастер Баллантрэ обратился, наконец, к капитану Крэлю и попросил его избавить его от Джесси и «сплавить» ее куда-нибудь, и что капитан Крэль, резко ответив ему на его просьбу, наотрез отказался это сделать.

И в конце концов Джесси все-таки одержала победу. В ее пользу была собрана большая сумма денег, и мастера Баллантрэ заставили прийти к ней на свидание, в продолжение которого он обязан был терпеливо выносить все ее любезности и терпеть, как она его целует, в то время как ее окружали какие-то неизвестные ему лица весьма подозрительного поведения, составлявшие, по-видимому, ее свиту.

Но я забежал немного вперед, буду последователен.

Вскоре после того, как Джесси Броун принялась преследовать мастера Баллантрэ, он в один прекрасный день вдруг явился ко мне в то время, как я сидел за работой, и более любезным тоном, чем он говорил со мной обыкновенно, когда я находился с ним вдвоем, сказал:

– Маккеллар, меня преследует одна девка. Я никак не могу добиться того, чтобы ее отправили к черту. Будьте так добры вмешаться в это дело и помочь мне.

– Сэр, – сказал я дрожащим голосом, – вы можете хлопотать об этом сами, я вовсе не желаю принимать участие в ваших грязных делах.

Он ничего не ответил и вышел из комнаты. Тотчас после этого ко мне вошел мистер Генри.

– Это еще что за новость? – сказал он сердитым голосом. – И вы также начинаете причинять мне неприятности? Вы, как я слышал, оскорбили моего брата.

– Вы очень ошибаетесь, мистер Генри, – сказал я, – не я оскорбил вашего брата, а напротив, ваш брат оскорбил меня. Но я только виноват перед вами в том отношении, что, отказавшись исполнить поручение мистера Балли, не рассудил, что, быть может, вы будете недовольны моим отказом. Для вас, мой дорогой сэр, я готов сделать все, что только от меня зависит, и скажите только слово, и я исполню ваше желание. Прости Господи, но для вас я, кажется, готов даже совершить грех, если бы это потребовалось.

И я рассказал ему обо всем, что произошло между мной и его братом.

Мистер Генри иронически улыбнулся. Такой иронической улыбки я никогда еще у него не видел.

– Вы отлично сделали, что отказались исполнить это поручение, – сказал он. – Пусть он расхлебывает сам кашу, которую он заварил.

Затем, увидев мастера Баллантрэ в саду, он отворил окно и, крикнув: «Мистер Балли, мистер Балли!», попросил его войти на минуту в комнату, так как он желал сказать ему два слова.

– Джемс, – сказал мистер Генри, после того как мой обвинитель вошел в комнату и затворил за собой дверь, – Джемс, – повторил он, глядя на меня и ласково улыбаясь, – ты пожаловался мне на мистера Маккеллара, и я по этому поводу имел с ним объяснение. Я должен сказать тебе, что словам мистера Маккеллара я верю безусловно больше, чем твоим. Мы тут одни, и то, что я говорю тебе, останется между нами. Ты можешь делать, что тебе угодно, но в одном отношении я желал бы ограничить твою свободу действий, а именно, попросил бы тебя, чтобы, пока ты находишься под кровлей этого дома, ты обращался бы любезно с мистером Маккелларом и не начинал бы с ним ссоры. Мистера Маккеллара я высоко ценю и я не потерплю, чтобы его оскорбляли. А что касается поручения, которое ты дал ему, то ему незачем исполнять его; ты можешь сам разделаться со своей любезной и нести последствия своих дурных поступков. Я вовсе не желаю, чтобы кто-нибудь из моих подчиненных вмешался в такое грязное дело.

– Из подчиненных моего отца, – сказал мастер Баллантрэ.

– Ступай к отцу и расскажи ему об этом деле, – сказал мистер Генри.

Мастер Баллантрэ сильно побледнел.

– Я желаю, чтобы ты прогнал этого человека, – сказал, он указывая на меня пальцем.

– Этого не будет, – возразил мистер Генри.

– Ты дорого заплатишь мне за это, – сказал мастер Баллантрэ.

– Я уже так дорого заплатил за удовольствие иметь такого дурного брата, как ты, что мне уж и расплачиваться нечем. Я нравственно убит. Мне кажется, в душе моей не осталось ни одного места, которое ты мог бы затронуть.

– Ну, ничего, я постараюсь найти такое место, – ответил мастер Баллантрэ и неслышными шагами вышел из комнаты.

– Как вы думаете, Маккеллар, что он еще устроит нам? – спросил мистер Генри взволнованным голосом.

– Отпустите меня лучше, увольте меня, мой дорогой мистер Генри, – сказал я. – Ради меня вам придется только терпеть еще больше неприятностей, а у вас их и без того слишком много.

– Неужели вы решитесь покинуть меня и оставите меня одного, без друга? – спросил мистер Генри.

Нам недолго пришлось оставаться в недоумении относительно того, какой способ мастер Баллантрэ изобретет, чтобы мучить своего брата. До того дня, в который произошел вышеупомянутый разговор, мастер Баллантрэ держал себя по отношению к миссис Генри очень хорошо. Он не искал встречи с ней и виделся с ней почти исключительно за столом, и тут во время обеда и ужина обращался с ней хотя и любезно, но совершенно непринужденно, как любящий брат и больше ничего. Он до этих пор не вмешивался также в отношения, существовавшие между супругами, не наговаривал ей на него и ему на нее, а довольствовался лишь тем, что в присутствии миссис Генри старался затмить мистера Генри своими изящными манерами и своей ловкостью.

Теперь же он стал держать себя совсем иначе, делал ли он это с целью отомстить мистеру Генри или же он скучал в Деррисдире и, желая чем-нибудь развлечься, устроил себе такую забаву, – этого никто не мог решить.

Но во всяком случае, в скором времени после того, как мастер Баллантрэ пригрозил мистеру Генри, что он отомстит ему, он начал ухаживать за миссис Генри. Замечала ли она это или нет, трудно сказать, но только она позволяла за собой ухаживать, а мистер Генри смотрел на это и молчал.

Началось это ухаживание таким образом. Мы сидели все в зале и разговаривали. Мастер Баллантрэ, как это бывало много раз, начал рассказывать о том, как он проводил время, когда жил во Франции как изгнанник, и как бы случайно заговорил о том, как он порой занимался пением.

– Я пою одну песню, которая мне чрезвычайно нравится, – сказал мастер Баллантрэ. – Слова этой песни очень печальные, но, быть может, именно по этой причине песнь эта производит на меня такое сильное впечатление; в то время как я находился в изгнании, я очень часто пел ее. В ней говорится о том, как одна молодая девушка скучает о своем возлюбленном, находящемся в изгнании, и как она выражает надежду снова увидеться с ним, с близким ее сердцу человеком, живущим в чужой стране. О, бедная девушка! О, бедное сердце! – И при этих словах мастер Баллантрэ вздохнул. – Я должен сказать, – продолжал он, – что когда простые ирландские солдаты поют эту трогательную песню и вы видите, как у них на глазах навертываются слезы, это производит удивительно сильное впечатление. Отец мой, – обратился он к лорду, – позвольте мне спеть вам эту песню, но не обижайтесь на меня в случае, если я не в силах буду спеть ее до конца, так как на нас, изгнанников, она чересчур сильно действует.

Не дождавшись ответа отца, он начал петь ту самую песню, которую насвистывал полковник Бурке в то время, как я провожал его до лодки. Теперь я слышал не только мотив песни, но и слова, слова простой крестьянки, тоскующей о своем возлюбленном. Один стих врезался мне особенно глубоко в память:

Сниму поскорей я наряд свой цветной,
И с другом отправлюсь ходить я с сумой,
Для всех я умру. Пусть хоронят меня.
Но жить я останусь, Вильям, для тебя.

Баллантрэ спел эту песню очень хорошо, но играл он при этом лицом еще лучше, чем пел. Когда я жил в Эдинбурге, я много раз видел и слышал хороших артистов, и игра их чрезвычайно нравилась мне, но такого исполнителя, как мастер Баллантрэ, среди любителей я еще никогда не встречал.

В то время как он пел, он изливал всю свою душу. Казалось, будто он сам испытывал все то, о чем он пел, голос его то громко звучал, то как будто замирал, и в нем звучала невероятная грусть, а на лице его выражались все те чувства, которыми была полна душа той девушки, сердечные страдания которой он передавал.

В продолжение всего времени, пока он пел, взор его был устремлен на миссис Генри, ясно было, что цель его была произвести впечатление именно на нее, хотя доказать этого никто не мог, он делал вид, будто он до такой степени сам увлекся песней, которую он пел, что окружающие в ту минуту для него не существовали.

Певец кончил петь, но мы все еще молча сидели, и никто из нас не произнес ни одного слова. Пока мастер Баллантрэ пел, настали уже сумерки, и никто из нас не мог ясно разглядеть черты лица своего соседа и, стало быть, не мог судить о том, какое впечатление произвело на него пение молодого певца. Мы все точно застыли, и не слышно было ни шороха, ни звука. Спустя некоторое время лорд откашлялся, и тотчас после этого молодой певец встал и, пройдя в тот угол зала, в котором обыкновенно сидел мистер Генри, тихими, неслышными шагами стал ходить взад и вперед. По всей вероятности, он желал показать, что взволнован и прибегает к этому способу, чтобы умерить волнение. Но вдруг, спустя короткое время, он снова вернулся к нам и совершенно спокойно начал рассуждать об ирландцах, о том, сколько у них хороших качеств, и о том, как к ним относятся несправедливо, так что когда в зал принесли свечи и комната, в которой мы сидели, осветилась огнями, мы разговаривали уже о самых обыкновенных предметах.

Когда зал осветили, я заметил, что миссис Генри необыкновенно бледна, и, по всей вероятности, она чувствовала себя не очень хорошо, потому что она раньше обыкновенного ушла в свою комнату.

Второй способ, который мастер Баллантрэ употребил для того, чтобы мстить брату, был следующий: он завел дружбу с маленькой мисс Катарин, с дочкой мистера Генри. Он играл с ней, брал ее на колени и целые дни проводил с ней, так что девочка искренно привязалась к нему и искала его общества, тогда как к отцу она подходила неохотно и дичилась его. Это был для мистера Генри последний удар. Видеть, как и ребенок его стал чуждаться, было для него страшно тяжело. Пропасть между ним и его женой делалась все больше и больше, прежде их хоть до некоторой степени связывала любовь к ребенку, теперь же, когда девочка явно показывала, что она не любит отца, мистер Генри поневоле стал относиться еще холоднее как к ней, так и к ее матери. Жену свою он перестал даже уважать, так как ее поведение отнюдь не было достойно уважения.

С каждым днем отношения между мастером Баллантрэ и миссис Генри становились все нежнее и нежнее. Она уже не избегала встреч с ним, а, напротив, проводила с ним целые часы,

они то гуляли и болтали в саду, то беседовали на крытом балконе, и когда и где бы они ни встречались, они всегда находили о чем говорить, и болтовня их принимала особенно фамильярный характер.

Я не думаю, чтобы миссис Генри задалась мыслью изменить мужу, нет, насколько я мог судить о ней, она не имела этого намерения, так как знала, чего от нее требует ее долг по отношению к мужу, но она была женщина и желала весело проводить время.

Быть может, она сама этого не замечала, но она обращалась с мастером Баллантрэ совсем иначе, чем с братом, по крайней мере, для такого наблюдательного человека, как я, это было чрезвычайно заметно. Голос ее звучал совсем иначе, когда она говорила с ним; в глазах выражалась какая-то нежность, даже с мистером Генри и со мной она была теперь гораздо любезнее. По всей вероятности, она чувствовала себя в душе крайне счастливой и от испытываемого ею счастья стала добрее.

Смотреть на все это было для мистера Генри мучением. Он глубоко страдал от всего этого. Новый способ, к которому прибегнул мастер Баллантрэ, чтобы мучить брата, был действительно весьма удачен, так как он привел к тому, что мы на некоторое время избавились от нашего мучителя. Как это произошло, об этом я после расскажу.

Главная цель, побудившая мастера Баллантрэ приехать в Деррисдир, была выманить у отца и брата как можно больше денег. Он уверял, что ему оставаться в Шотландии опасно и что ему необходимо перебраться во Францию, но так как без денег он ни уехать из Шотландии, ни жить где бы то ни было не мог, то он требовал, чтобы ему выдали капитал, равнявшийся тому, который он имел в то время, как командовал полком во Франции, и который он потерял. Для того, чтобы выделить мастеру Баллантрэ такой капитал, какой он требовал, надо было продать огромную часть имения, иначе неоткуда было взять такую сумму. Мистер Генри был против этого и никогда бы не согласился на это, если бы старик-лорд не пожелал, чтобы требования брата были исполнены. Хотя мистер Генри и был бы чрезвычайно рад, если бы мастер Баллантрэ уехал, он все-таки никогда бы не решился из личных интересов содействовать разорению имущества его отца. Даже тогда, когда отец его настоятельно требовал, чтобы часть поместья была продана, он, рискуя заслужить гнев отца, счел нужным объяснить ему все дурные последствия продажи такой огромной части поместья.

– Вы должны согласиться со мной, отец мой, что если бы у меня был сын, то он мог бы быть в большой претензии на нас за то, что поместье Деррисдир разоряют, – сказал мистер Генри.

– Но ведь у тебя нет сына, так о чем же и говорить? – ответил лорд.

– Бог знает, быть может, и будет, – сказал мистер Генри. – Но, во всяком случае, отец мой, я должен вас предупредить, что хотя я и исполню ваше желание и распишусь в том, что я также согласен продать землю, я сделаю это скрепя сердце, так как ясно сознаю, что и вы, и я таким образом разоряемся, и прежде чем подписать бумагу, я объявляю, что делаю это только потому, что меня чуть ли не насильно заставляют это сделать, и прошу вас, если вам вздумается когда-нибудь снова проводить параллель между вашими сыновьями, вспомнить, как я действовал и как другой сын ваш действует. О человеке надо судить не по его словам, а по его поступкам.

Милорд сделал такое сердитое лицо, какого я еще никогда у него не видел. Вся кровь бросилась ему в голову, когда он сказал:

– Мне кажется, что ты выбрал не совсем подходящий момент для своих жалоб, Генри. Тем, что ты жалуешься, ты умаляешь достоинство того, что ты сделал. Твое великодушие по отношению к брату теряет таким образом свою цену.

– Вы ошибаетесь, отец мой, – сказал мистер Генри. – Если я соглашаюсь на то, чему я в душе сильно противлюсь, то отнюдь не из великодушия к брату, а потому, что я не хочу действовать против вашего желания.

– Оставь этот разговор, – сказал милорд, несколько сконфуженный. – Говорить об этом при чужих... мне кажется не совсем удобным... и поэтому... поэтому...

– Здесь нет чужих, – сказал мистер Генри, – а если вы считаете мистера Маккеллара посторонним человеком, то вы ошибаетесь: мистер Маккеллар мой друг. И, отец мой, как это ни печально, но я должен сознаться, что хотя вы и считаете его чужим, это единственный человек, который любит меня и готов всегда заступиться за меня.

Слова эти, по-видимому, подействовали на лорда, и я уверен, что он отказался бы от мысли продать землю, если бы мастер Баллантрэ, который был все время настороже, не вмешался тут.

– Ах, Генри, Генри, – воскликнул мастер Баллантрэ, – какой ты бесценный человек! Я вижу, ты лучше нас всех. На вид ты такой суровый, а сердце у тебя золотое. О, если бы я мог хоть отчасти походить на тебя!

Ласковые слова, с которыми мастер Баллантрэ обратился к своему брату, тронули старика и колебание его сразу прошло. Вопрос был исчерпан и бумага была подписана.

Вскоре после этого огромный участок Октергалл был продан, но, к сожалению, гораздо ниже своей стоимости, и полученный от этой продажи земли капитал был отдан мастеру Баллантрэ, который выслал его во Францию, куда он собирался в скором времени уехать. По крайней мере, так он сказал, но насколько ему можно было верить – это другой вопрос. Знаю только, что земля была продана, что мастер Баллантрэ набил себе карманы золотом, и что он преспокойно проживал себе в Деррисдире, откладывая свой отъезд со дня на день.

Почему он не уезжал, это мне неизвестно. Сидел ли он в Деррисдире нарочно, чтобы сердить мистера Генри, выжидал ли он случая отправиться в Индию (в Индию он также собирался, предварительно побывав во Франции), или же его любовная интрига с миссис Генри удерживала его или же, наконец, его удерживали в Деррисдире какие-нибудь правительственные распоряжения, в точности сказать я не могу, но только он не покидал нас.

Я сказал правительственные распоряжения, потому что в ту пору я уже открыл секрет мастера Баллантрэ и узнал, что он дурачит всех, и что жизни его в Шотландии не грозит ни малейшая опасность.

Первый, кто навел меня на эту мысль, был один ленник, который говорил со мной о мастере Баллантрэ. Это был один якобит, сын которого погиб при Куллодене.

– Странное дело, – сказал он мне между прочим, – каким образом мастер Баллантрэ попал в Коккермут?

– В Коккермут? – спросил я, и в ту же минуту вспомнил, как я был удивлен, увидев мастера Баллантрэ в день его приезда в таком нарядном, чистеньком костюме, тогда как, по его словам, он совершил такое длинное путешествие.

– Ну, да, разумеется. В Коккермуте капитан Крэль взял его на корабль и доставил его сюда, – сказал ленник. – А вы воображали, что он приехал сюда по морю, прямо из Франции? Мы тоже так думали, но это вовсе неправда.

Я запомнил эти слова и передал эту новость мистеру Генри.

– Это довольно интересное обстоятельство, не правда ли? – сказал я.

– Ах, какое мне до этого дело, откуда он приехал, – проворчал мистер Генри, – неприятно, что он здесь.

– Это совершенно верно, – сказал я, – но только факт, что он приехал из Коккермута, навел меня на ту мысль, что, по всей вероятности, положение его в Шотландии вовсе не опасное. Помните, как мы с вами удивлялись тому, что он так спокойно разъезжает повсюду? Не указывает ли это на то, что положение его вполне безопасно?

– Так, так, – сказал мистер Генри. – Вы правы, все это совершенно справедливо. Дайте мне подумать минуту.

И он о чем-то задумался и при этом ехидно улыбался. В то время, как эта ехидная улыбка пробежала по его лицу, он был немного похож на мастера Баллантрэ.

– Дайте мне лист бумаги, – сказал он мне.

После этого, не сказав ни слова, он уселся за стол и принялся писать знакомому письмо. Я не стану называть фамилию того лица, которому он писал, но скажу только, что это была личность, занимавшая весьма высокое общественное положение. С этим письмом я отправился к Макконоки, так как никому, кроме него, я не мог дать это поручение, и велел ему тотчас оседлать лошадь и свезти его по адресу.

Он вернулся с ответом очень быстро, раньше, чем я, несмотря на все свое нетерпение, мог ожидать.

В то время как мистер Генри читал это письмо, ехидная улыбка снова пробежала по его лицу.

– Вы оказали мне большую услугу, мистер Маккеллар, – сказал он, прочитав письмо, – наведя меня на мысль о том, что брат мой только говорит о том, что он находится в опасности, тогда как этого вовсе нет. Имея в руках это оружие, – он указал на письмо, – я нанесу ему удар. Вот подождите, во время обеда вы все узнаете.

Во время обеда мистер Генри предложил мастеру Баллантрэ отправиться с ним в какое-то общественное место. Лорд, как мистер Генри и ожидал, тотчас выразил по этому поводу свой протест и сказал, что мастеру Баллантрэ отнюдь не следует показываться в обществе, так как ему может грозить опасность быть узнанным.

– О, что говорить о какой-то опасности, которой вовсе нет, – сказал мистер Генри веселым тоном. – Зачем вы секретничаете, когда я все знаю.

– Я секретничаю? – в изумлении спросил лорд. – Я даю тебе слово, Генри, что у меня от тебя нет никакого секрета.

Мастер Баллантрэ переменялся в лице. Он не ожидал этого удара.

– Как, – спросил мистер Генри, делая вид, будто он очень удивлен, – и вы, отец мой, ничего не знали? Это меня крайне удивляет. Однако я вижу, Джемс, ты очень преданный слуга, если ты даже от отца держишь в секрете то, о чем тебе велено не говорить. Но мне кажется, что на отца-то ты мог положиться и должен был знать, что он не проговорится.

– О чем ты говоришь? Я положительно отрицаю, что могу вращаться в обществе, не опасаясь за свою жизнь, – сказал мастер Баллантрэ. – Я приказываю тебе молчать, – закричал он сердитым голосом и засуетился, походя при этом скорее на капризного ребенка, чем на взрослого человека.

– Могу тебя уверить, что от тебя вовсе не требовалось, чтобы ты секретничал со своими родственниками, – продолжал мистер Генри свою речь, – ты в этом отношении выказал лишнее рвение. Я знаю это достоверно. Вот что по этому поводу пишет мне один из моих знакомых. – Он развернул письмо и начал читать: – «В интересах правительства, а равно и молодого человека, которого мы по-прежнему будем называть мистером Балли, разумеется, лучше держать все дело в секрете, но, во всяком случае, о родственниках мистера Балли в этом отношении не может быть и речи, с ними он может говорить совершенно откровенно, и это ему было сказано. Нам и в голову не приходило требовать, чтобы мистер Балли держал членов своей семьи в таком тревожном сомнении, в котором, к сожалению, вы находитесь, и поэтому я спешу сообщить вам, что мистеру Балли не грозит ни малейшая опасность, и что он может проживать в Великобритании так же спокойно, как и вы».

– Может ли это быть? – воскликнул милорд, глядя на мастера Баллантрэ крайне изумленным, а вместе с тем и подозрительным взглядом.

– Мой дорогой отец, – сказал мастер Баллантрэ, уже несколько оправившись, – я очень рад, чрезвычайно рад, что тайна эта открылась, и что мне, стало быть, нечего больше секретничать перед вами. Те инструкции, которые были мне даны в Лондоне, были совершенно про-

тивоположны тому, что я только что слышал, и мне было поставлено в обязанность хранить этот секрет в полной его неприкосновенности даже от вас, да, преимущественно от вас. Я могу в подтверждение истины моих слов показать вам даже одно письмо, если я только не уничтожил его. По всей вероятности, разрешение открыто говорить о том, что жизни моей в Великобритании не грозит опасность, вышло очень недавно, или же корреспондент Генри ошибся и что-нибудь перепутал. По моему мнению, вообще, тот, кто пишет это письмо, не знает толком, в чем дело. Сказать вам правду, отец мой, – продолжал мистер Баллантрэ, подождав минуту и оправляясь все больше и больше, – я сначала предполагал, что подобный незаслуженной милостью я обязан вашему ходатайству, что вы хлопотали о том, чтобы такого известного мятежника, как я, помиловали, но что вы нарочно держите это в секрете, так как вы слишком великодушны, чтобы хвастаться теми благодеяниями, которые вы совершаете. И поэтому я из уважения к вам еще больше старался держать в тайне тот факт, что я помилован. Теперь же, когда я убедился в том, что не вы хлопотали обо мне, меня крайне интересует вопрос, кто мог быть настолько любезен, что ходатайствовал за меня и выпросил мне прощение, и кто осмелился предположить, будто я попал в немилость по случаю того, что я совершил какой-то подлый поступок: насколько я мог понять, в письме, которое получил Генри, есть на этот счет намек, и даже не желаю оправдываться в том, что я совершить его не мог, так как вы знаете вашего сына и знаете, что он мятежник, но не шпион и не перебежчик. Я никогда в жизни еще не слышал, чтобы какой-нибудь лорд Деррисдир был бы шпионом или перебежчиком.

Говоря таким образом, мастер Баллантрэ старался выпутаться из своей собственной лжи, и ему бы это, быть может, и удалось, если бы мистер Генри с удивительным упорством не старался вывести наружу всю фальшь и ложь своего брата.

– Ты говоришь, что разрешение говорить твоей семье открыто о том, что твоя жизнь вне опасности, последовало очень недавно? – спросил мистер Генри.

– Да, я это утверждаю, – ответил мастер Баллантрэ, хотя голос его несколько дрожал.

– Посмотрим, насколько недавно оно последовало, – сказал мастер Генри, вынимая снова письмо из кармана.

В этом письме не было сказано, когда именно помилован мастер Баллантрэ, но он этого знать не мог и поэтому страшно сконфузился.

– До меня, во всяком случае, весть эта дошла слишком поздно, – сказал он смеясь, но смех этот звучал так странно, – он напоминал собой разбитый колокол, – что лорд в удивлении взглянул на него, и губы его как-то судорожно сжались.

– Не знаю, когда она дошла до тебя, – сказал мистер Генри, глядя на свое письмо, – я повторяю только твои слова, что разрешение последовало недавно, и спрашиваю, так ли это?

Все яснее и яснее становилось, что мастер Баллантрэ лжет, и что мистер Генри обличил его во лжи, но несмотря на это, лорд из непростительного пристрастия к своему любимцу сделал вид, будто он этого не понимает, и, обратившись к мистру Генри голосом, в котором звучала досада, сказал:

– Что об этом говорить, Генри! Твоему брату не грозит опасность, и ты должен быть этому рад, равно как и мы все радуемся этому. Теперь, как верные подданные, мы лучше выпьем за здоровье нашего короля и в душе поблагодарим его за его милостивые заботы о нас.

Мастер Баллантрэ, по-видимому, выпутался из беды, и хотя все слова, которые он употреблял для своей защиты, и казались довольно неправдоподобными, лорд не подавал виду, что он заметил это. Во всяком случае, тот факт, что мастер Баллантрэ мог свободно проживать в своей родной стране, был установлен.

Я уверен, что хотя милорд и делал вид, будто он верит словам мастера Баллантрэ, в душе он знал, что любимец его – шпион. По всей вероятности, миссис Генри также отлично понимала это, потому что она в обращении со своим идолом переменилась и сделалась гораздо холоднее. По-видимому, удар, который мы нанесли нашему врагу, произвел на милорда и на

миссис Генри все-таки известное впечатление, и если бы мы не воспользовались представившимся нам случаем и не нанесли его, то нам, по всей вероятности, пришлось бы еще сильнее страдать от разразившейся над нами в скором времени после этого катастрофы.

Но несмотря на то, что мы достигли некоторых результатов, не прошло и недели, как мастер Баллантрэ сумел снова завоевать свое прежнее положение в доме лорда и разыгрывать снова роль человека, честь которого ровно ничем не запятнана. Он снова пользовался нераздельной любовью отца и, как мне думается, и миссис Генри. Быть может, лорд даже не настолько любил своего недостойного сына, насколько он привык ему потакать, но, во всяком случае, он был до такой степени очарован им, что у него не хватало даже силы сердиться на него, и он не боролся даже против своего чувства, а бессильно и ни о чем не думая отдавался ему.

Какое чувство испытывала к нему миссис Генри, я сказать не могу, знаю только, что она не была к нему равнодушна. Каким образом ему удалось снова достигнуть ее расположения и что он придумал, чтобы оправдать себя в ее глазах, мне неизвестно, но только вскоре после вышеописанного разговора за столом она начала относиться к нему так же любезно и внимательно, как прежде, да после того, как он победил ее холодность, она стала даже еще любезнее. Что он наговорил ей, одному Богу известно, но, по всей вероятности, он прибегнул к тому способу, к которому прибегают все, которые желают убедить друг друга в любви, а именно, он говорил нежным, вкрадчивым голосом, действующим еще сильнее, чем слова.

Мастер Баллантрэ и миссис Генри были теперь постоянно вместе. Я не решаюсь утверждать, что она имела намерение изменить мужу, но скажу только, что она была на пути к этому, и я уверен, что мистер Генри думал то же самое, что и я, и что поведение его жены возмущало его.

Бедный мистер Генри целыми днями просиживал у меня в комнате и при этом имел такой печальный вид и находился в таком угнетенном состоянии, что я даже не решался спросить его о том, что его печалит. Он искал моего общества, так как знал, что я люблю его, и в моем присутствии находил утешение. Были дни, когда мы по целым часам разговаривали, но беседа наша имела довольно оригинальный характер: мы никого не называли по имени и не говорили прямо о том, что нас беспокоило, а только намекали на это, но между тем и он, и я, мы имели в виду тех же самых людей и думали о тех же самых событиях. Я положительно удивляюсь тому, как мы могли целыми часами разговаривать об одном и том же, не называя имен, точно так же, как я удивляюсь тому, как миссис Генри целыми днями позволяла мастеру Баллантрэ ухаживать за собой, не боясь последствий этих ухаживаний.

Чтобы ты, мой благосклонный читатель, мог судить о том, в каком печальном положении находились семейные дела мистера Генри, я приведу разговор, который я имел с ним 26 февраля 1757 года.

Погода в этот день была очень холодная, совершенно зимняя, было совсем тихо, но чрезвычайно холодно. Весь сад и все здания были покрыты инеем, небо было мрачное, и по нему ходили свинцовые тучи, а море было совершенно черное, хотя никаких волн на нем не было.

Мистер Генри сидел у меня в комнате у камина и, по обыкновению, беседовал со мной «о человеке», который «не стыдился делать непозволительные вещи», и что в эти дела «кому-нибудь» следовало бы вмешаться и прочее, одним словом, о предмете, тревожившем нас и о котором мы рассуждали изо дня в день. Я в это время стоял возле окна и заметил, как мимо него прошел мастер Баллантрэ вместе с миссис Генри и маленькой Катарин. Девочка бегала по саду взад и вперед и наслаждалась чудным свежим воздухом, в то время как ее дядюшка нашептывал ее маменьке что-то на ухо, и, по всей вероятности, то, что он говорил, было чрезвычайно интересно, потому что миссис Генри жадно прислушивалась к его словам.

Глядя на эту сцену, я не выдержал дольше и сказал:

– Если бы я был на вашем месте, мистер Генри, то я откровенно поговорил бы с лордом.

– Маккеллар, Маккеллар, да разве я могу идти жаловаться отцу, – сказал он, – когда я знаю, что этим навлеку на себя его гнев! Да, наконец, к чему мне жаловаться, когда причина моего несчастья лежит во мне самом. Во мне, именно во мне: я не умею заставить любить себя, я не умею внушить к себе любовь. Отец благодарен мне за то, что я для него делаю, он ценит меня, но он не думает обо мне и нисколько не интересуется тем, что касается меня. Уж такова моя участь! – Он вскочил и затоптал ногами искру, упавшую из камина. – Но что-нибудь надо предпринять, Маккеллар, – сказал он, глядя на меня через плечо, – какой-нибудь способ необходимо найти, так это не может продолжаться. Я человек терпеливый, даже чересчур терпеливый, и я теперь начинаю презирать себя за свое терпение. Я сам наложил на себя оковы и теперь страдаю от этого.

Он погрузился в мрачное раздумье.

– Не теряйте мужества, подождем и увидим, чем это кончится, – сказал я.

– Ах, я на все махнул рукой! – сказал он таким тоном и с таким сердитым выражением лица, что мне трудно было поверить в искренность сказанных им слов.

Глава V

Перечень всего, что случилось в ночь 27 февраля 1757 года

Вечером того дня, в который между мной и мистером Генри происходил вышеупомянутый разговор, мастер Баллантрэ куда-то уехал. Он провел вне дома также большую часть следующего дня, этого злополучного 27 февраля, и к вечеру этого дня вернулся домой. Где он был и что он делал во время своего отсутствия, этим мы не интересовались и не спросили его об этом. Если бы мы поступили иначе и навели бы насчет него справки, то быть может, многое из того, что произошло, вовсе бы не случилось. Но так как мы этого не сделали, что с нашей стороны было очень глупо, то об этом и говорить не стоит, и я лучше расскажу подробно и по порядку все, что случилось в этот злополучный вечер и в следующую за ним ночь, и познакомлю читателя с малейшими подробностями этого происшествя. Чтобы в точности передать печальное происшествие, случившееся в ночь на 28 февраля, я попрошу читателя следовать за мной шаг за шагом, а чтобы быть вполне беспристрастным, мне придется рассказать и то, что говорит не вполне в пользу мистера Генри, поэтому я заранее прошу читателя иметь к нему снисхождение.

В продолжение всего 27 февраля погода стояла очень суровая, холод был невероятный, так что у людей, проходивших по улице, шел даже пар изо рта, и все они походили на ходячие дымовые трубы. Очаг был полон топлива; птицы, стараясь найти приют от холода, усаживались на подоконниках и залетали в сени, а те из них, которые не находили пристанища, скакали по замерзшей земле. Время от времени луч солнца падал на землю и освещал покрытые инеем леса и холмы, стоявший на море люггер капитана Крэя, выжидавший попутного ветра, и белые крыши хижин и других строений, из труб которых поднимался дым. Весь этот зимний ландшафт был необыкновенно красив. С наступлением ночи туман начал окутывать землю густой пеленой, небо сделалось совершенно серое, ни одной звездочки не было видно. Мороз еще усилился. Ночь была мрачная и холодная, самая подходящая для таких страшных событий, которые в продолжение ее совершились.

Миссис Генри, по своему обыкновению очень рано отправилась спать, а мистер Генри, мастер Баллантрэ и я уселись, как мы это иногда делали, за карты, чтобы как-нибудь провести вечер. Играть в карты мы стали в Деррисдире с тех пор, как мастер Баллантрэ приехал, – он ввел эту моду. В то время как мы играли, милорд сидел у камина и грелся, но, по всей вероятности, ему захотелось погреться еще побольше, потому что он вдруг, никому ничего не сказав, потихоньку вышел из зала и пошел к себе в спальню, чтобы улечься в постель, где, разумеется, было еще теплее.

Мы остались втроем в комнате; интереса оставаться нам дольше вместе после того, как лорд ушел, у нас, разумеется, не было, но так как карты были уже сданы, то мы остались сидеть, чтобы доиграть игру. Мы обыкновенно долго засиживались, лорд не любил рано ложиться спать и хотя в этот раз он ушел раньше, чем обыкновенно, был все-таки уже первый час ночи, когда он нас покинул. Прислуга в доме давно уже спала, и в то время, как мы сидели и швыряли карты, время от времени попивая вино, вокруг нас царила полная тишина.

До сих пор я никогда не замечал, чтобы мастер Баллантрэ пил неумеренно, но в этот вечер он, по моему мнению, производил впечатление человека, выпившего лишнее. Хотя он и старался скрыть это, я все-таки заметил, что он не вполне трезв.

Как только дверь за лордом захлопнулась, Баллантрэ без всякой видимой причины вдруг переменил тон и, вместо того, чтобы разговаривать с нами вежливо, как он делал это в присутствии лорда, стал говорить нам дерзости.

– Мой дорогой Генри, тебе ходить, – сказал он в то время, как отец выходил из комнаты, но как только старик не мог больше слышать его слов, сразу переменял тон и сказал: – Странно, Иаков, что даже в карты ты не умеешь играть, как джентльмен, ты играешь совсем как сапожник. Ты и в картах такой же бестолковый и тупоумный, как в жизни. Твоя... как тебе сказать, твоя *lenteur d'hébéte, me fait rager* – да, приводит меня в ярость, именно в ярость. Мне даже как-то странно иметь такого брата. Мне кажется, что с каким-нибудь старым подагриком, и с тем интереснее играть, чем с тобой, тот все-таки больше увлекается, а ты какой-то сухарь и больше ничего.

Мистер Генри не отвечал и смотрел со вниманием на свои карты; казалось, он обдумывал, как ему лучше ходить, но между тем я уверен, что мысли его были заняты совсем другим.

– Ах, какая тоска, какая тоска играть с тобой! – закричал снова мастер Баллантрэ. – *Que! lourdeau!* Но к чему я употребляю французские фразы, когда имею дело с таким невеждой? Ты, мой дорогой братец, ведь, наверно, не знаешь, что такое *lourdeau*. *Lourdeau* – это то же самое, что неотесанный, грубый человек, шут гороховый, олух, человек, у которого нет ни грации, ни изящности в манерах, ни сообразительности, ни быстроты в движениях, у которого нет ничего такого, чем бы он мог нравиться и блеснуть, одним словом, если ты желаешь в точности знать, что это такое, то потрудись встать и взглянуть на себя в зеркало. Поверь, что я говорю тебе все это из желания тебе добра; я хочу, чтобы ты изменился к лучшему, и я должен сказать, что единственно, чем я развлекаюсь в этом скучном доме, это тем, что, играя в карты с двумя старыми подагриками (при этих словах он зевнул и взглянул на меня), стараюсь их расшевелить. Вас, положим, мне легче вывести из вашей апатии, мне стоит только употребить кличку, которую вам дали, – обратился он ко мне, – но вот с этим джентльменом я ничего не могу сделать, он, мне кажется, совсем спит над своими картами. Я могу даже на деле доказать тебе, что я прав, и что эпитеты, которые я дал тебе, ты вполне заслуживаешь, – обратился он снова к брату. – Насколько я мог заметить, благодаря тому, что ты не отличаешься интересными качествами, ты теряешь также много в сравнении со мной в глазах женщин; вот, например, я знаю одну женщину, – сказал он каким-то особенным, насмешливым тоном, – которая теперь предпочитает меня тебе или, вернее, которая никогда не переставала увлекаться мной, тогда как тобой – нисколько.

Мистер Генри положил карты на стол. Он медленно встал и, как бы погруженный в раздумье, подошел к мастеру Баллантрэ.

– Подлец! – сказал он тихим голосом, скорее про себя, чем обращаясь к кому-либо, и, не торопясь и не обнаруживая никакого особенного волнения, ударил брата прямо в лицо.

Мастер Баллантрэ вскочил. Лицо его приняло какое-то особенное выражение. Я никогда не видел его таким красивым, как в эту минуту!

– Как ты осмелился ударить меня! – закричал он. – Да знаешь ли ты, что нет на свете человека, которому я позволил бы ударить себя?

– Говори тише, не кричи. Или, быть может, ты желаешь разбудить отца и просить его заступиться за тебя?

– Господа, господа, успокойтесь! – закричал я, стараясь стать между ними.

Мастер Баллантрэ схватил меня за плечи и, отстранив меня от себя, обратился к своему брату:

– Понимаешь ли ты, что ты сделал? – спросил он.

– Отлично понимаю, – ответил мистер Генри. – То, что я сделал, я сделал по зрелому обсуждению.

– Я требую крови, я требую крови! – кричал мастер Баллантрэ.

– Дай Бог, чтобы пролилась твоя, – сказал мистер Генри, снимая со стены, на которой висело различное оружие, две сабли и предлагая их на выбор мастеру Баллантрэ. – Только пусть Маккеллар будет свидетелем нашего поединка; мне кажется, что это крайне необходимо.

– Прошу тебя не оскорблять меня больше, – сказал мастер Баллантрэ, принимая одно из оружий, – и знай, что я с тех пор, как я себя помню, ненавижу тебя.

– Отец мой только что лег спать; нам, стало быть, драться здесь нельзя, – сказал мистер Генри, – выйдем куда-нибудь подальше.

– Пойдем в аллею из кустарников, там есть одно местечко, где нам очень удобно драться, – сказал мастер Баллантрэ.

– Господа, постыдитесь, что вы делаете! – закричал я. – Дети одной матери, и вы хотите отнять друг у друга жизнь, которую она вам дала!

– Именно, этого мы и желаем, Маккеллар, – сказал мистер Генри совершенно таким же спокойным голосом, каким он говорил в продолжение всей этой сцены.

– Ну, в таком случае я этому помешаю.

И тут я должен упомянуть о крайне недостойном поступке с моей стороны. В ту минуту, когда я собрался бежать к лорду, мастер Баллантрэ схватил меня за руку и, приложив острие сабли к моей груди, пригрозил убить меня, если я только двинусь с места. Увидев перед собой страшное блестящее лезвие, я до такой степени испугался, что бросился перед мастером Баллантрэ на колени, и как дитя, начал просить прощения.

– Нет, нет, не убивайте меня, – закричал я жалостным тоном, – я вас не выдам!

– Ну, теперь я спокоен, что он нам не помешает, – сказал мастер Баллантрэ, отходя от меня. – Приятно иметь дело с трусом.

– Нам нужны свечи, – сказал мистер Генри таким спокойным голосом, как будто за это время ничего не произошло.

– Вот этот храбрец, который так и дрожит, может принести нам свечи, – сказал Баллантрэ, указывая на меня.

К моему стыду, я должен сказать, что до такой степени испугался направленного на меня оружия, что, не думая о том, что я говорю, предложил принести в сад фонарь.

– Нам не нужно ф-ф-о-о-наря, – сказал мастер Баллантрэ, передразнивая меня. – В саду нет ни малейшего движения воздуха, так как сегодня чрезвычайно тихо; возьмите пару свечей и идите вперед, а мы последуем за вами. Не думайте, что вам удастся улизнуть! О нет, я тут за вами, с оружием в руках.

И при этих словах он показал мне блестящую в его руках саблю.

Я взял в руки подсвечники и пошел вперед, хотя был бы готов пожертвовать многим, если бы я мог в данную минуту убежать и созвать людей на помощь. Но так как я боялся за свою жизнь, то мне ничего другого не оставалось, как исполнить приказание мастера Баллантрэ, и хотя у меня от страха зубы так и стучали, я все-таки шел вперед.

Мастер Баллантрэ сказал правду: в саду не было ни малейшего движения воздуха, ни малейшего ветерка, мороз был чрезвычайно сильный, но при этом было замечательно тихо. Небо было совершенно темное, так что мы стояли в саду, словно под темной крышей. Никто из нас не произнес ни одного слова, и за исключением скрипа наших шагов по замерзшей земле, ничего не было слышно.

Мороз подействовал на меня, словно ушат холодной воды. Выйдя на мороз, я почувствовал, как меня всего им обдало, и я начал дрожать уже не от страха, а от холода; спутники же мои, несмотря на то, что они, подобно мне, вышли в сад с открытыми головами, казалось, и не замечали, что они вышли из теплой комнаты на мороз, и никто из них даже не вздрогнул.

– Вот тут место, о котором я говорил, – сказал мастер Баллантрэ. – Поставьте на землю свечи.

Я исполнил его приказание и поставил подсвечники на землю, и свечи тут, в саду, горели так же тихо, и пламя шевелилось настолько же слабо, как будто они горели в комнате.

Братья заняли свои места.

– Свет падает не с той стороны, откуда следует, – сказал мастер Баллантрэ.

– Я готов дать тебе всякое преимущество, – сказал мистер Генри, пуская мастера Баллантрэ на свое место, – так как я уверен, что ты будешь убит, и я останусь победителем.

Он сказал эти слова каким-то глухим, печальным голосом.

– Генри Дьюрри, – сказал мастер Баллантрэ, – прежде чем начать с тобой драться, я скажу тебе два слова: ты умеешь драться на рапирах, это верно, но драться на рапирах и на саблях большая разница, и поэтому я предполагаю, что ты будешь убит. Но обрати внимание на то, насколько мое положение лучше твоего. Если я тебя убью, то я уеду отсюда и буду жить великолепно в какой-нибудь другой стране; в деньгах у меня недостатка не будет, – я наследник поместья Деррисдир Баллантрэ. Если же я буду убит, и ты останешься в живых, что ты будешь представлять из себя? Ровно ничего. И кому ты нужен? Ровно никому. Твой отец, твоя жена, которая, как тебе известно, любит меня, а не тебя, даже твоя дочь, – все будут жалеть о том, что не ты убит, а я, и никогда не простят тебе, если ты убьешь меня. Подумал ли ты об этом, дорогой Генри?

Он взглянул на брата и, иронически улыбнувшись, поклонился так, как обыкновенно принято кланяться перед началом фехтования.

Мистер Генри не ответил ни слова и так же поклонился, после чего они начали драться.

Подробности поединка я передать не берусь, так как был до такой степени взволнован, что с трудом мог следить за тем, что происходило на моих глазах; знаю только, что мистер Генри дрался с ожесточением, и что шансы победы были на его стороне, он владел оружием лучше, чем его враг. Вот уже он совсем близко подошел к нему и, казалось, тотчас должен был вонзить в грудь его саблю, когда тот с проклятием сделал прыжок в сторону, надеясь таким образом спастись, так как он, без сомнения, понимал, что положение его критическое. Но прыжок этот не помог ему – напротив, вследствие того, что он переменял место, свет от свечей, падая ему прямо в глаза, мешал ему верно прицеливаться, и мистер Генри, воспользовавшись своим выгодным положением, еще с большей энергией набросился на своего врага. В точности я не могу сказать, так как от испытываемого мною ужаса я был в каком-то оцепенении, но мне кажется, что, заметив, что он погибает, Баллантрэ схватил левой рукой лезвие сабли мистера Генри, что во время дуэли отнюдь не позволено делать. Мистер Генри, однако, не растерялся, а отскочил в сторону как раз в ту минуту, когда мастер Баллантрэ собрался вонзить ему оружие в грудь, и тотчас после этого я увидел, как мастер Баллантрэ, размахивая саблей по воздуху, упал на колени, и прежде чем он успел встать, мистер Генри пронзил его своим оружием.

Я вскрикнул и хотел было подбежать к раненому, чтобы его поддержать, но раньше, чем я подошел к нему, он уже лежал на земле как пласт.

– Возьмите левую руку и пощупайте пульс, – сказал мистер Генри.

– Она вся в крови, – ответил я.

– Взгляните, пожалуйста, внутренняя сторона руки порезана или нет? – спросил он.

– Порезана, – ответил я.

– Ну, да, я так и знал, стало быть, я не ошибся, что он схватил мою саблю рукой, – сказал он и отвернулся.

Я расстегнул платье мастера Баллантрэ и приложил ухо к его сердцу.

Оно не билось, не слышно было ни малейшего биения.

– Да простит вас Бог, мистер Генри, но вы убили вашего брата, он умер, – сказал я.

– Умер? – повторил он в изумлении, каким-то недоверчивым тоном, затем громко закричал: – Умер? Не может быть!

И с этими словами он швырнул на землю окровавленную саблю.

– Что нам делать? – сказал я. – Не волнуйтесь, пожалуйста. Не выходите из себя и скажите лучше, как нам теперь быть?

Он повернулся ко мне и, взглянув на меня разрывающим душу взглядом, сказал:

– О, Маккеллар!

Затем он закрыл лицо руками. Я дернул его за рукав и сказал:

– Ради Бога, будьте храбрее! Успокойтесь. Подумайте лучше, что нам делать теперь.

Он взглянул на меня каким-то тупым взглядом и спросил:

– Что делать? – Затем взор его упал на лежавшего на земле брата. – О! – воскликнул он, приложил руку ко лбу, как будто он старался что-нибудь припомнить, и, повернувшись, бросился бежать прямо в дом.

Я стоял с минуту в нерешимости, затем, решив, что моя обязанность заботиться теперь о живом, а никак не о мертвом, я оставил тело лежать, где оно лежало, и свечи гореть, где они горели, бросился бежать в дом искать мистера Генри. Но в то время, как я бежал по саду и как я искал его, я мысленно все время видел перед собой несчастного убийцу с искаженным от ужаса лицом.

Я прошел в дом и отправился прямо в зал, надеясь там его найти. Он действительно стоял посреди зала и, закрыв лицо руками, заметно дрожал.

– Мистер Генри, – сказал я, – мистер Генри, так нельзя, вы губите и себя, и всех.

– Что я сделал, что я сделал! – закричал он, глядя на меня таким взглядом, который навсегда остался у меня в памяти. – Кто сообщит об этом старику-отцу?

Голос, которым он выговорил эти слова, затронул мою душу; у меня положительно сердце разрывалось на части, глядя на моего несчастного мистера Генри, но терять время на излишние чувства мы не могли, и поэтому я налил стакан крепкого вина и дал ему выпить.

– Выпейте, выпейте весь стакан, – сказал я.

Я подал ему стакан, и он, как послушный ребенок, исполнил то, что я от него требовал. Так как и я чувствовал себя совершенно убитым и, кроме того, чувствовал, что я прозяб, то я также последовал его примеру и выпил стакан.

– Надо сообщить отцу об этом, Маккеллар, надо непременно сообщить ему об этом, – сказал мистер Генри.

И с этими словами он бросился в кресло, в котором обыкновенно сидел его отец, и без слез зарыдал.

Я положительно терялся и не знал, что мне делать. На мистера Генри, по-видимому, нечего было рассчитывать, он был в таком отчаянии, что ни на что не решался.

– Ну, хорошо, – сказал я, – посидите здесь, а я все устрою.

Взяв в руку свечку, я отправился бродить по темным комнатам дома. В доме было совершенно тихо, очевидно, никто не слышал и не видел, что произошло. Теперь моя задача была следующая: сообщить жене и отцу мистера Генри о несчастном событии, но таким образом, чтобы никто, кроме них, не узнал о нем. Раздумывать о том, что прилично, а что неприлично, я не мог, так как дело у меня было слишком серьезное, и поэтому я без всякой церемонии отворил дверь спальни миссис Генри и вошел к ней.

– Что случилось? Верно, что-нибудь ужасное? – воскликнула она, садясь в постели.

– Сударыня, – сказал я, – я выйду в коридор, пока вы оденетесь, а затем прошу вас тотчас принять меня у себя в комнате. Мне необходимо сообщить вам о весьма серьезном деле.

Она не мучила меня бесполезными вопросами, а быстро оделась, и раньше, чем я успел обдумать, как мне начать с ней разговор, она уже стояла на пороге двери и приглашала меня войти к ней.

– Сударыня, – сказал я, – я пришел к вам, чтобы сообщить вам, что случилось весьма неприятное, да, крайне неприятное происшествие, и если у вас не хватит храбрости выслушать меня, то скажите мне это прямо. Но я должен только предупредить вас, что если вы мне не поможете, то я положительно не знаю, к кому мне обратиться, знаю только, что тогда последует еще другое несчастье.

– Нет, нет, у меня хватит храбрости, – сказала она, глядя на меня и грустно улыбаясь, и хотя выражение ее лица было печальное, оно было отнюдь не растерянное.

– Произошла дуэль, – сказал я.

– Дуэль? – повторила она. – Между кем? Между Генри и...

– И мастером Баллантрэ, – сказал я. – Вражда между ними с каждым днем все усиливалась и усиливалась, происходили такие гадкие сцены, о которых вы не имеете ни малейшего понятия, и, наконец, сегодня ночью, когда он осмелился говорить о вас с презрением...

– Позвольте, позвольте, – сказала она, – вы говорите «он». Кто такой «он»?

– О, сударыня, и вы спрашиваете меня еще, кто! Нет, я вижу, что я напрасно пришел к вам, вы не поможете мне. Мне не стоило и тревожить вас.

– Я не знаю, что я сказала такое особенное, что вы так рассердились, – сказала она. – Во всяком случае, прошу вас не сердиться и рассчитывать на мою помощь.

Но я не решился обратиться к ней с просьбой, с которой я имел сначала намерение обратиться, так как не был уверен, насколько она интересуется мужем, и, досадуя на нее за то, что она относилась к нему до такой степени равнодушно, принялся упрекать ее за ее поведение.

– Сударыня, – сказал я, – я говорю вам, что из-за вас произошла дуэль, вследствие того, что один из дравшихся сказал про вас оскорбительную вещь, и вы спрашиваете меня, который из них сделал это. Я помогу вам решить этот вопрос. С одним из них вы изо дня в день проводили вместе целые часы. Упрекнул ли вас другой из них в этом хотя бы один раз? С одним из них вы были всегда любезны и внимательны, с другим – Бог свидетель, что я говорю правду, – отнюдь не всегда, но между тем другой не переставал вас любить. Нынешней ночью один из них сказал другому в моем присутствии, в присутствии совершенно постороннего человека, что вы его любите. Я больше ничего не скажу, а попрошу вас, чтобы вы сами решили, кто из этих двух людей мог сказать про вас оскорбительную вещь. Нет, сударыня, не отвечайте мне теперь, а ответьте мне на это в другой раз, теперь же скажите мне только вот что: кто, по вашему мнению, виноват в том, что все кончилось так страшно и так печально?

Она в ужасе взглянула на меня:

– Боже милостивый, – сказала она сначала громко, а затем шепотом, – Боже милостивый! Ради Бога, Маккеллар, скажите мне, что случилось! Я могу слышать все, я приготовилась ко всему!

– Нет, я ничего не скажу вам раньше, чем вы убедитесь в том, что вы виной всему, что случилось.

– О, – закричала она, ломая свои руки, – этот человек хочет довести меня до сумасшествия! Говорю же вам, что я могу слышать все, решительно все! Бросьте думать обо мне, бросьте думать!

– Я думаю не только о вас, – закричал я, – я думаю еще больше о моем несчастном патроне!

– А, – закричала она, хватаясь за сердце, – Генри убит?

– Не кричите так громко, – ответил я, – не он убит, а другой.

Она покачнулась и чуть-чуть не упала, а я, заметив это движение и поняв, как сильно она любила врага своего мужа, отвернулся от нее и смотрел безучастно на пол. Видя, однако, что она все стоит на одном и том же месте и не делает ни малейшего движения, и не слыша из уст ее ни одного слова, я обеспокоился и, обратившись к ней снова, сказал:

– Я принес вам дурные известия, это правда, но все-таки я нахожу, что и вы, и я должны набраться храбрости и действовать, а не отчаиваться и скорбеть.

Она все еще ничего не отвечала.

– Подумайте о вашей дочери, – сказал я, – если то, что случилось, дойдет до сведения людей, то имя ее опозорено, так как всем будет известно, что она дочь убийцы.

По всей вероятности, мысль о печальном будущем ее дочери подействовала на нее, потому что, как только я упомянул о ней, какой-то глухой звук вырвался из ее груди. Казалось, будто она лежала где-нибудь под землей, и что после того, как с нее сняли давившую ее тяжесть, она вздохнула. Вскоре после этого она хотя и слабым голосом, но все-таки спросила:

– Стало быть, это была настоящая дуэль, настоящая, не то, чтобы... – она запнулась и не могла договорить до конца.

– Настоящая, – сказал я. – Оба они дрались хорошо, но мой дорогой патрон дрался лучше и убил врага, в то время как тот, бросаясь на него, промахнулся.

– И он убит, действительно убит? – закричала она.

– Да, убит, – ответил я, в то время как в груди моей кипела все еще ненависть к убитому. – Бог свидетель, сударыня, что если бы это было в моей воле, я не допустил бы молодых людей до дуэли. Но, к стыду своему, я должен сознаться, что у меня не хватило энергии удержать их от этого, и если говорить откровенно, когда я увидел, что мастер Баллантрэ падает, то хотя мне это и было неприятно, я все-таки в душе был доволен, что мистер Генри освободился от своего врага. Жаль только, что на него это так страшно подействовало.

Я не знаю, обратила ли она внимание на мои последние слова, так как она на это ничего не ответила, а спросила:

– А как же нам быть с милордом?

– Я беру на себя печальную обязанность сообщить ему о случившемся.

– Надеюсь, что вы не скажете ему того, что вы мне сказали? – спросила она.

– Я положительно удивляюсь вам сударыня. Неужели вам не о ком думать и заботиться в данное время, что вы можете интересоваться подобными вопросами?

– Думать? О ком думать? – повторила она.

– Как о ком? – спросил я и, заметив, что она смотрит на меня удивленным взглядом, присовокупил: – А муж ваш? Разве вы забыли о его существовании? Неужели вы решитесь мстить ему за его поступок и не пожелаете знать его больше?

Она взглянула на меня, затем схватилась снова рукой за сердце и сказала:

– Нет!

– Да благословит вас Бог за эти слова! – сказал я. – Ступайте теперь к вашему мужу, послушайте меня, поговорите с ним, говорите, что хотите, но только старайтесь его утешить, возьмите его за руку и скажите: «Я знаю все», и если Господь поможет вам побороть вашу гордость, то скажите: «Прости меня».

– Да подкрепит вас Господь и да внушит Он вам сострадание ко мне! – сказала она. – А я пойду теперь к моему мужу.

– Позвольте, я вам посвечу, – предложил я, взяв свечу в руки.

– Нет, не надо, – сказала она, – я найду дорогу и впотьмах. – Сказав это, она сделала такое движение, как будто ей холодно.

Я также почувствовал, как по всему моему телу пробежала дрожь.

И таким образом мы разошлись. Она поднялась вверх в зал, в котором слабо мелькал огонек от горевшей в нем свечи, а я пошел по коридору, в котором находилась спальня лорда. Я не решился войти прямо в комнату лорда, боясь его напугать, и поэтому постучался, раньше чем войти. Лорд или не спал, или сон его был не крепкий, потому что, как только я пальцем слегка дотронулся до его двери, он тотчас попросил меня войти.

Он так же, как и миссис Генри, при моем появлении приподнялся и уселся в постели. Он был очень бледен и в постели казался гораздо дряхлее, меньше ростом и более худым, чем днем. Лицо его, вследствие того, что он был без парика, казалось, таким маленьким, как лицо ребенка. Взгляд у него был сердитый, и поэтому я даже оробел, когда заметил это. Но голос его звучал так же тихо и спокойно, как обыкновенно, когда он спросил меня, что меня привело

к нему. Я поставил подсвечник на стул, прислонился к кровати у ног его и, устремив на него взор, сказал:

– Лорд Деррисдир, вы, я думаю, не сомневаетесь в том, что я считаю себя членом вашей семьи и люблю вас.

– О, да, разумеется, – сказал лорд, – и что вы любите моего младшего сына особенно нежно и относитесь к нему особенно пристрастно, это я также знаю.

– О, милорд, какое пристрастно! Вовсе нет. Но не будем дольше распространяться об этом вопросе и перейдем к тому, что я намерен сообщить вам. Предупреждаю вас, однако, что вы должны быть готовы услышать весьма неприятную вещь. Вы говорите, что я отношусь пристрастно к вашему младшему сыну. Но разве и вы не относитесь пристрастно, если не к нему, то к вашему старшему сыну? Стало быть, нам друг друга нечем укорять. Ну, а скажите, если бы я не был так сильно привязан, не только к мистеру Генри, а к вам, что могло бы заставить меня прийти к вам в такую пору и с таким волнением в сердце? Послушайте, что я вам скажу, и вы убедитесь в том, что если я и люблю особенно нежно мистера Генри, я искренно привязан и к вам.

– Я всегда готов принять вас и выслушать, что вы мне скажете, в какое бы время дня и ночи вы ни пришли, мистер Маккеллар, – сказал лорд, – так как, если вы желаете меня видеть, то, стало быть, у вас есть важные причины. Я это отлично знаю, так как много раз убеждался в этом.

– Я пришел сюда, чтобы ходатайствовать перед вами за моего патрона, – сказал я. – Вы отлично знаете и понимаете, какое положение он занимает в родительском доме. Вы знаете, что это за благородный, великодушный человек, и знаете, как он всегда старался исполнить желания вашего... то есть ваши желания, – поправился я, так как не в силах был выговорить слова «вашего старшего сына, мастера Баллантрэ». – Вы должны знать, да, я уверен, что вы отлично знаете, сколько ему пришлось страдать из-за жены.

– Мистер Маккеллар! – воскликнул лорд, глядя на меня таким сердитым взглядом, как будто он готов был меня разорвать на части.

– Вы обещали выслушать меня, – сказал я, несколько не смущаясь этим возгласом. – Чего вы, однако, не знали и что вы должны были бы знать, это то, каким ужасным притеснениям, каким испытаниям подвергался мистер Генри. Но чтобы вас не тревожить, он молчал. Вам стоило только повернуть спину, как один из двух сыновей ваших, имя которого я не хочу называть, начинал говорить другому всевозможные дерзости: ругать его дураком, насмехаться над ним и бросать ему самые обидные оскорбления в лицо. Я не могу даже решиться перечислить вам те обидные слова, которые употреблял мастер Баллантрэ, разговаривая с братом. Но стоило только вам появиться в комнате, чтобы он совершенно изменился в своем обращении: он делался любезен и внимателен, и мой патрон должен был с таким же терпением и так же спокойно выслушивать все фальшивые любезные фразы, которые ему говорили, как за несколько минут до того он выслушивал дерзости. Положение моего патрона было положительно невыносимо. Я был свидетелем тех ужасных нравственных мучений, которые он претерпевал. С тех пор, как мастер Баллантрэ приехал, он не переставал оскорблять мистера Генри. Я присутствовал при встрече братьев, первое приветственное слово, с которым мистер Баллантрэ обратился к брату, было: «А, Иаков!», сказанное в насмешку.

Милорд сделал движение, как будто он желал встать, и при этом сказал:

– Если бы в том, что вы говорите, была бы хоть одна доля правды...

– Взгляните на меня, разве я имею вид человека, который лжет? – спросил я, хватая его за руку.

– Вы должны были рассказать мне обо всем этом раньше, – сказал лорд.

– О, да, милорд, вы вполне правы: я должен был бы непременно так поступить, – сказал я. – И я глубоко упрекаю себя за это.

– Я вмешаюсь в это дело и все это изменю, – сказал лорд, снова собираясь встать.

Я опять схватил его за руку и удержал его.

– Да, я не сказал вам раньше об этом, – продолжал я, – и вы не поверите, как я упрекаю себя за это. Но продолжаю свой рассказ. Все оскорбления, все обиды мой патрон переносил молча. Никто из членов его семьи не оказывал ему ни любезности, ни ласки. Даже вы, милорд, вы, его отец, никогда не баловали его ни малейшим словом любви. Единственно, в чем вы не отказывали ему, это в выражениях благодарности. А между тем, это также ваш родной сын. И отец, родной отец не любил его! В его родной стране его также ненавидели, но ненавидели неизвестно за что! К нему относились несправедливо. Да, одному Богу известно, насколько несправедливо! Он женился. И что же? Жена также не чувствует к нему ни малейшей любви. Положение его самое тяжелое: никто из родных его не любит, один из них его ненавидит, а другие его только терпят. Бедный, благородный, великодушный, несчастный мистер Генри.

– Ваши слезы делают вам честь, – сказал милорд, заметив, что я вытер глаза, – и я чувствую себя крайне пристыженным, да, крайне пристыженным, – повторил он дрожащим голосом. – Но я должен сказать вам, что вы относитесь ко мне не вполне справедливо. Я люблю Генри, я всегда его любил. Джемса, действительно, я не стану этого отрицать, Джемса, быть может, я люблю еще больше, но, во всяком случае, оба сына мне дороги. Вы, в сущности, не имеете полного понятия о том, какой симпатичный человек мой Джемс, так как вы познакомились с ним уже после того, как он вернулся из своего изгнания и после того, как он перенес столько мучений во время своего странствования. Бедный мальчик, как много он страдал, и за что только он так мучился! А между тем, даже и от такой тяжелой жизни он нисколько не очерствел. Он остался все таким же ласковым и любезным. Он несравненно сердечнее своего брата. Но я не стану больше говорить о нем. Поговорим лучше о Генри. Все, что вы сказали мне про его характер, правда, действительно правда. Я знаю, что он великодушен, я в этом нисколько не сомневаюсь. Но это такого рода добродетель, которая порой остается никем не замеченной. Во всяком случае, мистер Маккеллар, я обещаю вам позаботиться о том, чтобы все это кончилось, чтобы неприятных сцен между моими сыновьями не происходило. Я был слаб, нет, вернее, я был глуп.

– Я не имею права слушать, как вы сами себя обвиняете, милорд, – сказал я, – когда я сам настолько же виноват в том, что случилось, как и вы; мне следовало сказать вам обо всем раньше, быть может, тогда все вышло бы совсем иначе. Вы были не слабы, а вас обманывали. Вас надул хитрый обманщик. Помните, как ловко он обманул вас, уверяя, что его жизни грозит опасность, он таким же ловким способом обманывал вас во всех отношениях. Я говорю вам все это с той целью, чтобы постараться вырвать его образ из вашего сердца и заставить вас вспомнить, что у вас есть более достойный сын, вспомните о нем, подумайте о том, что он единственный достоин вашей любви.

– Нет, нет, – сказал лорд, – у меня два сына, и оба они в равной степени достойны моей любви.

Я сделал жест, выражавший нечто вроде отчаяния, он взглянул на меня, и выражение его лица изменилось.

– По всей вероятности, вам известно про моего старшего сына что-нибудь особенно дурное? – спросил он.

– Да, не скажу, чтобы особенно хорошее, – ответил я. – Я слышал, например, еще нынешней ночью, как мастер Баллантрэ сказал мистеру Генри, что нет такой женщины, которая не предпочла бы его, мастера Баллантрэ, мистеру Генри.

– Я ничего не желаю слышать про мою невестку, – закричал лорд, и, судя по тому, что он тотчас понял, о ком я говорю, хотя я не называл ни одного имени, я понял, что он отлично замечал, что происходило между его любимцем и миссис Генри.

– Я и не говорю о ней ничего дурного, – сказал я. – Я говорю только про мастера Баллантрэ и про мистера Генри, и если вы все еще сомневаетесь в том, что старший сын ваш вас надувал и притворялся перед вами, то я скажу вам, что я, я сам, опять-таки нынешней ночью, был свидетелем, как мастер Баллантрэ сказал мистеру Генри, что миссис Генри любит не мужа, а его.

– И они поссорились? – спросил лорд.

Я кивнул головой.

– В таком случае, я тотчас отправлюсь к ним, – сказал он, собираясь вылезти из постели. – Мне надо торопиться, надо торопиться.

– Нет, нет! – закричал я, удерживая его за руку.

– Ах, пустите меня, не мешайте, – сказал лорд, – быть может, вы не понимаете, но это очень опасные слова, могущие привести к весьма печальным последствиям.

– Да, милорд, слова эти привели к ужасным последствиям, – сказал я. – Неужели вы все еще не понимаете, что я хочу сказать вам и на что я не решаюсь?

Он умоляющим взором взглянул на меня. Я бросился перед ним на колени.

– О, милорд, – закричал я, – вспомните о том, который остался в живых, вспомните о нем, о младшем вашем сыне, которого жена ваша также подарила вам, и о котором все мы слишком мало заботились, которому мы не помогли нести его тяжелый крест, вспомните об этом несчастном грешнике и забудьте о себе. Это ваша обязанность, этого требует ваш долг, ваш христианский Долг, и таким образом вы заслужите царство небесное. Вспомните о нем, как и он теперь думает исключительно о вас, это я знаю, потому что он сказал мне: «Кто сообщит об этом моему бедному старику-отцу?» таким тоном, которого я никогда не забуду. Вот для того, чтобы сообщить вам о случившемся и чтобы выпросить у вас прощение несчастному, я пришел к вам и лежу теперь у ваших ног.

– Пустите меня, пустите меня, я хочу встать! – закричал лорд и, оттолкнув меня, вскочил на ноги раньше, чем я успел встать. Голос его звучал теперь громко, лицо было бледно как полотно, а глаза совершенно сухие и взгляд какой-то напряженный.

– Вы слишком много говорите, – сказал он. – Скажите мне лучше коротко и ясно, где это происходило?

– В аллее из кустарников.

– А где мистер Генри? – спросил он.

Я сообщил ему о том, где я оставил его, после чего он на минуту задумался, а затем спросил:

– А мастер Джемс?

– Я оставил его лежащим на земле, между горевшими свечами.

– Как между свечами? – закричал он, подбегая к окну и отворяя его. – Как можно было оставить свечи. Ведь с улицы можно видеть, что делается в саду, когда он освещен.

– В такое позднее время никто не проходит, – возразил я.

– Ничего неизвестно. Один человек может пройти, – ответил он, – довольно и этого. Однако, послушайте, что это такое, что это за шум?

Это был шум весел, и я объяснил это лорду.

– Это свободные торговцы, – сказал милорд, – они проезжают мимо нас по заливу на своих лодках. Бегите, Маккеллар, потушите свечи. А я пока оденусь, и когда вы вернетесь, мы с вами рассудим, как лучше всего поступить.

Я спустился по лестнице и вышел из дому. Издали я уже видел свет, который свечи бросали на аллею, и я упрекал себя за свою неосторожность и за свою небрежность. Когда я подошел к месту трагедии, я стал упрекать себя еще сильнее за свою оплошность. Как оказалось, одна из свечей была опрокинута и потухла, в то время как другая горела и бросала яркий свет на замерзшую землю. Вследствие того, что ночь была такая темная, освещенное место казалось

еще светлее. И вот, между свечами, посреди, находилось огромное кровавое пятно, а немного поодаль лежала окровавленная сабля мистера Генри, рукоятка которой была из серебра, но трупа мастера Баллантрэ нигде не было. Сердце мое остановилось, волосы стали дыбом, такое странное впечатление произвела на меня потрясающая картина, которую я увидел, и так жутко мне сделалось в то время, как я смотрел на нее. Я взглянул направо, потом налево, но тела мастера Баллантрэ нигде не было. Я стоял и прислушивался, не услышу ли я с какой-нибудь стороны шума или шороха, но нет, вокруг меня царила полная тишина, и не слышно было ни единого звука, словно я находился в пустой церкви.

Я погасил свечу, и в аллее сделалось теперь совершенно темно. Как только я остался впотьмах, мне показалось, будто целая масса народа окружает меня, – это были кусты по бокам аллеи. Убедившись в этом, я поспешил обратно в дом, понунив голову и предаваясь грустным, а вместе с тем и беспокойным мыслям. В дверях дома какая-то фигура встретилась со мной, и я готов был уже закричать от ужаса, когда, к счастью, я узнал, что это миссис Генри.

– Что, вы сообщили лорду о случившемся несчастье? – спросила она.

– Да, он выслал меня в сад, к телу, – ответил я, – но «его» в саду больше нет, именно «того», «за кем» или, вернее, «за чем» он меня выслал. Однако зачем вы здесь?

– Кого или чего больше нет? – спросила она.

– Тела мастера Баллантрэ, – ответил я. – Но зачем вы покинули вашего мужа? Почему вы не с ним?

– Вы говорите, что тела его больше нет в саду! Этого не может быть! – сказала она. – Пойдемте вместе со мной, я отыщу его.

– Теперь уже нельзя, я погасил свечу, – ответил я.

– Я отлично найду его и впотьмах, – сказала она. – Я знаю, как пройти по аллее, я ее достаточно хорошо изучила, и мне никаких свеч не надо... Пойдемте, дайте мне вашу руку.

Я, держа ее за руку, возвратился снова с ней к месту катастрофы.

– Осторожно, не запачкайтесь в крови, – сказал я.

– В крови! – закричала она и отскочила назад.

– Я думаю, что земля на месте трагедии должна быть пропитана кровью, – сказал я, – впрочем, я ничего не знаю, я впотьмах как слепой.

– Нет, – сказала она спустя некоторое время после этого – нет, нигде ничего не видно... Да не приснилось ли вам все это?

– О, я благодарил бы Бога, если бы это был сон! – воскликнул я. – Но, к сожалению, все это правда.

Она заметила лежавшую на земле саблю и подняла ее, но, увидев на ней кровь, далеко отшвырнула ее от себя.

– О, какой ужас! – закричала она, но затем, вооружившись смелостью, взяла ее вторично в руки и воткнула ее в замерзшую землю. – Я возьму ее потом и вычищу, – сказала она и снова принялась искать тело мастера Баллантрэ. – Не может быть, что он убит, – сказала она наконец.

– Но ведь я сам приложил ухо к его сердцу, оно совсем не билось, – сказал я. Затем, вспомнив о том, что миссис Генри тут, а не с мужем, я спросил: – Почему же вы не с мистером Генри? Почему вы его покинули?

– Я ушла, так как от моего присутствия не было никакой пользы, он не желает говорить со мной.

– Не желает говорить? – спросил я. – О, этого не может быть, вы, вероятно, не пытались говорить с ним.

– Нет, пыталась, – ответила она, – и я не сержусь на вас за то, что вы сомневаетесь в моем добром намерении; я дала вам на это повод, – присовокупила она с видом спокойного достоинства.

Когда я услышал из уст ее эти слова, мне в первый раз во все время моего знакомства с ней стало жаль ее.

– Видит Бог, – закричал я, – видит Бог, сударыня, что я вовсе не такой строгий, как кажусь! Кто может взвешивать слова в такую страшную ночь, как эта? Скажу вам только, что я друг всякому, кто только не враг мистеру Генри Дьюри!

– Мне было бы крайне прискорбно, если бы вы к числу врагов его причислили его жену, – сказала она.

У меня словно пелена спала с глаз, я теперь только сообразил, насколько храбро она вела себя во время этой злосчастной ночи и как покорно она выслушала все мои упреки.

– Мы должны вернуться в дом и рассказать об этом милорду, – сказал я.

– Нет, я не могу решиться идти к нему, – сказала она.

– Напрасно, не бойтесь, уверяю вас, что он менее взволнован, чем мы с вами.

– И все-таки я не могу решиться идти к нему, – сказала она.

– Ну, хорошо, – сказал я, – в таком случае, ступайте теперь снова к мистеру Генри, а я отправлюсь к лорду.

Мы пошли обратно в дом. В то время, как мы шли с ней и я держал в руках подсвечник, а она саблю, – довольно странная ноша для женщины, она спросила меня:

– А как вы думаете, рассказать мне об этом Генри?

– Пусть милорд решит этот вопрос, – сказал я.

Милорд был почти уже совершенно одет, когда я вошел к нему. Выслушав меня, он сморщил лоб и сказал:

– Его, очевидно, нашли и взяли с собой свободные торговцы, но теперь вопрос в том, жив он или мертв?

– Мне казалось, будто он мертв, – сказал я, – хотя, быть может...

– Хотя, быть может, вы и ошиблись, – сказал лорд. – Разве свободные торговцы могли бы взять его с собой, если бы он не был жив? О, нет, по моему мнению, гораздо больше повода думать, что он жив, чем что он мертв, и поэтому, во избежание всяких скандалов и лишних разговоров, необходимо распустить слух, что он уехал, точно так же, как и приехал, то есть втихомолку, никому ничего не сказав о своем намерении. Мы должны сделать все, что возможно, чтобы не вышло никакого скандала.

По всему видно было, что он теперь, главным образом, заботился о том, чтобы никто не узнал о случившемся, и странно, что, несмотря на то, что, казалось, и он, и я были в горе, мысли наши все-таки преимущественно были направлены на то, чтобы поддержать репутацию фамилии Дьюри.

– Как вы думаете, рассказать ли нам о том, что случилось, мистеру Генри? – спросил я.

– Я увижу, – сказал он. – Я сначала поговорю с ним, а затем мы отправимся вместе с вами к аллее, где происходила дуэль, и осмотрим ее.

Мы спустились вниз в зал. Мистер Генри сидел, облокотившись на стол и опустив голову на руки, и имел вид не человека, а какой-то статуи. Неподалеку от него стояла его жена. Она стояла молча, по-видимому, она не в состоянии была заставить его говорить.

Милорд твердыми шагами подошел к своему сыну, выражение его лица было спокойное, на мой взгляд, даже несколько холодное. Когда он подошел к нему совершенно близко, он протянул ему обе руки и сказал:

– Сын мой!

С глухим, сдавленным криком мистер Генри вскочил и бросился к отцу на грудь, заливаясь слезами и рыдая. Он был до такой степени жалок, что на него невозможно было равнодушно смотреть.

– О, отец мой, – кричал он, – вы отлично знаете, что я любил его, вы знаете, как сильно я его любил, я готов был умереть за него, так сильно я любил его! О, скажите мне, что вы

это знаете! Скажите, что вы меня прощаете! О, отец мой, о, отец мой, что я наделал! Что я наделал! А между тем, мы дети одного родителя! Как дружно мы некогда играли!

И при этом мистер Генри и рыдал, и плакал, и обнимал отца, и ласкал его, совершенно как ребенок, с которым приключилось нечто ужасное.

Вскоре после этого взор его упал на стоявшую перед ним жену, слушавшую, что он говорил, и горько плакавшую. Казалось, он теперь только заметил, что она тут, возле него, потому что, увидев ее, бросился перед ней на колени и воскликнул:

– О, моя дорогая, ты также прости меня! Я перед тобой также виноват. Какой я тебе муж? Я только разбил твою жизнь и сделал тебя несчастной. Но ты давно знаешь меня. Ты знала меня, когда я был еще мальчиком, и ты, наверное, помнишь, что Генри Дьюри никогда не был злым человеком, никогда! Я женился на тебе! надеялся быть тебе другом, и вот что из этого вышло. О, прости меня, прости своего друга детства! Можешь ты меня простить?

В продолжение всей этой трогательной сцены милорд вел себя не как причастное ко всему этому лицо, а как зритель или совершенно посторонний человек. Он давал себя обнимать и сам обнял сына, но нисколько не волновался. Когда сын его вскрикнул и бросился в его объятия, он повернулся ко мне и сказал:

– Затворите, пожалуйста, дверь.

Ясно было, что даже в такую трогательную минуту он нисколько не увлекся, а думал только о том, как бы скрыть все, что случилось, от прислуги.

Когда мистер Генри обратился к жене, он, постояв некоторое время в комнате и одобрительно покачав головой, повернулся ко мне и сказал:

– Принесите, пожалуйста, свечу, мистер Маккеллар, и пойдемте со мной в сад.

Мы с лордом вышли в сад, теперь в саду было уже вовсе не тихо, напротив, ветви вечно-зеленых растений, насаженных вдоль той аллеи, так и шумели, и ветер сильно дул нам в лицо, и пламя свечи, которую я держал в руке, так и развевалось во все стороны. В то время, как ветер шумел и ревел, мы быстрыми шагами побежали к тому месту, где происходила дуэль. Лорд с удивительным спокойствием взглянул на пропитанную кровью почву, а затем отправился дальше вперед, где ему действительно удалось найти некоторые следы, указывавшие на то, куда исчез мастер Баллантрэ. Во-первых, в одном месте сада лед был протоптан и на земле оказалось несколько следов от ног, немного поодаль от этого места молодое дерево лежало на земле, сломанное, а дальше, как раз у самой пристани, к которой приставали свободные торговцы, на земле было огромное кровавое пятно. По всей вероятности, торговцы положили или посадили на это место свою тяжелую ношу, прежде чем увезти ее, и отдыхали тут некоторое время.

Я зачерпнул шапкой лорда из залива воды, и мы принялись сами смывать кровавое пятно. В то время как мы были этим заняты, сильный порыв ветра пронесся по саду, и ветви кустарников снова зашумели.

– По всей вероятности, снег пойдет, – сказал милорд, – и это было бы великолепно для нас. Пойдемте теперь домой, мы все равно не можем ничего больше сделать впотьмах.

В то время, как мы шли домой, ветер стал заметно стихать, а между тем мы слышали какой-то шум, но теперь уже другого рода шум. Когда мы вышли из аллеи, то мы поняли, что это такое, – дождь шел крупными каплями и производил этот шум. Сильный западный ветер нагнал дождевые тучи, и погода в короткое время из зимней превратилась в осеннюю или весеннюю.

Бодрость духа, которой обладал лорд, и энергия, которую он проявил во время всей этой злосчастной ночи, в высшей степени возбуждали мое удивление. Когда мы возвратились домой, он совершенно спокойно уселся и начал рассуждать о том, куда делся мастер Баллантрэ. По его мнению, торговцы нашли его сына – живым или мертвым, этого он не мог знать – и увезли его. В этом он был вполне уверен и был очень доволен тем, что дождь пошел, так как надеялся, что дождь смоет все следы крови. Этим благоприятным обстоятельством лорд имел

намерение воспользоваться, и так как следы крови будут смыты, распространить слух, будто мастер Баллантрэ на рассвете уехал. Чтобы люди поверили этому, лорд попросил меня пройти в комнату его старшего сына и произвести там некоторый беспорядок для того, чтобы прислуга поверила нашей выдумке. Правда, свободные торговцы могли во всякое время обличить нас во лжи, но против этого ничего нельзя было сделать.

Я опять-таки повторяю, что я с удивлением и восторгом слушал, что говорил лорд, и когда он попросил меня отправиться в комнату его сына и учинить там беспорядок, я тотчас поспешил исполнить его желание.

Мистер и миссис Генри ушли из зала, милорд отправился к себе в спальню и, чтобы согреться, лег в постель, вся прислуга в доме крепко спала, и в то время как я поднимался вверх по лестнице в комнату мастера Баллантрэ, вокруг меня царила полная тишина. Войдя в комнату человека, которого я незадолго до этого видел плавающим в своей крови, я почувствовал ужас, тем более, что я в комнате был совершенно один, и во всем доме не было слышно ни звука, ни шороха. Но вскоре ужас мой уступил место крайнему удивлению: в комнате был страшный беспорядок, какой бывает, когда человек торопится укладываться и уезжать. Первое, что бросилось мне в глаза, были чемоданы, стоявшие посреди комнаты. Их было три. Два чемодана были набиты и заперты, а третий был еще отперт, но он был также уже почти полон.

В то время как я стоял и смотрел на эти чемоданы, я ясно понял, какие намерения имел мастер Баллантрэ. Очевидно, он сговорился с капитаном Крэлем, и тот должен был помочь ему бежать. Капитан Крэль, по-видимому, ждал только попутного ветра, и как только ветер начался, послал своих матросов за мастером Баллантрэ. Те, по всей вероятности, наткнулись на него в саду в то время, как он лежал на земле раненый или убитый, и взяли его с собой.

Намереваясь покинуть ночью, без ведома лорда, дом его, мастер Баллантрэ руководствовался чем-нибудь особенным, бегство его, очевидно, имело известную цель. Эти приготовления к тайному отъезду возбудили в душе моей весьма странные подозрения. Теперь я мог приблизительно объяснить себе неприличное и дерзкое поведение мастера Баллантрэ. Во-первых, он перед отъездом желал отомстить мистеру Генри за то, что тот его выдал, доказав, что ему на родине не грозит ни малейшей опасности, а во-вторых, мне кажется, он желал сорвать на нем свою злость (наверное я этого сказать не могу, но это мое предположение) за то, что ему не удалось отбить у него жену. Я уверен, что в своем ухаживании мастер Баллантрэ зашел слишком далеко и что миссис Генри холодно отвергла его предложение. Я не могу доказать, что все это было так, как я говорю, но, во всяком случае, в ту ночь, когда я стоял между чемоданами, я был уверен, что это было действительно так, как я предполагал, и уверенность эта наполняла сердце мое радостью.

Раньше чем запереть третий чемодан, я порылся в нем немного. В нем лежало чудное белье из самой лучшей материи, отделанное тончайшим кружевом, затем я увидел там несколько пар дорогих платьев, в которых враг наш так любил щеголять, несколько книг, между прочим, комментарии к Цезарю, один том мистера Гоббса, «Генриаду» Вольтера, какое-то описание Индии и учебник математики, по которому я также некогда учился. В чемодане лежали еще и другие вещи, но между ними не было ни одного исписанного клочка бумаги. Это меня немного удивило. Не могло быть, чтобы у мастера Баллантрэ не было каких-нибудь писем или записок.

Я принялся рыться в других чемоданах, которые были заперты, но только не на замок. Мне очень хотелось найти что-нибудь такое, что могло бы впоследствии принести пользу моему патрону. Быть может, мастер Баллантрэ не убит, а только ранен, и рана его заживет, и он поправится. В таком случае, он придет, и нам необходимо иметь в руках против него оружие.

Я вынес один за другим все эти чемоданы на чердак, но для того, чтобы отпереть чердак, мне понадобились ключи, которых у меня не было. Недолго думая, я отправился к себе в комнату, вытащил ключ из своей двери и отправился с ним снова наверх. Ключ великолепно

подошел к чердачной двери, я отворил ее и внес туда чемоданы мастера Баллантрэ. После этого я принялся рыться в чемоданах. Вскоре я нашел шагреневый письменный ящичек, который я взломал своим перочинным ножиком, и как только я открыл его, я нашел там такие письма, имея в руках которые, я имел в руках и самого мастера Баллантрэ. Тут были и различные любовные письма, которые он получал во время своего пребывания в Париже, но главное, тут были копии с тех писем, которые он писал английскому министру, и ответы министра на эти письма. Письма эти были прямым доказательством его постыдной деятельности, и если бы я их напечатал, то это могло иметь для мастера Баллантрэ весьма пагубные последствия; жизни его действительно могла бы в таком случае грозить опасность. Я внутренне хохотал, самодовольно потирал себе руки и даже напевал себе под нос, так я был доволен, что нашел эти письма.

Стало уже светать, а я все еще занимался чтением этих интересных писем и не двинулся с места раньше, чем я не прочел все, что было в ящичке. Когда уже совсем рассвело, я на минуту сделал перерыв, подошел к окну и посмотрел, что делается на улице. О морозе не было и помину, небо было совершенно серое и шел дождь, а ветер так и завывал. Люггер капитана Крэля, который главным образом и интересовал меня, ушел, его нигде не было видно, и, стало быть, я мог быть уверен, что мастер Баллантрэ, живой или мертвый, плыл теперь по Ирландскому морю.

Теперь я считаю необходимым сообщить о том, что я узнал впоследствии относительно исчезновения мастера Баллантрэ. Мне очень трудно было выведать что-нибудь от свободных торговцев, так как они относились ко мне враждебно и питали ко мне как будто ненависть. Только спустя полгода после описанной мной страшной ночи мы достоверно узнали, что мастер Баллантрэ жив, а с том, каким образом он исчез и как он уехал, я узнал только через несколько лет после вышеописанной катастрофы, и узнал я это от бывшего матроса, служившего на корабле капитана Крэля, которому надоело заниматься контрабандой, и который открыл на добытые им средства трактир.

Как он рассказывал мне, свободные торговцы нашли мастера Баллантрэ в саду, лежащим на земле. При виде их он приподнялся на одном локте и, глядя то на стоявшую перед ним свечу, то на свою окровавленную руку, ничего не говорил и имел вид человека, не понимающего, что вокруг него происходит. Когда торговцы подошли к нему, он, по-видимому, опомнился и попросил их взять его с собой, но никому не говорить о том, что его взяли, а когда капитан спросил его, каким образом он очутился в таком положении, он начал браниться, и тотчас после этого ему сделалось дурно. Когда он пришел в себя, капитан и он поспорили немного, а затем Крэль за хорошую плату, которую Баллантрэ обещал ему, согласился тайком увезти его во Францию, а так как ветер был как раз попутный, то он немедленно отправился в путь.

Так как мастер Баллантрэ пользовался расположением свободных торговцев и вообще людей, занимавшихся не особенно чистыми делами, то не мудрено, что они были очень довольны, что могли оказать ему известную протекцию, и решив, что его ранили вследствие того, что он защищался от совершенного на него нападения, были чрезвычайно рады, что могли увезти его из той страны, где ему грозила опасность. Таким образом мастера Баллантрэ перевезли во Францию. Во время путешествия рана его зажила, и когда он вступил на французский берег, он был уже совершенно здоров.

Но что замечательнее всего и что заслуживает особенного внимания, так это то обстоятельство, что он ни одному человеку не рассказал о происшедшей между ним и мистером Генри дуэли, и доныне ни одному свободному торговцу не известно, кто ранил его, и как он очутился в том положении, в котором его нашли. Если бы другой человек поступил таким образом, то я счел бы, что он сделал это из скромности, мастер же Баллантрэ, как я убежден, молчал из гордости. Он не хотел признаться даже самому себе, что его победил человек, которого он так сильно презирал и которому он не стеснялся выказывать свое презрение.

Глава VI

Перечень событий, происшедших во время вторичного отсутствия мастера Баллантрэ

На следующий день после описанной мною ночи мистер Генри серьезно заболел. Болезнь эта в то время была для него счастьем, так как физические страдания, которые он терпел, отвлекали его ум от угрызении совести, которые его мучили. Миссис Генри и я дежурили у его постели. Милорд несколько раз в день справлялся о его здоровье, но очень редко входил к нему в комнату. Один раз только, когда почти уже не было больше надежды на выздоровление мистера Генри, милорд пробыл некоторое время у него в комнате, постоял у его кровати, посмотрел на него и, понурив голову и махнув рукой, с лицом, на котором ясно выразалось отчаяние, вышел из комнаты.

По ночам я и миссис Генри попеременно дежурили у больного, днем же мы почти все время находились в его комнате оба, так как оставаться одному с ним в комнате было очень тяжело. Мистер Генри ни на минуту не переставал бредить и постоянно метался по постели. У меня положительно сердце надрывалось в то время, когда я, сидя у его постели, смотрел на него и слушал, что он говорил. Он по большей части говорил о пустых вещах, о том, как он куда-то собирался уходить, как он откуда-то приходил, требовал, чтобы оседлали лошадей, так как ему необходимо торопиться уезжать (бедный, по всей вероятности, он, не сознавая этого, стремился душою прочь оттуда, где он испытал так много горя), затем делал различные распоряжения по дому, по саду и прочее, а порой требовал, чтобы приготовили сети для лова рыбы. Но что было самое неприятное и что меня очень раздражало, так это то, что он постоянно громко считал, сводил какие-то счета и спорил с арендаторами и крестьянами. О своем отце и брате или о своей жене он даже и не упоминал в начале болезни, но затем во время разгара ее начал говорить о том, что происходило в дни его детства, и, по всей вероятности, представлял себе, что он и брат его еще дети, потому что он говорил о том, как они играют, и время от времени вскрикивал: «О, Джемми, Джемми тонет, спасите, спасите моего брата!» – и эти слова повторял с таким ужасом, с таким отчаянием, что мне больно было это слышать. Видно было, что он страшно боялся за жизнь брата, и что брат его был ему очень дорог.

Когда мистер Генри в бреду говорил о том, как он играет с Джемми и как любит его, это производило на меня и на жену его трогательное впечатление, но зато когда он говорил о том, что он чувствует к нему в то время, как он находился во Франции, он портил все благоприятное впечатление, которое он производил своими воспоминаниями о днях его детства. Мне даже досадно было за него, когда я прислушивался к тому, что он говорил про мастера Баллантрэ, когда представлял его себе таким, каким он был на самом деле, то есть взрослым. Он, как нарочно, выставлял себя человеком жадным, находящим все свое счастье только в деньгах, и всячески старался очернить себя. Если бы я находился в комнате один, то мне было бы безразлично, что он говорит, так как я знал его и ценил по достоинству, но на жену его, как я заметил, слова его производили скверное впечатление, и она как будто охладевала к нему. Я был единственный человек, который понимал его, и мне было неприятно, что он, хотя и в бреду, клеветал на себя в присутствии человека, которого он любил больше всего на свете, а именно – в присутствии своей жены. Я был уверен, что, благодаря этим несправедливым самообвинениям, он с каждым днем все ниже падал в глазах своей жены, и поэтому чем бы ни кончилась его болезнь, смертью или выздоровлением, то существо, которое он любил больше всего на свете, в случае его смерти не стало бы его оплакивать, а в случае выздоровления не приветствовало бы его радостно.

Не имея возможности поговорить с миссис Генри откровенно и убедить ее в том, что она ошибается, если думает дурно о мистере Генри, я придумал другой способ, посредством которого я мог объясниться с ней, а именно: письменный. Я сначала написал письмо, которое я адресовал на имя миссис Генри, и вложил его в ту сумку, в которой хранились все письма, которые я получал. Тут же находились и письма, которые я нашел в письменном ящике мастера Баллантрэ. Как только я отправлялся на дежурство в комнату мистера Генри, я брал с собой сумку и, проводя время у постели больного, перебирал находящиеся в ней письма и раскладывал их по порядку. Но это было нетрудно, самое трудное было передать миссис Генри мою сумку с письмами, так как этот поступок надо было чем-нибудь мотивировать. Я в продолжение нескольких дней приносил сумку в комнату, но все не находил случая завести о ней разговор и передать ее миссис Генри. Быть может, если бы я был человек более энергичный, то я все-таки выбрал бы удобную минуту и вручил бы письма миледи, но как только я собирался открыть рот и завести разговор на эту тему, я чувствовал, как у меня язык прилипал к гортани, и я не мог ничего сказать. По всей вероятности, я бы и по сию пору все носил под мышкой сумку и не решился бы вручить ее миссис Генри, если бы она сама не помогла мне исполнить мое намерение. Это было как-то в одну ночь, когда я собирался уходить из комнаты мистера Генри, так как очередь дежурить возле больного наступила для нее, и когда я более, чем когда-либо, в душе бранил себя за свою трусость.

– Что это у вас под мышкой? – спросила меня вдруг миссис Генри. – Я уже несколько дней замечаю, что вы носите с каким-то свертком.

Я подходил уже к двери, когда миссис Генри остановила меня, обратившись ко мне с вышеназванным вопросом, и я, разумеется, тотчас вернулся обратно и, положив перед ней сумку с письмами на стол, поспешил выйти из комнаты, предоставив ей заняться чтением их. Я тотчас объясню тебе, мой благосклонный читатель, какие это были письма, но сначала познакомлю тебя с содержанием моего собственного письма, лежавшего в сумке первым, и черновик которого, благодаря весьма благоразумной привычке с моей стороны хранить их, у меня сохранился.

Таким образом ты, мой читатель, можешь получить правильное понятие о том, какую скромную роль я играл во всем этом деле, в незначительности которой некоторые, как мне пришлось слышать, сомневались.

«Деррисдир, 1757 г.

Милостивая государыня.

Я бы никогда не осмелился, не имея на то уважительной причины, вмешаться в вашу семейную жизнь и забыть то положение подчиненного вашего мужа, которое я занимаю, если бы, благодаря тому, что я и ваш супруг так долго молчали, в вашем ужасном семействе не произошло столько несчастных событий, которые, быть может, в противном случае не совершились бы. Предлагаю вам на рассмотрение находящиеся в этой сумке письма, так как все это письма, имеющие отношение к вашей семье, и прошу вас прочесть их. По моему мнению, вам необходимо познакомиться с их содержанием.

Прилагая к моим письмам еще пачку найденных мною весьма важных документов, остаюсь, милостивая государыня, готовый к услугам вашим
Эффраим Маккеллар.»

А) Черновики десяти писем Эффраима Маккеллара к его высокоблагородию Джемсу Дьюри, иначе говоря, мастеру Баллантрэ, посланные ему в Париж... (Читай по порядку, сообразуя с числами).

Примечание. Читай, сообразуясь с ответами, помещенными в литерях В и С.

В) Семь писем вышеназванного мастера Баллантрэ к вышеназванному Э. Маккеллару от таких-то чисел... (Читай по порядку).

С) Три письма вышеназванного мастера Баллантрэ к его высокоблагородию Генри Дьюри от таких-то чисел... (Читай по порядку).

Примечание. Письма эти даны мне с тем, чтобы я ответил на них. Копии моих ответов: А 4, А 5, А 9. Копий с писем мистера Генри к мастеру Баллантрэ я не имею, а оригиналы, по всей вероятности, уничтожены его недобросовестным братом.

Д) Оригиналы и копии с писем – полная корреспонденция переписки, происходившей в течение трех лет между вышепоименованным мастером Баллантрэ и... английским товарищем министра. Всех писем двадцать семь.

Примечание. Найдены мною между другими письмами мастера Баллантрэ.

Несмотря на то, что от ухаживания за больным я очень устал и чувствовал не только физическое, но и нравственное утомление, у меня совершенно не было сна. В продолжение всей ночи я ходил по комнате взад и вперед, обдумывая, правильно ли я поступил, что вмешался в семейные дела чужой мне семьи, и как только начало светать, я поспешил отправиться в комнату больного.

Миссис Генри отворила уже не только ставни, но и окно, так как погода была хорошая и было довольно тепло. Она сидела у окна и устремила взор свой в пространство, хотя, за исключением утреннего рассвета, ничего не было видно. Я вполне уверен, что она отлично слышала шум отворившейся двери, но она даже не взглянула в ту сторону, откуда я вошел. Я знал ее характер и счел это за дурной признак.

– Сударыня, – обратился я к ней, – сударыня... – Но она не обращала на меня ни малейшего внимания и не отвечала мне ни слова.

Видя, что тут делать нечего, я принялся собирать письма, разбросанные по столу, и первое, что я заметил, было то, что когда я сложил их вместе, пачка показалась мне гораздо меньше, чем прежде. Я пересмотрел все письма один раз, затем второй, но переписки между мастером Баллантрэ и товарищем министра, на которую я возлагал в будущем такие великие надежды, я доискаться не мог. Я взглянул в камин и увидел между горящими углями куски сожженной бумаги.

Заметив это, я забыл все светские церемонии и воскликнул громче, чем следовало в комнате больного:

– Боже милостивый! Сударыня, что вы сделали с письмами, которые я вам дал, скажите мне, что вы с ними сделали?

– Я сожгла их, – ответила миссис Генри, взглянув на меня. – Совершенно достаточно, да, я нахожу, что даже *слишком* достаточно, что вы и я, мы прочли эти письма.

– Нечего сказать, хороший поступок с вашей стороны! – сказал я. – И все это вы сделали для того, чтобы спасти репутацию человека, который так же спокойно предавал своих товарищей и способствовал тому, что кровь их проливалась, как я переливаю из одной чернильницы в другую чернила.

– Чтобы спасти репутацию семейства, в котором вы служите, мистер Маккеллар, и для которого вы уже так много потрудились, – сказала она.

– Я не желаю больше служить в этом семействе! – закричал я. – Что вы сделали со мной! Вы отняли у меня оружие, вы всех нас обезоружили. Если бы у меня в руках были эти письма, то я имел бы над ним власть, а теперь что я могу сделать? Ровно ничего. Мы знаем, что это за человек, а между тем мы не имеем права запереть дверь и не пустить его, так как у нас нет никаких улик против него и никаких доказательств его преступной деятельности. У меня в руках было такое доказательство, и вы отняли его у меня. Теперь, если он жив, то он может хоть завтра пожаловать к нам, и мы будем сидеть с ним за одним столом и обедать, будем гулять

с ним, а по вечерам играть с ним в карты, чтобы доставить ему удовольствие, и чтобы он не скучал. Нет, сударыня, пусть Бог по великому Своему милосердию простит вас, если Ему это угодно, но я никогда в жизни не могу простить вам того, что вы сделали.

– Я удивляюсь, мистер Маккеллар, насколько вы наивны, – сказала миссис Генри. – Разве подобного рода люди, как мастер Баллантрэ, дорожат своей репутацией? Нисколько. Но он отлично знает, насколько высоко мы ставим свою, и знает, что мы скорее умрем, чем согласимся его выдать, так как и наша фамилия будет опозорена, если мы это сделаем. И вы думаете, что он настолько прост, что не сознает этого? Вы говорите, что я отняла у вас оружие! Но что такое ваше оружие, когда против него его употребить нельзя? Если бы вы пригрозили ему вашим оружием, то он бы только улыбнулся, и больше ничего. Он отлично знает, что семейство его не выдаст, а что касается того, какого оно о нем мнения, так это его нисколько не трогает. Такие люди, как он, которые решаются на подобные подлые поступки, даже не понимают, насколько низко они падают в глазах других, так как не считают возможным, чтобы их презирали за то, что, по их мнению, вовсе не достойно порицания. С такими людьми бороться нельзя: у них нет совести, стало быть, против них весьма трудно действовать. – Последние слова она выговорила каким-то отчаянным голосом, а затем продолжала более спокойным тоном: – Нет, мистер Маккеллар, тут делать нечего. Я в продолжение всей ночи думала об этом. Имеете ли вы в руках доказательства или не имеете вы их, это решительно безразлично: он имеет право, когда ему угодно, явиться сюда; он, несмотря на все свои дурные поступки, законный наследник поместья Деррисдир-Баллантрэ. Если бы милорд даже пожелал сделать главным наследником бедного Генри, то это невозможно, так как пока мастер Баллантрэ жив, все в поместье будут считать его наследником и не захотят подчиняться мистеру Генри по той причине, что они его не любят. Я уверена, что в первый же раз, как Генри покажется в качестве наследника поместья на улице, его забросают камнями. Если бедный Генри умрет, тогда дело другого рода. Если лорд пожелает отнять у мастера Баллантрэ его права, то законной наследницей поместья сделается моя дочь, и тогда я посмотрю, кто осмелится отнять его у нее. Но пока мой бедный Генри жив, мы ничего не можем сделать, если бы даже человек этот вернулся, мы должны терпеть, и больше ничего.

В общем, я был согласен с миссис Генри и находил, что она правильно рассуждает, хотя все-таки досадовал на нее за то, что она сожгла драгоценные документы, и, несмотря на то, что она старалась оправдаться передо мной, в душе осуждал ее за этот поступок.

– Не будем говорить больше об этом, – сказал я наконец. – Я могу сказать только одно, что чрезвычайно сожалею, что отдал вам документы в руки, и что вы распорядились с ними так бесцеремонно. Что касается до того, что я сказал, что не желаю более служить у вас, так это я сказал сторяча, и я не имею намерения покидать ваше семейство, если только вы ничего не имеете против того, чтобы я остался. Я привык к вашему семейству и люблю и семейство, и поместье Деррисдир, как будто я член вашей семьи и Деррисдир моя родина.

Я должен отдать миссис Генри справедливость, что она ничуть не рассердилась на меня за мою горячность и говорила со мной в этот день так же любезно, как всегда. Мы остались такими же друзьями, как и прежде.

В тот же день я с радостью заметил, что мистеру Генри лучше, и спустя несколько дней после этого он пришел в себя и начал понемногу сознавать, что вокруг него происходит. Миссис Генри стояла как раз у его ног, когда к нему вернулось сознание, но он не заметил ее и, приподнявшись немного на постели, снова опустился на подушки и затем крепко заснул. Это был не сон, а какая-то летаргия, в которую он погрузился вследствие слабости после высокой температуры, которая столько времени не спадала. С этого дня он хотя и медленно, но заметно поправлялся. У него появился аппетит, и силы начали восстанавливаться. Спустя несколько недель он начал полнеть, а меньше чем через месяц после того дня, как он пришел в сознание, его уже начали вывозить в кресле на террасу.

Но по мере того, как мистер Генри поправлялся, меня и миссис Генри начинала мучить забота, насколько происшедшее до его болезни событие занимало его мысли, думал ли он о нем или же оно изгладилось из его памяти? Каждый день мы со страхом ждали, что у него проявятся симптомы, указывающие на то, что он мучится воспоминанием о случившемся, но день за днем проходил, и мы ничего не могли заметить, что бы указывало на то, что он нравственно страдает.

Мистер Генри становился все крепче и крепче; он теперь по целым часам разговаривал с нами; отец его часто приходил к нему в комнату и просиживал у него некоторое время, а затем уходил, но никто – ни лорд, ни он не упоминали о трагедии, происшедшей до его болезни. Вопрос о том, забыл ли мистер Генри о том, что произошло в ночь на 28 февраля, или же он отлично помнит об этом, но молчит, этот вопрос мучил нас и днем, и ночью.

Мы с беспокойством слушали, что он говорил, и следили за тем, что он делал, и я должен сказать, что во многих отношениях мой патрон сильно переменился за свою болезнь. Он в своем обращении сделался гораздо ласковее, чем он был прежде, но вместе с тем выказывал некоторое упрямство, и, главное, в самых пустых вещах, которого он до болезни никогда не проявлял. Прежде он никогда не придирался к пустякам, и если настаивал на чем-нибудь серьезном, так только тогда, когда от этого зависело что-нибудь важное; теперь же он волновался из-за всякой безделицы и не давал никому покоя раньше, чем достигал того, чего он желал достигнуть. До его болезни в то время, когда он терпел испытания, единственным другом и поверенным его был я, с женой он был в дурных отношениях, стало быть, кроме меня, у него не было ни одного близкого человека. После его болезни это все изменилось: теперь он кроме жены, казалось, ровно никого не любил, и все его мысли были заняты исключительно ею. Он, наподобие ребенка, ищущего защиты у своей матери, жаловался ей на все, что его тревожило, обращался к ней со всевозможными просьбами и порою в продолжение целого дня не давал ей ни минуты отдыха, самым бесцеремонным образом требуя от нее исполнения самых пустых желаний. И к чести миссис Генри будь сказано, что она никогда не заставляла его напрасно просить ее о чем-нибудь. Обращался он с ней действительно очень ласково и не знал, как ей выказать свою любовь, и миссис Генри это, по-видимому, ценила и, по всей вероятности, раскаивалась в том, что прежде относилась к мужу так холодно и нелюбезно, потому что я несколько раз, в то время как мистер Генри поправлялся, замечал, как она выходила из его комнаты растроганная до слез.

По отношению же ко мне мистер Генри до такой степени резко изменился, что я положительно не знал, чему это приписать; он как будто забыл, каким я был для него другом, и эта резкая перемена без всякой причины показалась мне настолько неестественной и странной, что я начал даже сомневаться в нормальности его умственных способностей.

Это сомнение, вкравшееся в мою душу, долго мучило меня, я в продолжение всех дальнейших лет совместной жизни с моим патроном не мог отвязаться от него, и наши отношения очень страдали от этого.

Когда мистер Генри настолько окреп, что мог уже заниматься делами, я опять-таки заметил в нем перемену, которой прежде не было. Нельзя сказать, чтобы он не понимал, что он делает или что он пишет, нет, напротив, сознание у него было вполне ясное, но только он не питал ни к чему ни малейшего интереса, очень быстро уставал, принимался зевать и относился ко всему совершенно безразлично. В особенности меня поражало его безучастное отношение к материальному благосостоянию, доходившее даже до небрежности. Правда, что так как нам не приходилось высылать теперь деньги мастеру Баллантрэ, то нам незачем было дрожать над каждым пенни, и нам не приходилось расходовать особенно большие суммы, да, наконец, если бы нам и представился расход, который мог бы принести нам ущерб, то я удержал бы мистера Генри от бессмысленной траты денег; но, во всяком случае, за ходом материальных дел он вовсе не следил, и мне приходилось самому решать все материальные вопросы. Что-нибудь

такое, что противоречило бы здравому смыслу, мистер Генри не делал, этого сказать нельзя, и впечатления человека неменяемого он также не производил, но он безусловно во многом изменился, и у него появились странности, которых у него прежде не было.

В своей манере держать себя он также изменился; движения его были теперь порывисты, тогда как прежде они были хотя и угловаты, но спокойны; затем он стал необыкновенно говорлив, тогда как прежде он был довольно молчалив, но глупостей или бессмысленностей он не говорил. Душа его жаждала счастья, но он не мог в достаточной мере владеть собой, и по мере того, как какое-нибудь радостное событие приводило его в безмерный восторг, какая-нибудь незначительная неприятность повергала его в полное уныние. Благодаря восторженному настроению, в котором он находился порою, он чувствовал себя в течение нескольких лет счастливым, но даже в том восторженном состоянии, в котором он находился, и в его поведении в течение этих лет бывало иногда что-то неестественное. Очень часто люди мучают сами себя тем, что они думают о том, чего изменить нельзя; мистер Генри же, как мне кажется, во избежание того, чтобы мысль о том, чего ни изменить, ни исправить нельзя, не мучила его, старался всеми силами заглушить ее, и это желание заглушить нравственную боль и своего рода трусость, взглянуть на то, что случилось, более критическим и равнодушным взглядом, была главной причиной неправильных, а порою даже весьма безрассудных поступков, которые он совершал. Он вследствие этого также необыкновенно быстро раздражался, и в одну из таких минут, когда раздражение его дошло до особенно сильной степени, он дошел до того, что побил грума Мануса. Подобный поступок с его стороны, о котором в прежнее время никогда не могло быть и речи, настолько поразил всех, что об этом говорили еще долго после того, как факт этот совершился. По случаю его раздражительности и благодаря его нетерпению, ему пришлось однажды потерять двести фунтов, половину которых я смело мог бы спасти, если бы он дал мне время действовать и имел терпение ждать. Но он предпочел потерять всю эту огромную сумму денег, чем терпеливо выжидать, пока я устрою дело.

Чем больше я замечал перемену, происшедшую в характере и образе мышления мистера Генри, тем сильнее меня волновал вопрос, помнит ли он о дуэли с братом, и какой у него по этому поводу сложился взгляд. Ответ на этот вопрос я получил совершенно неожиданно и как раз в ту минуту, когда я меньше всего об этом думал.

Он уже несколько раз выходил погулять, но, разумеется, под руку с кем-нибудь, и после такой прогулки с ним я случайно остался с ним вдвоем на террасе.

Заметив, что мы на террасе одни, он вдруг улыбнулся какой-то улыбкой, вроде той, которой улыбаются школьники, когда они чувствуют за собой особенную вину, и без малейшего предисловия шепнул мне:

– Где его похоронили?

Я был до такой степени удивлен, что от удивления не мог произнести ни одного слова.

– Где его похоронили? – спросил он снова. – Я желал бы видеть его могилу.

Я рассудил, что лучше всего, если я расскажу ему всю правду, и сказал:

– Мистер Генри, я могу сообщить вам новость, которую вам чрезвычайно приятно будет услышать. Вы можете, по моему мнению, быть совершенно спокойны в том отношении, что вы не убийца. Я говорю это, потому что имею полное основание сомневаться в том, что ваш брат убит. Мастера Баллантрэ нашли, по всей вероятности, не убитым, а только раненым, и его, как мне известно, увезли контрабандисты. Теперь он, наверное, уже совсем поправился.

По лицу мистера Генри мне трудно было судить о том, что происходило в его душе; он помолчал минуту, а затем спросил:

– Джемс?

– Да, ваш брат Джемс, – ответил я. – Я не смею с уверенностью утверждать, что он не убит, так как боюсь возбудить в душе вашей надежду, которая, быть может, и не сбудется, но, по крайней мере, я лично вполне уверен, что брат ваш жив.

– О, – воскликнул мистер Генри, вскакивая со своего места с большей живостью, чем я замечал до сих пор, – о, Маккеллар, – закричал он каким-то сдавленным голосом, – неужели ничто не в силах убить этого человека? (Это точь-в-точь его слова). Человек этот положительно бессмертен. Нет никакой возможности его убить. Я, кажется, никогда не избавлюсь от него. Он присосался ко мне на всю жизнь.

Сказав это, он уселся и не говорил больше ни слова.

Спустя один или два дня после этого, в то время, как мы с мистером Генри были снова вдвоем, он, обратившись ко мне с той же самой улыбкой и предварительно удостоверившись в том, что нас никто не слышит, сказал:

– Маккеллар, вы человек умный, и поэтому вы, наверное, согласитесь со мной в том отношении, что мы должны быть настороже и держать ухо востро, иначе «он» застанет нас врасплох и устроит нам какую-нибудь неприятность.

– Я не думаю, чтобы он решился приехать сюда, – сказал я.

– О, нет, он придет, непременно придет, – сказал мистер Генри. – Вы увидите, он от меня не отстанет. Там, где буду находиться я, туда и он явится.

И при этих словах он снова оглянулся, чтобы удостовериться в том, что нас никто не слышит.

– Не думайте об этом, мистер Генри, – сказал я.

– Да, вы совершенно правы, – сказал он, – вы дали мне отличный совет. – Мы будем думать об этом только тогда, когда мы получим какие-нибудь известия. И ведь на самом деле, мы ничего не знаем. Быть может, он и умер.

Тон, которым он произнес эти последние слова, больше, чем то, что он сказал раньше, убедили меня, что мистер Генри гораздо более был бы рад услышать, что мастер Баллантрэ умер, чем то, что он жив. Но это открытие, которое я случайно сделал, я старательно скрывал от всех, так как боялся, что если миссис Генри узнает об этом, она охладит к мужу и, пожалуй, возненавидит его. Но боязнь эта, как оказалось, была вполне неосновательна. Миссис Генри сама заметила, что муж ее со страхом думает о том, что мастер Баллантрэ жив, и находила это с его стороны вполне естественным. На самом деле, как это ни странно, но для нас троих, для мистера Генри, для миссис Генри и для меня, было бы самой приятной новостью, если бы мы узнали достоверно, что мастер Баллантрэ умер. Лорд составлял, разумеется, в этом отношении исключение.

Кстати о лорде. Вскоре после того, как мое беспокойство относительно мистера Генри немного улеглось, я начал тревожиться за лорда. Я заметил некоторые перемены в его наружности, которые навели меня на мысль, что он нездоров, и даже серьезно, так что я начал беспокоиться, не смертельная ли у него болезнь. Лицо у него было бледное, и оно опухло; он, сидя за своей латинской книгой, очень часто засыпал, и несколько раз книга его падала прямо в золу камина, у которого он сидел; бывали дни, когда он волочил ногу, и дни, в которые он с трудом говорил и постоянно запинаясь. В обращении он сделался еще любезнее, чем прежде, извинялся за малейшее беспокойство, которое он причинял, заботился о всех без исключения, а со мной был не только любезен, а в высшей степени вежлив.

Вскоре после того, как в его наружности произошла перемена, он послал за нотариусом, и в тот же день после того, как он побыл довольно долго у себя в комнате, вышел в зал, где в то время находился я, и, походив медленными шагами взад и вперед, взял меня за руку и, обратившись ко мне, сказал:

– Мистер Маккеллар, я много раз имел случай убедиться в том, какой вы верный друг и какой вы преданный человек, и поэтому я осмеливаюсь обратиться к вам с просьбой: я имею намерение написать сегодня завещание и надеюсь, что вы не откажетесь быть у меня свидетелем. Я знаю, что вы любите всех нас и исполните мою просьбу.

В продолжение всего последнего времени, предшествовавшего этому дню, лорд почти целые дни только и делал, что спал, и его крайне трудно было разбудить; затем он начал очень многое забывать, между прочим, путал времена событий, и с открытыми глазами, преимущественно именно тогда, когда он не спал, звал свою покойную жену и старого покойного слугу, могилу которого я сам много раз видел.

Если бы меня спросили, считаю ли я его способным написать завещание и нахожу ли я, что он в здравом уме и твердой памяти, то мне по совести пришлось бы ответить, что нет, а между тем завещание, которое он составил, было написано так правильно, и все его распоряжения свидетельствовали о таком нормальном состоянии умственных способностей, что решительно никто не мог усомниться в том, что человек, написавший это завещание, был в полном уме и твердой памяти в то время, как он постепенно объявлял свою последнюю волю.

Но здоровье его с каждым днем становилось все хуже и хуже. Силы его ослабевали, ноги отказывались служить, он начал гложуть, и он уже теперь не разговаривал, а скорее бормотал что-то под нос. Но, несмотря на то, что он находился в таком плохом состоянии, он все-таки не переставал изъяслять нам свои ласки: он гладил по руке того, кто оказывал ему услугу, и старался всячески выказывать нам свое расположение. Мне он подарил одну из своих любимых латинских книг и с особенным старанием начертил на ней свою фамилию. Незадолго до его смерти к нему вернулась снова способность ясно произносить слова, но только временами, и когда он произносил их, он производил впечатление ребенка, заучившего наизусть свой урок, время от времени запинаящегося и желающего припомнить то, что он забыл. В последнюю ночь перед своей смертью он вдруг сразу прервал царившую в комнате тишину, громко произнес следующую фразу Вергилия: «*Gnatique pratisque, aima, precor, miserere*». Фразу эту он выговорил ясно и отчетливо.

Когда мы услышали голос лорда и фразу, которую он произнес, мы бросили наши занятия (мы находились тут же в комнате) и поспешили подойти к нему, но он сидел совершенно спокойно в своем кресле и, судя по выражению его глаз, можно было подумать, что он даже и не сознавал того, что он говорил. Вскоре после этого его уложили в постель, хотя с большим трудом, чем обыкновенно, и в ту же ночь он тихо скончался.

Спустя довольно много времени после его смерти мне пришлось говорить о лорде с доктором медицины, фамилии его я не назову, скажу только, что он был знаменитый доктор, и я упомянул о всех странных явлениях во время его болезни. По мнению доктора, и лорд, и мистер Генри были больны приблизительно одной и той же болезнью: отец, по его мнению, захворал от испытанного им сильного горя, а сын вследствие какого-нибудь сильного нравственного потрясения. По мнению доктора, у них обоих лопнул в мозгу сосуд, и, по всей вероятности, слабость мозговых сосудов было наследственным свойством Дьюри-Дёррисдиров.

Лорд умер, а сын его, мистер Генри, с каждым днем превращался все в более крепкого человека, то есть в физическом отношении, в нравственном же он все-таки не производил на меня впечатления вполне здорового человека. Нельзя даже сказать, чтобы душа его страдала, но что-то такое происходило в его внутренней жизни, что бросалось мне в глаза, и чего я прежде не замечал.

Смерть лорда была для нас неожиданным и тяжелым сюрпризом; миссис Генри и я были очень поражены, а, кроме того, нас заботил еще следующий вопрос: как после смерти отца будет вести и держать себя его сын, мистер Генри? Оба мы были того мнения, что сыновья своей дуэлью убили лорда, и что, стараясь убить друг друга, они, сами того не замечая, убили старика-отца. Но, к счастью, мысль эта не приходила в голову мистеру Генри или, вернее, теперь уже лорду Генри. Он не особенно близко принял к сердцу смерть отца; правда, он сделался несколько серьезнее, но несколько не был убит горем. Он очень часто и с большим уважением к памяти покойного разговаривал о нем, но, по-видимому, с совершенно спокойной совестью. В день похорон он был чрезвычайно серьезен, но вполне спокоен, все лежащие на нем обязан-

ности выполнил тщательно и при этом держал себя с большим достоинством. Я только заметил, что он очень строго наблюдал за тем, чтобы его титуловали лордом, и что он придавал этому большое значение.

И вот на сцене появляется теперь новое лицо, ныне здравствующий лорд Александр, играющий большую роль в этом рассказе, родившийся 17 июля 1757 года и своим появлением на свет переполнивший чашу счастья своего родителя, лорда Генри. Когда мальчик родился, молодой лорд пришел в такой неописуемый восторг, что счастливее его в ту минуту, кажется, не было ни одного человека на свете. На самом деле я уверен, что не существовало на свете отца, который любил бы своего сына сильнее, чем мой патрон любил своего Александра. Как только сын его не находился при нем, он тотчас скучал и беспокоился, не случилось ли с ним что-нибудь. Когда мальчика выносили гулять, отец тревожился, чтобы его не простудили, и следил за движением туч, боясь, чтобы он не промок от дождя. Ночью он ежеминутно вставал и прислушивался к дыханию его. На посторонних лиц лорд производил даже несколько странное впечатление тем, что постоянно разговаривал о своем сыне. Когда он занимался своими делами по имению, он только и говорил: «Мы отложим этот проект до того времени, когда моему Александру минет 21 год», или: «Вот когда мой Александр женится, то мы устроим так-то», и по всему было видно, что мысли его были заняты исключительно его Александром, и что кроме Александра никто на свете его не интересовал.

С каждым днем становилось все более и более заметно, что все мысли лорда Генри сосредоточились на его сыне, и что только в нем он находил свое счастье. Он почти ничем не занимался, как только тем; что ухаживал и присматривал за ним.

Когда мальчик подрос настолько, что он мог уже ходить, отец, держа его за ручку, разгуливая с ним по террасе, а затем, когда ребенок мог предпринимать уже более продолжительные прогулки, он разгуливал с ним по парку. И за этим занятием лорд проводил целые часы; он положительно не уставал нянчить сына. Веселые голоса их раздавались по парку, так как они говорили довольно громко, и на меня звук этих голосов производил лучшее впечатление, чем пение птиц. Приятно было смотреть, как отец и сын, осыпанные листьями и цветами терновника и в запачканных пылью и грязью костюмах, с покрасневшими от удовольствия лицами возвращались с прогулки. Что они приходили домой в вымазанных, а порою и оборванных костюмах, не мудрено, так как и лорд Генри, и его сын с одинаковым наслаждением бегали по сырому берегу, катались на лодке, лазили по заборам осмотрели, как на лугах пасся скот.

Упомянув овеселых прогулках лорда и его сына, я не могу не остановиться на одной довольно странной сцене, которой я как-то был свидетелем. В парке, окружавшем дом лорда, Деррисдира, была одна дорожка, по которой я никогда не мог пройти без того, чтобы не испытывать волнения, так как мне приходилось много раз ходить по ней именно тогда, когда я исполнял какие-нибудь неприятные поручения. Один раз в два месяца мне обязательно приходилось предпринимать прогулку по этой дороге, так как этого требовали дела.

Когда маленькому мистеру Александру было лет семь или восемь, мне также пришлось рано поутру отпрапляться по делам и пройти по той дорожке, которую я терпеть не мог. Погода была чудная, весь парк был в зелени и цвету; пение птиц раздавалось по всему саду, и каждая из птиц, казалось, желала затмить другую своим чудным пением.

Я находился уже на обратном пути и шел по аллее, засаженной кустарниками, в которой было и темнее, и прохладнее, чем в других частях парка, когда неподалеку от себя я услышал знакомые мне голоса лорда Генри и его маленького сына. Я быстро пошел вперед и в скором времени увидел их. Они стояли на том месте, где некогда происходила дуэль. Лорд Генри положил руку на плечо своего сына и серьезно разговаривал с ним о чем-то. Когда он услышал шаги, то повернулся в ту сторону, откуда я шел, и мне показалось, что, когда он увидел, что это я, лицо его просияло от удовольствия.

– А, – сказал он, – вот и наш дорогой Маккеллар. А я только что рассказывал моему маленькому Санди, что происходило вот тут, на этом месте, как черт хотел было убить одного человека, и как этот человек чуть-чуть было сам не убил черта.

Я крайне удивился тому, что лорд вздумал рассказывать ребенку подобный факт из своей жизни, но еще более был недоволен, когда он прибавил:

– Спроси Маккеллара, Санди, он присутствовал при этом и видел, как черт дрался с человеком.

– Это правда, мистер Маккеллар? Вы действительно видели черта? – спросил мальчик.

– Я ничего не могу ответить, – сказал я, – во-первых, потому, что я не слышал начала рассказа, а во-вторых, потому, что я очень тороплюсь.

Это я сказал недовольным тоном, так как в ту минуту, как лорд Генри обратился ко мне с рассказом о происшедшем в этой аллее печальном событии, мне живо представилась вся сцена дуэли: я увидел стоявшие и горевшие на том месте, где мы стояли, свечи и печальную картину, которую они освещали. Сердце мое при воспоминании об этом сжалось, и я громко воскликнул:

– Я действительно видел в этом парке черта и видел, как он упал и как он был побежден! Слава Богу, что мы остались живы, и что он нас не тронул! Слава Богу, что дом лордов Деррисдиров остался таким, каким он был до появления черта, что враг не вселился в него! И вот что я вам советую, мистер Александр: когда вы будете подходить к этому месту, то, хотя бы вы находились в самом веселом настроении, прочтите краткую молитву.

Лорд Генри с серьезным видом утвердительно кивнул головой.

– Да, – сказал он, – Маккеллар совершенно прав. Сними свою шапку, Санди, и помолимся. – Сказав это, он снял также и свою шапку и начал читать молитву: – «О, Господи, благодарю Тебя за Твои великие милости, которые Ты нам ниспослал. Дай нам мир и спокойствие. Сохрани нас от злого врага. Заставь, о, Господи, молчать этого лжеца!»

Последние слова он выговорил с каким-то криком, и, по всей вероятности, или воспоминание о том зле, которое причинил ему его враг, настолько сильно повлияло на него, что он замолчал, или же он сам заметил, что молитва его была несколько странная, но только он сразу прервал ее и надел снова шапку.

– Мне думается, что вы забыли произнести следующие слова, милорд, – сказал я: – «И остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим. Яко Твое есть царствие и сила и слава во веки веков. Аминь».

– Легко сказать – простить своего врага! – сказал лорд. – Это чрезвычайно легко сказать, Маккеллар. Но как я могу простить? Мне кажется, что если бы я вздумал простить того человека, который меня так сильно оскорбил, то я представлял бы глупейшую фигуру.

– Милорд, что вы говорите, ведь тут, возле вас, ребенок, – сказал я строгим голосом. – Я нахожу, что подобные речи отнюдь не следует вести в присутствии детей.

– Да, да, вы правы, – сказал лорд. – В присутствии ребенка не следует говорить о таких вещах. Пойдем домой, мой птенчик.

Я не помню, было ли это в тот же самый день или это было вскоре после этого дня, но как только я остался с лордом Генри наедине, он снова начал разговор со мной по поводу этого вопроса.

– Маккеллар, – сказал он мне, – не правда ли, я теперь счастливый человек?..

– О, да, милорд, я вполне согласен с вами, – ответил я, – и я от души радуюсь вашему счастью.

– А как вы думаете, когда человек счастлив, – продолжал он, глядя на меня задумчивым взглядом, – не следует ли ему относиться снисходительнее к другим? Не следует ли ему в таком случае быть добрее?

– Да, я того же мнения, – сказал я. – Вообще, мы должны стараться делать как можно больше добра: это и должно быть главной нашей целью во время нашего земного существования.

– Ну, а если бы вы были на моем месте, вы простили бы «его»? – спросил лорд.

Вопрос этот он задал так неожиданно, что я даже не знал, что ему ответить.

– Мы, собственно говоря, обязаны прощать друг другу, христианская заповедь требует этого, – сказал я.

– Стойте, стойте, – сказал милорд, – все это отговорки, чтоб не сказать правды. Говорите прямо: прощаете или простили вы этого человека или нет?

– Ну, хорошо, если вы требуете откровенности, то я скажу, что нет, не прощаю. Да простит мне Господь, но я не могу простить этого человека.

– Ага! Стало быть, мы с вами одного мнения, – сказал веселым голосом лорд. – Ну-ка, дайте мне руку, товарищ.

– Это плохо, если мы с вами в этом отношении товарищи, – сказал я. – Мы, стало быть, дурные христиане. Я надеюсь, что мы с вами изменим наши убеждения и сделаемся лучшими христианами.

Я сказал это улыбаясь, милорд же громко засмеялся и вышел из комнаты.

У меня не хватает искусства описать, каким рабом своего маленького сына был лорд Генри. Он забыл о том, что у него есть дела, друг, жена и думал лишь о своем ребенке; сын его был его идолом, остальные люди для него как будто совсем не существовали. Более всего меня поражало его холодное отношение к жене. С тех пор, как у него родился сын, он как будто не замечал ее, тогда как прежде вся любовь его и все мысли принадлежали исключительно ей. Я сколько раз замечал теперь, как он входил в комнату, в которой находилась его жена, и не обращал на нее ни малейшего внимания. Он, очевидно, искал своего Александра, и миссис Генри отлично знала это. Когда жена его не исполняла желаний их маленького сына, он бывал с ней даже груб, так что несколько раз я хотел было даже вмешаться в их разговор и высказать лорду свое мнение.

Ясно, что очередь страдать и быть незамеченной наступила теперь для нее, но нужно отдать ей справедливость, что она переносила свое положение очень спокойно и вела себя с большим тактом.

Из всего этого вышло следующее: в семье образовались две партии, и мне пришлось примкнуть к той партии, которая состояла из миссис Генри и ее дочери Катарин, и стать в оппозицию к лорду. Не то, чтобы я разлюбил своего патрона, о, нет, нисколько, но только я бывал теперь меньше в его обществе.

Это происходило по той причине, что я не мог равнодушно относиться к тому, что милорд делал такую огромную разницу между своими детьми, что сына своего он безгранично любил, а к дочери не питал ни малейшего чувства нежности, и поэтому я целые часы проводил с девочкой, которая, на мой взгляд, была обижена. Кроме того, мне крайне не нравилось, что лорд относился до такой степени равнодушно к своей жене; это возмущало меня, и я чувствовал к ней жалость, тем более, что, несмотря на холодное обращение с ней мужа, она все-таки относилась к нему ласково и любезно. Она относилась к нему скорее как добрая мать, чем жена, и делала вид, как будто она не замечает его холодности. Она не ревновала мужа к сыну, ей как будто нравилось даже, что между «обоими ее детьми», то есть между лордом и маленьким Санди, существовали такие нежные отношения. Она довольствовалась обществом своей дочери и, по-видимому, нисколько не скучала, а я в свободное от занятий время разделял это общество и целыми часами просиживал с матерью и дочерью. Не знаю, замечал ли милорд, что я держу сторону его жены и провожу почти все свое свободное время в ее обществе и в обществе его дочери; я думаю, что нет – он всецело был поглощен мыслями о своем сыне и даже не замечал, что я остаюсь с ним так редко вдвоем.

Лорд Генри все больше и больше баловал своего сына, и миссис Генри и я не на шутку начали тревожиться, чтобы из него не вышел второй мастер Баллантрэ. Как оказалось впоследствии, тревога эта была лишняя. Напротив, из маленького Александра вышел прекрасный человек, и седьмой представитель рода Деррисдигов; лорд Александр Деррисдиг, – одна из самых уважаемых личностей в Шотландии: О своем личном участии в деле его воспитания я умолчу, тем более, – что я имею целью выставить заслуги и достоинства его отца, а никак не свои...

Примечание издателя. Пять страниц рукописи мистера Маккеллара тут опущены; судя по тому, что говорится, на этих страницах, я пришел к тому убеждению, что мистер Маккеллар и в старости был таким же чудным и преданным слугой лордов Деррисдигов, как и в молодости. Что же касается седьмого лорда Деррисдига, то в этих опущенных страницах мы ничего такого не нашли, что могло бы дать нам ясное понятие о его характере или деятельности.

...Но в то время мы еще не знали, что выйдет из маленького Александра, и очень боялись, чтобы из него не вышла копия с мастера Баллантрэ. Миссис Генри попыталась было обращаться с ним строго, но вскоре бросила эту систему, так как она ровно ни к чему не привела. Она смотрела только на то, что делалось, и пожимала плечами, когда замечала, как муж ее потакал во всем ребенку, но не вмешивалась больше в его воспитание. Порою она потихоньку, в то время как мы бывали с ней в комнате вдвоем, вздыхала, и я знаю, что она вздыхала о том, что лорд балует своего сына, но не жаловалась.

Меня же ни днем, ни ночью не покидала мысль о том, как дурно лорд поступает в том отношении, что портит своего сына. Тем, что он портил его, он причинял даже себе самому больше вреда, чем ему, так как рано или поздно он должен был понять, что он наделал. И вот этого-то пробуждения тогда, когда уж будет поздно, я боялся, потому что я знал, что оно страшно подействует на несчастного отца. Я знал, что если сын его будет негодяем, то это убьет лорда, и одна мысль о том, что действительно из маленького Александра может выйти второй мастер Баллантрэ, приводила меня в ужас.

Это беспокойство за будущность и счастье как самого лорда, так и его сына заставило меня решиться на серьезный шаг – открыть лорду глаза на то, что он делает.

В один прекрасный день, когда мы сидели с ним и занимались делом, я, взглянув на него, заметил, как сильно он постарел. Занимался он, как я уже говорил выше, крайне неохотно, со скучным выражением лица слушал, что я ему рассказывал, и, по-видимому, очень мало интересовался тем, что я ему сообщал. Поговорив некоторое время о деле, я без всякого предисловия, под впечатлением, которое произвела на меня перемена в наружности лорда, делая вид, будто я усердно пишу, и не поднимая головы от работы, сказал:

– Милорд, или, если вы позволите мне назвать вас по-прежнему, мистер Генри, мне кажется, что вы любите, когда я называю вас таким образом?

– О, еще бы, мой хороший мистер Маккеллар! – сказал он таким ласковым тоном, что я даже не знал, решиться ли мне сказать то, что я собирался сказать. Но я рассудил, что если я буду говорить с ним серьезно, так исключительно из желания ему добра, и поэтому продолжал: – Вам никогда не приходит в голову, что вы делаете?

– Как, что я делаю? – повторил он. – Объяснитесь точнее. Вы должны знать, что я никогда не умел отгадывать загадки.

– Что вы делаете с вашим сыном? – сказал я.

– Что же я такое делаю? – спросил он вызывающим тоном. – Что же я такое делаю со своим сыном? – повторил он.

– Ваш отец был прекрасный человек, – сказал я, уклоняясь несколько от прямого пути, – а как, по вашему мнению, он правильно воспитывал своих детей?

Он не тотчас ответил, а затем сказал:

– Я не жалею на него, хотя имел бы на это полное право. Нет, нет, я не жалею.

– Вы не жалуетесь, это верно, – сказал я, – но, между тем, вы сознаете, что имели бы на это право. Стало быть, вы отлично понимаете, что хотя отец ваш был прекрасный человек, он все-таки в одном отношении поступал неправильно. У него было два сына, один из них...

Лорд Генри сильно и внезапно ударил по столу.

– Что вы хотите этим сказать? – закричал он. – Говорите прямо.

– Ну, хорошо, я буду говорить прямо, – сказал я, стараясь казаться спокойным в то время, как сердце мое сильно билось. – Если вы будете продолжать воспитывать вашего сына таким образом, как вы это делаете, то вы пойдете по стопам вашего отца. Смотрите, чтобы в таком случае, когда сын ваш вырастет, он не пошел бы по стопам мастера Баллантрэ.

Я сам не знаю, как это случилось, что я сказал то, чего я вовсе не желал сказать, но, по всей вероятности, под влиянием волнения я не сообразил, что я говорю слишком резко, и не взвесил своих слов. Если бы я знал, что то, что я скажу, произведет на лорда Генри такое сильное впечатление, то я, разумеется, был бы осторожнее.

Не получив ответа от лорда Генри, я поднял голову и увидел, что милорд сразу и быстро вскочил на ноги, но в ту же минуту во всю длину упал на пол. Обморок его продолжался недолго, он очень быстро пришел в себя, взялся за лоб и сказал:

– Мне дурно, помогите мне.

Я помог ему встать, но хотя он стоял совершенно крепко на ногах, он все-таки держался за стол и сказал:

– Я почувствовал себя скверно, Маккеллар, совсем скверно. Я не знаю, что со мной произошло, но мне показалось, будто я куда-то плыву, и будто в сердце у меня что-то порвалось. Но я не сержусь на вас, Маккеллар, нисколько не сержусь, мой хороший человечек. Я отнюдь не в претензии на вас за то, что вы мне сказали. Вы имеете на это право. Мы с вами пережили так много тяжелого. Но знаете что, Маккеллар, я отправлюсь теперь к миссис Генри, да, пойду к миссис Генри, – это будет лучше.

Сказав это, он твердыми шагами вышел из комнаты, оставив меня одного.

В то время как я сидел еще в комнате и мучился угрызениями совести, дверь отворилась, и леди Генри вошла ко мне со сверкающими от гнева глазами.

– Что это значит? – сказала она. – Что вы сделали с моим мужем? Неужели вы никогда не образумитесь и не поймете вашего положения в нашем доме? Перестанете ли вы когда-нибудь вмешиваться в дела, которые вас не касаются?

– Миледи, – сказал я, – с тех пор, как я поселился в вашем доме, мне пришлось много раз слышать резкие и нелюбезные слова. В продолжение некоторого времени я чуть ли не изо дня в день слушал, как меня бранили. Естественно, что я сердился на это. Сегодня же я не буду сердиться, что бы вы мне ни говорили, так как сам сознаю, что сделал страшную глупость. Скажу в свое оправдание лишь одно – я сделал это с добрыми намерениями.

Я рассказал ей весь наш разговор с лордом, и когда она выслушала меня до конца, она задумалась, и лицо ее сделалось несравненно спокойнее.

– Да, вы имели доброе намерение, – сказала она наконец. – У меня была та же самая мысль, как и у вас, или, вернее сказать, я хотела поговорить с мужем насчет сына, и поэтому вполне понимаю вас и не сержусь на вас больше. Но, Боже мой, что же делать, когда он не в силах вынести какое бы то ни было волнение? Он не в силах его вынести! – закричала она. – Струны его сердца уже слишком натянуты. Зачем нам, следовательно, заботиться о том, что будет впоследствии! Пусть он наслаждается тем, быть может, непродолжительным счастьем, которое ему дано в удел.

– Аминь! – сказал я. – Я больше ни во что не стану вмешиваться и прошу вас только поверить, что если я действовал не так, как бы следовало, так только из любви к нему.

– Да, я вполне этому верю, – сказала миледи, – но вы, по всей вероятности, были очень взволнованы, когда говорили, иначе вы никогда не решились бы сказать такую резкую фразу, какую вы сказали. – Она с минуту молчала, а затем улыбнулась и прибавила: – Знаете, Маккеллар, что вы такое? Вы не мужчина, а вы какая-то старая дева!

После вышеописанного случая ничего особенного в семействе лорда Генри не произошло до того дня, в который снова приехал злой гений этого семейства – мастер Баллантрэ. Но раньше чем рассказать об этом, я опять-таки приведу отрывки из записок полковника Бурке, весьма интересные сами по себе, а кроме того, имеющие значение и играющие некоторую роль в этом рассказе. Из них мы узнаем то, что случилось с мастером Баллантрэ во время его путешествия по Индии, и получим некоторое понятие о Секундре Дассе. Но прежде чем привести эти выписки, я считаю своим долгом сказать, что если бы мы узнали раньше то, что мы узнали только впоследствии, а именно, что Секундра Дасс говорит по-английски, то мы избегли бы множества тревог и не испытали бы столько горя, сколько нам пришлось испытать.

Глава VII

Похождения кавалера Бурке в Индии

Выписки из мемуаров

Вот я и очутился на улице города, название которого я не могу припомнить, и в совершенно незнакомой мне местности. Мне эта местность была настолько мало известна, что я не знал даже, в какую сторону мне идти, чтобы выбраться оттуда, идти ли мне на юг или на север? Я убежал, не успев даже обуться, в суматохе я потерял свою шляпу, весь мой багаж остался в руках англичан, у меня не было спутника, за исключением индийского сипая, никакого оружия, кроме моего меча, и я остался почти совсем без денег. Одним словом, я находился в очень неприятном положении, и если бы мистер Galland, любящий описывать подобного рода приключения, какое произошло со мной, знал о том, что со мной случилось, он, наверное, написал бы об этом рассказ.

Теперь я подробно опишу, какое это было приключение.

Сипай был очень честный человек; он уже много лет служил под французским знаменем и готов был, кажется, дать разрезать себя на куски ради моего соотечественника, мистера Лалли. Это тот же самый парень, о котором я рассказывал уже в начале этих мемуаров, который отличился своим удивительным благородством, когда нашел меня и мистера Фессака на валу совершенно пьяными, и который закрыл нас соломой, чтобы проходивший мимо нас командир порта не увидел, в каком состоянии мы находимся.

Очувшись в критическом состоянии, я поэтому обратился к этому благородному парню за советом, куда нам идти и что нам предпринять? Решить этот вопрос было весьма нелегко, но при зрелом обсуждении его мы пришли к тому убеждению, что нам следует забраться в один из садов, находившихся перед нами, окруженных стенами, чтобы выспаться под каким-нибудь деревом, и затем отправиться на поиски пары туфель и тюрбана на голову.

Теперь нам осталось только одно: решить, в который из садов нам забраться, так как их было очень много. Помешать нам никто не мог, так как была ночная пора и в переулках между садами ни одного человека не было видно. Я хлопнул своего парня по плечу, и мы вместе с ним быстро перелезли через одну из стен сада, на которую я ему указал. Земля в саду была совершенно сырая от сильной росы, поэтому ложиться на нее не следовало, так как эта сырость необыкновенно вредно действует на здоровье людей, преимущественно же европейцев; но мне так сильно хотелось спать, что я не в силах был держаться на ногах и лег. Я только стал немного забываться, когда мой спутник разбудил меня. Он увидел в конце сада яркий свет, падавший на землю, и свет этот, появившись, уже не потухал, а продолжал виднеться между листьями. Это неожиданное появление света в такой поздний час нас крайне удивило, и мы решили, что нам надо быть чрезвычайно осторожными, чтобы не попасть в руки людей, могущих причинить нам вред. Я послал своего провожатого сделать рекогносцировку, и он, быстро вернувшись ко мне обратно, сообщил, что дом, из которого виднеется свет, по-видимому, принадлежит европейцу, и, вероятно англичанину.

– Ну, хорошо, – сказал я, – пойдем посмотрим, что это за европейцы. Быть может, это и хорошие люди.

Сипай повел меня на такое место, откуда я мог хорошо видеть дом. Он был окружен широкой верандой; на полу веранды стояла лампа, а по обе стороны от нее, также на полу, сложив ноги крест-накрест, наподобие того, как сидят азиаты, сидело двое мужчин. Оба они, словно туземцы, были в костюмах из кисеи, а один из них был не только европейец, а мой старый знакомый, мастер Баллантрэ, умом и гениальностью которого я так часто восторгался. До меня

дошло известие, что он в Индии, но встретиться мне с ним до сих пор ни разу не пришлось, и чем он занимался, что он делал в Индии, я также не знал.

Как только я узнал мастера Баллантрэ, я, разумеется, как его друг, решил без всякой церемонии войти к нему в дом. Луна освещала нам дорогу, и я быстро прошел со своим спутником вперед и через несколько минут стоял уже перед Баллантрэ и рассказал ему, в каком критическом положении я очутился. Он взглянул на меня и выслушал меня совершенно безучастно, а затем обратился к сидевшему напротив него человеку и начал говорить с ним на языке туземцев.

Человек этот был очень худощавый, ноги у него были тонкие словно палки, а пальцы – словно спички¹⁰. Он встал и обратился к нам со следующими словами:

– Саиб не понимает английского языка, а насколько я могу понять, вы ошиблись и приняли саиба за кого-нибудь другого. Это часто бывает. Но только саиб желал бы знать одно: каким образом вы попали к нему в сад?

– Баллантрэ, – закричал я, – черт тебя возьми, неужели ты станешь отрицать, что ты меня знаешь? Неужели ты осмелишься сказать мне это в лицо?

Баллантрэ ничего не ответил, ни один мускул его лица не дрогнул, и он смотрел на меня в упор таким бессмысленным взглядом, словно индийский идол, сидящий в храме.

– Саиб не понимает английского языка, – сказал снова туземец. – Он желал бы знать, каким образом вы попали в сад?

– Черт бы его побрал, вашего саиба! – закричал я. – Он желал бы знать, как я попал к нему в сад? Он? Ну, хорошо, милый человек, в таком случае будьте любезны передать вашему саибу, что перед ним стоят два храбрых солдата, и что оба они люди отнюдь не злые, напротив, очень добродушные, но что если саиб добровольно не даст им чалмы, тувель и приличную сумму денег, то они заставят его это сделать.

Но, несмотря на мою угрозу, Баллантрэ продолжал играть комедию и довел ее до такого совершенства, что начал говорить со своим товарищем на индоостанском языке, и туземец снова, глядя на меня с улыбкой, в третий раз, но теперь уже как бы нехотя, повторил:

– Саиб желал бы знать, каким образом вы попали в сад?

– Ах, стало быть, вот вы как! – сказал я, взявшись за рукоятку меча и велев своему спутнику сделать то же.

Туземец, все еще улыбаясь, вынул из-за кушака пистолет и, несмотря на то, что Баллантрэ не двинул даже бровью и не проронил ни одного слова, я уверен, что туземец поступал так, как ему было внушено.

– Саиб советует вам лучше удалиться, – сказал индус.

Я решил, что самое благоразумное будет, если мы удалимся, так как вовсе не желал быть застреленным.

– Скажите саибу, что я не считаю его больше джентльменом, – сказал я и, сделав презрительный жест рукой, собрался уходить вместе со своим товарищем.

Я сделал только несколько шагов, когда голос индуса остановил меня.

– Саиб желал бы знать, не принадлежите ли вы к числу проклятых ирландцев? – спросил он, и при этих словах Баллантрэ улыбнулся и низко поклонился.

– Это еще что? – спросил я.

– Саиб советует вам обратиться за объяснением этого вопроса к вашему другу Маккеллару, – сказал индус. – Саиб просит передать вам, что он расквитался с вами.

– Скажите саибу, что когда мы встретимся с ним в следующий раз, то я сумею его прочесть: он узнает скрипача Пэта.

Перед тем как уйти, я взглянул на Баллантрэ и его товарища. Оба они сидели и улыбались.

¹⁰ Примеч. мистера Маккеллара. Точь-в-точь, как у Секундры Дасса.

Не думаю, чтобы я когда-нибудь на самом деле решился бы отомстить мастеру Баллантрэ за его нахальство, так как я принадлежу к числу тех людей, которые никогда не отворачиваются от своих друзей. Про Фрэнсиса Бурке никто не может сказать, чтобы он когда-либо изменил своему другу, хотя бы даже за это меня постигла участь Цезаря.

(После этого следует маленькая статья, которую кавалер Бурке зачеркнул, раньше чем прислал мне мемуары. По всей вероятности, здесь говорилось обо мне, и автор мемуаров, как я понял из некоторых слов, обвиняет меня в том, будто я не сумел сохранить в секрете то, что он мне сказал про Баллантрэ, хотя я решительно не помню, когда это могло быть. Быть может, мистер Генри проговорился насчет чего-нибудь, или мастер Баллантрэ выпытал что-нибудь у самого Бурке, или, наконец, выведал у него содержание письма, присланного мне из Франции, – этого я не знаю, но во всяком случае, если вследствие этого письма мастер Баллантрэ обозлился на Бурке и отомстил ему, то в этом я не виноват.

Я знаю, что, несмотря на всю испорченность мастера Баллантрэ, он все-таки умел питать известную привязанность к человеку, которого он считал своим другом, и мне кажется, что, насколько его черствая натура позволяла ему, он вначале был привязан к кавалеру Бурке; но мысль о том, что друг его осмелился выдать малейшую тайну, касавшуюся его, сразу охладила его любовь, которая и без того была не особенно сильная, и его скверный, злой характер при первом же случае выказался с самой неприглядной стороны. Э. Макк.).

Глава VIII

Враг в доме

Странное дело, что сколько я ни старался, никак не мог припомнить то число, когда произошло одно событие, которое имело огромное влияние на мою жизнь в доме лордов Деррисдиров и которое наделало мне массу хлопот. Я пересмотрел все свои записки и заметки, которые я составил в то время, но у меня решительно нигде число не обозначено. Да оно и вполне понятно: я находился тогда в таком тревожном состоянии, что и не подумал о том, что следует поставить число, изо дня в день переживал такое волнение, что мне нечего было и думать следовать своим привычкам. Во всяком случае, насколько мне помнится, то, о чем я намерен теперь рассказать, случилось в конце марта или в начале апреля 1764 года.

Я в эту ночь довольно дурно спал и проснулся с тяжелым сердцем: мне казалось, будто что-то дурное должно случиться в этот день. Предчувствие это было настолько сильно, что я, не отдавая себе отчета, чего я, собственно, боюсь, соскочил с постели и в одной рубашке и брюках бросился бежать вниз по лестнице, держась за перила.

Было холодное, солнечное утро, дрозды пели удивительно громко и весело, а море так сильно шумело, что во всех комнатах дома раздавался шум его волн. Когда я подошел к двери зала, я услышал еще другой шум, а именно – звук раздававшихся в ней голосов. Я подошел ближе к двери и прислушался, но тут же остолбенел от удивления. Я слышал человеческий голос, но человек, разговаривавший, говорил на таком странном языке, которого я еще никогда не слышал. Сколько я ни старался, я не мог понять ни одного слова. Мне пришел в голову рассказ, который я слышал в детстве. Мне рассказывали, будто за много-много лет до моего рождения в доме моих предков ни с того, ни с сего появилась красивая чужестранка и поселилась там на некоторое время. Она разговаривала очень много, но на таком языке, которого никто не понимал, и, пожив с неделю под кровлей моих предков, она среди глубокой, темной ночи исчезла так же незаметно, как и появилась.

Легенда эта невольно пришла мне на ум в то время, как я стоял за дверью и прислушивался к незнакомому мне говору. Мне сделалось даже жутко, но любопытство взяло верх над страхом, и я вошел в комнату.

Стол, стоявший посреди комнаты, находился еще в том самом виде, в каком мы его оставили накануне, после ужина: посуда не была еще прибрана, ставни окон были еще закрыты, но сквозь щели их пробивался дневной свет. В комнате было темно, огромный зал освещался лишь одной восковой свечой и светом горевших в камине углей.

У самого камина сидело двое мужчин. Один из них был закутан в плащ, и на нем были высокие дорожные сапоги, – я взглянул только на него и тотчас узнал злого гения семейства Дьюри-Деррисдир, – а другой, сидевший по правую сторону от камина, был закутан в какую-то материю и имел вид запеленатой мумии; по цвету лица его можно было тотчас догадаться, что он чужестранец, – он был гораздо смуглее европейцев, фигура у него была тщедушная, лоб необыкновенно большой, а глаза глубоко впалые.

На полу комнаты лежало несколько свертков и стоял маленький чемодан, и, судя по тому, что мастер Баллантрэ привез с собой так мало вещей, а равно и по тому, что он был в сапогах из очень грубой кожи, на которых было множество заплаток, надо было думать, что богатства он не приобрел.

Когда я вошел в комнату, он встал; взгляды наши встретились, и, не знаю почему, но в ту минуту, как я смерил его своим взглядом, я почувствовал удивительную храбрость.

– А, – сказал я, к моему великому удовольствию, совершенно спокойным голосом, – а, это вы!

– Так точно, это я, достопочтенный Маккеллар, – ответил мастер Баллантрэ.

– Что же это, вы ездили за этой черной собакой, что ли? – спросил я.

– Ах, это вы говорите про моего спутника, Секундру Дасса? – спросил Баллантрэ. – Позвольте вам представить его. Это уроженец Индии.

– Гм... – сказал я, – я не могу сказать, чтобы я чувствовал симпатию к вам, а равно и к вашим друзьям. Но позвольте взглянуть на вас. Мне интересно видеть, насколько вы изменились.

Сказав это, я подошел к одному из окон и открыл ставни.

Когда дневной свет упал на стоявшего передо мной человека, я увидел, что он очень изменился. Впоследствии, когда все мы были вместе, я нашел, что в сравнении с нами он изменился довольно мало, но в первую минуту моей встречи с ним он показался мне довольно старым.

– Вы очень постарели, – сказал я.

Тень пробежала по его лицу, но между тем он совершенно спокойно сказал:

– Если бы вы могли видеть самого себя, то вы не решились бы назвать другого человека старым.

– Ну, что говорить обо мне! – сказал я. – Я не боюсь старости. Да, по моему мнению, я никогда и не был молодым. Слава Богу, если я постарел, то вместе со старостью я приобрел уважение окружающих меня людей. А это не всякий может сказать про себя, не так ли, мистер Балли? Морщины на вашем лбу говорят о дурных мыслях, которыми вы напрягаете свой мозг, ваша жизнь полна дурных поступков, вы не бессмертны, и когда смерть постучится к вам и вы должны будете проститься с вашей жизнью, у вас не будет ни одного близкого человека, который бы вас утешил и поддержал.

Мастер Баллантрэ ничего не ответил мне на это, а обратился к своему спутнику и начал говорить с ним на индоостанском языке. Из некоторых слов, которые я уловил, я мог понять, что мои слова раздражали его, и что я ему надоел своим нравоучением.

В то время, как я разговаривал, по-видимому, совершенно спокойно с появившимся в доме врагом, мысли мои были заняты тем, как мне подготовить лорда Генри к неприятной неожиданной встрече, которая ему предстояла. Я напряг все свои умственные способности, чтобы выдумать, каким образом мне успокоить его, когда вдруг увидел его стоящим в дверях и на вид совершенно спокойным.

Как только он заметил, что я нахожусь также в зале, он переступил порог комнаты и сделал несколько шагов вперед.

Мастер Баллантрэ, услышав шаги брата, пошел ему навстречу, но приблизительно на расстоянии четырех или пяти шагов брата остановились и обменялись взглядами, после чего лорд Генри холодно улыбнулся, слегка поклонился и быстро отошел в сторону.

– Маккеллар, – сказал он мне, – будьте любезны распорядиться, чтобы на долю этих путешественников был также приготовлен завтрак.

По всему видно было, что мастер Баллантрэ был несколько сконфужен, но он старался не подавать виду, что он чувствует себя в неловком положении, и, прибегнув к своему обычному нахальству, сказал:

– Я действительно голоден как волк, дай мне чего-нибудь поесть, Генри.

Лорд Генри повернулся к нему с той же холодной улыбкой на губах и сказал:

– Лорд Деррисдир...

– О, никогда в жизни, я не назову тебя лордом, – возразил мастер Баллантрэ.

– Каждый, кто живет со мной в этом доме, называет меня лордом, так как этот титул мне принадлежит, – сказал милорд. – Прошу вас не делать в данном случае исключения, так как это произведет довольно странное впечатление на посторонних людей. Они подумают, что вы не желаете называть меня лордом из злости, которую вы не в силах побороть.

Ябыл положительно в восторге от поведения милорда и готов был ему аплодировать, так мне понравились его слова, но мне понравилось еще больше, что он, не дожидаясь ответа мастера Баллантрэ, быстро повернулся и, сделав мне знак рукой, чтобы я последовал за ним, вышел из комнаты.

– Пойдемте скорее, – сказал он мне, – нам надо очистить дом от вредных насекомых.

И он пошел по коридору такими быстрыми шагами, что я едва мог следовать за ним. Дойдя до комнаты Джона Поля, он отворил ее и вошел. Несмотря на то, что Джон Поль имел вид человека спящего, лорд не думал даже будить его, а спокойным тоном сказал:

– Джон Поль, ты много лет служил моему отцу, и служил ему хорошо. Если бы не это обстоятельство, то я вышвырнул бы тебя сию же минуту из дому, как собаку. Но не думай, что из этого следует, что я позволю тебе остаться у меня после того, что ты сегодня сделал. Напротив, я требую, чтобы через полчаса тебя не было больше у меня в доме. Уезжай в Эдинбург, и туда тебе будет выслано жалованье, которое ты заслужил. Если же ты, старый слуга и старый... ну, уж я не назову тебя лучше тем именем, которое ты заслужил, одним словом, если ты вздумаешь оставаться где-нибудь поблизости отсюда, хотя бы, например, в С.-Брайде, то я сумею наказать тебя за твое непослушание. Вставай и убирайся. Та дверь, в которую ты впустил моего врага, может служить тебе теперь для выхода из этого дома. Не смей оставаться здесь дольше, чем я тебе позволил. Чтобы сын мой не видел никогда больше твоей физиономии.

– Я очень рад видеть вас таким спокойным, – сказал я, когда мы с лордом остались вдвоем.

– Спокойным! – закричал он. – Где тут спокойствие?

И с этими словами он схватил мою руку и приложил ее к своему сердцу. Оно билось ужасно быстро и очень сильно.

Услыхав это сильное сердцебиение, я удивился тому наружному спокойствию, которое сохранил лорд, а вместе с тем и встревожился мыслью, чтобы волнение, испытанное лордом, не принесло ему вреда. Он был человек слабого здоровья, силы его были уже надорваны, нельзя было рассчитывать на то, чтобы он мог выносить изо дня в день неприятности, и поэтому надо было как можно скорее положить конец всему, что заставляло его волноваться.

– Не отправиться ли мне к миледи и не сообщить ли ей о том, что случилось? – предложил я лорду.

Предположим, что лорд мог и сам пойти к леди Генри, но я боялся, что он не сумеет поговорить с ней как следует, и поэтому предложил свои услуги.

– Хорошо, ступайте, – сказал лорд. – А я распоряжусь насчет того, чтобы поторопились подать завтрак. Необходимо, чтобы все мы были за столом, даже мой маленький Александр. Надо сделать вид, будто мы нисколько не встревожены.

Я отправился в комнату миледи и без всякого предисловия сразу рассказал ей о том, что случилось.

– Я давно уже приготовилась к мысли о том, что «он» может неожиданно явиться, – сказала она, – и решила, что в случае, если он приедет, мы в тот же день уложим наши вещи и в ту же ночь тайком уедем из поместья. Слава Богу, у меня есть другой дом. С первым же кораблем, который отправится в Нью-Йорк, мы уедем туда.

– Ну, а что мы поделаем с «ним»? – спросил я.

– Мы оставим наш дом в его распоряжение; пусть он наслаждается здесь и строит сам себе козни.

– Ну, нет, уж этого не будет! – сказал я. – Тут в доме есть сторожевая собака, которая этого не допустит. Я дам ему кров и постель, а если он пожелает, то я дам ему и лошадь для верховой езды, но ключи от дома, нет, ключи останутся в руках Маккеллара. И он не выпустит их из рук, будьте спокойны.

– Мистер Маккеллар, – сказала миледи, – благодарю вас за ваше доброе намерение. Все, все будет передано вам, единственно вам. Мы должны бежать, и я предоставляю вам мстить за нас. Пошлите, пожалуйста, Макконоки в С.-Брайд и скажите ему, чтобы он нанял нам лошадей, которые приехали бы за нами ночью, и велите ему пригласить ко мне адвоката.

В эту минуту лорд вошел в комнату, и мы сообщили ему наш план.

– Нет, нет, – закричал лорд, – я и слышать не хочу об этом! Он вообразит, что я испугался его. Я ни за что не покину этого дома и, Бог даст, останусь в нем до самой смерти. Нет на свете человека, который мог бы выгнать меня отсюда, несмотря на козни всех адских чертей.

Он выговорил эти слова с таким жаром и таким твердым голосом, что и жена его, и я были положительно поражены, в особенности я, который был столько раз свидетелем его нерешительных действий.

Миледи взглянула на меня взором, вызывающим о помощи, и я поспешил оправиться от волнения и, сделав ей незаметно знак рукой, чтобы она удалилась, обратился к лорду, бегавшему, словно полоумный, взад и вперед по комнате. Я положил ему руку на плечо и сказал:

– Милорд, я снова обращаюсь к вам в качестве просителя и ходатая, как вы желаете меня назвать, это безразлично. Но я человек прямодушный и честный, и поэтому я не могу решиться отнестись равнодушно к человеку, которого я люблю, и хотя я и устал вмешиваться в чужие дела, не могу не высказать вам своего мнения.

– Вы совершенно напрасно будете говорить, – сказал он, – ничто не в силах заставить меня переменить мое решение. Говорите, пожалуйста. Боже сохрани, чтобы я не позволил вам говорить, но только я заранее предупреждаю вас, что я не переменяю своего решения.

Слова эти он произнес уже с меньшей горячностью, так что я начал надеяться, что мне удастся заставить его изменить решение.

– Ну, и отлично, – сказал я. – Я, стало быть, начинаю. – Я указал ему рукой на стул, и он сел. – Было время, – начал я, – когда ваша супруга не обращала на вас должного внимания.

– Я никогда не говорил об этом в то время, когда это происходило, – сказал он, и густая краска покрыла его лицо, – но теперь все это изменилось.

– Да, но знаете ли вы, в какой степени? Знаете ли вы, в какой степени все изменилось? – спросил я. – Теперь уж страдаете не вы, а она страдает. Ваша супруга всячески старается уладить теперь вашу жизнь, она только и мечтает о том, как вам угодить, а между тем вы даже как будто не замечаете этого. Она тщетно ждет от вас не только ласкового слова, но даже взгляда, в котором выразилась бы ваша благодарность. И знаете ли вы, с кем она проводит те бесконечные часы, в продолжение которых вы разгуливаете с вашим сыном по полям и лесам? Со мною, со старым секретарем ее мужа, с Эффраймом Маккелларом, с которым и вы некогда проводили целые часы. Помните, милорд?

– О, Маккеллар! Боже мой, как мне не помнить этого! – воскликнул лорд, вскакивая со стула.

– Призываете ли вы Бога, называете ли вы меня по имени, это безразлично, факт остается фактом, что супруга ваша страдает теперь настолько же, насколько раньше вы страдали. А ведь вы христианин. Разве вам не стыдно причинять мучения вашему ближнему? Но вы до такой степени привязались к вашему новому другу, что старые друзья для вас больше не существуют. Вы как будто забыли о их существовании. А между тем, теперь, когда вы очутились в неприятном положении и когда вы нуждаетесь в дружбе, ваши друзья, о которых вы забыли, снова возле вас, ваша супруга, на которую вы обращаете так мало внимания, готова сделать все, что от нее зависит, для того, чтобы вы были спокойны. Но думаете ли вы когда-нибудь о ней? Заметили ли вы, насколько она изменилась после той страшной ночи, которая осталась у нас так ярко в памяти? Приходило ли вам в голову сравнить, как она вела себя по отношению к вам до страшной ночи и после нее? Приходит ли вам в голову, в каком печальном положении она находится теперь? О, нет, никогда! Вы из фальшивого самолюбия, из гордости

не желаете ехать отсюда, и жена ваша должна жить с вами, мучиться, глядя на то, как вы мучаетесь и волнуетесь. О, милорд, гордость – это большой порок! И не забудьте еще вот что: вы мужчина, а она слабая, беспомощная женщина, которую вы обязаны защищать и которой вы отнюдь не должны причинять неприятности, тем более, что она мать вашего сына, которого вы безгранично любите.

– Вы говорите мне довольно неприятные вещи, Маккеллар, – ответил лорд, – но, видит Бог, вы говорите правду. Я действительно не умел ценить свое счастье и слишком мало думал о своей жене. Будьте так любезны попросить миледи, чтобы она пришла сюда.

Леди Генри была рядом в комнате и выжидала, чем кончится наш разговор. Когда я вместе с ней вошел снова в комнату к милорду, он взял в одну руку руку жены, а в другую мою и, приложив обе наши руки к своему сердцу, сказал:

– У меня два друга. Все, что я имел в жизни хорошего, я имел или от того, или от другого. Если вы оба того мнения, что нам лучше уехать, в таком случае... – он замолчал на минуту и взглянул на нас полными слез глазами, – в таком случае с моей стороны было бы крайне неблагородно не подчиниться вам, – продолжал он. – Делайте со мной что хотите, но только не думайте... – он снова запнулся, – делайте со мной что хотите, но не думайте, чтобы я не любил вас. Видит Бог, что я и люблю, и уважаю вас.

Сказав это, он выпустил наши руки, повернулся, подошел к окну и начал смотреть в пространство. Леди Генри подбежала к нему, назвала его по имени и, бросившись к нему на шею, заплакала.

Я вышел из комнаты, затворил потихоньку за собой дверь и в глубине души поблагодарил Бога за то, что мне удалось устроить счастье лорда и его жены.

Согласно желанию милорда, к завтраку мы все собрались в зале. К тому времени мастер Баллантрэ снял уже свои сапоги с заплатками и оделся, как того требовало приличие. Секундра Дасс снял также с себя свои кисейные тряпки и был теперь в черном сюртуке и брюках, производя в этом костюме крайне комическое впечатление.

В то время, как лорд с семейством вошел в зал, мастер Баллантрэ со своим другом стоял у окна и смотрел в сад. Они оба повернулись, когда дверь отворилась, и «черный человек», как его прозвала прислуга в доме лорда, поклонился чуть ли не до земли, в то время как мастер Баллантрэ, как член семьи, побежал вперед, чтобы приветствовать миледи и ее детей. Но леди Генри остановила его, попросила не подходить близко к ней, издали очень холодно кивнула ему головой и притянула к себе поближе своих детей. Милорд прошел несколько вперед, а жена его последовала за ним, так что все они, лорд Генри, миледи Генри и мастер Баллантрэ, стояли неподалеку друг от друга.

Время на всех троих наложило свою печать, ни для кого из них оно не прошло бесследно, и мне было крайне досадно видеть, что как раз на злого и порочного человека оно наложило самую меньшую печать; он все-таки и теперь, несмотря на то, что он постарел, казался красивее всех.

Миледи имела вид уже довольно пожилой женщины; она очень располнела и походила на матрону, у которой огромное количество детей и полон дом прислуги. У лорда Генри тряслись уже колени, он держался не совсем прямо и ходил какими-то неровными, порывистыми шагами; лицо его было в морщинах и как будто несколько вытянулось, а на губах время от времени появлялась не то горькая, не то печальная улыбка. Мастер Баллантрэ, наоборот, держался совершенно прямо, быть может, это и стоило ему усилий, этого я не знаю, но в его фигуре никаких признаков старости не было заметно. На лбу, между бровями, у него действительно была глубокая морщина, но она придавала его лицу только еще больше энергии. Он по своей наружности совершенно походил на сатану, каким его описывает Мильтон в «Потерянном Рае». Я не мог не восторгаться его красивой наружностью и удивлялся только тому, что я не чувствовал теперь ни малейшего страха в его присутствии.

Но, несмотря на всю свою красоту, мастер Баллантрэ не производил уже теперь того обаятельного впечатления и не мог разыгрывать той роли любимца, как прежде. Теперь уж никто из его родственников не питал к нему ни малейшего чувства привязанности. Он, на правах чужого, приехавшего из дальних стран путешественника, мог сидеть за столом брата и болтать, но не смел позволять себе выкидывать те фокусы и играть ту комедию, которую он играл прежде. Да и перед кем ему играть ее? Отца больше не было в живых, а леди Генри интересовалась теперь уж не им, а своим мужем.

Глядя на этого фальшивого человека, не имевшего теперь больше той силы, которой он раньше обладал, мне пришло в голову, что я совершенно напрасно так сильно испугался при его появлении. Он остался, без сомнения, таким же ехидным и фальшивым человеком, как прежде, но теперь он уже не имел той силы, которой он обладал при жизни отца, и поэтому он напоминал мне собой змею, у которой вынули жало.

В то время, как мы завтракали, меня занимали две мысли: во-первых, меня занимала, а вместе с тем и радовала мысль, что мастер Баллантрэ, несмотря на все свое ехидство, по-видимому, не в силах был строить козни лорду Генри, а во-вторых, что лорд Генри, пожалуй, был прав, и ему вовсе не следовало бежать от врага, не могущего причинить ему существенный вред. Но в ту же минуту я вспомнил о том, до какой степени сильно билось сердце лорда Генри, когда он увидел брата, и я решил, что для здоровья моего бедного патрона гораздо лучше, если он не будет подвергаться лишним неприятностям.

Когда мы кончили завтрак, мастер Баллантрэ последовал за мной в мою комнату и, не дождавсь с моей стороны приглашения, взял стул и, усевшись на нем, спросил, что ему делать и как мы намерены теперь поступить?

– Как, каким образом мы намерены поступить, мистер Балли? – спросил я в свою очередь. – Дом этот, разумеется, на некоторое время будет служить вам пристанищем.

– На некоторое время? – спросил он. – Я не понимаю, что вы хотите этим сказать?

– Мне кажется, что тут и объяснять нечего, – ответил я. – До тех пор, пока вы не совершите какого-нибудь неблагоприятного поступка, могущего бросить пятно на репутацию лорда Деррисдира, до тех пор вы можете проживать здесь, а как только вы скомпрометируете нас, мы вас тотчас вышвырнем вон.

– Вы дерзкий, негодный человек! – сказал мастер Баллантрэ, сердито сморщив лоб.

– Я учился в хорошей школе и был усердным учеником, – ответил я. – Во всяком случае, вы должны знать и понимать, что со смертью лорда, вашего отца, положение ваше в этом доме сделалось совсем иное. У вас уже нет теперь той силы, мастер Балли, которую вы имели прежде. Я вас теперь больше не боюсь. Напротив, да простит мне Бог, но я нахожу даже некоторое удовольствие в вашем обществе.

Он засмеялся громким смехом, но смех этот, как я ясно заметил, был неестественным.

– Я приехал сюда с пустыми карманами, – сказал он спустя минуту.

– У нас нет денег, которые мы могли бы швырять направо и налево, – ответил я. – Я советовал бы вам не рассчитывать на то, что вы что-нибудь получите.

– Мы насчет этого еще поговорим, – сказал он.

– В самом деле? – спросил я. – Я решительно не понимаю, о чем тут еще говорить.

– О, вы только прикидываетесь, будто вы не понимаете, – сказал мастер Баллантрэ. – Не забудьте, что у меня есть возможность устроить вам всем скандал, и я отлично знаю, что вы побоитесь его, и этим я воспользуюсь.

– Виноват, мистер Балли, но я положительно не могу себе даже представить, какой скандал может грозить нам с вашей стороны, – сказала я.

Он снова засмеялся.

– Однако вы отлично выучились парировать удары, – сказал он. – Но говорить очень легко, и фразы остаются фразами, но как вы будете действовать, это другой вопрос. Поэтому я

предупреждаю вас, чтобы вы были настороже, иначе вам всем не поздоровится. Вы поступили бы гораздо умнее, если бы вы дали мне деньги и таким образом избавились бы от меня.

С этими словами он махнул мне на прощанье рукой и вышел из комнаты.

Вскоре после этого ко мне в комнату вошел лорд в сопровождении адвоката, мистера Карлайля. Нам подали бутылку вина, и мы занялись важными делами.

Мы сначала обсудили все маловажные дела, а затем приступили к вопросу об управлении поместьем во время отсутствия лорда. Управление им было поручено мне и адвокату Карлайлю.

– Вот что, мистер Карлайль, – сказал лорд после того, как он сделал все необходимые распоряжения, – я желал бы попросить вас исполнить одну просьбу. По всей вероятности, по поводу нашего внезапного отъезда по имению пойдут различные толки, и предметом всевозможных фальшивых толков будем мой брат и я. Скажут, что я убежал вследствие того, что он приехал. Я просил бы вас очень постараться разуверить в этом тех, кто это будет говорить, и заставить молчать глупых болтунов.

– Постараюсь, милорд, – сказал мистер Карлайль. – Стало быть, ваш брат, маст... мистер Балли не уезжает вместе с вами?

– Я должен объяснить вам одну вещь, – сказал милорд, – которой вы не знаете, а именно, что мистер Балли не только остается здесь, в Деррисдире, на попечении мистера Маккеллара, но что он не имеет даже малейшего понятия о том, что мы уезжаем.

– Но, по всей вероятности, вы будете переписываться с ним, и он будет знать... – начал было мистер Карлайль.

– О, нет, ни в коем случае, – перебил его милорд. – От моего брата мы будем держать все в секрете. Никто, за исключением вас и мистера Маккеллара, не будет знать, где я нахожусь и каковы мои намерения.

– И мистер Балли остается, стало быть, здесь... ага, он... стало быть, здесь, – сказал адвокат. – Так, так... А управление поместьем вы поручаете... ага, ага... – Затем он обратился ко мне и сказал: – Мистер Маккеллар, мы берем на себя весьма ответственную задачу, не правда ли?

– Без сомнения, сэр, – ответил я.

– Да, да, без сомнения, – сказал он. – И мистер Балли, стало быть, не будет иметь никакого голоса?

– Не будет иметь никакого голоса, – повторил милорд, – и, надеюсь, никакого влияния на ваши распоряжения. Я должен сказать вам, что мистер Балли плохой советчик.

– Так, так... – сказал адвокат. – Ну, а что же, сам он имеет какие-нибудь средства или он их уже прожил?

– Насколько мне известно, он все свои средства потратил, – сказал лорд. – И так как я знаю, что у него ничего нет, то я предоставляю ему жить здесь, в доме, и он будет иметь стол, отопление и освещение.

– Ну-с, а денежную сумму вы не будете выдавать ему? – спросил адвокат. – Видите ли, так как вы возлагаете на меня весьма серьезную обязанность, и я беру на себя немалую ответственность, то я желал бы в точности исполнить все ваши желания, и поэтому мне интересно знать, что мне ответить мистеру Балли в случае, если он потребует денег?

– Прошу вас ничего ему не давать, – сказал лорд. – Я настолько недоволен его поведением, что вовсе не желаю делиться с ним деньгами.

– Да и что касается денег, – присовокупил я, – то он промотал и свои собственные, и огромную часть наших. Потрудитесь взглянуть на эту расписку, мистер Карлайль. Я обозначил тут всю сумму денег, которую мы выслали мистеру Балли за последние пятнадцать или двадцать лет. Обратите внимание, сумма немаленькая.

Мистер Карлайль присвистнул.

– Однако, нечего сказать, недурно! – сказал он. – Я не имел об этом ни малейшего понятия. Извините, милорд, что я вам надоедаю, но мне крайне необходимо знать, как вы желаете действовать впоследствии по отношению к мистеру Балли? Может случиться, что мистер Маккеллар умрет, и тогда я один остаюсь ответственным лицом. Так как мистер Балли разоряет имение, то не лучше ли было бы... гм... не лучше ли было бы, если бы вы предложили ему уехать куда-нибудь подальше?

– Почему вы желаете, чтобы именно я предложил ему это? – спросил милорд, глядя на мистера Карлайля.

– Потому что, насколько я могу судить, он причинит вам немало неприятностей, оставаясь здесь, даже если вас здесь не будет. По-видимому, он не является утешением семьи.

Милорд сильно сморщил лоб.

– Черт бы его побрал, провалился бы он совсем! – закричал он и налил себе стакан вина, но когда он поднес стакан к губам, рука его до такой степени дрожала, что половина той порции вина, которую он налил себе, разлилась ему на грудь.

Это было уже второй раз в моем присутствии, что вдруг во время серьезного и делового разговора лорд, не будучи в силах сдержаться, явно выказывал ненависть, которую он питал к брату.

Я взглянул на мистера Карлайля, а тот взглянул на меня, и затем мы с известным скрытым любопытством принялись следить за дальнейшими движениями лорда Генри.

Внезапная вспышка гнева моего патрона еще сильнее укрепила меня в том убеждении, что ему, ради его здоровья, необходимо уехать и не подвергаться неприятностям.

После этой внезапной вспышки другой не последовало, и мы спокойно продолжали беседовать. Мистер Карлайль, как все адвокаты, говорил тихо и медленно. Из дальнейших слов адвоката мы могли понять, что слухи о странном поведении мастера Баллантрэ во время его последнего пребывания в Деррисдире все-таки ходили, и, судя по этому, можно было заключить, что если он будет продолжать вести себя так, как он вел себя, когда находился в поместье в последний раз, то он быстро потеряет расположение своих приверженцев.

– Говоря откровенно, я не удивляюсь тому, что вы изволили сделать такого рода распоряжения, милорд, и что вы отстранили мистера Балли от всякого участия в управлении имением, – сказал адвокат. – Когда он был в последний раз в Деррисдире, то относительно его ходили различные толки, и я не скажу, чтобы очень хорошие. Говорили, между прочим, о какой-то женщине, живущей в С.-Брайде, которую мистер Балли чуть ли не истязал и к которой, напротив, вы относились чрезвычайно милостиво. Понятно, что были и такие люди, которые не верили этим толкам, но, во всяком случае, разговоров по этому поводу было много. Я лично не знал, кому и чему мне верить, но после того, как я увидел бумагу, которую показал мне мистер Маккеллар, я убедился, что это джентльмен, которому доверяться не следует. Не правда ли, мистер Маккеллар? Мы, надеюсь, не дадим ему воли?

Остальная часть этого дня, имевшего немаловажное влияние на всю нашу последующую жизнь, прошла довольно благополучно. Мы решили не терять из виду нашего врага и наблюдать за всем, что он делал. Я взялся присматривать за ним и разыгрывал роль какого-то карального. Он не замечал, что за ним следят, и, по-видимому, воображал, что мы не оставляем его одного из любезности, поэтому он принял необыкновенно довольный и важный вид.

Меня крайне возмущала хитрость этого человека и его стремление выведать все, что происходило в этом доме до его появления. И он умел так ловко выпытывать, что, несмотря на всю мою осторожность и на то, что я был все время настороже, раньше чем я успел опомниться, он узнал уже от меня многое, чего бы ему не следовало знать. Наподобие костоправа, делающего человеку перевязку после того, как он повредил себе руку или ногу, – ну, положим, если он свалился с лошади и расшибся – и затрагивающего больное место пострадавшего, Баллантрэ умел с удивительной ловкостью затронуть как раз больное или, вернее, слабое место здоровых

людей. И его обмануть было крайне трудно. Взгляд у него был удивительно пронизательный, а язык острый как нож.

Как я ни старался скрыть от мастера Баллантрэ то, что делалось у нас в доме, ему все-таки удалось устроить так, что я проговорился насчет того, как сильно лорд Генри любит своего сына и как страшно он его баловал. О маленьком Александре мастер Баллантрэ говорил особенно много и, по-видимому, интересовался им более, чем остальными членами семьи лорда, и это обстоятельство возбудило тотчас во мне подозрение и заставило меня быть еще более настороже и не спускать с нашего врага глаз, дабы он не мог свести компанию с нашим маленьким Александром.

Ребенок при встрече с дядей показал, что он его боится; по всей вероятности, лорд Генри наговорил мальчику про мастера Баллантрэ что-нибудь такое, что напугало его, и поэтому он дичился его и его спутника. Мастер Баллантрэ, без сомнения, заметил это, и я уверен, что он задался целью завоевать расположение любимца своего брата. Что его намерения должны были увенчаться успехом, в этом не могло быть никакого сомнения: мастер Баллантрэ был красив собой, красноречив и так интересно рассказывал о своих путевых приключениях, что слушать его можно было с величайшим интересом, и ему было чрезвычайно легко завоевать расположение и интерес мальчика, у которого воображение было необыкновенно живое.

Джон Поль покинул дом лорда только в то утро, в которое мастер Баллантрэ приехал. Нельзя предполагать, чтобы он не проговорился в присутствии Александра о том, что дядя его и любимец Джона Поля путешествовал, и я уверен, что он не раз рассказывал своему маленькому барину о приключениях мастера Баллантрэ. Теперь сам герой, с которым произошли всевозможные приключения, был налицо, теперь он мог сам рассказать о морских сражениях, в которых он участвовал, о поражениях, которые он терпел, о бегстве с корабля и о странствовании по дремучим лесам Америки, и вдобавок еще о своем пребывании в Индии.

Я отлично знал, до какой степени подобные интересные рассказы действуют на воображение мальчуганов. Я понимал, что, несмотря на самое строгое запрещение, ребенок все равно будет искать общества этого интересного человека, и что пока мастер Баллантрэ будет в доме, мальчик всячески будет стараться встретиться с ним, а тот, разумеется, будет делать все, что от него зависит, чтобы развратить ребенка. Если можно сделать змею ручной, чего некоторые действительно достигают, то дело не трудное приручить птенчика, бегающего в коротеньких панталончиках, и приворожить его к себе.

Мне поневоле пришел в голову один случай, свидетелем которого я сам был. В то время как я был студентом, в отдаленной части того города, где я жил, проживал один старый матрос. Каждую субботу к этому матросу приходила целая толпа ребятишек и слушала рассказы о морских путешествиях. Я сам много раз проходил мимо лачужки этого матроса и удивлялся тому, какая масса детей приходила к нему слушать его рассказы. Они сидели целыми группами на земле и жадно прислушивались к тому, что рассказывал старик. И между тем многие из мальчишек не любили этого старика, иные его даже ненавидели, но как только наставала суббота и они освобождались от занятий, они тотчас отправлялись к старому, грубому матросу и просиживали у него целые часы. Когда старик напивался, иные в ужасе убегали от него, и другие, более храбрые, бросали в него камнями, но в следующую же после этого субботу они снова приходили к нему и снова проводили с ним время.

Когда я вспомнил о старом моряке и о том, какое чарующее, обаятельное впечатление производил на детей этот грубый, пьяный матрос, то я с ужасом представлял себе, насколько сильно будет то влияние, которое на мистера Александра произведет его красноречивый, изящно одетый дядя. Не могло быть никакого сомнения в том, что свое влияние он употребит исключительно для того, чтобы испортить нравственность ребенка, чтобы развратить его, и вот этому-то необходимо было воспрепятствовать.

Как только я заметил, что мастер Баллантрэ интересуется маленьким Александром, – он в самое короткое время три раза упомянул о нем, – мне показалось, будто предо мною разверзлась пропасть. Я ясно понял, что мастер Баллантрэ расспрашивает меня с таким интересом обо всем, что касается ребенка, именно потому, что он сообразил, что Александр – это идол лорда Генри, и вот к нему-то ему и хотелось подобраться. Александр в нашем раю был тем же самым, что в настоящем раю была Ева, и вот змей-искуситель в образе мастера Баллантрэ подкрадывался теперь к нашей Еве.

Нечего и говорить, что как только я удостоверился в том, что нашему маленькому Александру грозит опасность, а моему дорогому лорду грозит удар, я, не медля ни секунды, стал снаряжать своих господ в дорогу. С той минуты я, кажется, не позволил себе даже вздохнуть свободно, а все время бегал по дому то туда, то сюда; я то следил за тем, что делают мастер Баллантрэ и его индус, то укладывал на чердаке вещи в чемодан, то посылал Макконоки с уложенными вещами по боковой дорожке к тому месту, откуда вещи должны были быть отправлены, то на секунду забегал в комнату миледи и советовался с ней то насчет одного, то насчет другого. Но все это я делал незаметным образом, чтобы мастер Баллантрэ ни о чем не догадался. На вид казалось, будто ничего особенного не совершалось и будто семья и не думала покидать дом своих предков, тогда как втайне происходили самые энергичные приготовления к отъезду.

Если мастер Баллантрэ время от времени и замечал усиленную беготню, то он, по-видимому, не придавал ей никакого значения и, по всей вероятности, приписывал ее только его неожиданному появлению, приводившему обыкновенно его родных в некоторое замешательство.

Ужин кончился, хозяйева со своими гостями обменялись холодными пожеланиями спокойной ночи, и все – как гости, так и хозяйева, разошлись по своим комнатам. Я последовал за мастером и его приятелем в комнату последнего. Мастеру Баллантрэ и его индусу мы отвели комнаты в северном флигеле здания, по той причине, что комнаты эти находились далеко от тех комнат, в которых помещался лорд со своим семейством, и потому что флигель этот можно было запереть, и таким образом Баллантрэ и его индус были совершенно отделены от лорда и его семьи.

Мастер Баллантрэ относился к своему индусу чрезвычайно ласково; не знаю, считал ли он его своим другом, или Секундра Дасс был его слуга, но только он заботился о нем удивительно нежно. Он собственноручно затопил у него в комнате камин, так как тот жаловался на холод, попросил, чтобы я велел подать ему рис, который по просьбе Баллантрэ был для него приготовлен, и ласково беседовал с ним на индоостанском языке, в то время как я, стоя тут же, делал вид, что мне очень хочется спать.

Спустя некоторое время мастер Баллантрэ заметил, что я хочу спать, так как я громко начал зевать, и сказал:

– Я вижу, что у вас остались те же самые привычки, которые у вас были и раньше: вы встаете, по всей вероятности, так же рано, как и прежде, и поэтому так же рано ложитесь спать. Убирайтесь отсюда, ваша зевота мне надоела.

Я отправился к себе в комнату, снял сапоги, потушил свечу и улегся на часок. Ровно через час я снова зажег свечу, надел войлочные туфли, которые я носил во время болезни милорда, и отправился в апартаменты лорда Генри, чтобы разбудить его и членов его семьи. Милорд и миледи, мисс Катарин, мистер Александр и прислуга леди Генри, Христина, все были уже одеты и ждали только моего появления. Так как я решительно от всей прислуги, за исключением Христины и Макконоки, держал в секрете, что милорд с семейством уезжает, то не мудрено, что, видя, что делается что-то необыкновенное, то один, то другой из людей показывались в дверях и с бледными как полотно лицами смотрели на то, что у нас творилось. Мы вышли из потаенной двери и боковыми дорожками прошли через парк. Было совершенно темно, одна или две звездочки блестели лишь на небе, но свету от них было немного; вслед-

ствие этого мы в начале нашего путешествия, прежде чем глаза наши привыкли к темноте, натыкались и на пни, и на кусты.

За парком, на тропинке, ведшей в лес, Макконоки ждал нас, держа в руке большой фонарь, так что теперь по освещенной дороге нам было уже гораздо легче идти. Мы шли все время молча, никто из нас не говорил ни слова. Пройдя с четверть мили, мы дошли до того места, которое называлось «Орлы», и где начиналась уже более болотистая местность, и там, на проезжей дороге, мы увидели две кареты с зажженными фонарями, нанятые для лорда и его семейства. Я с милордом и миледи обменялся лишь двумя-тремя словами, они дали мне еще несколько поручений, затем последовало крепкое рукопожатие; милорд, миледи, дети и Христина уселись в кареты, лошади дернулись и пустились бежать вперед, а кареты быстро покачали по улице, и мы с Макконоки остались на месте и смотрели вслед уезжавшим. Неподалеку от Картмора путешественникам пришлось ехать медленнее, так как им надо было взбираться на возвышенность. По всей вероятности, они, медленно поднимаясь на гору, взглянули в нашу сторону и увидели, что мы все еще стоим на том месте, где мы с ними простились, потому что мы заметили, как кто-то из них снял фонарь, прикрепленный к карете, и три раза на прощанье махнул им в нашу сторону.

И после этого они исчезли из виду и, бросив в последний раз взор на кровлю своего родного дома, умчались вперед, с целью переехать в незнакомую им страну. В то время как я с Макконоки стояли все на том же месте, где я простился со своим лордом и со своей леди, я почувствовал страшную тоску. Я в первый раз в жизни понял, что я одинок, и сознание этого причиняло мне глубокие страдания. Когда дорогие моему сердцу люди уехали, мне показалось, что я нахожусь в изгнании и что я в своем собственном отечестве – чужой, а что там, куда уехали мои дорогие господа, там моя родина.

Остальную часть этой ночи я провел, разгуливая по проезжей дороге взад и вперед, предаваясь мыслям о прошедшем и будущем. Я сначала с нежностью думал о тех дорогих моему сердцу людях, отправившихся в далекий путь, а затем начал думать о том, что мне предстоит исполнить, и тут уж я почувствовал прилив энергии, и плаксивое настроение мое прошло.

Начало рассветать, из-за холмов стало выглядывать солнце, домашние птицы начали кричать, а из труб хижин и крестьянских домов стал подниматься дым. Я понял, что мне пора возвратиться домой, и я медленно пошел обратно по той же дорожке, по которой я недавно прошел впотымах, в то время как теперь вокруг меня становилось все светлее и светлее, и солнце все сильнее и сильнее освещало крышу дома лорда Деррисдира.

Когда время завтрака настало, я отправился в зал и велел доложить мастеру Баллантрэ, что завтрак подан. Я несколько не волновался и ждал его появления совершенно спокойно.

Войдя в зал, мастер Баллантрэ с удивлением взглянул на пустую комнату и на три прибора, стоявшие на столе, и сказал:

– Что это так мало приборов? По какому это случаю?

– К этому числу приборов вам придется теперь привыкнуть, – сказал я. – Больше приборов у нас теперь не будет.

Он пристально взглянул на меня и спросил:

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы, ваш друг, мистер Дасс, и я, вот и вся наша компания, – сказал я. – Вы должны будете довольствоваться обществом вашего друга и моим, так как милорд, миледи и дети уехали.

– Да ну! Что вы говорите! Может ли это быть? – сказал он. – Впрочем, если это действительно так, то я, во всяком случае, не понимаю, почему нам не сесть и не позавтракать. Ведь завтрак остынет. Прошу вас, мистер Маккеллар, садитесь, – сказал он, занимая хозяйское место во главе стола, которое я собирался занять. – Ну-с, а теперь, пока мы будем есть, я попрошу вас рассказать мне подробно о том, когда и куда мой братец с семейством уехали.

Я заметил, что, хотя он и был взволнован, он не хотел этого показать, и я решил также не выказывать ни малейшего волнения и говорить самым холодным и спокойным тоном.

– Я имел как раз в виду предложить вам сесть на хозяйское место, – сказал я, – так как я твердо помню, что вы член семьи, покинувшей этот дом, а я некто иной, как гость, поэтому место хозяина за столом я предоставляю вам.

Вначале он действительно играл роль любезного хозяина, разговаривая со мной, давал различные приказания Макконоки, который принимал их с недовольным выражением лица, но чаще всего он обращался к Секундре Дассу.

Так это продолжалось некоторое время, но затем он обратился ко мне и спросил каким-то небрежным тоном:

– Ну-с, а куда мой милейший братец с семейством уехал?

– В этом отношении я не могу удовлетворить ваше любопытство, мистер Балли, – ответил я: – Я не имею приказаний сообщить кому бы то ни было об этом.

– Даже мне? – сказал он с ударением на слове «мне».

– Решительно никому.

– Нечего сказать, чрезвычайно мило со стороны милорда! – сказал Баллантрэ. – *C'est de bon ton!* Ну, а как же насчет меня, дражайший мистер Маккеллар, какие «они» изволили сделать распоряжения?

– Вы будете иметь стол и постель, – сказал я. – Кроме того, я имею право выдавать вам вино, стоящее у нас в погребе, и я должен сказать вам, что запас у нас порядочный. Вам стоит только обращаться со мной любезно, что вовсе не так трудно, и вы будете иметь, когда вам будет угодно, лошадь для верховой езды и бутылку вкусного вина.

Он выслал Макконоки из комнаты и затем спросил:

– Ну, а насчет денег? Как насчет денег? Что, мне также следует хорошо вести себя, чтобы получить карманные деньги от моего дражайшего друга Маккеллара? Великолепно. Стало быть, я нахожусь теперь на положении маленького мальчика, перешел в ребяческий возраст.

– Я не имею никаких указаний насчет того, чтобы выдавать вам деньги, – сказал я. – Но если вы будете умеренны в ваших требованиях, то я могу взять на себя ответственность и выдать вам небольшую сумму.

– Если я буду умерен в своих требованиях! – повторил он. – И вы будете выдавать мне эту сумму? – Он встал и, взглянув на висевшие на стене портреты своих предков, сказал: – Благодарю вас, благодарю вас во имя моих предков. – Затем сел и продолжал ироническим тоном: – Ну, а как насчет Секундры Дасса? Какие насчет него сделаны распоряжения? Не может быть, чтобы вы на общем совете не обсудили этого вопроса?

– В первый же раз, как я буду писать милорду, я попрошу его дать мне по поводу этого вопроса надлежащие указания, – ответил я.

Он сразу переменял тон и, облокотившись на стол и пристально глядя на меня, спросил:

– И вы воображаете, что то, что вы говорите, чрезвычайно умно?

– Я исполняю только то, что мне приказано, мистер Балли, – сказал я.

– Вы чрезвычайно скромны, но нельзя сказать, чтобы вы были очень умны, – сказал мастер Баллантрэ. – Вы сказали мне вчера, что со смертью моего отца я потерял ту силу, которую я прежде имел. Почему же в таком случае такой знатный пэр, как мой брат, посреди мрака ночи убежал из дома своих предков, как только я появился? Он до такой степени поторопился, что даже не сообщил о том, куда он едет, правительству, которое должно было бы знать, где он находится. Поторопился до такой степени, что не простился со своими крестьянами и, оставив меня на «родительском» попечении почтенного Маккеллара, поспешил удрать. Все это указывает на страх, и на весьма сильный страх предо мной.

Я хотел было доказать ему, что он ошибается, выставив ему на вид аргументы, которые, положим, не имели особенно веского значения, но он даже не обратил никакого внимания на мои слова и продолжал:

– Да, я повторяю, что это указывает на весьма сильный страх, и я нахожу, что страх этот весьма основательный. Я приехал в этот дом, питая к нему отвращение. После того, что случилось во время моего последнего пребывания здесь, я, понятно, не мог иметь ни малейшего желания явиться сюда, и если я все-таки сюда приехал, то только потому, что меня заставила крайняя необходимость сделать это. Мне нужны деньги. Я во что бы то ни стало должен их иметь. Вы не желаете дать мне деньги добровольно, ну, что же, в таком случае я силой заставлю вас дать их мне. Вместо того, чтобы прожить здесь неделю и уехать, как я сначала предполагал, я останусь здесь до тех пор, пока не выведаю, куда эти дураки удрали. Я последую за ними, и когда я настигну их, я ворвусь в их гнездо и разрушу его. Пусть они боятся меня! Они боятся не напрасно. Они будут еще дрожать предо мной, за это я вам ручаюсь. Вот тогда я и посмотрю, какую сумму милорд Деррисдир предложит мне за то, чтобы откупиться от меня, – сказал он тоном, в котором выражались бесконечная злоба и ненависть, – и тогда я еще подумаю, на что мне решиться: взять ли мне деньги или насладиться мстью?

Я был крайне удивлен, слышав от мастера Баллантрэ такое откровенное признание. Он, по-видимому, был так сильно рассержен внезапным отъездом милорда и тем, что он временно остался в дураках, что не взвешивал своих слов и говорил все, что приходило ему на ум.

– И вы воображаете, что то, что вы говорите, чрезвычайно умно? – сказал я, повторяя его фразу.

– Судите как знаете, но последние двадцать лет я жил исключительно этим умом, – ответил он, глядя на меня гордо и надменно улыбаясь.

– И, благодаря ему, дошли до состояния нищего, если можно так выразиться, – сказал я, – хотя нищий даже еще слишком нежный эпитет для вас.

– Я прошу вас заметить, мистер Маккеллар, – закричал мастер Баллантрэ с горячностью, которая, впрочем, очень шла ему, – что я очень вежлив как в разговоре, так и в обращении с людьми, и что я советовал бы вам взять с меня пример в этом отношении, если вы желаете, чтобы мы были друзьями.

В продолжение всего этого разговора между мной и мастером Баллантрэ меня раздражало то обстоятельство, что Секундра Дасс не спускал с меня глаз. Ни я, ни мастер Баллантрэ не дотронулись до еды, мы не спускали друг с друга глаз, и, кажется, то, что мы чувствовали, ясно выражалось на наших лицах, и это было вполне естественно; но почему индус смотрел на меня таким взглядом, будто он понимает то, что мы говорим, это меня крайне удивляло. Мне пришло в голову, не понимает ли он по-английски, но я тотчас отогнал эту мысль и успокоился тем, что, вероятно, он смотрел на меня и на мастера Баллантрэ только потому так пристально, что он по выражению лиц и по интонации голосов сообразил, что мы ссоримся, и что друг его недоволен мной. Если он и понял что-нибудь, так разве то, что разговор идет о каком-то важном вопросе.

Мы с мастером Баллантрэ и его индусом жили уже три недели в Деррисдире. В продолжение этих трех недель между мной и мастером Баллантрэ завязались те отношения, которые я могу обозначить словом: интимность. Вначале он был иногда вежлив, а порою, следуя своей прежней привычке, издевался надо мной, и я во всем подражал ему до известной степени. Благодаря Богу, я не боялся теперь больше ни его злого, сердитого лица, ни лезвия сабли; я был теперь несравненно храбрее.

Мне пикировка с мастером Баллантрэ доставляла даже некоторое удовольствие, она занимала меня. Когда он позволял себе говорить резкости, я отвечал ему тем же, и мои ответы на его глупые выходки были большей частью весьма удачны, так что даже он сам потешался ими. Однажды во время ужина, я сострил до такой степени удачно, что привел его в восторг.

Он смеялся без конца и никак не мог вспомнить о том, что я сказал, чтобы тотчас не начать хохотать.

– Кто бы мог подумать, что у этой старой бабы столько остроумия, – смеялся он, указывая на меня.

– Это не остроумие, мистер Балли, – сказал я, – а это просто юмор, которым отличаются все шотландцы. Самый простой, сухой юмор.

После этого дня он никогда уже больше не говорил мне дерзости, и если желал, чтобы я услужил ему, то прибегал обыкновенно к любезным шуточкам. Особенно любезно он относился ко мне и особенно весело он дурачился, когда он желал получить лошадь для верховой езды, бутылку вина или немного денег. В таких случаях он начинал заигрывать со мной как школьник, и вел себя вроде того, как добродушный сын-шалун ведет себя, когда он желает выпросить что-нибудь у своего отца. Я, разумеется, удовлетворял его просьбы, и мы оба хохотали и дурачились. Я с каждым днем замечал, что он все больше и больше ценит меня и уважает меня, и это льстило моему самолюбию. Чем дольше мы жили вместе, тем любезнее он со мной обращался, и теперь уже его обращение со мной было не столько фамильярно, сколько дружественно. Порою эта внезапная дружба ко мне человека, который раньше меня терпеть не мог, возбуждала мое подозрение, но я долго не останавливался на этой мысли и очень скоро успокаивался.

Мастер Баллантрэ очень редко уезжал из дому, и когда его приглашали в гости, большей частью отказывался от этих приглашений и оставался дома.

– Нет, – говорил он, – мне неохота ехать куда бы то ни было. Что мне делать с этими тупоумными вельможами? Лучше я останусь дома, и мы с вами, Маккеллар, разопьем бутылочку вина и поболтаем по душам.

Он очень часто выражал сожаление по поводу того, что раньше обращался со мной недостаточно любезно и не умел ценить меня по достоинству.

– Видите ли, – говорил он мне, – все это происходило оттого, что вы стояли на стороне моих врагов. Положим, что вы и теперь держите все ту же сторону. Но что об этом говорить! Не стоит. Мы были бы с вами самыми лучшими друзьями, если бы вы не были таким ярым приверженцем моего брата.

Ты согласишься со мной, мой благосклонный читатель, что с моей стороны было весьма естественно, что я поддался ласкам и любезностям этого человека. Я вообразил, что за последние годы он несколько изменился, хотя и довольно поздно, но все-таки оценил мои заслуги и понял, что раньше он относился ко мне несправедливо. Все это я думал, и мысли эти успокаивали меня, когда в мою душу закрадывалось подозрение. Я был теперь уверен, что мастер Баллантрэ не имеет никаких злых намерений, и меньше наблюдал за ним, чем прежде. Не думай, мой читатель, что я желаю оправдаться перед тобой, наивность моя заслуживает полнейшего порицания, но я говорю это только для того, чтобы объяснить тебе, почему я на некоторое время перестал быть сторожевой собакой и как бы заснул. Но спать мне пришлось недолго; меня разбудили, и когда я очнулся, то, к сожалению, убедился, что слишком долго проспал.

Дело в том, что я обращал слишком мало внимания на индуса, на друга мастера Баллантрэ. Он свободно разгуливал себе по всему дому, своими тихими, неслышными шагами приходил то в одну комнату, то в другую, и всегда находился именно там, где я никак не ожидал его встретить. Когда я подходил к нему, он принимал обыкновенно крайне невинный вид, а когда я обращался к нему с вопросом, делал такое изумленное лицо, как будто он не понимал, что я говорю, или же просто, взглянув на меня с удивлением, низко кланялся и поспешно убегал оттуда, где я его заставлял. С мастером Баллантрэ он не говорил иначе, как на своем родном языке, и поэтому я был уверен, что он по-английски совсем не умеет говорить. Он казался мне таким спокойным, робким и даже безобидным, что я предоставлял ему гулять по дому сколько

ему было угодно, и даже чувствовал к нему сожаление за то, что он, словно изгнанник, живет в чужой стране.

Но, как оказалось, Секундра Дасс отлично понимал английский язык и в то время, как я его нисколько не боялся и воображал, что он по-английски не смыслит, он подслушивал, что я говорил, и, очевидно, выведал секрет, куда уехал лорд Генри, который я так тщательно хранил.

Когда я узнал о том, что мастеру Баллантрэ известно, куда уехал милорд, меня это известие поразило словно громом. Это случилось следующим образом.

В дождливый, бурный вечер мы после ужина, как обычно, сидели и болтали веселее, чем когда-либо, когда мастер Баллантрэ вдруг сказал:

– Болтать тут с вами чрезвычайно приятно, но лучше, если мы займемся теперь укладкой наших вещей.

– Как так? – спросил я. – Разве вы уезжаете?

– Я надеюсь, что мы все уедем завтра, – ответил мастер Баллантрэ. – Сначала в Глазго, а оттуда в нью-йоркскую провинцию.

Насколько мне помнится, я громко застонал.

– Да-с, вот оно как! – сказал мастер Баллантрэ. – Стало быть, мы едем. Я похвастался, думал, что мне в неделю удастся вывести адрес моего братца, а между тем это дело взяло у меня двадцать дней. Но это ничего, если я потерял время на отыскивание адреса, зато я постараюсь избрать теперь самый короткий путь и приехать к моему братцу как можно скорее.

– Да разве у вас есть деньги на дорогу? – спросил я.

– Дорогой и гениальный Маккеллар, есть, разумеется, есть, – сказал он. – В то время, как я каждый день по шиллингу выпрашивал у своего «папеньки» Маккелл-лара, я запасся необходимыми средствами для своего путешествия. Если вы хотите ехать с нами, то можете сами платить за себя; у меня хватит денег только, чтобы заплатить за Секундру и за себя, а уж вы берите деньги, откуда хотите. Лишних средств у меня нет. В нашем экипаже, который приедет завтра за нами, есть одно место, рядом с кучером, которое я могу предоставить в ваше распоряжение за весьма умеренную плату, и в таком случае весь наш зверинец может ехать вместе: сторожевой пес, обезьяна и тигр.

– Я поеду с вами, – сказал я.

– Я так и думал, – сказал мастер Баллантрэ. – Вы были свидетелем моей неудачи, и вы будете теперь свидетелем моей победы. Я пригласил вас с собой, но не взыщите, если вы под дождем вымокнете до костей.

– Вы пригласили меня ехать с собой, потому что вы пожелали это сделать, больше ничего, и потому что вам трудно было бы уехать без моего ведома, – сказал я.

– Положим, что так, – ответил он. – Вы, как обыкновенно, правильно рассудили. Вы знаете, что я никогда не борюсь против того, чего изменить нельзя, и мирюсь с необходимостью.

– Мне кажется, что отговаривать вас ехать не стоит, это все равно ни к чему не приведет? – спросил я.

– Ровно ни к чему, – ответил он.

– Но, быть может, вы дадите мне время написать милорду... – начал было я.

– И какой, по вашему мнению, последует ответ? – спросил он.

– Да, – сказал я, – вот в этом-то и вся задача.

– Вы видите сами, – сказал мастер Баллантрэ, – что самое умное, что я сделаю, это если я отправлюсь в нью-йоркскую провинцию сам. Да и что говорить об этом! Завтра в семь часов утра экипаж будет стоять у ворот и мы отправимся в путь. Не думайте, что я, как это делают «некоторые люди», велю экипажу ждать меня где-нибудь, ну, положим, на том месте, которое носит название «Орлы», и что я боковыми дорожками стану пробираться к нему; о, нет, я выйду из подъезда и преспокойно усядусь в карету.

Я теперь окончательно рассудил, что мне нужно делать.

– Можете вы подождать меня четверть часа в карете, когда мы приедем в С.-Брайд? – спросил я. – Мне необходимо переговорить с мистером Карлайлем.

– Даже целый час, если вам угодно, – сказал он. – Я понимаю, что вам нужны деньги для путешествия, так как на меня вам нечего рассчитывать, и поэтому не мешаю вам устраивать ваши дела. Вы отлично можете доехать до Глазго верхом.

– Ну, и отлично, – сказал я. – Я никогда не думал, что мне придется уехать из Шотландии.

– Ничего, если вы будете тосковать по родине, так я вас развеселю, – сказал он.

– Мне думается, что путешествие это будет весьма неудачное, – сказал я. – У меня предчувствие, что именно для вас оно скверно кончится.

– Вы можете предсказывать, что вам угодно, я вам не мешаю, – сказал он, – но верить вашим предсказаниям я не намерен.

В эту минуту со стороны Сольвейского залива подул сильный ветер, и крупные капли дождя застучали прямо в окно.

– Знаете ли вы, что предсказывает нам этот ветер? – поддразнил меня мастер Баллантрэ. – Он предсказывает, что некий Маккеллар будет чрезвычайно сильно страдать от морской болезни.

Я ушел к себе в комнату, но я находился в таком возбужденном состоянии, что у меня не было даже и желания спать. Я зажег свечу и сел возле окна. Ветер так завывал и был до такой степени силен, что, несмотря на то, что дом был каменный, он порою даже дрожал; ветер, по-видимому, старался или вырвать оконную раму или сорвать крышу, но, во всяком случае, причинить дому какой-нибудь вред. И в то время, как я сидел и прислушивался к его гулу, мне делалось жутко, и мне в голову приходили такие страшные мысли, что волосы у меня становились дыбом. Я представлял себе несчастного Александра совсем развращенным ребенком, моего патрона – мертвым, или еще хуже чем мертвым, семейный очаг его разрушенным, а миледи Генри повергнутой в отчаяние. Все это, несмотря на то, что на улице было совершенно темно, я, глядя в окно, ясно видел, и в то время как я несказанно мучился этими видениями, ветер все завывал и как бы смеялся над моей бездеятельностью.

Глава IX

Путешествие мистера Маккеллара с мастером Баллантрэ

Туман был необыкновенно сильный, когда на следующий день экипаж подъехал к нашему дому. Мы молча уселись в карету. В доме лорда Деррисдира ставни были еще закрыты, и это производило крайне печальное впечатление. Когда мы отъехали от дома, мастер Баллантрэ выглянул из окна кареты и, устремив взор свой на мокрые стены и блестящую крышу дома, смотрел на дом, пока он не исчез в тумане. По всей вероятности, ему все-таки было неприятно, что ему пришлось покинуть дом своих предков, или, быть может, у него было предчувствие, что он его никогда больше не увидит? Когда мы вышли на некоторое время из кареты, потому что надо было подниматься в гору, и экипажу легче было подняться на нее без седоков, в то время, как мы по сырой, промокшей земле шли с мастером Баллантрэ рядом, он начал насвистывать, а затем напевать песню, носящую название «Странствующий Вилли», песню весьма трогательного содержания, доводившую многих людей до слез. Слова в песне он несколько изменил, – я слышал, по крайней мере, раньше совсем другие слова, – но мотив был мне знаком. Слова, которые Баллантрэ напевал в ту минуту, были вполне для нас подходящими.

Один стих начинался таким образом:

Отцовский дом, голубчик мой, так полон дорогих мне лиц,
Отцовский дом, о, друг ты мой, где в детстве был я счастлив.
Ныне, когда на землю свет упал.
Дом опустел, огонь потух в камине,
Нет больше никого, уж все исчезли,
Кто дорог был, кто верен был, кто мил был сердцу мне.

В то время, как мастер Баллантрэ напевал эту песню, я больше прислушивался к звуку его голоса, чем к словам, которые он произносил. Он пел негромко, но голос его так нежно ласкал ухо и так сильно затрагивал душу, что я невольно прослезился.

Мастер Баллантрэ взглянул на меня и, заметив, что у меня на глазах выступили слезы, окончив свою песню, спросил:

– Как вы думаете, Маккеллар, мучают меня когда-нибудь угрызения совести или нет?

– Да, я думаю, что мучают, – ответил я. – Не может быть, что вы настолько испорченный человек, что никогда не сожалеете о дурных поступках, которые вы совершили. Я думаю даже, что если бы вы только пожелали, вы могли бы отлично образумиться и стать еще очень хорошим человеком.

– Не думаю, не думаю, – ответил он. – Вы, по-моему, очень ошибаетесь. Да, впрочем, я этого и вовсе не желаю, мне это вовсе не интересно.

Но, несмотря на то, что он говорил равнодушным тоном, мне показалось, что он вздохнул, когда мы сели снова в карету.

В продолжение всего первого дня нашего путешествия погода была отвратительна, дождь не переставал лить, и туман окутывал всю местность густой пеленой. Нам приходилось ехать все время по крайне болотистой почве. Время от времени из болота до нас доносились крики болотных птиц. Порою я начинал дремать, но очень быстро просыпался, так как мне во сне тотчас представлялись различные страшные события. Так как почва была сырая и колеса экипажа с трудом вертелись, мы ехали медленно; я, сидя в своем углу, ясно слышал, как мои спутники бормотали на совершенно незнакомом мне языке, который производил на меня такое же

впечатление, как щебетанье птиц. Временами карета наша останавливалась, и мы выходили из нее, чтобы пройтись некоторое время пешком. Мастер Баллантрэ шел обыкновенно рядом со мной, но ни он, ни я не разговаривали.

Но находился ли я в сонном или же бодрствующем состоянии, мне постоянно представлялись страшные сцены, ожидавшие нас в будущем, когда мы приедем к милорду, и я никак не мог отвязаться от тяжелых дум, которые меня мучили.

Я отлично помню одну картину, которую рисовало мне мое воображение: я ясно представлял себе небольшую комнату, посреди комнаты стол, а за столом лорда Генри. Он подпер голову рукой и спокойно сидит за столом. Но вот вдруг он медленно встает и смотрит на меня таким печальным взглядом, который ясно говорит мне, что всякая надежда на счастье у него исчезла.

Эту картину я видел уже вполне ясно на стекле своего окна, в доме лорда, в ночь накануне своего отъезда, и эта картина представлялась мне почти в продолжение всего моего путешествия. Не было никакой возможности отвязаться от нее. Не думай, мой благосклонный читатель, что я находился в состоянии невменяемости в то время, как мне представлялась эта картина, о нет, умственные способности мои были совершенно в порядке и никогда еще не расстраивались, но, несмотря на это, вышеописанное видение положительно преследовало меня. Именно это, и почему именно это, я не знаю, так как кроме этой сцены, печальных сцен, в которых роль играл лорд Генри, я впоследствии видел много.

Было решено, не отдыхая, путешествовать всю ночь, и странно, что как только настали сумерки, я почувствовал себя гораздо бодрее и нравственно гораздо спокойнее. Не знаю, что повлияло на перемену моего настроения: большие светлые фонари, горевшие по бокам кареты и освещавшие нам путь, или же бойкие лошади, принявшиеся бежать скорее, как только зажгли фонари, или развеселившийся, как мне казалось, почталь, теперь с таким довольным видом подгонявший лошадей, или же наконец мне просто самому надоело находиться в таком меланхолическом настроении, в котором я находился чуть ли не целые сутки, но только я вдруг воспрянул духом.

Одним словом, я путешествовал теперь уже если и не с большим удовольствием, то, по крайней мере, без особенного отвращения и, посидев часок-другой спокойно в карете, я наконец заснул крепким и здоровым сном. Я могу судить о том, что я спал очень крепко, потому что когда я проснулся, я сразу не мог понять, где я и что вокруг меня делается. Проснулся же я оттого, что я громко повторил во сне следующую фразу.

«Отцовский дом, о, друг ты мой, где в детстве был я счастлив».

Странно, раньше, когда мастер Баллантрэ пел песню, в которой повторялись эти слова, на меня они не навели страха, теперь же, когда я вспомнил их, я в ту же минуту вспомнил и о маленьком Александре, и мне стало за него страшно. Я ясно предчувствовал, что мастер Баллантрэ намеревается устроить ему козни.

Мы приехали в Глазго, позавтракали в гостинице, а затем отправились на пристань, чтобы справиться, не отходит ли какой-нибудь корабль в Америку. Как оказалось, в гавани в это время был совершенно готовый к отплытию в плавание корабль, и мы поспешили занять места в каюте, а дня через два после этого привезли наши вещи на корабль и остались уже там.

«Нонсеч» был очень ветхий корабль и славился своими удачными плаваниями.

Но судну этому пора было бы уже на покой, по крайней мере, так мне говорили знакомые, которых я встретил в Глазго на улице. Даже и посторонние люди, стоявшие на набережной и смотревшие, как мы переносили наши вещи на корабль покачивали головами и уверяли, что если нас застигнет буря, то мы непременно потонем.

Так как все боялись пуститься в плавание на этом корабле, то оказалось, что кроме нас никаких пассажиров на корабле не было, и нам приходилось довольствоваться нашим скромным обществом, тем более, что капитан корабля, мистер Мак-Мертри, был очень неразговорчивый человек, а матросы крайне грубые и необразованные парни, стало быть, нам ни с одним посторонним лицом нельзя было перекинуться словом.

«Нонсеч» с попутным ветром вышел из реки Клайда и понесся затем по морским волнам. В продолжение целой недели погода была очаровательная и ветер был попутный, так что мы очень быстро шли вперед. Я, к великому своему удивлению, чувствовал себя на море как моряк, то есть в том отношении, что совершенно не страдал морской болезнью, но расположение духа у меня, несмотря на это, было сквернейшее. Происходило ли это от постоянного качания на волнах, оттого ли, что я чувствовал себя на корабле словно заключенный, лишенный свободы, или же это происходило оттого, что пища была мне не по вкусу, но только я в нравственном отношении чувствовал себя отвратительно.

По всей вероятности, этому много способствовало и то обстоятельство, что я находился день и ночь в обществе ненавистного мне мастера Баллантрэ. Боязнь и ненависть – это такие чувства, которые действуют не ободряющим, а угнетающим образом на душу человека; и то, и другое я испытывал к мастеру Баллантрэ, живя в доме лорда, а между тем эти чувства в то время не мешали мне ни есть, ни спать. Теперь же они отнимали у меня всякую охоту заняться чем бы то ни было, и никогда в жизни, ни раньше, ни позже, я, если можно так выразиться, не был до такой степени «пропитан» ими, как в то время, когда я находился на судне «Нонсеч».

Враг же мой, наоборот, во время нашего пребывания на корабле был в высшей степени любезен со мной и крайне терпеливо выносил все мои нелюбезные выходки. Он мог служить мне положительным примером, так вежливо и мило он вел себя. Он всячески старался меня занять и болтал со мной целыми часами; когда же я, без всякой церемонии, давал ему понять, что его болтовня мне надоела, он ложился во всю свою длину на палубу и принимался читать.

Книга, которую он читал, была знаменитым сочинением мистера Ричардсона, «Кларисса». Он временами, желая доставить мне удовольствие, предлагал мне прочесть несколько интересных мест вслух, и когда я соглашался на это, читал со смыслом и великолепно передавал мысль автора. Я, в свою очередь, предлагал ему прочесть что-нибудь из Библии – книги, составлявшей всю мою библиотеку. К своему стыду, я должен сознаться, что за последнее время очень неаккуратно читал Библию. Теперь же я вынул ее и начал ее читать. Он слушал, что я читаю, высказывался с большой похвалой о достоинствах этого великого произведения, порою брал Библию в руки и перелистывал ее, а затем возвращал мне ее снова. Но содержание Библии нисколько не затрагивало его души; он слушал совершенно равнодушно, как я читал ему про Давида, читал его покаянные псалмы, рассказы о жизни многострадальца Иова и описание жизни Исаяи, и ничуть не увлекался тем, что я ему читал. Он, по-видимому, слушал, что я ему читал, только для того, чтобы иметь какое-нибудь развлечение, точно так же, как он, без сомнения, стал бы меня слушать, если бы я вздумал поиграть ему на скрипке.

Внешний лоск, а при этом внутренняя пустота и бессердечность мастера Баллантрэ настолько неприятно действовали на меня, что я, изо дня в день находясь с ним вместе, начал чувствовать к нему положительное отвращение. Порою я настолько терял хладнокровие, что, когда он начинал разговаривать со мной, я прямо грубо кричал на него, а порою, когда он подходил ко мне, отскакивал от него как от привидения. Я смотрел на него как на человека, на котором надета маска, и знал, что если бы можно было стянуть с него эту маску, то он предстал бы перед нами в крайне неприглядном виде. Мне присутствие мастера Баллантрэ сделалось до такой степени противно, что я чувствовал нечто вроде лихорадки, когда он подходил ко мне. Были дни, в которые я готов был закричать при его приближении, а были и такие, в которые я должен был удерживаться, чтобы не ударить его.

Я положительно сам удивлялся тому, какой страх внушал мне теперь мастер Баллантрэ, и какую ненависть я питал к нему. Если бы кто-нибудь сказал мне в то время, как я жил с ним три недели в Деррисдире, что я когда-нибудь стану его снова бояться, то я прямо засмеялся бы тому человеку в лицо, до такой степени мирно мы жили с ним и в таких хороших отношениях мы тогда находились.

Не знаю, замечал ли мастер Баллантрэ, что я питаю к нему страх и отвращение, мне трудно это решить, так как он не подавал виду, что замечает это, но я знаю, что он был необыкновенно сметлив и умен, и поэтому предполагаю, что мое странное поведение должно было бросаться ему в глаза. Несмотря на это, он все-таки продолжал беседовать со мной и, как я уверен, только по той причине, что ему было скучно, и что у него никого, кроме меня и кроме индийца, не было, с кем бы он мог разговаривать. Он страшно любил говорить, он знал, что он красноречив, и ему доставляло удовольствие слушать самого себя, и он во что бы то ни стало желал блистать своими качествами перед кем бы то ни было. Его самообожание доходило до того, что он, восторгаясь самим собой, не замечал даже, что никто не обращает на него внимания. Когда ему хотелось блеснуть своим красноречием и я ясно показывал ему, что мне надоело его слушать, он, несколько не смущаясь, уходил болтать со шкипером, и хотя тот несколько не интересовался тем, что ему говорил мастер Баллантрэ, и, от скуки болтая ногами и руками, отвечал ему на его речи лишь недовольным: «гм» или «н-да», Баллантрэ целыми часами стоял перед ним и занимал его своими разговорами.

Во вторую неделю нашего плавания погода изменилась. Море начало волноваться. Наш корабль, выстроенный на старинный лад и очень плохо нагруженный, страшно качался, и волны то поднимали, то бросали его вниз с такой силой, что шкипер боялся за то, чтобы мачты не сломались на нем, а я начал труситься за свою жизнь. Мы теперь двигались крайне медленно. Экипаж корабля пришел в самое скверное расположение духа. Капитан целые дни кричал на матросов, а матросы в ответ ворчали. Капитан ругался, а матросы отвечали ему дерзко, так что не проходило дня, чтобы между ними не происходили неприятности, кончавшиеся обыкновенно кулачной расправой. Были дни, когда матросы отказывались исполнять свои обязанности, и нам два раза пришлось даже пригрозить им оружием (я в первый раз в жизни носил при себе оружие), так как мы боялись, чтобы они не устроили мятеж.

Но вот поднялся такой страшный ураган, что мы были уверены в том, что корабль наш пойдет ко дну. Я с полудня одного дня и вплоть до вечера следующего пролежал в каюте; Баллантрэ лежал на палубе, равно как и Секундра Дасс, который съел сначала какую-то дрянь, а затем в бесчувственном состоянии упал на пол. Таким образом, я в продолжение суток находился в полном одиночестве и мог отдохнуть от общества надоевшего мне мастера Баллантрэ.

Сначала я чувствовал непреодолимый страх за жизнь, но затем чувства мои словно отупели. Спустя некоторое время после того, как я спокойно полежал, я начал даже испытывать некоторое удовольствие в том, что корабль наш трепало волнами. Мне пришло в голову, что если корабль пойдет ко дну, то ведь и враг лорда Генри утонет. Мастера Баллантрэ, в таком случае, не будет больше на свете, он погибнет, и лорд Генри навсегда избавится от своего врага. Я без всякого страха думал о том, что корабль, на котором я нахожусь, потонет, что волны затопят каюту, в которой я лежу, и что мне придется тонуть, так как вместе со мной должен погибнуть и враг моего патрона, и он навсегда освободится от него.

Около полудня следующего дня ураган начал утихать, а мне стало ясно, что буря успокаивается, и что в настоящее время нам не грозит уже больше опасность. Когда я убедился в этом, я пришел в некоторое уныние: я был настолько эгоистичен, что забыл даже о том, что кроме меня и мастера Баллантрэ есть еще и другие люди на корабле, забыл о матросах, пливших вместе с нами. Все мои мысли были исключительно направлены на мастера Баллантрэ. Я был крайне удручен той мыслью, что жизни его уже не грозит теперь опасность, и что он не погибнет.

Я готов был умереть, если бы только вместе со мной погиб и он. Меня жизнь не прельщала; я был человек уже не первой молодости, светские удовольствия меня мало интересовали, любить я, кроме лорда и его семьи, никого не любил, мною также решительно никто особенно не интересовался, стало быть, не все ли равно, погибну ли я в Атлантическом океане или же я проскриплю еще известное число лет и затем умру после какой-нибудь болезни в постели.

Я бросился в каюте на колени и в то время, как ураган все еще, хотя и не с такой силой, но свирепствовал, начал громко молиться:

– О, Боже мой, – молился я, – если бы я был более храбрый человек, то я, быть может, давно бы убил этого вредного человека, но с самого рождения я был трусом. О, Боже мой, Ты не дал мне храбрости, Ты знаешь, что я трус, и знаешь, что до этой поры я с ужасом думал о том, что я умру. Но вот теперь я готов умереть, я отдаю свою жизнь охотно. Возьми мою жизнь, о, Боже мой, возьми ее и жизнь нашего врага, дай умереть мне и ему и спаси невинного страдальца!

Я в точности не помню теперь слов, с которыми я обратился к Богу, но знаю только, что умолял Его услышать мою просьбу, кажется, приблизительно в этих словах. Но Господь все не исполнял моей просьбы, и я все еще находился в удрученном состоянии и время от времени снова начинал просить Бога услышать меня, когда кто-то отодвинул засмоленную парусину от окна каюты, и солнечный луч проник в нее.

Я страшно сконфузился и вскочил на ноги, но едва в силах был стоять, так плохо я себя чувствовал, и до такой степени ноги мои дрожали. Секундра Дасс, находившийся теперь в совершенно бодром состоянии, стоял неподалеку от меня в углу и смотрел на меня диким взглядом, а капитан корабля через открытый люк каюты благодарил меня за то, что я молился и вымолил ему и его экипажу спасение.

– Это вы, вы спасли наш корабль, мистер Маккеллар, – сказал он. – Никто, кроме одного Бога, не мог спасти нас от гибели. Он, Господь, спас нас, а вы вымолили у Него наше спасение.

Я крайне смутился, услышав эти слова капитана, указывавшие на то, что он не слышал, о чем я молился, а вскоре был очень удивлен поведением индуса, начавшего обращаться со мной изысканно любезно. Не знаю, что ему удалось слышать из слов моей молитвы, и что он понял из того, что я повторял, но, во всяком случае, то, что он слышал, он в тот день передал мастеру Баллантрэ, в этом я убежден, потому что, не говоря уже о том, что Баллантрэ в продолжение всего этого дня поглядывал на меня каким-то странным взглядом и при этом иронически улыбался, к вечеру того же достопримечательного дня он в разговоре со мной заметил:

– Да, да, Маккеллар, человек иногда считает себя трусом, а на самом деле это вовсе неправда, а бывает и так, что он считает себя замечательным христианином, а это совершенно неверно.

Он, быть может, и не подозревал, насколько было справедливо то, что он говорил, потому что, к стыду своему, я должен сознаться, что желание, чтобы мастер Баллантрэ погиб, преследовало меня теперь день и ночь, а это было отнюдь не доброе желание христианина; желание это усиливалось во мне с каждым днем, и оно привело меня к весьма дурному поступку с моей стороны, о котором я тотчас расскажу, так как считаю бесчестным рассказывать о дурных поступках других людей и скрывать свои собственные.

Ветер утих, но море не переставало волноваться. Наш «Нонсеч» так и качался на волнах, и волны играли им словно мячиком; наступил следующий день, и тот прошел, и наступил еще день, но в нашем положении никаких перемен не произошло. По палубе корабля невозможно было ходить, даже такие матросы, которые были опытны и много лет участвовали в плаваниях, не могли устоять на ногах; один из них даже упал и сильно ушибся. Корабль скрипел, все снасти и мачты трещали, а большой колокол, висевший возле битенгов, ни на минуту не переставал звенеть самым печальным образом.

В один из таких дней мы с мастером Баллантрэ сидели на корме совершенно одни. Корма корабля так и поднималась. Вокруг марса были устроены значительных размеров бульварки, которые, спускаясь по обе стороны передней его части, на старинный лад, соединялись со шкафутом. Бульварки эти, на мой взгляд, были устроены скорее с целью украсить корабль, чем с практической целью, хотя, быть может, находясь на самой возвышенной части корабля, на корме, они и приносили известную пользу. Вот в этом месте, где находились бульварки, мы и сидели; ноги мои болтались, и, чтобы не упасть во время качки, я придерживался рукой за решетчатый люк каюты, так как находил, что та позиция, которую мы занимали, была довольно опасная, тем более что, глядя на мастера Баллантрэ, стоявшего между бульварками, я мог наблюдать за тем, как его качало во все стороны. Прямо на него солнце бросало свои лучи, и тень его фигуры падала на другую сторону кормы. Он ежеминутно то поднимался вместе с кормой кверху, то опускался вниз, и волны у корабля высоко поднимались над ним и, казалось, тотчас готовы были смыть его с того места, где он стоял. Я смотрел на то, как он качался, и не спускал с него глаз, подобно тому, как птицы смотрят на красивую змею, извивающуюся перед ними. В то время, как я смотрел на Баллантрэ, до моего слуха доносился различного рода шум. Корабль наш на всех парусах несся по волнам, и мачты трещали и скрипели, а морские волны производили такой шум, что мне казалось, что я нахожусь на фабрике, а не на корабле.

Мы с мастером Баллантрэ разговаривали о мятеже, который чуть-чуть было не устроили матросы, и, как только мы кончили говорить об этом, Баллантрэ предложил мне выслушать весьма интересный рассказ, который он хотел мне сообщить. Рассказ этот снова служил мне доказательством, насколько мастер Баллантрэ был умен и до какой степени он был нравственно испорчен. Рассказ этот произвел на меня очень сильное впечатление. Быть может, это происходило и оттого, что обстановка, при которой он рассказывал, была в высшей степени оригинальна, – ветер выл, корабль скрипел, а сам рассказчик ежеминутно то поднимался над моей головой, то находился у моих ног, но только он произвел на меня сильное и вместе с тем странное впечатление.

– У меня был друг граф, – начал свой рассказ мастер Баллантрэ, – который возненавидел своего знакомого, немецкого барона, проживавшего некоторое время в Риме, равно как и он сам. Не стоит говорить о том, вследствие какой причины граф возненавидел барона, главное дело в том, что граф во что бы то ни стало желал отомстить барону за ту обиду, которую тот ему нанес. Но это намерение он держал в строжайшем секрете, так как отлично знал, что ему только в таком случае удастся исполнить свое намерение, если барон не будет подозревать, что ему грозит опасность. Граф был человек умный и самолюбивый; когда он задавался какой-нибудь целью, то он доводил ее обыкновенно до конца, а когда он брался за какое-нибудь дело, то он исполнял его в совершенстве; никакими средствами для достижения своей цели он обыкновенно не пренебрегал.

Однажды граф, проезжая верхом по окрестностям Рима, заехал в несколько отдаленную местность и очутился на незнакомой ему дороге. По одну сторону дороги, по которой граф проезжал, была древняя могила римлян, а по другую – стоял пустой дом, окруженный садом из вечнозеленых растений. Вслед затем, проехав немного дальше, граф очутился среди целой груды развалин, посреди которых он увидел большую отворенную дверь, а неподалеку оттуда, у подошвы одного холма, невысокую сосну, вышиной с смородиновый куст. Место это было чрезвычайно пустынное и вполне безлюдное, и какой-то тайный голос подсказывал графу, что он попал сюда не напрасно, и что место может пригодиться ему для достижения той цели, которую он себе задал. Он привязал лошадь к сосне, вынул из кармана кремень и сталь, чтобы зажечь свет, когда понадобится, и вошел в отворенную дверь развалины. Дверь эта вела в длинный каменный коридор, разделившийся затем на два: один из них вел направо, другой – налево. Граф пошел направо и медленно, впотымах стал пробираться все дальше и дальше вперед, пока наконец на пути у него не встала какая-то преграда вышиной с аршин и занимавшая довольно

большое место в коридоре. Граф ногой ощупал камень, а затем, протянув ногу дальше, убедился, что дальше идет пустое пространство. Любопытство его было задето, и он, подняв с полу какую-то наполовину сгнившую палку, зажег ее, чтобы иметь свет.

Как раз перед собой он увидел глубокий колодец. По всей вероятности, из этого колодца некогда брали воду крестьяне, жившие поблизости; и вот колодец и был преградой, не дававшей графу возможности идти дальше.

Граф некоторое время постоял, прислонившись к краю колодца, и смотрел вниз, в глубину. Стоило только взглянуть на этот колодец, чтобы убедиться в том, что его выстроили римляне. Он, казалось, был выстроен так прочно и крепко, что должен был простоять целые века невредимым: бока колодца и края его казались настолько крепкими, что они никогда не разрушатся. Кроме того, он был настолько глубок, что если бы кто-нибудь упал в него, выбраться ему отсюда уже не было никакой возможности.

– Интересно знать, зачем я попал сюда? – подумал граф. – С какой стати? Что я приобрел тем, что очутился здесь? Какой мне интерес рассматривать этот колодец?

Но в ту минуту, как граф подумал это, края колодца вдруг подались вперед, и граф чуть-чуть было не провалился в колодец. Он на секунду был на краю гибели. Сделав шаг назад, чтобы спастись, граф нечаянно потушил свой факел, так что он остался совершенно впотьмах, и потухший факел вместо света распространял лишь один дым.

– Что это, я пришел сюда, чтобы погибнуть? – спросил сам себя граф, содрогнувшись.

Но в ту же минуту весьма удачная мысль пришла ему в голову. Он на коленях подполз к колодцу, трогая руками пол и нарочно не вставая на ноги, боясь провалиться, дополз до самого колодца и начал ощупывать, есть ли на нем края. Как оказалось, только одна часть края колодца подалась вперед и еще не провалилась, а наполовину висела в воздухе. Граф соединил снова края колодца, так что кто не знал, что часть этого края может провалиться, как только к ней прислониться, мог думать, что края колодца совершенно целы. Соединив края колодца, граф ощупью вышел из катакомб, крайне довольный тем, что выбрался отсюда, где он испытал такой сильный страх.

На следующий день после этого граф, едучи верхом вместе с бароном по Корсо, сделал вид, будто он чем-то крайне встревожен. Барон, как граф и ожидал, тотчас осведомился насчет того, чем граф так сильно расстроен, и тот, как бы после некоторого колебания, сказал, что его расстроил странный сон, который он видел. Граф знал, что барон необыкновенно суеверный человек, хотя он это и отрицал, и на это суеверие граф главным образом и рассчитывал. Он и барон некоторое время болтали и шутили по этому поводу, а затем граф серьезно сказал своему спутнику, чтобы тот был в продолжение некоторого времени осторожен, так как сон, который он, граф, видел, касался его. Вы, Маккеллар, сами человек, и вы, конечно, знаете, что человеку обыкновенно интересно выведать именно то, что от него скрывают, и поэтому вместо того, чтобы прямо рассказать барону сон, граф начал всячески возбуждать его любопытство, но все медлил со своим рассказом.

– Не допытывайтесь знать то, что вам не следует, – сказал граф. – У меня предчувствие, что если вы узнаете мой сон, то для вас это будет худо.

Но так как барон не давал графу покоя и во что бы то ни стало желал знать, что приснилось графу, то последний наконец сказал:

– Так как вы не даете мне покоя, то я исполню ваше желание, но я предупреждаю вас, что если вследствие этого с вами что-нибудь случится, то я тут ни при чем. Вот что мне приснилось.

Мне снилось, будто я вижу, что вы едете верхом, – где это, в каком именно месте, я не помню, знаю только, что недалеко от Рима. По правую сторону от вас виднелась древняя могила, а по левую находился сад, в котором росли вечнозеленые растения. Мне помнится, что я начал кричать, чтобы вы не ехали дальше, но не знаю, слышали ли вы, что я вас зову, или нет, но только вы ехали все дальше вперед. Таким образом, вы приехали в весьма пустынную

местность, в которой было множество развалин. В одной из развалин была отпертая дверь, а неподалеку от нее стояла небольшая сосна. Вы сошли с лошади (в это время я все звал вас, чтобы вы вернулись), привязали лошадь к сосне и смело вошли в дверь развалины.

В коридоре, в котором вы после этого очутились, было очень темно, но, несмотря на это, я во сне все-таки мог вас видеть и все время, следуя за вами, кричал, чтобы вы вернулись обратно. Вы шли некоторое время прямо вперед, а затем повернули направо и дошли до места, в котором находился колодец. Когда я увидел, как вы подходите к этому колодцу, я принялся кричать, размахивая руками, и звать вас, чтобы вы вернулись; наконец я принялся чуть ли не слезно упрашивать вас послушаться меня и отойти от колодца. Я кричал вам, что вы сами идете на гибель, да, я помню, что именно это были мои слова. Я не знаю, почему мне во сне казалось, что вы погибнете, когда подойдете к колодцу, но только я ясно помню, что это было так. Но, несмотря на все мои крики и предостережения, вы все-таки подошли к колодцу, прислонились к его краям и стали смотреть прямо на находившуюся в нем воду. Что с вами дальше случилось, я, в сущности, не помню, помню только, что я проснулся в страшном волнении и в слезах.

Ну-с, а теперь я от глубины души благодарен вам за то, что вы настояли на том, чтобы я рассказал вам сон. Сон этот, словно тяжесть, давил меня, а теперь, после того, как я рассказал его вам при дневном свете, он кажется мне вовсе не таким страшным.

– Не знаю, как вам сказать, – начал барон после того, как граф замолчал, – но мне кажется, что сон этот действительно странный. Вы сказали, что со мной что-то случилось, но вы не знаете что? Ну, да что говорить об этом. Ведь это только сон, и хотя и неприятный, но все же пустой сон. Я расскажу его нашим друзьям, и мы посмеемся над ним.

– Не советую вам смеяться и рассказывать о нем, – сказал граф. – Мне неприятно даже слышать о нем, и лучше всего было бы, если бы и вы, и я о нем забыли.

– Ну, как хотите, – ответил барон.

Спустя несколько дней после этого граф предложил барону проехаться с ним верхом по полям, и барон, не знавший, какую вражду к нему питал граф, а, напротив, воображавший, что он начинает питать к нему особенную привязанность, охотно согласился ехать с ним. Когда они находились на обратном пути в Рим, граф незаметным образом устроил так, что они очутились на дороге, ведущей к развалинам. Но вдруг он подтянул поводья лошади, закрыл рукой глаза и громко закричал.

Когда он отнял руку от лица, оно было совершенно бледное, как полотно. Граф был очень хороший актер, и когда нужно было, мог даже бледнеть.

– Что с вами, что с вами случилось? – спросил барон.

– Ничего, – ответил граф, – я сам не знаю, что. Мне что-то пригрезилось. Поедемте скорее обратно в Рим.

Но в то время, как они возвращались, барон заметил, что по одну сторону дороги, неподалеку оттуда, где они находились, была древняя могила, а по другую – сад, в котором росли вечнозеленые растения.

– О, ради Бога, поедemте скорее домой, – сказал граф, делая вид, что он дрожит, – скорее обратно в Рим и домой. Там я тотчас улягусь в постель.

– Да, поедemте скорее обратно в Рим, – сказал барон изменившимся вдруг голосом. – Мне кажется, что вы не совсем здоровы.

На обратном пути никто из них больше не разговаривал, и они молча отправились каждый к себе домой. Граф тотчас улегся в постель и, распустив слух, что он захворал местной лихорадкой, пролежал в ней несколько дней.

На следующий же день после того, как граф слег в постель, лошадь барона нашли привязанной к сосне, но о нем с той поры никто ничего не слышал.

– Ну-с, а теперь скажите-ка мне ваше мнение, – спросил мастер Баллантрэ, окончив свой рассказ, – граф убийца или нет?

– А вы уверены в том, что это был граф? – спросил я.

– В точности я не могу вам это сказать, – ответил мастер Баллантрэ, – но я знаю только, что он был аристократ. Не правда ли, какой это хитрый человек? Желаю вам, Маккеллар, чтобы Бог не допустил вам иметь такого хитрого врага!

Он все по-прежнему занимался своими эквилибристическими упражнениями, и то взлетал вверх, то сразу опускался вниз. Последние слова он сказал, взлетая вверх, и тотчас после этого он снова очутился у моих ног.

Я смотрел на то, как он качался предо мной, и почувствовал, как у меня от того начала кружиться голова, а затем мне казалось, что она сделалась пустая, и я, находясь в каком-то полупьяном состоянии, спросил:

– И граф очень ненавидел барона?

– О, да, у него даже мороз пробежал по коже, когда тот приближался к нему, – ответил мастер Баллантрэ.

– Я могу это понять, я сам испытывал такого рода чувство, – сказал я.

– В самом деле? – воскликнул мастер Баллантрэ. – Это для меня новость. Не знаю, могу ли я льстить себя мыслью, что тот, к кому вы питаете такого рода неблагоприятные чувства, именно я, но мне кажется, что это так. Это я, не так ли?

Он теперь уже не стоял, а перекинув одну ногу на другую и скрестив руки, уселся в крайне грациозной, но вместе с тем и опасной позе на борт корабля. Каким образом он, не теряя равновесия, мог спокойно качаться, я даже не мог понять.

Когда я увидел, в какой опасной позе сидит мастер Баллантрэ, я словно одурел от желания, чтобы он свалился. И вот мне вдруг снова показалось, что я вижу перед собой милорда сидящим возле стола и поддерживающим голову руками, затем он поднял ее и с укором взглянул на меня. Слова, которые я произнес во время моей молитвы, пришли мне в голову: «Если бы я был более храбрый человек, то я, быть может, давно бы убил этого злого врага». Я собрал всю свою энергию, и в то время как корабль опустился, и в этот раз довольно низко, я толкнул своего врага ногой. Но мой гадкий поступок ни к чему не привел. Не знаю, произошло ли это оттого, что у меня не хватило решимости толкнуть его сильно, или же он был настолько хитер, что заметил мое движение, но только в ту же минуту, как я дотронулся до него ногой, он быстро вскочил на ноги и схватился рукой за штаг.

Мучимый угрызениями совести и в ужасе от страшного поступка, который я совершил, я бросился на палубу во всю свою длину и лежал там, словно убитый, в то время как мастер Баллантрэ стоял между бульварками, куда он отскочил, и, держась за штаг, смотрел на меня каким-то странным взглядом. Не знаю, сколько времени я пролежал, а он простоял в этой позе, но только он первый начал говорить.

– Маккеллар, – сказал он, – я не стану упрекать вас за то, что вы сделали, но я намерен заключить с вами условие. Что касается вас, то я уверен, что вы не желали бы, чтобы кто-нибудь узнал о том, что вы намеревались совершить преступление, а что касается меня, то я должен откровенно сказать вам, что мне крайне неприятно находиться изо дня в день с человеком, от которого я постоянно могу ждать, что он меня убьет. Поэтому обещайте мне, что вы... Впрочем, нет, теперь ничего не обещайте, вы находитесь в таком состоянии, что брать с вас слово в данную минуту нельзя, вы должны сначала успокоиться, иначе вы впоследствии можете поставить мне в укор, что я воспользовался тем, что вы были расстроены, и выманил у вас обещание. Я покидаю вас теперь, успокойтесь, а потом я предложу вам тот вопрос, который я намерен вам предложить.

Сказав это, он быстро и легко, словно белка, по лестнице спустился в каюту и исчез.

Приблизительно через полчаса после этого он снова вернулся ко мне.

Я все еще лежал на том же самом месте, где он меня оставил.

– Ну-с, – сказал он, – можете и желаете вы, как верующий христианин и как верный слуга моего брата, дать мне слово, что вы никогда не повторите покушения на мою жизнь?

– Да, я даю вам это слово.

– Потрудитесь дать мне руку и подтвердить то, что вы сказали.

– Извольте, вы имеете полное право это требовать, – ответил я.

И я подал ему руку и повторил свое обещание. Он снова уселся в той же опасной позе, в которой он сидел до того времени, как я его толкнул.

– Отойдите отсюда! – закричал я. – Я не могу видеть, что вы сидите в такой опасной позе и на таком опасном месте. Стоит только кораблю накрениться на бок, и вы свалитесь в воду.

– Вы удивительно непоследовательны, – сказал мастер Баллантрэ, улыбаясь, но между тем он встал и переменил место, а затем продолжал: – Знаете, что я вам скажу, Маккеллар? Вашим сегодняшним поступком вы необыкновенно выиграли в моих глазах. Вы думаете, что я не умею ценить в человеке преданность? Вы любите моего брата больше всего на свете, и ради него решились даже на преступление. Это доказывает, что вы человек преданный, а это я ценю. Как вы думаете, почему я таскаю повсюду с собой Секундру Дасса? Потому, что я знаю, что он до такой степени предан мне, что готов из-за меня совершить какое угодно преступление, и я люблю его за это. Быть может, вам это покажется странным, но после того, что вы хотели меня утопить, я питаю к вам несравненно больше уважения, чем прежде. Я думал, что вы настолько твердо усвоили себе десять заповедей, что не решитесь поступить против того, что в них сказано; но нет, я вижу, черт возьми, у этой старой бабы в жилах кровь течет. Из этого еще не следует, – продолжал он, улыбаясь, – что вы не должны держать слово, которое вы мне дали, о, нет, я требую, чтобы вы не изменяли ему, да, впрочем, вы, вероятно, и не измените ему уж единственно из гордости.

– О, да, разумеется, я вовсе не намерен изменять своему слову и прошу у вас прощения за то, что я решился покуситься на вашу жизнь. Я надеюсь, что Бог по Своей великой милости простит мне этот грех. Во всяком случае, слово свое я дал и сдержу его. Но когда я вспоминаю о том человеке, которого вы преследуете...

– Странное это чувство – любовь, и странные существа – люди, – сказал мастер Баллантрэ. – Вы воображаете, что вы любите моего брата. Я могу вас уверить, что вы скорее привыкли к нему. Вспомните-ка хорошенько: я уверен, что когда вы приехали в первый раз в Деррисдир, брат мой вам вовсе не понравился, и вы, наверно, решили, что это молодой человек, не отличающийся никакими выдающимися способностями, что это самый ординарный молодой человек. Он, разумеется, остался таким же ординарным, как и прежде, разница только в том, что он сделался теперь старше. Если бы вы случайно, вместо того, чтобы полюбить его, полюбили меня, то вы держали бы теперь мою сторону.

– Про вас ни в каком случае нельзя сказать, что вы человек ординарный, – ответил я. – И вы человек умный, хотя то, что вы только что сказали, не совсем умно. Вы верите моему слову, ну, и если вы верите ему, то верьте тому, что я говорю. Я никогда бы не мог полюбить вас по той причине, что мои нравственные принципы слишком резко противоположны вашим. Подобно тому, как я не могу смотреть на сильный свет, чтобы не закрыть глаза, точно также я не могу иметь дело с вами, если не заглушу заранее свою совесть.

– А, вот что! – сказал он. – Ну, да, видите ли, вы меня не поняли. Я говорю относительно того, что вы полюбили бы меня, если бы познакомились со мной в то время, когда я был еще юношей. Я не всегда был таким, какой я теперь, и, быть может, если бы у меня был в юности добрый друг, как, например, вы, который бы руководил мною, то я был бы совсем другим человеком.

– О, едва ли, мистер Балли, – сказал я. – Вы бы, по всей вероятности, подняли меня только на смех и больше ничего. Я уверен, что вы никогда и десятью вежливыми словами не перекинулись бы со старым подагриком.

Но он старался теперь всячески оправдаться и просил меня не вспоминать о прошедшем. Прежде, разговаривая со мной, он находил особенное удовольствие выставлять себя с дурной стороны, он как бы хвастался своей порочностью; теперь же, хотя он и не был настолько непоследователен, чтобы отрицать то, что он прежде говорил, он старался все-таки доказать, что он вовсе не такой дурной человек, каким он кажется.

– Я убедился в том, что вы не тряпка, а человек, и поэтому я поговорю с вами откровенно, – сказал он. – Прежде мне казалось, что с вами говорить не стоит, и поэтому я не брал на себя этот труд, но когда я удостоверился в том, что вы живое существо, я решил потолковать с вами по душам. Я также человек, и у меня также кроме недостатков есть и достоинства.

И после этого он начал излагать мне свою философию, которая показалась мне крайне скучной и на которую я ответил ему только одно:

– Бросьте ваше намерение и уезжайте вместе со мной обратно в Деррисдир, тогда я вам поверю.

Он покачал на эти слова головой и сказал:

– О, Маккеллар, мне кажется, что мы с вами будем жить тысячи лет вместе, и все-таки вы меня не поймете. Я решил отправиться в сражение, я долго думал о том, решиться мне идти или нет, и по зрелому обсуждению пустился в поход, и час, в который я оставил бы мысль бороться, еще не настал. Теперь уже двадцать лет, как между мной и моим братом происходит борьба. Она началась в ту минуту, когда мы бросили жребий, кому из нас идти на войну. То один, то другой из нас одерживает верх, но до сих пор ни один из нас не сдался, а что касается меня, то если я бросил кому-нибудь перчатку, то я уж буду сражаться и защищать свою честь до последней капли крови.

– Наплевать на вашу честь, – сказал я. – Вы ведете такой образ жизни, что ваши высокопарные выражения о чести не что иное, как пустые фразы. Вы придаете слишком много значения тому ничтожному вопросу, о котором идет речь. Весь вопрос сводится к тому, что вам нужны деньги, вот отсюда и ведет начало вся вражда, которую вы питаете к вашему брату. И ради достижения этой цели что вы собираетесь делать? Вы собираетесь нарушить покой мирно живущей семьи, которая не причинила вам никакого вреда, испортить нравственность вашего племянника и разбить сердце вашего родного брата. Из-за каких-нибудь несчастных шиллингов вы собираетесь дубиной хлопнуть беззащитного человека, и это вы называете «бороться до последней капли крови и защищать свою честь».

Мы часто рассуждали с ним по поводу этого вопроса, и каждый раз, когда я ему высказывал приблизительно то, о чем я только что упомянул, он смотрел на меня, как будто он не понимал, что я хотел сказать, и только улыбался. Один раз, впрочем, он пустился со мной в довольно продолжительную беседу по этому поводу и высказал весьма интересные лжемудрствования, которые стоит передать, чтобы ты, мой благосклонный читатель, получил полное понятие о характере этого человека.

– Вы, как человек не военный, воображаете, что для того, чтобы вести войну, надо бить в барабаны и носить знамя, – сказал он. – Война, как говорили древние, действительно *ultima ratio*, и поэтому вы воображаете, что только тогда, когда нам открыто объявили войну, мы должны отправиться воевать. Поймите, Маккеллар, как секретарь вы знаток своего дела и, быть может, как управляющий – насчет этого я не спорю; но в деле ведения войны вы ничего не понимаете.

– Я мало интересуюсь войной, и как ее вести, – ответил я, – и могу сказать вам только одно: вы напрасно защищаетесь. Что бы вы ни говорили, факт остается фактом, что ваш брат хороший человек, а вы – дурной.

– Если бы я был на месте Александра... – начал было мастер Баллантрэ.

– Вот этим способом мы сами себя обыкновенно надуваем! – воскликнул я. – Вы говорите, «если бы я был на месте Александра, то я поступал бы иначе», а я говорю: «Если бы я

был на месте Павла, то я сделал бы то или другое». Могу вас уверить, что будь я не Эффраим, а Павел, я поступал бы точно так же, как и теперь, в этом я убежден.

– А я могу вас уверить, – закричал он, перебивая меня, – что если бы я был каким-нибудь вождем диких племен или королем, положим, африканцев, то мои подданные, наверно, обожали бы меня. Я дурной человек?.. Это вздор! Я только рожден быть властелином. Спросите Секундру Дасса, пусть он скажет вам, как я обращаюсь с ним. Положительно, как с сыном. Сделайтесь завтра моим рабом, подчинитесь мне во всем, дайте мне владеть вами, как я владею своими членами, и вы не будете иметь больше повода жаловаться на меня. Отдайтесь мне вполне, то есть будьте мне преданным и любящим рабом, и я во сто раз сильнее буду любить вас. Я должен иметь все или ничего. Но то, что я получаю, я возвращаю сторицей. Если я родился быть властелином, то я и должен иметь власть. Уж у меня такая натура – тут делать нечего.

– По моему мнению, вам властвовать отнюдь нельзя, – ответил я. – Я бы скорее отдал власть в руки «тех людей», которых вы ненавидите.

– Как бы не так! – воскликнул он. – Но знаете что: я готов был бы даже оставить в покое «тех людей», к которым вы питаете такой особенный интерес, и не стал бы их трогать, а завтра же, уверяю вас, завтра же уехал с вами обратно и затем окунулся бы снова в тот омут, кишачий головорезами и обманщиками, который носит название «свет», да, говорю вам, я завтра же согласился бы отказаться от всякой мысли о мести, если бы только... если бы только...

– Если бы только что? – спросил я.

– Если бы только «они» на коленях попросили у меня пощады. Да, пощады. И непременно публично. В присутствии посторонних лиц. Не могу даже сказать наверно, Маккеллар, успокоился ли бы я тогда и не потребовал ли бы я еще большего унижения с «их» стороны для удовлетворения моего самолюбия.

– О, тщеславие, и какое пустое тщеславие, – сказал я. – Ваше злое желание причинить вред тому, кто вам не поддается, вытекает из того же источника, из которого вытекает стремление простой крестьянской девушки, воображающей, что она красива, и что она может поразить все сердца, а именно: из пустого тщеславия.

– Если вы воображаете, что вы вашими словами убедили меня в том, что я не прав, то вы ошибаетесь, – сказал он. – Вы называете меня тщеславным, а я считаю себя только гордым. И что же вы думаете, что вы не тщеславный человек? Вовсе нет. Вы как-то сказали мне, что вы уверены в том, что я доверяю вашей совести, и, как я заметил, вы гордитесь тем, что вам верят. Вы во что бы то ни стало желаете слыть за un homme de parole. В этом – ваша гордость. А я скажу, в этом ваше тщеславие. Не все ли равно, как мы назовем ваше стремление слыть за homme de parole, тщеславием ли, гордостью ли, это сути дела нисколько не меняет. У меня же стремление властвовать и побеждать, и это стремление вы можете назвать каким вам угодно названием – тщеславием, добродетелью или гордостью, одним словом, как хотите. Самое важное то, что у вас и у меня один и тот же импульс, заставляющий нас действовать так, как мы находим необходимым.

Мы с мастером Баллантрэ очень часто разговаривали таким образом, и разговаривали очень дружно. Мы вообще находились теперь в самых дружеских отношениях, в лучших, чем мы были в последнее время в Деррисдире. Несмотря на то, что мы часто спорили, между нами не только не возникало никакой ссоры, а, напротив, мы чувствовали друг к другу искреннюю привязанность.

Когда я вскоре после того, как буря улеглась, захворал, он сидел возле моей койки, занимал меня разговорами и давал мне лекарства, которые мне чрезвычайно помогали. И я принимал их совершенно спокойно, нисколько не боясь, что он даст мне что-нибудь вредное.

Он сам первый начал со мной разговор по поводу того, что я его не боюсь.

– Видите ли, – сказал он мне, – вы начинаете теперь лучше понимать меня и не бойтесь, что я, воспользовавшись тем, что я тут единственный, который понимает что-нибудь в лечении, угощу вас таким лекарством, от которого вы можете умереть. И обратите внимание, что я стараюсь вас вылечить, несмотря на то, что вы покушались на мою жизнь. А заметили ли вы, что именно с того дня, когда вы совершили ваш неблагоприятный поступок, я начал обращаться с вами гораздо лучше? А почему? Потому что я стал вас уважать за вашу энергию. Быть может, это покажется вам странным, но все-таки это так.

Я не знал, что ответить ему на эти слова, и поэтому промолчал.

Я должен сказать, что в то время я был глубоко убежден в том, что он чувствует ко мне известного рода симпатию, да даже теперь еще уверен в том, что в то время он был ко мне расположен, потому что он обращался со мной удивительно ласково.

Странный и весьма печальный факт! Как только мастер Баллантрэ начал обращаться со мной ласково, ненависть, которую я питал к нему, совершенно исчезла, я начал питать к нему даже искреннюю привязанность, и видение, в котором мне представлялся мой дорогой патрон и которое мне раньше так часто показывалось, совершенно исчезло, и я о нем даже забыл.

Я не могу не сознаться, что в словах, которые 2 июля того же года, в то время, как мы подплывали к Нью-Йорку, сказал мне мастер Баллантрэ, была доля правды. Мы под сильным дождем, совершенно неожиданно полившим после страшной жары, входили как раз в огромную гавань, и я стоял на корме корабля и смотрел на зеленые берега, к которым мы приближались все ближе и ближе, и на дымок, поднимавшийся из труб города, и как раз думал о том, как мне устроить таким образом, чтобы приехать к милорду раньше мастера Баллантрэ, когда последний подошел ко мне и, к моему великому удивлению, протянул мне руку.

– Я пришел, чтобы проститься с вами, – сказал он, – и теперь уже навсегда, так как теперь вы отправляетесь к моим врагам, и все ваши прежние предубеждения против меня снова проснутся в вашей душе. Теперь вы сами убедились, мой друг, – я в первый и в последний раз в жизни называю вас этим именем, – что если я только желаю, я могу завоевать расположение всякого, и теперь вы, наверно, составили себе совершенно иное понятие обо мне, чем вы имели до сих пор, и вы никогда не забудете того впечатления, которое я на вас произвел за последнее время нашего путешествия. Путешествие наше, к сожалению, продолжалось слишком короткое время, иначе я сумел бы начертить свой образ в вашей душе так глубоко, что он остался бы там навеки.

– Ну-с, а теперь дружба наша кончилась, и мы с вами снова враги. Но по этой маленькой интермедии между действиями нашей пьесы вы можете судить о том, какой я опасный человек. Передайте этим дуракам, – он указал рукой по направлению к городу, – чтобы они дважды и трижды обдумали, на что они решаются, раньше чем начать со мной борьбу.

Глава X

Пребывание в Нью-Йорке

Я упомянул уже о том, что я задался мыслью, каким образом мне убежать с корабля раньше, чем мастер Баллантрэ его покинет, чтобы явиться к милорду и предупредить его об угрожавшей ему опасности, и мне с помощью капитана Мак-Мертри удалось это сделать. В то время, как мастер Баллантрэ садился в лодку, спущенную с одной стороны корабля, я уселся в лодку, спущенную с другой, и тотчас отправился в путь, тогда как лодку, на которой находился враг милорда, еще нагружали.

Доехав до берега, я бегом бросился бежать в ту сторону, где, как мне было известно, находилось место жительства милорда. Он жил на окраине города, в очень приличном на вид каменном доме, с красивым садом, необыкновенно больших размеров житницей, хлевом для коров и конюшней для лошадей. Житница, хлев и конюшня были соединены в одно.

Я застал лорда как раз в том месте, где находились эти хозяйственные постройки, и это было не мудрено, так как он очень увлекся хозяйством и часто бывал именно там.

Я, с трудом переводя дыхание, подбежал к нему и поспешил передать ему новости, которые я знал, но которые в сущности не были уже для него новостями, так как другие корабли пришли из Шотландии в Нью-Йорк раньше, чем наш корабль, и письмо о том, что мы выехали, он уже получил.

– Мы поджидали вас уже давно, – сказал милорд, – и за последнее время даже уже перестали ждать вас. Я очень рад, что я могу снова позвать вашу руку, Маккеллар. Я уже беспокоился, не лежите ли вы на дне морском.

– О, милорд, было бы лучше, если бы я действительно лежал на дне морском, – сказал я, – для вас это было бы лучше.

– Вовсе нет, – ответил он сердитым голосом, – вы очень ошибаетесь. Я вовсе не боюсь нашествия моего врага и готов свести с ним какие угодно счеты, и теперь мне представляется полная возможность свести их.

Я вскрикнул даже от ужаса, когда лорд Генри с такой уверенностью выговорил эти слова.

– О, не беспокойтесь, – сказал лорд, – здесь не Деррисдир, и я принял всевозможные предосторожности. Братец мой пользуется здесь весьма дурной репутацией, и я устрою ему такую встречу, какую он заслуживает. Мне совершенно случайно удалось встретиться с одним альбанским купцом, и тот передал мне, что моего брата подозревают в совершении убийства, в убийстве какого-то Чу, тоже альбанца. Никто из здешних жителей не удивится, если я не приму его. К моим детям я его не пущу, а жена моя даже не поклонится ему в ответ. Я же лично сделаю исключение для него, так как он мой брат, и переговорю с ним, если он пожелает. Да, я надеюсь, что разговор этот доставит мне даже некоторое удовольствие, – присовокупил он, потирая руки.

Тотчас после этого он написал несколько писем нью-йоркским вельможам, в которых он попросил их тотчас пожаловать к нему, и разослал с этими приглашениями прислугу. Я не знаю, какой предлог он выдумал, чтобы заставить их приехать, но только он достиг своей цели, и когда враг его появился на сцене, лорд сидел уже перед своим домом под тенью деревьев, и по одну сторону от него сидел губернатор, а по другую сидели знатные вельможи. Миледи сидела на веранде, но как только она увидела входящего в сад мастера Баллантрэ, она, с презрением взглянув на него, вместе с детьми ушла в дом.

Мастер Баллантрэ в чрезвычайно изящном костюме, с тросточкой в руке, вежливо поклонился сидевшему в саду обществу и фамильярно кивнул брату головой.

Милорд даже не ответил ему на поклон, а, сдвинув брови, сердито взглянул на него и сказал:

– Я желал бы знать, сэръ, что могло заставить вас явиться сюда, где, к сожалению, я должен заметить, вы пользуетесь такой отвратительной репутацией?

– Я прошу вас, милорд, не говорить мне колкостей, – ответил резким тоном мастер Баллантрэ, отступая от него.

– Я очень доволен, что мне представился случай поговорить с вами и выяснить ваше положение, – сказал лорд Генри. – Дома, где никто не знал, какая у вас дурная репутация, я мог еще для виду поддерживать с вами сношения, но тут, в этой провинции, в которой вас знают исключительно с дурной стороны, это невозможно, и я должен сказать вам, что я окончательно отрекаюсь от вас. Вы разорили меня, довели меня чуть не до состояния нищего, отца вашего вы также разорили и, что еще хуже, разбили его сердце. Хотя за преступления, которые вы совершили, вам до сих пор удалось избежать кары закона, но это еще не значит, что вам удастся устраивать мне здесь козни. Сам губернатор обещал мне защитить меня и мое семейство в случае, если бы вы вздумали интриговать против нас. Смотрите, сэръ, – закричал он, грозя ему тростью, которую он держал в руке, – если вы вздумаете проникнуть в мой дом и перекинуться хотя бы двумя словами с моей женой и моими невинными детьми, то вы будете привлечены к ответственности за гадкие поступки, которые вы совершили.

– А, вот как! – сказал мастер Баллантрэ. – Стал быть, вот какими преимуществами вы пользуетесь в чужой стране. Я вижу, что эти джентльмены, окружающие вас, незнакомы с нашими семейными делами. Они не знают, что настоящий лорд Деррисдир это я, они не знают, что вы мой младший брат, что вы жили в моем поместье, в моем доме, благодаря одному проклятому семейному условию, и они, вероятно, не знают, что Бог свидетель в том, что каждый крохотный участок земли поместья Деррисдир-Баллантрэ принадлежит мне и каждый пенни и шиллинг, которые вы мне выслали, мои. Я уверен, что если бы эти джентльмены знали все это, то они не стали бы сидеть тут с вами, беседовать с вами, так как поняли бы, что те средства, на которые вы живете, вы украли у меня. Я наследник поместья Деррисдир-Баллантрэ, а не вы и вы, присвоив себе то, что вам не принадлежит, вор, клятвопреступник и вероломный брат.

– Генерал Клинтон, – закричал я, – не верьте тому, что говорит этот человек: он лжет! Я секретарь милорда и управляющий его имением и знаю, что в том, что говорит мистер Балли, нет ни слова правды. Человек этот был сначала мятежником, а затем наемным шпионом. Вот и вся его биография в двух словах.

Под влиянием гнева я не сдержался и сказал прямо все, что я про него знал.

– Я знаю о вас больше, чем вы думаете, сударь, – сказал генерал Клинтон. – Мне известны ваши проделки в здешней провинции, и я советую вам удалиться отсюда и не заставляйте меня производить следствие относительно некоторых весьма подозрительных случаев. Куда, например, скажите мне, исчез некий альбанский купец Иаков Чу, и куда делись все его богатства? Не можете ли вы мне это объяснить? А затем, не можете ли вы мне также сказать, откуда вы взяли такую массу драгоценных камней и дорогих товаров, которые, как мне известно, были в ваших руках? Поверьте, что если я не назначаю судебного следствия по поводу исчезновения купца Чу и всех его богатств, так только по той причине, что вы брат моего уважаемого друга, лорда Деррисдира.

Среди вельмож, сидевших по левую сторону от лорда Генри, слышались одобрительные возгласы.

– Раньше чем приехать сюда, я должен был бы знать, что милорд здесь, в чужой стране, пожелает играть роль, – сказал мастер Баллантрэ, бледный как полотно. – Значит, мне ничего другого не остается, как лечь перед дверью моего брата и умереть, и пусть труп мой служит украшением его чудного сада.

– Бросьте ваше гаерство, – сказал милорд. – Вы отлично знаете, что я вовсе этого не желаю. Я желаю только защитить себя от вашей клеветы и очистить мой дом от вашего присутствия. Я предлагаю вам на выбор следующее: если вы желаете, то вы можете ехать обратно в Шотландию, я заплачу за ваш проезд, и вы можете заниматься там снова вашей «благородной» деятельностью или, если вы не желаете уезжать отсюда, вы можете оставаться здесь, в Америке, и заняться чем-нибудь. Я с трудом скопил для вас небольшую сумму денег; часть этих денег я буду выдавать вам ежемесячно, и вы можете начать какое-нибудь дело. Если вы до сих пор никогда еще не зарабатывали себе на хлеб, то это не доказывает, что вы не можете научиться этому теперь. Но во всяком случае, если вы желаете получать от меня пособие, то я ставлю вам условие не общаться ни с кем из моей семьи. Если вам нужно переговорить о чем-нибудь, так я разрешаю вам обращаться за этим ко мне.

Мастер Баллантрэ был страшно бледен, никогда в жизни не пришлось мне видеть такого бледного человека, каким он был в ту минуту, но, несмотря на это, он держался гордо, и губы его были крепко сжаты.

– Я подвергся весьма дерзкому приему, которого я вовсе не заслужил, – сказал он наконец – но, несмотря на это, вовсе не намерен бежать отсюда. Я принимаю пособие, которое вы мне предлагаете, и нисколько не стыжусь его принять, так как считаю, что деньги, которые вы намерены мне выдавать, мои собственные, и я имею на них такое же право, как, например, на каждую вещь вашего туалета, купленную вами опять-таки на *мои* же деньги. Я проживу здесь до тех пор, пока эти джентльмены поймут, что они ошиблись в своих суждениях обо мне. Во всяком случае, милорд, так как вы до такой степени дорожите репутацией нашей фамилии, то я считаю долгом предупредить вас, чтобы вы не были в претензии, если я изберу такой труд, который покажется вам недостаточно *comme il faut*.

– Мне решительно все равно, чем вы займетесь, – сказал милорд. – То, что вы сказали, не имеет для меня никакого значения, так как я изучил ваш характер и знаю, что это только фразы, так же точно как я вполне убежден, что если вы останетесь в Америке, то только потому, что вы надеетесь извлечь из этого выгоду. Во всяком случае, если вы займетесь каким-нибудь трудом, то это лучше, чем выманивать у меня деньги и быть за это еще неблагодарным.

– Вы, милорд, требуете благодарности! – сказал мастер Баллантрэ, возвысив голос и подняв указательный палец кверху. – Будьте покойны, моя благодарность еще впереди. А теперь позвольте мне раскланяться с этими джентльменами, которым, наверно, надоели наши семейные препирательства.

И он поклонился каждому джентльмену в отдельности и, быстро повернувшись, ушел, оставив всех в удивлении относительно своего поведения, в том числе и меня. Признаться, поведение милорда также немало удивило меня.

С этой поры лорд Генри и мастер Баллантрэ сделались окончательно чужими. Но, несмотря на то, что мастер Баллантрэ очутился в весьма неприятном положении, он и тут не потерялся и вовсе не оказался таким беспомощным, как думал милорд, когда ему пришлось трудом доставать себе хлеб. Главное, что ему помогло, это то, что он имел такого верного друга, как Секундра Дасс, который был необыкновенно искусный золотых дел мастер. При помощи средств, выданных милордом мастеру Баллантрэ, которые были отнюдь не малы, последний со своим другом мог безбедно существовать, и они могли даже откладывать деньги, которые зарабатывал Секундра Дасс, на черный день. Что они откладывали эти деньги, в этом нет сомнения. Мастер Баллантрэ имел намерение накопить большую сумму денег и затем отправиться в путь и отыскать сокровища, которые он зарыл в лесах во время своего странствования по Америке. Если бы он, задавшись этой целью, как можно скорее осуществил ее, то это было бы несравненно лучше как для него, так и для нас, но он этого не сделал, так как все его мысли главным образом были направлены на то, чтобы отомстить брату за прием, который тот ему устроил, и поэтому он медлил отправиться отыскивать свой клад.

Прием, который устроил ему брат, мастер Баллантрэ никак не мог забыть. Я уверен, что ему самому было удивительно, как он пережил свой позор и не умер на месте, когда в присутствии различных вельмож ему пришлось перенести такое презрительное обращение с ним. Он после перенесенного позора, чтобы не быть узнанным, готов был, кажется, как говорили древние, отрезать себе нос, и, по всей вероятности, утешал себя только мыслью, что ему удастся так же публично унижить милорда, как тот унижил его.

Он в одном из самых удаленных и бедных кварталов города нанял себе домик, вокруг которого росло несколько кустов акаций. В передней части дома было отверстие, которое дворян называть было нельзя, так как оно походило скорее на вход в собачью конуру. По всей вероятности, человек, строивший этот домик, был купец и хранил в этом помещении свои товары. Именно потому, что дом этот имел скорее сходство с собачьей конурой, чем с жилищем, пригодным для человека, мастер Баллантрэ нанял его, так как для цели, которую он преследовал, он был именно подходящий. Цель его была унижить брата и затоптать в грязь ту фамилию, которую они оба носили. В то время, как он был пиратом, он научился немного шить, и хотя и владел иголкой довольно плохо, мог все-таки владеть ею настолько, чтобы делать вид, что он умеет шить; он занялся шитьем и на своей «собачьей конуре» повесил следующую вывеску:

Джемс Дьюри,

бывший наследник имени Деррисдир-Баллантрэ.

Портной. Принимает заказы.

Секундра Дасс,

разорившийся индийский джентльмен.

Золотых дел мастер.

Получив заказ, мастер Баллантрэ садился наподобие портного – ноги крест-накрест – и принимался работать. Я сказал, что, «получив заказ, он работал». Но заказы по большей части получал не он, а Секундра Дасс, а так как мастер Баллантрэ работал больше только для виду, то работа его двигалась так же медленно, как в древние времена работа Пенелопы. Работая так, он не мог заработать даже столько денег, чтобы купить масла на хлеб, который заработал Секундра Дасс.

На вывеске его «конуры» красовалась крупными буквами фамилия Дьюри, а один из представителей этого знатного рода сидел, скрестив ноги, и работал иголкой, и это должно было служить укором для его брата, жившего как барин, а не как ремесленник.

Очень многие действительно начали даже коситься на лорда за его жестокосердие к брату, и во многих домах лорда очень осуждали за его равнодушие, но так как губернатор держал его сторону, то открыто об этом не говорили. Но миледи Генри, которая вообще и раньше не пользовалась особенной симпатией в Нью-Йорке, приходилось выслушивать теперь различные

злые намеки по поводу брата ее мужа, и это ей начало до такой степени надоедать, что она, вернувшись как-то красная и совершенно расстроенная из одного знакомого дома, решила больше не ходить в гости.

В то же время лорд преспокойно проживал в своем доме, занимался хозяйством, поддерживал знакомство с близкими и симпатичными ему людьми и не обращал ни малейшего внимания на толки по поводу его брата, ходившие по городу. Он полнел, имел очень довольный вид, и даже сильная жара, длившаяся крайне долго, не тяготила его. Его жена, несмотря на неприятности, которые ей причиняли толки по поводу ремесла, избранного себе братом ее мужа, каждый день благодарила Бога за тот земной рай, в котором она жила и который остался у нее по наследству от ее отца. На сцену, происходившую в день приезда мастера Баллантрэ между ее мужем и его братом, она смотрела из окна и слышала все, что они говорили. По видимому, она осталась довольна тем, как поступил ее муж.

Я не могу сказать, чтобы я остался вполне доволен поведением милорда ни во время вышеупомянутой сцены, ни впоследствии. Несмотря на то, что он казался чрезвычайно довольным и счастливым, в его поведении было что-то странное, чего я иногда не понимал. Что он был счастлив, это было видно, но мне казалось, как будто он скрывал причину своего великого счастья от семьи. Он как будто находил особенное счастье в мыслях, которые его занимали, но о которых он никому не говорил. У меня, к стыду моему будь сказано, закралась даже мысль, не завел ли он себе тайком от жены даму сердца и не мечтает ли он постоянно о ней.

Но он очень редко выходил из дому и много занимался хозяйственными делами, поэтому я положительно недоумевал, каким образом он мог завести любовную интригу. Рано поутру, впрочем, был один час, в который лорд никакими делами не занимался и в которой он обыкновенно уходил из дому.

Я уже говорил раньше, что мне много раз приходила в голову мысль, что лорд Генри не в полном своем рассудке. Теперь, когда я знал, что враг его жил в одном городе с ним, я очень опасался, чтобы между братьями не произошло чего-нибудь ужасного, и поэтому был постоянно настороже. Заметив, что милорд каждый день рано поутру, в определенный час уходил из дому, я решил разузнать, куда он уходит. Так как час, в который уходил милорд, совпадал с тем часом, в который я давал урок математики маленькому Александру, то я выдумал предлог, давший мне возможность назначить урок в другой час, а сам отправился следом за лордом Генри.

В это утро он, как обыкновенно, взял свою палку с золотым набалдашником, надел назад шляпу, – по всей вероятности, ему было слишком жарко, когда он надевал ее на лоб, и поэтому он надевал ее на затылок, – и отправился, как он говорил, «делать обход».

Сначала он пошел по дороге, по бокам которой росли зеленые тенистые деревья, и, дойдя до кладбища, уселся там на скамеечку и погрузился в думы. Отдохнув немного, он снова отправился дальше в путь. Он спустился теперь вниз и пошел по берегу залива, по дорожке, ведущей мимо гавани и мимо хижины, в которой жил мастер Баллантрэ. Неподалеку от хижины лорд пошел медленнее, как бы наслаждаясь видом, который ему особенно нравился, и затем, дойдя почти до самой хижины, он остановился и, облокотившись на свою палку, стал смотреть в окно «конуры», у которого как раз в это время сидел мастер Баллантрэ и шил.

Оба брата обменялись злым, враждебным взглядом, после чего милорд, самодовольно улыбаясь, повернулся и пошел обратно домой.

Два раза я изображал роль шпиона, и оба раза я был свидетелем той же самой сцены.

Теперь мне было известно, куда милорд совершал свои прогулки, а также и чему он внутренне так радуется и что составляет его счастье. Вот где жила «дама» его сердца, но только к этой «даме» его влекла не любовь, а ненависть. Быть может, кто-нибудь другой, находясь на моем месте, обрадовался бы открытию, которое я сделал, и был бы доволен тем, что лорд не завел себе никакой дамы сердца, я же, наоборот, был страшно опечален тем, что увидел.

Эти возмутительные отношения между двумя братьями не только возбуждали в душе моей отвращение, а мне делалось даже страшно за них: я боялся, чтобы их вражда не привела к преступлению с одной или другой стороны, и я твердо решил следить каждый раз за лордом, когда он совершает прогулку, и издали наблюдать за тем, что между ними происходит, чтобы на всякий случай быть наготове, если это потребуется.

Один раз как-то я опоздал явиться на то место, где я заставлял каждое утро милорда, и пришел туда, когда он находился уже на своем посту. И что же я увидел? Новую декорацию.

Как раз напротив лачужки мастера Баллантрэ стояла скамейка, на которой, по всей вероятности, покупатели в прежнее время сидели и торговались с купцом, державшим в лачужке свои товары, и вот на этой самой скамейке сидел милорд и, играя палкой, с удовольствием поглядывал на залив.

На расстоянии не более трех шагов от него сидел мастер Баллантрэ и шил. Никто из них не говорил ни слова, но время от времени милорд посматривал на своего врага взглядом, в котором ясно выражалось торжество. Близкое присутствие мастера Баллантрэ, разумеется, не могло доставить милорду удовольствия, а если он наслаждался чем-нибудь, так только сознанием видеть своего врага в таком бедственном положении.

Как только лорд отправился в обратный путь, я вышел из своей засады, за которой я скрывался, и прямо обратился к нему с упреком:

– Милорд, милорд, – сказал я, – что вы делаете? Разве можно вести себя таким образом, как вы себя ведете?

– Плевать я хочу на ваши нравоучения, – ответил он таким тоном, который показался мне обиднее, чем слова, которые он произнес.

– Я считаю долгом предупредить вас, милорд, что вы играете в плохую игру, – сказал я, – и я не знаю, что от этого больше может пострадать, – ваша душа или ваш разум, но, по моему мнению, вы губите и то, и другое.

– Вы не можете понять меня, – сказал милорд, – вы никогда не чувствовали к кому-нибудь той ненависти, какую испытываю я.

– Если вы будете продолжать действовать таким образом, – сказал я снова, – то вы, наверно, доведете вашего врага до того, что он решится на какой-нибудь отчаянный поступок.

– Напротив, действуя так, я надеюсь сломить его гордость, – сказал милорд.

В продолжение целой недели изо дня в день милорд садился на скамейку против хижины мастера Баллантрэ и смотрел то на залив, то на него. Место, где была эта скамейка, было очень живописное. Она стояла под густыми акациями, и, сидя на ней, можно было наслаждаться чудным видом на залив, любоваться плившими по нему кораблями и слушать пение матросов, работавших в гавани. Тут оба брата сидели и молчали, и мастер Баллантрэ то делал несколько стежков, то откусывал нитку, но, одним словом, делал вид, что он работает, и тут же, неподалеку от них, занял свою позицию и я.

Когда кто-нибудь из знакомых милорда проходил неподалеку от того места, где он сидел, он подзывал их и говорил, что сидит здесь у брата, чтобы давать ему добрые советы, и что благодаря этим советам брат его, к его, милорда, великому удовольствию, начал прилежно заниматься своим делом.

Удивительно, что даже на эти слова милорда мастер Баллантрэ ничего не возражал, а сидел спокойно и работал; что он при этом думал, только одному Богу известно.

В один из летних дней той поры лета, которую в Нью-Йорке называют «индейским летом», когда листья деревьев делаются золотистыми, розоватыми и ярко-красными, мастер Баллантрэ вдруг совершенно неожиданно прервал молчание и, отложив работу в сторону, начал восторгаться чудной природой. По всей вероятности, он уже раньше обдумал план своих действий и заговорил с братом, потому что счел необходимым это сделать; но, во всяком случае, его неожиданное обращение к милорду показалось мне чрезвычайно подозрительным.

– Генри, – сказал он спустя некоторое время после того, как он начал говорить, – я сделал в первый раз в жизни неверный шаг, сделал промах, и ты тотчас воспользовался моей оплошностью. С нынешнего дня комедия, которую я играл, изображая портного, кончается; ты достаточно наслаждался этой комедией, будет с тебя. Мне надоело играть эту роль и доставлять тебе удовольствие в то время, как ты показываешь себя с самой неприятной стороны.

Милорд не ответил ни слова, он сделал вид, будто он даже и не слышит, что мастер Баллантрэ говорит.

– Ну, послушай, перестань дуться, это тебе не идет, – сказал мастер Баллантрэ. – Ты можешь быть теперь любезнее со мной, так как я не имею ни малейшего намерения причинить тебе неприятности. Дело в том, что у меня явилась новая мысль. Сначала я надеялся было своим портняжным ремеслом заработать себе столько, сколько мне нужно для исполнения задуманной мною цели, но, я признаюсь тебе откровенно, у меня не хватило на это терпения и усидчивости. Ты, без сомнения, желаешь, чтобы я уехал из того города, в котором ты живешь, и так как мне также желательно уехать отсюда, то желания наши в этом отношении сходятся. И вот я хотел сделать тебе следующее предложение или, вернее, желаю обратиться к «вашей милости» с покорнейшей просьбой.

– Обращайся с ней ко мне, сделай одолжение, – ответил лорд.

– Ты, по всей вероятности, слышал о том, что у меня были немалые сокровища, – начал мастер Баллантрэ, – которые я зарыл в то время, как странствовал по дремучим лесам Америки. Все равно, каким образом я добыл их, но факт тот, что они принадлежат мне. И вот, так как я заметил место, куда я схоронил свой клад, то я желал бы теперь отправиться туда и вырыть его. Это мои собственные сокровища, надеюсь, что ты не завидуешь мне, что я завладел ими?

– Я ничему решительно не завидую, – сказал милорд. – Ступай и отыскивай свои богатства, я тебе не мешаю.

– Так-то оно так. Но чтобы отыскать их, мне необходимо нанять экипаж и нанять людей, – сказал мастер Баллантрэ. – Дорога туда длинна и очень опасна, лес полон диких индейцев. Одолжи мне, пожалуйста, только столько денег, сколько потребуется, чтобы совершить это путешествие. Если ты желаешь, то ты можешь вычесть эти деньги из той суммы, которую ты выдаешь мне помесечно, или же дай мне эти деньги просто взаймы, и я верну их тебе, когда найду свой клад. Если ты исполнишь мою просьбу, то я обещаю тебе уехать отсюда навсегда и вообще никогда больше не тревожить тебя своим присутствием.

Милорд некоторое время смотрел на него в упор каким-то напряженным взглядом, а затем улыбнулся своей холодной улыбкой, но не ответил ни слова.

– Генри, – сказал мастер Баллантрэ спокойным тоном, но глядя на брата грозным взглядом, – Генри, я имел честь обратиться к тебе.

– Пойдемте домой, – сказал милорд, обращаясь ко мне, сидевшему рядом с ним, и с этими словами он встал, потянулся, надел шляпу и, не ответив мастеру Баллантрэ ни слова, пошел обратно домой по берегу залива.

Я минуту стоял в нерешительности, глядя то на одного, то на другого брата, так как боялся какой-нибудь серьезной выходки со стороны мастера Баллантрэ, но тот, как будто ничего не произошло, взял снова в руки работу и, нагнувшись над ней, продолжал шить. Увидев это, я решил последовать за милордом.

– Что это вы, с ума сошли, что ли? – спросил я, догнав его. – И вы упускаете такой удобный случай освободиться от вашего врага?

– Быть может, вы верите тому, что он говорит, – ответил милорд, ехидно улыбаясь, – но я не верю.

– Я желаю, чтобы он уехал из этого города! – закричал я. – Я желаю, чтобы он уехал куда бы то ни было, но только убрался бы отсюда!

– Я сказал свое мнение, а вы ваше, – ответил милорд, – и, следовательно, разговаривать больше не о чем.

Но я на этом не успокоился. Я во что бы то ни стало желал, чтобы мастер Баллантрэ уехал, и эта мысль не давала мне покоя. Мое воображение ясно рисовало мне образ мастера Баллантрэ, сидящего над работой и занятого мрачными мыслями. Лорд Генри всячески старался за это время унижить его; а настолько-то я изучил характер мастера Баллантрэ, чтобы быть уверенным, что он не станет долго терпеть, когда его унижают. Я понимал, что дело двигалось к развязке, и к весьма серьезной развязке, и я дал себе слово сделать со своей стороны все, что от меня зависит, чтобы не дать разыгаться кровавой драме.

В тот же день я, мучимый мыслью о том, чтобы между братьями Дьюри не произошло чего-нибудь ужасного, вошел в рабочий кабинет милорда и видя, что он занят не серьезным делом, начал с ним разговор.

– Милорд, у меня есть случай употребить мой маленький капитал на весьма выгодное предприятие, – сказал я, – но он хранится в Шотландии, а между тем дело не терпит, и мне деньги нужны теперь же, как можно скорее. Я выдам вам расписку в том, что я взял у вас известную сумму денег, которую я вам обязательно возвращу, как только получу свои деньги.

Он взглянул на меня проницательным взглядом и сказал:

– Я никогда не вмешивался в ваши денежные дела, Маккеллар, но скажу вам одно: на то предприятие, на которое вы требуете у меня денег, я вам не выдам ни одного пенни.

– Я столько лет служу в вашем доме, милорд, – сказал я, – и никогда еще не просил у вас никакой милости; сегодня я в первый раз во все время своей долголетней службы осмеливаюсь обратиться к вам с денежной просьбой, и вы...

– Да, и я вам отказываю. А для кого вы просите эти деньги? Для мастера Баллантрэ... чтобы отдать их ему. Что вы воображаете, что я дурак, что ли, что я этого не пойму? Знайте раз и навсегда, что с этим животным я сам справлюсь, и что я не боюсь его и не стану избегать встречи с ним. А что касается вас, так вам трудно меня обмануть; для того, чтобы обмануть меня, надо быть более хитрым человеком, чем вы. От вас я ничего не требую, как только исполнения ваших обязанностей, точного исполнения ваших обязанностей, и вовсе не желаю, чтобы вы разорили меня, или за моей спиной, словно вор, отдавали мои деньги моему врагу.

– Милорд, как вы выражаетесь! – воскликнул я.

– Подумайте о том, что я сказал, и вы убедитесь, что я прав, – ответил милорд. – По моему мнению, непростительно с вашей стороны, что вы под каким-то выдуманном предлогом задались целью обмануть меня. Ну, признайтесь, если вы можете, что вы просили у меня денег, чтобы действовать противоположно тому, как я решил, и я готов просить у вас прощения за то, что я вас обидел. Если вы сделали ошибку, то вы должны иметь терпение выслушать, когда вас бранят и когда ваш поступок называют его настоящим именем.

– Но ведь я желал только спасти вас... – начал было я.

– О, мой дорогой, старый друг, – перебил он меня, – это я отлично понимаю. Вот, примите мою руку и вместе с ней мое сердце, но денег я не дам вам ни одного шиллинга.

Получив отказ милорда, я отправился к себе в комнату, написал письмо и побежал с этим письмом в гавань, так как знал, что в этот день в Шотландию отправляется корабль, а затем оттуда поспешил к мастеру Баллантрэ.

Сумерки еще не настали, когда я, не постучавшись даже в дверь, вошел к нему в хижину. Он сидел со своим индейцем за столом и обедал. Обед его состоял из одного кушанья, и весьма простого: из похлебки, сваренной из маиса и молока. Хижина была внутри хотя и бедно, но чисто убрана. На висевшей на стене полке стояло несколько книг, а в углу стояла маленькая скамейка Секундры.

– Мистер Балли, – сказал я, входя в хижину, – у меня есть капитал в пятьсот фунтов, маленькое сбережение, которое я сделал в течение двадцати лет, деньги, которые я нажил тяже-

лым трудом. Капитал этот хранится в Шотландии. Я написал письмо, чтобы мне выслали его оттуда, и корабль, с которым я отправил письмо, уже вышел из гавани. Имейте терпение подождать, пока мне вышлют деньги, и как только я их получу, я одолжу их вам для того, чтобы вы могли исполнить намерение, о котором вы говорили сегодня милорду.

Он встал, подошел ко мне, взял меня за плечи и, улыбаясь, сказал:

– И это предложение вы делаете мне, несмотря на то, что вы отлично знаете цену деньгам? Я вижу, что хотя вы и любите деньги, вы любите моего брата гораздо больше.

– Я люблю деньги только по той причине, что когда я буду стар и не буду в силах работать, я, имея их, буду иметь возможность существовать, – ответил я, – это единственная причина, почему я люблю их.

– Ну и отлично! Любите их по какой бы то ни было причине, мне все равно, – сказал он. – Что об этом спорить? Дело в том, что вы любите их, а между тем готовы их отдать. О, Маккеллар, Маккеллар, как бы я был счастлив, если бы жертву, на которую вы решаетесь, вы готовы были принести из любви ко мне!

– Если хотите, то отчасти я приношу эту жертву и для вас, – сказал я сердитым тоном. – Я должен сознаться, что мне больно видеть, в каком положении вы находитесь, я не могу относиться равнодушно к тому, что вы живете в такой бедной обстановке. Я не скажу, чтобы я только с той целью предлагал вам деньги, чтобы помочь вам выйти из вашего бедственного положения, но не могу также и отрицать, что был бы чрезвычайно рад, если бы это случилось. Я не предлагаю вам деньги из особенной любви к вам, о, нет, этого я не скажу, но, к моему великому удивлению, мною руководит отнюдь не ненависть к вам. О, нет, Бог свидетель, ненависти я к вам никакой не чувствую!

– Ага, – сказал он, ласково поглядывая на меня и, взяв меня за плечи, нежно покачивая меня из стороны в сторону, – ага, вы любите меня больше, чем вы сами думаете, а так как я вижу, что вы честный человек, то, к моему великому удивлению, – передразнил он, употребляя мои слова и стараясь говорить моим голосом, – я имею намерение пощадить вас.

– Пощадить меня? – воскликнул я.

– Да-с, пощадить вас, – повторил он, отходя от меня. Затем, снова подойдя ко мне, он сказал: – Вам и в голову не приходит, Маккеллар, зачем мне нужны эти деньги и что я намерен предпринять, имея их, иначе вы никогда не предложили бы их мне. Неужели вы воображаете, что я действительно желаю отправиться искать свои сокровища? О, нет! Выслушайте, что я вам скажу. У меня в жизни было множество неудач. В первый раз этот дурак принц Чарли плохо вел одно дело, которое обещало ему и мне огромную выгоду, и я потерял тут большую часть своего состояния. Во второй раз, когда я жил в Париже, я занимал уже весьма высокое общественное положение – да, я собрался уже занять крайне высокий пост – когда, к несчастью, одно письмо попало совсем не в те руки, куда следовало, и я остался нищим. В третий раз, наконец мне счастье снова улыбнулось: мне с большим трудом удалось устроить себе весьма хорошее положение в Индии, и я некоторое время отлично провел там. Но в один прекрасный день дворец моего индийского князя, которому я служил, разрушили, и хорошо, что мне во время общей суматохи удалось по крайней мере хоть удрать. Я, подобно Энею, взял на спину Секундру Дасса и спасся бегством. Три раза я занимал уже довольно высокое положение и надеялся не сегодня-завтра занять еще более высокое, – и заметьте, я еще человек не старый, мне еще и сорока трех лет нет, – и три раза мне это не удалось. Я видел свет и знаю его лучше многих людей, несравненно более пожилых, чем я. Я был и при дворе, и на поле брани, объездил и восток, и запад, и если бы я желал уехать отсюда, то знаю куда мне отправиться, чтобы выгодно устроиться. Я имею совершенно достаточно средств, чтобы начать новую жизнь, я полон сил и здоровья, самолюбие у меня громадное, и я, если хочу, могу снова отлично устроить свои дела. Но от всего этого я отказываюсь. Мне все равно, если я даже умру и свет никогда больше не

услышит обо мне, но я добьюсь того, чего я желаю добиться. А чего я желаю – вы, вероятно, догадываетесь. Берегитесь только, чтобы во время общего крушения и вы не погибли.

Выйдя из дома мастера Баллантрэ в крайне удрученном состоянии, так как я потерял всякую надежду предупредить катастрофу, к которой могла привести вражда двух братьев, я, проходя мимо гавани, заметил большое движение. Оказалось, что огромный корабль вошел в гавань, и поэтому такая масса народу столпилась около нее. Я равнодушно взглянул на этот корабль, никак не подозревая, что он принес смерть обоим братьям Деррисдир. Как оказалось впоследствии, какой-то маленький, ничтожный человек, чтобы чем-нибудь заработать себе грош, сидя в своем домике в Греб-Стрите, написал целую статью о том, как братья Деррисдир ненавидят друг друга, как они дрались на дуэли и прочее, и прочее, и эту статью он переслал из Великобритании в Америку. Не понимая, что он делает, этот бедный человек нацарапал целый рассказ, и рассказ этот, сделав четыре тысячи миль по Атлантическому океану, прибыл в Америку, а благодаря его появлению братья Деррисдир пустились странствовать по диким странам, где они и нашли смерть.

Но в то время, как я проходил мимо гавани, мне ничего подобного и в голову не приходило; я спокойно смотрел на пришедший корабль и на бегавшую взад и вперед публику и, занятый мыслями о разговоре, который мне только что пришлось иметь с мастером Баллантрэ, медленно шел к себе домой.

В тот же вечер лорду принесли маленький пакет с памфлетами. На следующий день после этого милорд должен был ехать с губернатором на какую-то увеселительную прогулку. Он скоро должен был уже отправиться туда, и перед тем как одеться, занялся тем, что начал распечатывать пачку с памфлетами. Я оставил его за этим занятием и вышел из комнаты. Когда я возвратился обратно, я застал его сидящим за столом, но голова его лежала на столе, а в руках был скомканный лист бумаги.

– Милорд, милорд! – воскликнул я, подбегая к нему и воображая, что ему сделалось дурно.

Он вскочил; взгляд, который он бросил на меня, был злой, а лицо настолько исказилось, что, кажется, если бы я встретил его где-нибудь в чужом месте, я бы его даже не узнал. Он поднял руку, как бы желая меня ударить, и закричал неприятным голосом:

– Оставьте меня в покое!

Я, разумеется, не медля ни минуты, выбежал из комнаты с трясущимися от страха коленями и поспешил известить миледи о том, что случилось. Она, выслушав меня, моментально бросилась бежать к мужу, но раньше чем мы успели добежать до его комнаты, он уже запер дверь на ключ, и когда мы принялись к нему стучаться, закричал, чтобы мы оставили его в покое.

Мы с миледи взглянули друг на друга – она была страшно бледна, но, я думаю, и я не меньше, – и положительно недоумевали, что могло значить все это.

– Я напишу губернатору и попрошу его извинить его, – сказала она. – Мы не можем пренебрегать нашими друзьями. – Она взяла в руку перо и начала писать, но тотчас бросила его. – Нет, я не могу писать, рука дрожит, – сказала она. – Попробуйте вы, может быть, это вам удастся?

– Я попробую, миледи, – сказал я.

Она следила за тем, как я пишу, а когда я кончил писать и подал ей письмо, сказала:

– Отлично. Вы написали то, что следовало. Слава Богу, что у меня есть к кому обратиться за помощью. Но скажите, что все это значит? Что это значит?

Я сам не мог объяснить себе поведения милорда, и у меня явилась мысль, не искать ли причину этого странного припадка гнева в том, что он лишился рассудка. По моему мнению, после воспаления мозга, которое он перенес, милорд уже не приходил в вполне нормальное

состояние, и поэтому мне и пришло в голову, не лишился ли он рассудка. Но, несмотря на то, что меня мучила эта мысль, миледи я об этом ничего не говорил, так как боялся ее огорчить.

– Как вам сказать, я даже не знаю, каким образом объяснить эту внезапную вспышку, – сказал я, – но дело не в этом, а теперь вопрос, как нам поступить? Оставить ли нам его одного или нет?

– Мне кажется, что его не следует тревожить, – сказала она. – Быть может, его натура требует в настоящее время полного спокойствия и полной тишины, в таком случае его беспокоить отнюдь не надо. Оставим его лучше одного, пусть он успокоится.

– Тогда мы сделаем вот как: я отправлю теперь это письмо, а затем вернусь к вам и посижу с вами, – сказал я.

– Пожалуйста, – сказала она.

Все послеобеденное время мы просидели вместе, большею частью молча, и сторожили дверь милорда. Мысли мои все время были заняты сценой, которую я видел поутру, и мне вспомнилось, что она имела удивительное сходство с тем видением, которое мне представлялось перед отъездом в Нью-Йорк. Я считаю долгом упомянуть об этом по той причине, что по этому поводу я слышал множество бессмысленных толков и читал даже рассказ об этом. Рассказ этот был напечатан, и моя фамилия красовалась на страницах книги, в которой об этом говорилось. Как в видении, которое представилось мне, так и в действительности было общего только то, что лорд сидел один в комнате, когда я вошел к нему, и что голова его лежала на столе, но в видении мне представлялось, что он встал и взглянул на меня таким взглядом, в котором выражалось полное отчаяние, тогда как на самом деле он взглянул на меня не печальным, а злым взглядом. Кроме того, комната, а равно и стол, представлявшиеся мне в видении, были совершенно не похожи на ту комнату и на тот стол, какие мне пришлось видеть в действительности. Вот то, что я теперь написал, сущая правда, а все вариации и вымышленные анекдоты по этому поводу – ложь. Но так как между видением, которое представлялось мне, и между действительностью было много общего, то это обстоятельство все-таки влияло на меня и приводило меня в крайнее смущение.

В продолжение всего послеобеденного времени я сидел с миледи в комнате и занимался своими мрачными думами. Ей я об этом ничего не говорил, так как ей и без моих разговоров было о чем думать, и я отнюдь не желал ее расстраивать.

Приблизительно часа через два после того, как мы уселись с миледи в соседней с милордом комнате и молчали, занимаясь своими грустными мыслями, миледи пришла в голову мысль позвать маленького Александра и велеть ему постучаться к отцу. Милорд отослал ребенка, но теперь уже совершенно спокойным голосом, так что я начал было надеяться, что его припадок гнева прошел.

Наконец когда наступил вечер и я зажег в той комнате, в которой мы сидели, лампу, милорд отворил дверь своей комнаты и стал на пороге. Свет от лампы был не настолько велик, чтобы я мог разглядеть его лицо, но по его голосу, когда он обратился ко мне, я понял, что ярость его прошла. Хотя в нем слышалось некоторое волнение, он звучал громко и решительно.

– Маккеллар, – сказал он, – снесите это письмо по адресу и отдайте его собственноручно тому человеку, на имя которого оно адресовано. Письмо это секретное и чрезвычайно важное. Не отдавайте его никому другому в руки, только тому человеку, к которому я вас посылаю.

– Генри, – спросила миледи, – ты, надеюсь, не болен?

– Нет, нет, – ответил он недовольным тоном, – нет,нисколько. Я только занят, чрезвычайно занят. Странное дело, что если человек чем-нибудь серьезно занят, то тотчас предполагают, что он болен. Пришли мне ужин в мою комнату, а также и бутылку вина. Ко мне придет один человек по делу, я жду его. Его ты, пожалуйста, прими, а для других меня дома нет. – И с этими словами он снова заперся в комнате.

Письмо это было адресовано на имя капитана Гarrisа, некоего искателя приключений и человека, о котором было известно, что он раньше занимался морским разбоем, а в последнее время сделался торговцем, – он вел торговлю с Индией. Что милорд желал ему сообщить или что он мог иметь сообщить милорду, я положительно не мог понять, тем более что, как я отлично знал, милорд слышал еще очень недавно о каком-то грязном деле, в котором капитан Гarris был замешан, и судебное следствие по этому делу было даже назначено, но по недостатку улик капитана оправдали.

Ввиду всего этого я с тяжелым сердцем отправился с письмом к капитану Гarrisу, и поручение, которое дал мне милорд, привело меня в уныние.

Когда я вошел к капитану Гarrisу, он сидел в своей комнате, в которой, между прочим, был отвратительный запах, за столом. На столе стояла зажженная свеча и пустая бутылка. Манеры у капитана были весьма грубые, как у отставного военного, но даже и в этих грубых манерах было что-то деланное, неестественное.

– Передайте милорду, что я буду у него через полчаса, – сказал он, прочитав письмо; а затем он имел нахальство, указывая на пустую бутылку, попросить меня, чтобы я принес ему другую бутылку ликера, так как весь его ликер вышел.

Хотя я шел домой очень быстрым шагом, капитан следовал за мной положительно по пятам. Он долго просидел у милорда. Петух пропел уже во второй раз, когда я из своего окна увидел, как милорд светил ему в то время, как он уходил. И милорд, и капитан были пьяны, это я заметил по тому, что когда они разговаривали, они как бы падали друг на друга.

На следующее утро после этого милорд ушел куда-то очень рано, предварительно захватив сто фунтов стерлингов. Я уверен, что он взял эти деньги, чтобы отдать их кому-нибудь, но, во всяком случае, мастеру Баллантрэ он их не снес, это я с достоверностью могу сказать, так как в продолжение всего утра ходил вокруг дома мастера, рассчитывая встретить там милорда.

С того дня, в который произошел вышеописанный случай, милорд вообще не показывался больше в городе, а если гулял, то только около своего дома, в том месте, где находились хозяйственные постройки, дальше же он никуда не ходил. Он сидел у себя в саду, разговаривал, как и прежде, с своей семьей, но не ходил уже ни разу в ту сторону, где жил мастер Баллантрэ. И так это продолжалось вплоть до нашего отъезда из Нью-Йорка. Капитан Гarris также больше не показывался; я, по крайней мере, не видел его.

Меня очень мучила мысль о том, какое известие расстроило милорда до такой степени, что он оставил все свои прежние привычки и, так сказать, «скрывался» от света. По всей вероятности, известие было очень неприятное, если оно произвело на него такое сильное впечатление. Ясно, что памфлеты, которые ему были присланы, играли тут немаловажную роль. Я читал все памфлеты, которые попадались мне в руки; все они были настолько бессодержательны и, как все сочинения подобного рода, омерзительны, но в них ничего такого не было, что могло бы затронуть самолюбие такого высокопоставленного или знатного лица, как милорд. Политического в них также ничего не было, да милорд вообще настолько мало вмешивался в политические дела, что трудно было предположить, чтобы насчет него по этому вопросу мог быть составлен памфлет. Но как оказалось впоследствии, памфлет, который до такой степени расстроил милорда, он хранил у себя на груди, поэтому не мудрено, что я его не нашел. Там, на его груди, я нашел его после того, как он во время своего странствования по дикой стране умер, там мне удалось в первый раз увидеть и прочесть лживые, бессмысленные слова, с которыми какой-то клеветник-виг¹¹ обращается с воззванием к якобитам. То, что я прочел, было следующее:

«Другой известный мятежник, мастер Баллантрэ, лишенный всех прав состояния, снова восстановлен в своих правах. Дело это долго тянулось, так

¹¹ Виг – приверженец партии прогрессистов в Англии.

как очень трудно было выхлопотать милость этому человеку, опозорившему свою репутацию, один раз в Шотландии, а другой – во Франции. Брат его лорд Деррисдир также известен как человек неблагонадежный в политическом отношении, и принципы у него, как ходят слухи, с самого юного возраста весьма плохие. Так как мастер Баллантрэ восстановлен в своих правах, то сын лорда Деррисдира не будет уже наследником богатого имени, как рассчитывал лорд Деррисдир. Положим, что таких неблагонадежных людей, как мастер Баллантрэ и лорд Деррисдир, много, и они не заслуживают никакого внимания, но особенного внимания заслуживает тот факт, что такой человек, как мастер Баллантрэ, восстановлен снова во всех своих правах».

Человек во вполне здравом уме не стал бы и минуты задумываться над тем, что говорилось в памфлете, и в особенности над глупой клеветой по поводу неблагодарности лорда Деррисдира. Подобный памфлет не мог иметь решительно никакого влияния на общественное положение моего патрона, и это лорд Деррисдир должен был бы понять, несмотря на то, что он обладал особенным умом, если бы только он находился в полном разуме. Что он мог обратить внимание на подобный вздор и носить еще на своей груди эту бессмысленную болтовню, ясно доказывает, что он был ненормален. Без сомнения, намек на то, что сын его, Александр, лишится наследства, привел его в то состояние, в котором я его нашел, или же мой патрон уже давно был не в своем уме, и мы не замечали этого.

Через неделю после того дня, в который лорд Генри получил памфлет, я поздно вечером был снова в той стороне, где находилась гавань, и на обратном пути домой прошел мимо хижины, в которой жил мастер Баллантрэ. В то время, как я подходил к жилищу врага моего патрона, дверь отворилась и свет из дома упал прямо на дорогу. В ту же минуту из двери дома вышел человек, с которым мастер Баллантрэ необыкновенно любезно прощался. К моему великому удивлению, в этом человеке я узнал капитана Гарриса. Мне пришло в голову, не прислал ли милорд его туда с какой-нибудь целью, и я продолжал свою прогулку с тяжелым сердцем и погруженный в мрачные мысли.

Было уже поздно, когда я вернулся домой. К крайнему моему изумлению, я застал милорда в хлопотах и приготовлениях к отъезду.

– Как вы поздно пришли! – закричал он, увидев меня и укладывая вещи в чемодан. – Мы едем с вами вдвоем завтра в Альбани, и вам пора укладывать ваши вещи.

– В Альбани, милорд? – спросил я. – С какой целью?

– Для перемены декорации, – ответил он.

Миледи, на лице которой я заметил следы слез, сделала мне знак рукой, чтобы я ни о чем не спрашивал, а исполнил бы только то, что мне велено.

Когда мы впоследствии остались с миледи одни, она сообщила мне, что вернувшись от капитана Гарриса, у которого он был, милорд решил ехать в Альбани, и что, несмотря на все ее просьбы не ехать или, по крайней мере, объяснить ей, зачем он едет в Альбани, он остался непоколебим как в своем решении ехать, так и в решении соблюдать тайну.

Глава XI

Путешествие по дикой стране

Мы уселись в лодку и поплыли по реке Гудзон. Погода была хотя и осенняя, но очень хорошая, и мы самым благополучным образом доехали до Альбани и пристали там к берегу. Приехав в Альбани, мы остановились в гостинице. Хотя милорд и пускался теперь часто на хитрости, он все-таки не был настолько хитер, а я настолько слеп, чтобы ему удалось надуть меня. Я ясно понял, что цель его была засадить меня в гостинице в качестве пленного, и в то же время устраивать в Альбани дела, ради которых он туда приехал и которые он от меня скрывал. Он давал мне, например, работу и уверял, что она необыкновенно спешная, тогда как на самом деле никакой спешки не было, и переписывать одну и ту же бумагу по четыре и по пять раз, как это он требовал от меня, не имело никакого смысла.

Я делал вид, будто и не замечаю, что переписываю все одну и ту же бумагу, но между тем не зевал, и когда милорд уходил по своим делам, справлялся у хозяина нашей гостиницы о том, что делалось в городе. Через нашего хозяина я и получил весьма интересные сведения, а именно, что капитан Гаррис вместе с торговцем Моунтеном поднялись по реке Гудзон на лодке. Меня до такой степени взволновало это известие, что я с трудом мог скрыть от хозяина гостиницы свое волнение, и я был уверен, что против милорда устраиваются козни. Но я все-таки преодолел свое волнение и совершенно спокойным голосом сказал, что с капитаном Гаррисом знаком, но о торговце Моунтене не имею никаких сведений, и поэтому хочу знать, что это за личность, какая цель их приезда в Альбани и не участвует ли кроме них еще кто-нибудь в этой поездке.

Хозяин гостиницы не мог дать мне насчет этого верных сведений; он знал только, что мистер Моунтен приехал в Альбани за товарами, что он с капитаном Гаррисом много болтал, когда бывал в городе, много пил и между прочим хвастался, что он и его товарищи отправляются куда-то по весьма важному делу. Больше мой хозяин ничего не знал, и кто находился еще в лодке вместе с торговцем, ему также не было известно по той причине, что никто, за исключением Моунтена и Гарриса, не выходил на берег и, насколько он слышал, оба они очень торопились доехать до какого-то пункта раньше, чем выпадет первый снег.

И действительно, на следующий день даже в Альбани пошел мелкий снег, но он очень быстро растаял и в самом скором времени от него не осталось и следа; надо было думать, что в скором времени снег выпадет еще более сильный. Но до какой степени климат этой местности зимою суровый и какие там бывают снежные бури, об этом я в то время не имел понятия, и теперь, когда все это мне известно, я только удивляюсь тому, как я в состоянии был пережить и вынести все ужасы событий, о которых я намерен рассказать, происшедшие как раз во время снежных ураганов и сильных морозов.

Я думал, что как только лодка с капитаном Гаррисом уйдет из Альбани, мы с милордом также двинемся в обратный путь; но я ошибся. Мой патрон оставался в Альбани, хотя у него там не было ровно никаких дел, и, делая вид, что занимается какими-то письменными делами, он оставался теперь больше дома и меня держал около себя, давая мне различные работы. Теперь, когда милорд бывал больше дома, я был менее печален, хотя все-таки испытывал беспокойство при мысли о том, что он вел какие-то дела с капитаном Гаррисом, пользовавшимся такой отвратительной репутацией. Торговец Моунтен, как я знал от некоторых лиц, к которым я обратился, пользовался не лучшей репутацией, чем Гаррис. Предлог, под которым, как я узнал, они отправились в путь, казался мне также крайне подозрительным: они говорили, будто они едут искать какой-то клад, а по моему мнению, они, пользуясь тем, что настает бурная и холодная погода, отправились в пустынные места с целью грабить проезжих. Я видел Гарриса

в то время, как он выходил из дома мастера Баллантрэ, и я боялся, не действовали ли капитан и мастер Баллантрэ сообща против милорда. Мысль эта крайне тревожила меня.

Читатель, наверно, помнит, что я ногой толкнул мастера Баллантрэ в то время, как мы ехали с ним по морю, в надежде, что он свалится с корабля и потонет, и что я молил Бога о том, чтобы Он дал мне утонуть вместе с врагом милорда. Правда, было время, когда я чувствовал к мастеру Баллантрэ нечто вроде симпатии, но это продолжалось недолго, и я сам бранил себя впоследствии за свою слабость и за отсутствие энергии. Преобладающее же чувство к нему было во всяком случае ненависть. Мне приходила даже в голову мысль, не решиться ли мне на преступление и не постараться ли мне избавить милорда от его врага, взяв на совесть великий грех. Но как только мысль эта приходила мне в голову, я отгонял ее, так как боялся, что в этом преступлении заподозрят милорда и я таким образом совершенно помимо своей воли запятнаю его имя. И только эта боязнь удерживала меня от энергичных действий с целью положить конец всем интригам мастера Баллантрэ.

Мы все не выезжали из Альбани. Милорд стал снова часто и надолго выходить из дому. Он из Нью-Йорка привез несколько рекомендательных писем от нью-йоркских вельмож к альбанским знатым лицам и целые дни проводил у них. К сожалению, я должен сказать, что милорд вел образ жизни отнюдь не похвальный. Он возвращался из гостей очень поздно и почти всегда пьяный. Мне он по-прежнему изо дня в день задавал бесконечные работы, которые не имели никакого смысла. Я работал вроде Пенелопы: то, что я накануне писал, я на следующий день вычеркивал, и так это продолжалось изо дня в день. Я никогда не отказывался исполнять желания моего патрона, хотя время от времени и давал ему понять, что я замечаю его хитрость, и, весело улыбаясь ему в лицо, говорил:

– Вы задаете мне оригинальные работы, милорд; прежде вы заставляли меня делать то, что было необходимо, а теперь вы заставляете меня из песка веревки вить.

Он взглянул на меня веселым взглядом, затем отвернулся и стал шевелить губами, но ничего мне не ответил.

– Ну, хорошо, хорошо, милорд, – продолжал я, – я исполню ваше желание с величайшим удовольствием и четвертый раз перепишу эту бумагу, но завтра будьте уж так добры выдумать другую работу для меня: мне она уж по горло надоела.

– Вы сами не знаете, что вы болтаете, – сказал милорд, надевая шляпу и поворачиваясь ко мне спиной. – Я удивляюсь, вы меня любите, вы мой друг, а между тем вы раздражаете меня вашими глупыми выходками. Да, я даже удивляюсь, как вам не стыдно раздражать меня, когда вам известно, что я несчастный человек, который в продолжение всей своей жизни терпит лишь одни неудачи. И все раздражают меня, все причиняют мне лишь одни неприятности. Против меня устроили заговор, положительно заговор. Да, весь свет, весь свет ополчился против меня! – закричал он.

– Если бы я был на вашем месте, то я не болтал бы такого вздора, – сказал я, – а облил бы себе лучше голову холодной водой. Вы говорите пустяки, потому что в прошедшую ночь вы выпили больше, чем следовало.

– Вот что вы выдумали! – ответил он таким тоном, как будто он чрезвычайно интересуется тем, что я ему сказал. – Вы навели меня на хорошую мысль. До сих пор я никогда еще не пробовал выпить. Надо попробовать это сделать.

– А я скажу вам, милорд, что от души желал бы, чтобы вернулись снова те дни, когда вы этого не пробовали, – сказал я, – и скажу вам откровенно, что если вы будете продолжать пить так много, как вы пьете, то вы окончательно расстроите ваше здоровье.

– По моему мнению, я вовсе не имею вид человека, злоупотребляющего спиртными напитками, – сказал он. – Но если вы, Маккеллар, находите, что я слишком много пью, то я буду еще осторожнее.

– Да, я бы попросил вас об этом, – сказал я. – Не забудьте, что вы отец мистера Александра, старайтесь вести такой образ жизни, чтобы сын ваш не имел случая упрекнуть вас в чем-нибудь дурном.

– Однако, Маккеллар, какой у вас злой язык, – ответил милорд. – И такого злого человека я столько лет терпел около себя. А знаете что: если вы ничего более умного не придумали, то мне лучше удалиться. Ведь вы, наверно, ничего более умного и впредь не придумаете? – спросил он шутливым, детски-наивным тоном, который он иногда употреблял.

– Нет, милорд, я ничего более умного не знаю, – ответил я довольно сухо.

– В таком случае я уйду? – спросил он снова, поглядывая на меня и играя шляпой, которую он снял. – Вы не дадите никаких поручений? Нет? Я отправлюсь теперь к сэру Вильяму Джонсону, но я буду теперь осторожен и уж ни за что не напьюсь. – Он с минуту помолчал, а затем, улыбаясь, сказал: – А знаете что, Маккеллар, я теперь часто вспоминаю об одной местности... в Шотландии... где я родился... там посреди густого леса протекает ручеек... я на берегу этого ручейка часто сиживал и удил там рыбу, и когда мне удавалось поймать много рыб, бывал счастлив, о, как счастлив! Не знаю, Маккеллар, почему я теперь никогда не бываю счастлив?

– Милорд, – ответил я, – если бы вы меньше пили, то вы, наверно, чувствовали бы себя счастливее. Вино плохой утешитель, могу вас уверить.

– Совершенно справедливо, совершенно справедливо, – сказал он. – Ну-с, а теперь, я думаю, мне пора идти?

– До свиданья, милорд, – сказал я.

– До свиданья, до свиданья, – сказал он, уходя из комнаты.

Я нарочно передал эту сцену между мной и милордом, чтобы ты, мой благосклонный читатель, мог понять, в каком состоянии милорд находился по утрам; позднее я опишу тебе сцену, происшедшую поздно вечером или, вернее, ночью, и ты тогда получишь понятие о том, в каком состоянии он находился по вечерам. Человек этот, как ты убедишься, был близок к нравственному падению, и я, глядя на него, положительно в душе страдал. Я отлично знал, что никто не уважал его теперь, и что его и приглашали, и принимали только благодаря тому, что он был лорд, и что он был знатного рода. Когда я вспоминал о том, как он раньше осуждал тех, которые вели себя таким образом, как он вел себя теперь, то меня даже зло брало, что он унижился до такой степени.

В своих кутежах милорд был в высшей степени неумерен, и когда он возвращался после них домой, производил отвратительное впечатление. Я тотчас опишу одну сцену, происшедшую после кутежа и врезавшуюся мне глубоко в памяти. Даже когда я в настоящее время вспоминаю о ней, я глубоко страдаю, до такой степени сильно она на меня подействовала.

Я был уже в постели, но не спал еще, когда я услышал, как милорд поднимается по лестнице, ежеминутно спотыкаясь и напевая какую-то песню. У моего патрона не было никаких музыкальных способностей, все таланты лордов Деррисдиров унаследовал исключительно мастер Баллантрэ, так что если я говорю, что он напевал песню, то это не значит, что он действительно пел, а значит, что он только мурлыкал. Он скорее лепетал, чем выговаривал слова, а лепет взрослого человека производил на меня крайне неприятное впечатление.

Он осторожно, чтобы не наделать шума, отворил дверь, вошел в комнату, закрыл рукой свечу, чтобы свет ее не упал на меня, так как думал, что я сплю, затем поставил свечу на стол и снял шляпу.

Свет свечи падал прямо на него, так что я отлично мог разглядеть его физиономию. У него был лихорадочный вид, глаза его так и блестели, а жилы на висках сильно налились кровью в то время как он стоял, смотрел на свечу и улыбался. Затем вдруг он поднял руку, шелкнул пальцами и начал раздеваться. В то время как он раздевался, он, очевидно, совершенно забыл о моем присутствии в комнате, потому что он вдруг начал снова петь, и теперь я мог

ясно разобрать слова, которые он произносил. Он пел известную старинную песню, носившую название «Два ворона», в которой без конца повторялись следующие строки:

И кости его по стране степной
Развеял далеко ветер зимой.

Я уже сказал выше, что у милорда не было никаких музыкальных способностей и по его пению даже нельзя было судить о мотиве песни, слышно было только, что песня была написана в минорном тоне, и что певец, певший ее, находился в очень удрученном состоянии духа. Вначале он пел менее жалобным голосом, но затем с каждым тактом голос его звучал все печальнее и печальнее, и я в конце концов положительно с трудом переносил это пение, до такой степени оно меня расстраивало. В то время как он пел, он все продолжал раздеваться, но когда он собрался снять брюки, он вдруг бросился на постель и принялся плакать. Я терпеть не могу, когда пьяные люди начинают плакать, и поэтому, когда я услышал рыдание моего патрона и увидел, как он полураздетый бросился на кровать, я в негодовании отвернулся от него и повернулся к стене.

Но тотчас после того, как я отвернулся от него, мне стало его жаль. Я понял, что если человек, ведший прежде такой порядочный образ жизни, дошел до такого состояния, то, стало быть, отчаяние довело его до этого. Я взглянул на него: он сидел теперь на постели полураздетый и плакал. Несмотря на то, что я сам начал читать себе нравоучение в том смысле, что я слишком слаб, слишком сентиментален, и уговаривал самого себя относиться равнодушно к человеку, упавшему так низко, жалость моя к нему все-таки взяла верх, и я, вспомнив о том, какой он прежде был симпатичный и терпеливый, вскочил с постели и подошел к нему.

Я положил свою руку на его обнаженное плечо, которое было холодное, как камень. Он взглянул на меня, и я заметил, что лицо его, на котором были еще заметны следы слез, сильно опухло.

– Стыдитесь, – сказал я, глядя на него и внутренне негодуя на него, – вы ведете себя не как взрослый человек, а как ребенок. Бывало порой, хотя и очень редко, что и я выпивал лишнее, но это бывало в молодости, когда я был еще очень молодым человеком, однако даже и тогда я ложился спать, как все порядочные люди, и не пищал, и не плакал. Ложитесь и вы, успокойтесь и бросьте ваши ребяческие выходки.

– О, Маккеллар, – сказал он, – у меня сердце болит, оно разбито.

– Разбито? – воскликнул я. – Да почему оно разбито? О чем ему болеть? Зачем вы мучаете себя мрачными мыслями? Ведь ясно, что вы чем-то мучаетесь. Я слышал, как вы пели, и по этому пению я могу судить о состоянии вашего духа. Бросьте ныть, бросьте плакать. Нельзя быть таким нерешительным. Нужно или бороться, или сдаться, но не ныть и не пищать. Решили вы бороться, так боритесь, а решили вы терпеть, так терпите.

– Терпеть! Бороться! – воскликнул милорд. – Друг мой, я долго терпел, долго терпел, но когда хотят погубить моего сына, когда интригуют против моего Александра... Мой сын, мой Александр! – закричал он жалобным голосом и затем снова принялся рыдать.

Я взял его за плечи и слегка потряс его.

– Александр! – сказал я. – Вы думаете только о нем! Но если он вам до такой степени дорог, так зачем же вы губите себя своим образом жизни? Вы сами себя обманываете: вы говорите, что любите сына, а между тем сидите тут, в этом городе, и занимаетесь тем, что пьете. И забываете не только вашу жену, вашего друга, а также и вашего сына и превращаетесь в жалкого эгоиста.

– Маккеллар, – сказал он таким спокойным и твердым тоном, каким он говорил прежде, – Маккеллар, вы можете говорить, что хотите, но я никогда не был эгоистом.

– Я открою вам глаза на то, что вы делаете, – сказал я. – Сколько времени мы уже здесь в городе, а между тем, скажите, много ли раз вы писали вашей жене? Да написали ли вы ей хотя бы один раз, я даже и в этом не уверен. И это несмотря на то, что вы в первый раз в жизни расстались с ней. Как вы думаете, беспокоится о вас ваша семья или нет? Я полагаю, что она желала бы знать, живы ли вы.

Мои слова подействовали на него, он перестал пищать и плакать, поблагодарил меня искренно за мое участие, затем лег в постель и очень быстро крепко заснул. На следующее утро он первым делом начал писать жене весьма нежное письмо, но, к сожалению, он его никогда не окончил, и оно так и осталось только начатым. Мне пришлось самому взять на себя весьма неприятную задачу оповестить миледи о том, что у нас делалось, и эта задача мешала мне даже спать, так как я решительно не знал, как мне поступить: написать правду я не решался, а обманывать миледи мне также не хотелось, и поэтому я целыми часами ломал себе голову, не зная, на что решиться и как поступить.

Не было никакого сомнения в том, что лорд с нетерпением ждал известия от своих сообщников в деле, которое он задумал. Гаррис, как я мог понять, дал ему обещание оповестить его о том, успешно ли идет задуманное им и его компанией предприятие, но он не давал никаких известий. Естественно, что милорд, у которого характер испортился, и у которого теперь совсем не было терпения, страшно волновался из-за того, что не получал никаких известий. Он мысленно представлял себе, что делалось в дикой стране, в которую забрался Гаррис со своей компанией. Он прежде молчал о том, что он задумал, но теперь уж начал время от времени проговариваться о том, какую цель преследовала компания, отправившаяся в дикую страну, и порою, насколько я мог понять, даже высказывал надежду, что мастер Баллантрэ уже не существует на свете, и кости его ветер уже развеял в пустыне. На это он делал иногда намеки и, насколько я мог заметить, надежда, что враг его больше не существует в живых, все больше и больше вкрадывалась в его сердце, и он положительно не знал, как ему дожидаться известия о его смерти.

Наконец милорд не вытерпел; не получая никаких известий от капитана Гарриса, он решил отправиться в путь и искать в пустыне своих сообщников. Он воспользовался тем, что некий сэр Вильям Джонсон отправился по поручению, данному ему правительством, в путь туда, где приблизительно мог находиться и капитан Гаррис с компанией, и вместе со мной и с сэром Вильямом отправился в путь.

Ехать с сэром Вильямом было очень удобно в том отношении, что нам нечего было заботиться о продовольствии. Он взял с собой целую «свиту» провожатых. Охотники приносили нам дичь, рыбу для нас ловили в реках и приносили нам ее во множестве, а водка у нас лилась рекой. Днем мы путешествовали, а ночью отдыхали, и в то время, когда мы спали, караульные стояли и оберегали нас. Каждый, кто находился в свите нашего спутника, имел свое специальное дело, а сэр Вильям был начальником всего нашего «отряда». Поездка эта была бы чрезвычайно интересна, если бы, к великому нашему несчастью, с самого начала, как только мы пустились в путь, погода не была такая холодная, в особенности же по ночам. По большей части дул сильный, резкий ветер, так что мы сидели в лодке с посиневшими от холода руками, а по ночам, когда мы выходили на берег и раскидывали наши шатры, мы, прежде чем лечь, разводили костры и грелись, так как нам было иначе не заснуть.

Местность, в которую мы забрались, была крайне пустынная; мы совсем не встречали людей, нигде не было видно ни хижинки, ни лачужки, ни трубы, из которой бы поднимался дымок; за исключением одной лодки, в которой сидели какие-то торговцы со своими товарами, с которой мы встретились на второй день нашего путешествия, мы больше ни одной не видели. Положим, что мы отправились в путь уже глубокой осенью, но во всяком случае даже и сэр Вильям, который часто путешествовал поздно осенью в этой местности, и тот удивлялся тому, что мы совсем не встречали людей, и что вся страна словно вымерла.

Это путешествие по дикой стране оставило в душе моей неизгладимые тяжелые следы. Я не принадлежу к числу тех людей, которые любят испытывать сильные впечатления и переживать какие-нибудь необыкновенные события. Знать, что зима наступает, а между тем находишься посреди пустыни, далеко от всякого человеческого жилища, казалось мне чем-то ужасным; мне казалось, будто мы испытываем Бога тем, что решаемся идти все дальше и дальше вперед, в неведомую страну. Когда же я узнал достоверно, какую цель милорд преследует, я окончательно пришел в ужас.

Мне во время нашего странствования приходилось большей частью беседовать с сэром Вильямом, так как милорд почти совсем не разговаривал ни с ним, ни со мною. Он находился в каком-то странном состоянии: он почти совсем не ложился спать, все бродил по лесу, искал кого-то глазами, но не говорил кого. Больше двадцати слов в день он не говорил. Сказать, что он при этом говорил глупости, также нельзя было, но вел он себя чрезвычайно странно.

Порой он рассказывал сэру Вильяму о том, что у него есть брат, который находится также в той местности, где мы находимся, что он путешествует по лесу неподалеку от нас, и просил сэра Вильяма сказать караульным, чтобы они в свободное время походили по лесу и посмотрели, не бродит ли брат его где-нибудь поблизости от нас.

– Меня крайне беспокоит то обстоятельство, что я не имею о брате никаких известий, – говорил милорд.

И очень часто в то время, как мы находились в дороге, ему казалось, что он видит лодку, приближающуюся к нам, или же раскинутый на берегу лагерь, и при этом он каждый раз выказывал сильнейшее волнение.

Сэр Вильям, разумеется, не мог не заметить все эти странные выходки милорда, и он очень часто отводил меня в сторону и высказывал свое удивление по этому поводу.

В ответ на его вопросы я только покачивал головой и старался, не выдавая сути дела, намекнуть ему о том, что лорд в дурных отношениях с братом, и что при встрече обоих братьев может выйти крупная неприятность.

– В таком случае, пусть он лучше один отыскивает его, где хочет, – ответил сэр Вильям.

– Где же ему его найти? – сказал я. – Он просто расстроен и поэтому ему кажется, что он то тут, то там встретится с ним.

– Хорошо, хорошо, мне до этого никакого дела нет, пусть он воображает, что ему угодно, – сказал сэр Вильям, – но только если бы мне все это заранее было известно, то я не отправился бы вместе с ним в путь.

Мы приблизительно с неделю путешествовали, когда мы приехали в местность, окруженную высокими горами, покрытыми лесом. Тут мы остановились, вышли из лодки и раскинули лагерь. Мы зажгли костры, затем поужинали и, по обыкновению, после этого улеглись спать. Был страшный холод; как я ни закутывался в плащ, и чем я ни покрывался, я никак не мог согреться, так что в продолжение всей ночи ни на минуту не мог заснуть, и как только начало рассветать, встал и подошел к костру, чтобы согреться, а затем начал ходить взад и вперед по берегу, чтобы размять свои окоченевшие члены. Делалось все светлее и светлее. Мои спутники один за другим начали просыпаться в то время, как я все еще в своем теплом пальто из воловьей шерсти разгуливал взад и вперед по берегу, и пар выходил из моих ноздрей. В эту минуту я вдруг услышал какой-то странный крик, раздавшийся с опушки леса. Караульные ответили на этот крик, а мои спутники вскочили на ноги, и один из них указал пальцем по тому направлению, откуда раздавался крик, а все другие устремили туда свои взоры. Я также взглянул туда и увидел человека, стоящего между двумя деревьями и в страшном волнении простирающего к нам руки. Через минуту после этого он подбежал к нам, бросился на колени и залился слезами. Это был Джон Моунтен, торговец, которому, судя по его словам, удалось избежать страшной гибели. Первое слово, которое он произнес, было: не видели ли мы Секундры Дасса?

– Кого? – в изумлении спросил сэр Вильям.

– Нет, – ответил я, – мы его не видели. А почему вы думаете, что мы непременно должны были его видеть?

– Нет? Не видели? – спросил он. – В таком случае я не ошибся. Но интересно знать, – сказал он, проводя рукой по лбу, – интересно знать, зачем он вернулся? Зачем он пошел опять туда, где лежат бездыханные трупы? По моему мнению, тут должна быть тайна, какая-нибудь особенная тайна.

Слова Моунтена возбудили наше любопытство, и мы с жадностью начали прислушиваться к тому, что он говорил. Но я думаю, что будет лучше, если я по порядку расскажу все, что мне известно о происшествии, приключившемся с Моунтеном. Я тотчас сообщу о том, что я слышал насчет этого происшествия из трех источников, но я должен прибавить, что рассказчики, от которых я узнал об этом происшествии, рассказывают о нем каждый по-своему.

Первый мой источник – это письменное изложение торговца Моунтена, весьма умно и, главное, хитро написанное в том смысле, что в нем умалчивается о преступлениях, совершенных шайкой разбойников, с которой он ездил.

Второй мой источник – два разговора, которые я имел с Секундрой Дассом, и третий мой источник – это рассказ самого Моунтена, вполне откровенно сообщившего мне все, что с ним и с его товарищами произошло. По всей вероятности, он смотрел на меня как на сообщника милорда, и поэтому не скрыл от меня ничего.

Рассказ торговца Моунтена

Компания, отправившаяся вверх по реке Гудзон под начальством капитана Гарриса и мастера Баллантрэ, состояла из девяти человек, из которых все, за исключением Секундры Дасса, ничего не заслуживали, как только чтобы их повесили. Сам Гаррис, а равно и вся его команда были отвратительные люди: все они были кровожадные чудовища; некоторые из них были прежде пиратами, но все они были пьяницы и негодяи, и все, нисколько не стесняясь, хвастались друг перед другом совершенными ими некогда преступлениями. По словам Моунтена, дисциплины на лодке не было никакой. Начали сговариваться насчет того, в какую сторону плыть. Капитан Гаррис и четверо из его команды, два шотландца, Пинкертон и Гости, сам Моунтен и какой-то пьяный сапожник, по имени Гиккс, принялись шептаться насчет того, куда выгоднее направить путь. Материальных средств у них для путешествия было вполне достаточно, в особенности у мастера Баллантрэ, который захватил с собой порядочный куш.

Но, несмотря на то, что у него были деньги, положение его было крайне незавидное. Спутники его, за исключением Секундры Дасса, смотрели на него, как на дурака, согласившегося пуститься в путь с малоизвестной ему компанией, и как на жертву, обреченную на гибель. Он напрасно надеялся играть роль вожака разбойников, напротив, всякий из его спутников засмеялся бы ему прямо в глаза, если бы он вздумал корчить из себя важное лицо. Когда Моунтен рассказывал мне об этом, мне даже странно было это слышать. Я до такой степени привык к тому, что мастер Баллантрэ был всегда и всюду первое лицо, что мне даже не верилось, что он мог дойти до такого жалкого положения, в котором он находился, и я краснел за него в то время, как слушал повествование Моунтена. Сколько времени Баллантрэ находился в неведении о том, что на него вовсе не смотрят как на вождя, а что, напротив, ему грозит опасность, мне неизвестно, знаю только, что компания заехала довольно далеко в дикую страну, раньше чем он понял, в каком критическом положении он находится.

Дело было вот как: Гаррис и несколько человек из его компании удалились в лес, чтобы потихоньку от Баллантрэ совещаться насчет него, когда вдруг они услышали какой-то шорох. Моунтен находился тут же в компании, и когда до его слуха донесся шум, он потихоньку отправился по направлению к тому месту, откуда шорох раздавался. Моунтен несколько раз имел дело с индейцами и от них выучился двигаться без малейшего шума. Он, употребляя тот способ, который употребляют индейцы, когда шпионят, двигался все дальше и дальше вперед,

когда вдруг он заметил вблизи от себя человека, двигавшегося вперед таким же способом, каким двигался он. Это был Секундра Дасс. Когда Моунтен увидел Секундру, он в первую минуту не знал, смеяться ли ему или сердиться на него, но, во всяком случае, он пришел в крайнее недоумение относительно того, чего хотел Секундра Дасс. Моунтен вернулся обратно к компании, которую он покинул, и рассказал ей о том, что он видел. Гаррис и его товарищи также крайне удивились тому, что Секундра Дасс шпионит. Теперь, когда они узнали, что тот, кто шевелился в кустах, был не посторонний индеец, а Секундра Дасс, они успокоились насчет того, что им не грозит от индейцев нападение, но, с другой стороны, им грозила опасность, что Баллантрэ узнает о том, что против него замышляют, так как если Секундра подслушивает, что они говорят, то, стало быть, он знает английский язык, а если он знает английский язык, то, стало быть, он понимает, что они говорят, и все, что он слышит, передаст мастеру Баллантрэ. Но если Секундра Дасс понимал по-английски и скрывал это, то зато Гаррис, в свою очередь, знал индостанский язык и также скрывал, что он его знает, и из всего этого вышло следующее: Секундра подслушивал, когда Гаррис совещался со своими товарищами, а Гаррис решил подслушать, что Секундра Дасс будет говорить своему другу. Он, не медля ни минуты, оставил остальных заговорщиков на том месте, где они сидели, и подполз к шатру, в котором сидел Баллантрэ, и подслушал, что ему рассказывал Секундра Дасс. В то время, как заговорщики сидели и покуривали трубки, Гаррис подслушивал, что Секундра Дасс и мастер Баллантрэ говорили.

Когда, спустя долгое время, Гаррис вернулся к своим друзьям, лицо его было мрачнее ночи. Из того, что он слышал, он удостоверился в том, что он не ошибся в своем предположении и что Секундра Дасс действительно отлично понял все, что они говорили, и все это передал своему господину, и что оба они решили на следующий же день бежать из той компании, в которой они находились, предпочитая лучше голодать и рискуя быть съеденными дикими зверями или убитыми дикарями, чем оставаться дольше в обществе изменников.

Что было делать? Некоторые из разбойников предложили убить мастера Баллантрэ на месте, но Гаррис был против этого, так как желал сначала вырыть клад, за которым мастер Баллантрэ только и отправился, а затем уж убить его. Он решил, что убивать мастера Баллантрэ раньше, чем тот найдет клад, который он зарыл, не имеет никакого смысла, а что надо только следить за тем, чтобы он не убежал. Один или двое разбойников предложили вернуться обратно в Нью-Йорк и прекратить все это путешествие, но остальные об этом и слышать не хотели: их разбирала жадность, они во что бы то ни стало хотели воспользоваться кладом и стояли на том, что не стоило предпринимать такого длинного и такого трудного путешествия, если не воспользоваться выгодой, которую оно представляло.

Насколько я могу судить, разбойники эти были не только злые и отвратительные люди, но вместе с тем и дураки. Быть может, Гаррис был немного умнее других, Моунтен был не форменный дурак, а Гасти, как уверял Моунтен, был образованный человек, но, во всяком случае, все они были негодяи и дураки. Что они были дураки, доказывает следующее решение, к которому они пришли: они решили следить за мастером Баллантрэ, молчать о том, что они намерены предпринять, чтобы Секундра Дасс не мог подслушать, что они говорят, и не давать ему больше повода к подозрению. Таким образом они надеялись обмануть свою жертву и заставить ее выдать им секрет, где хранится клад, за которым они отправились. А выведав от мастера Баллантрэ все, что им было нужно, они решили его убить.

Два раза в течение следующего дня Секундра Дасс и мастер Баллантрэ пытались бежать, но оба раза им это не удавалось. Когда мастер Баллантрэ во второй раз должен был вернуться снова к своим товарищам по путешествию, он был несколько бледен, но при этом совершенно спокоен. Он даже и не подавал виду, будто ему неприятно, что ему не дали бежать, а напротив, очень любезным тоном благодарил разбойников за то, что они, заметив, что он сбился с дороги, не дали ему заблудиться. И при этом он держал себя крайне бодро и непринужденно. Но ясно

было, что он догадался, что то, о чем он разговаривал с Секундрой, было известно и другим и что индоостанский язык, кроме его и Секундры, знал еще кто-то другой, потому что с той поры он и его индус разговаривали шепотом, прикладывая губы друг другу к уху, и сколько Гаррис не старался подслушивать, он с того дня не слышал больше ни слова. В тот же день, когда мастер Баллантрэ и Секундра Дасс сделали попытки бежать, было решено путешествовать пешком и не ехать больше на лодке, так как Гаррис боялся, чтобы в то время, как они будут садиться в лодку или выходить из нее, мастеру Баллантрэ и Секундре Дассу удастся убежать.

И вот между обеими враждебными партиями началась непрерывная скрытая борьба: одна сторона боролась из-за того, чтобы приобрести богатство, а другая боролась за свою жизнь. Разбойники пришли теперь в ту часть пустыни, начиная откуда мастер Баллантрэ должен был взять на себя должность проводника, так как кроме него никто не знал, в какую сторону идти, чтобы найти клад. Под предлогом, будто они боятся нападения индейцев и поэтому не ложатся спать, Гаррис и его сообщники просиживали целые ночи с мастером Баллантрэ и всячески старались выпытать у него хотя бы приблизительное указание, как найти местность, где он зарыл свой клад.

Баллантрэ отлично знал, что если он выдаст врагам свой секрет, то они его убьют, но, между тем, молчать, когда они задавали ему различные вопросы, он также не мог, так как сердить их он не решался. Он находился в крайне критическом положении, но, несмотря на это, как рассказывал мне Моунтен, он не подавал виду, что его что-либо тревожит. Несмотря на то, что жизнь его висела на волоске, он сидел среди этих шакалов так же спокойно, как будто он находился у себя дома, в обществе приглашенных им гостей, и на все вопросы, которые ему задавали, весело и непринужденно отвечал; порою он даже шутил и смеялся и с таким веселым выражением лица разговаривал со своими врагами и прислушивался к тому, что они говорили, что даже трудно было верить тому, что он знал, какая ему грозила опасность. Моунтен уверял, что разбойники много раз начинали даже сомневаться в подлинности рассказа Гарриса, и они, наверно, подумали бы, что их атаман ослышался, если бы они не замечали, что на вопросы, которые они задавали мастеру Баллантрэ по поводу того, где находится его клад, он отвечал уклончиво, а кроме того, делал всевозможные попытки к бегству. О последней его попытке, которая привела к развязке драмы, я намерен теперь рассказать.

Но раньше, чем рассказать об этом, я должен упомянуть о том, что Гаррис и его сообщники стали вести себя все хуже и хуже по отношению к мастеру Баллантрэ и его другу. Они нисколько не стеснялись с ними и позволяли себе даже обращаться с ними дерзко. В один прекрасный день они дошли до того, что под каким-то предлогом отняли у них оружие. Но, несмотря на это, Секундра Дасс все кланялся, а мастер Баллантрэ все улыбался, а в последнюю ночь временного перемирия с врагами он дошел даже до того, что решился забавлять их пением. В эту же ночь, как рассказывал мне Моунтен, он довольно много ел и особенно много пил, по всей вероятности, он пил больше для того, чтобы иметь храбрость исполнить то, что он задумал.

На следующий день после этого, рано поутру, часов около трех, мастер Баллантрэ вышел из своей палатки, делая вид, будто ему очень нездоровится. В течение некоторого времени Секундра Дасс ухаживал за ним, а затем, когда, как было видно, его господину сделалось лучше и он, улегшись на холодную землю за палаткой, заснул, индус оставил его и ушел обратно в палатку. Вскоре после этого караульный, стоявший на часах, сменился, и другой караульный, занявший его место, стал зорко следить за мастером Баллантрэ, лежавшим на земле в плаще из буйволовой кожи и, по всей вероятности, спавшим. Когда начало рассветать, поднялся ветер, и он был настолько силен, что сорвал шляпу со спящего Баллантрэ. Караульному показалось чрезвычайно странным, что Баллантрэ не проснулся, когда ветер сорвал у него шляпу, и он подошел поближе к нему, но тотчас после этого выстрелом из ружья оповестил спавших в палатке о том, что их пленный бежал. Индуса своего он оставил, и тому пришлось дорого рас-

платиться за то, что друг его бежал. Разбойники от злости набросились на него и начали его бить и истязать. Но Секундра, несмотря на все побои и истязания, которым он подвергся, уверял, что он ничего не знал о том, что господин его решился бежать, и не знает, каким образом это случилось и куда мастер Баллантрэ исчез. Ничего другого не оставалось, как поручить Моунтену разыскать мастера Баллантрэ по его следам. Ночь была морозная, но как только солнце взошло, начало таять, следовательно, следы от ног мастера Баллантрэ должны были остаться на земле. Никто, за исключением Моунтена, имевшего много раз дело с индейцами, не мог взять на себя это поручение, и этим Моунтен чрезвычайно гордился. Многие индейцы не умели так ловко выслеживать беглецов, как Моунтен.

Моунтен взял с собой несколько человек из шайки Гарриса и отправился на розыски. Мастер Баллантрэ, по всей вероятности, успел уже довольно далеко уйти вперед, раньше чем его преследователи отправились его разыскивать, потому что Моунтену пришлось долго бежать по его следам, прежде чем он нагнал его. Увидев на недалеком расстоянии от себя мастера Баллантрэ, Моунтен велел сопровождавшим его людям остаться на месте и не двигаться дальше, и отправился вперед один, чтобы захватить беглеца. Он знал, что у мастера Баллантрэ не было оружия, и поэтому не боялся его, и сознание, что он может один взять его и арестовать, доставляло ему особенное удовольствие. Моунтен до такой степени увлекся погоней за своей жертвой, что пришел положительно в восторг, когда увидел так близко от себя того, кого он искал. Мастер Баллантрэ сидел совершенно спокойно, сложив руки за спиной, на одном из огромных камней, лежавших на земле, и смотрел в пространство. Моунтен лег на землю и стал подкрадываться к нему, и он был уже приблизительно в двух шагах от него, когда тот взглянул в его сторону. «Я не знаю, видел ли меня мастер Баллантрэ или нет, рассказывал Моунтен, но только он взглянул совершенно спокойно в ту сторону, где я находился. Во взгляде мастера Баллантрэ было столько решимости, что у меня вся храбрость сразу „вытекла“ из жил, словно ром из бутылки». Вскоре после этого мастер Баллантрэ отвернулся от Моунтена, и последний, воспользовавшись этой минутой, поспешил обратно к своим товарищам.

Но можно себе представить удивление Моунтена и его спутников, когда в то время, как он и они советовались насчет того, как им удобнее всего захватить пленника, пленник сам подошел к ним медленным шагом, и, по-прежнему держа руки за спиной, спокойным тоном сказал:

– А, очень рад видеть вас. Пойдемте обратно в лагерь.

Моунтен не сообщил своим товарищам, что он испугался решительного взгляда Баллантрэ и что тот его заметил, поэтому появление беглеца посреди его преследователей произвело такое впечатление, будто он и не думал бежать, а вернулся только к своим товарищам после прогулки.

Но как только разбойники увидели перед собой беглеца, они принялись ругать его и кричать на него, иные из них грозили ему кулаками, а другие прицелились в него даже из ружей.

– Пойдемте обратно в лагерь, – сказал мастер Баллантрэ. – Я желаю объясниться с вами, но только не с одними вами, а со всеми. А теперь прошу вас не прицеливаться в меня, иначе вам клада, о котором вы мечтаете, не видать как своих ушей. Я, например, не стал бы убивать гуся, который может снести мне золотые яйца, – присовокупил он, улыбаясь.

Это спокойствие и хладнокровие мастера Баллантрэ произвели на разбойников очень хорошее впечатление. Они ничего не ответили, опустили ружья и отправились обратно в лагерь. На обратном пути мастеру Баллантрэ удалось перекинуться с Моунтеном несколькими словами без свидетелей.

– Вы смелый и умный парень, – сказал ему мастер Баллантрэ, – но, между тем, вы действуете крайне неблагоразумно. Ну, согласитесь сами, не лучше ли было бы, если бы вы служили мне, чем этому негодяю Гаррису? Подумайте об этом на досуге, – сказал он, дружески

хлопая его по плечу, – и не торопитесь, а рассудите об этом спокойно и дайте мне ответ. Я советую вам во всяком случае лучше мириться со мной, чем искать ссоры.

Когда преследователи мастера Баллантрэ вместе с ним возвратились в лагерь, Гаррис и Пинкертон, караулившие Секундру, словно коршуны, собрались кинуться на свою жертву, но, к великому их удивлению, разбойники остановили их и сказали, чтобы они сначала выслушали, что этот джентльмен им скажет.

Мастер Баллантрэ не моргнул даже глазом, когда на него набросились Гаррис и Пинкертон, и с удивительным спокойствием и хладнокровием следил за тем, что происходило вокруг него.

– Не торопитесь, пожалуйста, не торопитесь, – сказал он наконец. – Давайте сначала есть, а потом уж займемся разговорами.

Как он сказал, так и сделали. Сначала разбойники подкрепились едой, а затем мастер Баллантрэ, подперев голову рукой, начал свою речь.

Он говорил долго, обращаясь при этом ко всем разбойникам, за исключением Гарриса, и каждому из них, за исключением опять-таки Гарриса, он сказал что-нибудь приятное. Он назвал их храбрыми, честными молодцами, уверял, что никогда не имел дела с более умными и веселыми людьми, чем они, которые умели бы выносить трудности путешествия более спокойно и при этом находились бы постоянно в хорошем расположении духа.

– Одни из вас спрашивают меня, какой черт заставил меня бежать отсюда, зачем я убежал? Мне кажется, что вопрос этот совершенно лишний, так как всякий из вас отлично знает, что я убежал по той причине, что мне надоело находиться в обществе обманщика и предателя. Кто этот предатель, вы отлично знаете, но, во всяком случае, имя его я назову вам тотчас, подождите только секунду. Другие из вас спрашивают меня, зачем же я вернулся обратно? Отлично, раньше чем я отвечу вам на этот вопрос, я со своей стороны предложу вам другой: кто из вас говорит на индостанском языке, кто? Гаррис, этот обманщик Гаррис, не правда ли? – закричал он сердитым голосом, грозя Гаррису кулаком, и после того, как он получил утвердительный ответ, продолжал: – Ага! Стало быть, мои предположения совершенно правильны, и я отлично сделал, что вернулся обратно. Ну-с, друзья мои, теперь извольте слушать, что я вам скажу.

И он в высшей степени красноречиво принялся рассказывать о том, как он давно уже подозревал Гарриса в измене и предательстве и в том, что он знает индостанский язык, и уверял, что Гаррис переиначил все, что слышал из его разговора с Секундрой Дассом. При этих словах он снова погрозил кулаком в ту сторону, где сидел Гаррис.

– Вы воображаете, что Гаррис разделит на равные части клад, который мы выроем? – продолжал он. – Вы очень ошибаетесь, он обманщик и только дурачит вас. Вы думаете, что у него нет денег? Очень ошибаетесь. Он запасся средствами, но с вами он не делится. Вы не смотрите на то, что он дурак, но он чрезвычайно хитер. Он получил большой куш, но от вас он это скрывает, и могу вас уверить, что если вам нечего будет есть, он вам все равно ничего не даст. А я отлично знаю, что у него есть деньги: мой брат дал ему большую сумму с тем, чтобы он меня убил. Да, да, верьте, что я говорю правду. Взгляните, взгляните на него, это скверный, гадкий, жадный вор!

После этого он начал рассказывать о том, как он сначала думал бежать, но затем рассудил лучше вернуться, объяснить товарищам, как их обманывают, и снова попробовать иметь с ними дело, так как он был убежден, что как только он откроет им глаза, они сместят Гарриса и изберут себе другого вождя.

– Вот вам истинный, правдивый рассказ всего, что мне известно, – окончил он свою речь, – и, сообщив вам обо всем, я всецело отдаюсь в ваши руки, но только с условием, чтобы вы дали мне какое вам угодно оружие, хотя бы даже простую палку, при помощи которой я мог бы сражаться вот с этим негодяем, – он снова погрозил рукой по направлению к тому месту,

где находился Гаррис, – и я при помощи самой обыкновенной палки уложу его на месте, так что он у меня и не пикнет.

Было уже совершенно темно, когда мастер Баллантрэ окончил свою речь. Горевший костер бросал на лица сидевших вокруг него разбойников мало света, поэтому невозможно было разобрать, какое впечатление речь мастера Баллантрэ произвела на них: поверили ли они ему или нет. Перед тем как начать речь, мастер Баллантрэ уселся на самое видное место и сделал специально, так как надеялся своей представительной фигурой и красивой наружностью произвести эффект.

Когда он замолчал, с минуту царила полная тишина, но затем между разбойниками поднялся спор. Баллантрэ не принимал в нем участия: он лег на спину и, подложив руки под голову и положив одну ногу на другую, лежал и делал вид, будто ему все равно, чем решится спор его врагов. И тут уж он, по моему мнению, зашел слишком далеко и слишком понадеялся на себя и на силу своего красноречия. Быть может, если бы он также принял участие в споре, то дело вышло бы лучше, но так как он больше не вмешивался в разговор разбойников, то после долгих споров за и против него кончилось тем, что все оказались против. По всей вероятности, мастер Баллантрэ надеялся, что здесь повторится то же самое, что происходило на корабле пиратов, что слова его произведут эффект и его выберут вождем, но вышло иначе, чем он предполагал.

Моунтен действительно сделал это предложение, но Гасти его тотчас отвергнул. Хотя Гасти и не пользовался любовью своих товарищей вследствие того, что он был очень угрюмый и неприветливый человек и очень дурной товарищ, но так как он некоторое время занимался в Эдинбургской коллегии – из которой его, между прочим, за дурное поведение выгнали, – то слова его имели все-таки большой вес. И действительно, как только Гасти начал излагать свое мнение по поводу того, что мастеру Баллантрэ не следует верить, все решительно согласилось с ним, и получилось так, что мастер Баллантрэ говорил впустую. Гасти старался доказать, что все, что говорил мастер Баллантрэ, не имело ни малейшего отношения к самому главному, что их интересовало, а именно к тому, где хранится клад, который их интересует. Быть может то, что мастер Баллантрэ говорил про Гарриса, и была правда, но только об этом можно потолковать впоследствии, когда клад будет уже найден, теперь же самое важное это то, как его найти. Но что это имеет общего с кладом?

Они слышали длиннейшую речь, говорил Гасти, но слова, которые они слышали, были пустые, совершенно пустые, и факт, что мистер Дьюри бежал и уже делал раньше несколько попыток к бегству, остается все-таки фактом. Пришел ли он сам, или же его привели – это для него, Гасти, не имеет никакого значения, а он знает только то, что вся эта возня с ним ему крайне надоела и что надо ей положить конец. Что касается до избрания нового вождя, то, по его мнению, все они свободные люди и никаких вождей и атаманов у них нет и они в них не нуждаются. А по поводу того, что мистер Дьюри предложил бороться с Гаррисом, так он, Гасти, придерживается такого мнения, что ему давать в руки оружие никак не следует и бороться ему ни с кем из окружающих его людей позволять не надо.

– Какого труда нам стоило обезоружить нашего беглеца! – окончил свою речь Гасти. – И мы положительно были бы дураки, если бы мы решились такому человеку, как он, отдать снова в руки оружие. В заключение скажу вам, что мне надоело без всякого смысла бродить по пустыне; мы бродим тут уж слишком долго, и я вовсе не желаю провести все время, которое мне осталось еще жить, тут, в этой дикой стране, а поэтому я предлагаю поступить с нашим пленником следующим образом: пусть он сообщит нам, где находится клад, который мы ищем, или же мы его застрелим. И вот, – присовокупил он, показывая мастеру Баллантрэ пистолет, – вот оружие, которое я думаю в этом случае употребить.

– Вот человек, так человек, вот таких молодцов я люблю! – воскликнул мастер Баллантрэ, вставая и глядя на Гасти с восторгом.

– Мне решительно все равно, восторгаетесь вы мною или нет, – сказал Гасти. – Потрудитесь ответить мне: желаете ли вы нам сообщить, где находится клад?

– Ваш вопрос совершенно лишний, вы отлично знаете, что тут может быть только один ответ, – сказал мастер Баллантрэ. – Вы находитесь очень близко от того места, где зарыт клад, и завтра я покажу вам это место.

С этими словами он, сделав вид, будто он крайне доволен тем, что разговор кончился, и кончился именно в том смысле, в котором он желал, ушел в свою палатку в сопровождении Секундры.

Когда я вспоминаю о том, что мастеру Баллантрэ пришлось переносить в последние дни своего странствования по дикой стране, и с какой энергией и стойкостью он выносил свое положение, то я не могу не восторгаться им. Даже в такую критическую минуту, как та, когда он после речи, которую он произнес и которая не произвела того впечатления, на которое он рассчитывал, осознал, что он погиб и что его речь привела только к тому, что вместо Гарриса первый голос среди разбойников стал иметь теперь Гасти, даже тогда он не потерялся и ушел в свою палатку так же спокойно и с таким же веселым выражением лица, как будто он уходит из театра после представления и отправляется в какое-нибудь увеселительное заведение ужинать. Но, несмотря на это, я уверен, что в душе он испытывал страх и что он дрожал за свою жизнь.

Ночью в лагере разбойников разнесся слух, что мистер Дьюри захворал, и на следующий день рано поутру он через Секундру Дасса попросил Гасти, чтобы тот пришел к нему в палатку. Когда Гасти подошел к нему, он со страхом в голосе спросил, не разбирается ли он в медицине и не может ли он дать ему какое-нибудь средство, так как он чувствует себя очень скверно. Мастер Баллантрэ обратился именно к Гасти по той причине, что тот в то время, как он был студентом, слушал лекции по медицине. Гасти был крайне самолюбивым человеком и воображал о себе очень много, хотя в сущности ровно ничему как следует не учился и ничего не понимал. Он был очень польщен тем, что мастер Баллантрэ обратился к нему за помощью, осмотрел больного, выслушал его, но так как он ничего не смыслил, то и не мог понять, на самом ли деле мастер Баллантрэ болен или же он только притворяется.

Осмотрев больного, Гасти вернулся снова к своим товарищам и, желая показать, что он хорошо знает медицину, объявил, что больной находится при смерти.

– Но, несмотря на это, – сказал он, громко ругаясь, – несмотря на то, что он болен, он все-таки должен нынче утром показать нам, где находится клад.

Против подобного бессердечного требования Гасти разбойники однако восстали, больше же всех протестовал против этого Моунтен. Моунтен и прочие разбойники высказали мнение, что они нисколько не станут протестовать против того, если мистера Дьюри застрелят, когда он будет здоров, что им его не жалко, но что заставить больного человека встать, бродить по пустыне и отыскивать клад – на это они не решатся. Хотя они и не сознавались в этом, но, очевидно, храбрость мастера Баллантрэ и речь, которую он произнес накануне, произвели на них благоприятное впечатление. Они, по-видимому, недовольны были своим новым вождем и воспользовались случаем, чтобы доказать ему это. Они в один голос решили дать больному один день отдыха и раньше следующего дня не двигаться в путь.

Но на следующий день больному сделалось еще хуже, так что Гасти, и тот почувствовал к нему нечто вроде сострадания. На третий день больной призвал Гасти и Моунтена, объявил им о том, что он чувствует, что он умирает, и сказал, что раньше чем умереть, он расскажет им, где находится клад, который они ищут. Он дал им некоторые указания насчет того, как и куда им отправиться, и сказал, чтобы они поспешили искать его, пока он еще жив, чтобы в случае, если они клада не найдут, они, вернувшись, могли бы еще воспользоваться от него некоторыми дальнейшими указаниями.

Но никто из разбойников не решился пустить другого отыскивать клад, так как ни один из них не доверял другому. По всей вероятности, мастер Баллантрэ на это и рассчитывал и наде-

ялся, что разбойники, не доверяя друг другу, отправятся все на поиски клада. Но он ошибся. Разбойники тотчас сообразили, что от них желают избавиться, и хотя мастер Баллантрэ и говорил слабым голосом и порою даже совсем терял голос, они все-таки не вполне доверяли тому, что он так слаб, и боялись, чтобы в то время, как они отправятся в путь, пленный, за которым они так тщательно следят, не убежал бы от них. Поэтому они решили, под предлогом, будто им жалко покидать больного, ждать, чем кончится болезнь мастера Баллантрэ, и не искать клада, пока их пленник не выздоровеет или не умрет.

Странно, что несмотря на то, что разбойники, нисколько не смущаясь, готовы были во всякую минуту убить мастера Баллантрэ, теперь, когда он умирал своей естественной смертью, им было его жаль. Как это ни странно, но это было так.

Вскоре после обеда мастер Баллантрэ попросил Гасти прийти к нему и помолиться около него. Гасти исполнил его желание и помолился около него, а часов в восемь вечера Секундра, дежуривший у больного, пришел к разбойникам и объявил им, что пленник их умер.

Вечером, часов около десяти того же дня, Секундра принялся рыть могилу для мастера Баллантрэ, а на восходе солнца следующего дня он похоронил своего господина. Тело мастера Баллантрэ завернули в меховое платье и его в присутствии разбойников положили в могилу. Лицо мастера Баллантрэ, которое было положительно воскового цвета, Секундра ничем не покрыл, а в ноздри он заткнул ему что-то, уверяя, что этого требует индусский обычай, и так как индус настоятельно требовал, чтобы его господина похоронили с заткнутыми ноздрями, то никто ему не противоречил. Как только тело мастера Баллантрэ зарыли, индус принялся кричать и вопить над могилой таким раздирающим душу голосом, что разбойники, боясь, чтобы крики индуса не привлекли на это место еще других индейцев, принялись его утешать и старались заставить его замолчать.

Но вскоре разбойникам надоело возиться с индусом и они, оставив его в покое, начали советоваться о том, как бы им отыскать клад. Так как клад, который они искали, был зарыт неподалеку от того места, где они раскинули шатры, то они решили не снимать лагеря, а днем отправиться отыскивать клад и на ночь возвратиться снова обратно в лагерь. Они, оставив Секундру лежать на могиле мастера Баллантрэ, отправились на розыски клада, но ничего не нашли и вернулись к ночи снова в лагерь. В эту ночь они не вошли в палатки и поэтому не поставили караульного, а зажгли костер и улеглись вокруг костра.

Когда настало утро, разбойники лежали еще в том же самом положении, в каком они улеглись с вечера, и все крепко спали, за исключением Пинкертона, который был убит. Каким образом его убили и кто его убил – неизвестно, но только он лежал закутанный в плащ, мертвый и производил страшное впечатление, так как был не только убит, но и скальпирован.

Когда разбойники увидели убитого и изуродованного Пинкертона, они страшно побледнели от ужаса, так как поняли, что и им может грозить такого же рода смерть, какая постигла Пинкертона. Но, несмотря на то, что одного из товарищей убили, разбойники, обвиняя себя в том, что они не поставили на ночь караульного, решили не уходить из этой местности раньше, чем они найдут клад. Жадность к деньгам была у них настолько велика, что они, преодолев свой страх и похоронив Пинкертона рядом с мастером Баллантрэ, снова отправились на поиски клада. Они провели в поисках целый день и вернулись домой только к ночи в крайне удрученном состоянии духа. Клада они никакого не нашли, а теперь, когда наступила ночь и вместе с нею настали потемки, они почувствовали страх перед индейцами и боялись, чтобы кого-нибудь из них не постигла та же участь, которая постигла Пинкертона.

В эту ночь они решили поставить караульного. Первым караульным был Моунтен. Он уверял, что он ни на минуту не присаживался и не смыкал глаз и в продолжение всей ночи ходил вокруг лагеря и только тогда, когда его время смениться настало, подошел к тому разбойнику, который должен был его сменить, имея намерение разбудить его. Разбойник, который

должен был сменить Моунтена, был сапожник Гиккс; он спал несколько поодаль от других, на ветренной стороне, и ветер все время гнал дым от костра в его сторону.

Моунтен подошел к спавшему и взял его за плечо, но при этом почувствовал под рукой что-то мокрое, и когда в эту минуту ветер переменял направление и дым не закрывал лица и фигуры сапожника, Моунтен, к великому своему ужасу, увидел перед собой бездыханный и обезображенный труп. Сапожника Гиккса, равно как и Пинкертона, индейцы сначала убили, а затем скальпировали.

Ясно было, что разбойники попали в руки каких-нибудь подкупленных индейцев-убийц, которые занимались тем, что каждую ночь убивали одного из разбойников и добывали себе скальп, добычей которых они гордились, так как они служили им трофеями.

Когда разбойники, которых теперь вместо девяти числом было только шесть, увидели обезображенный труп сапожника Гиккса, они, схватив свои пожитки, которых было весьма немного, бросились бежать куда глаза глядят, оставив костер горящим, а сапожника Гиккса непохороненным. Они до такой степени испугались и так торопились бежать из той местности, где им грозила опасность, что бросив мысль отыскивать клад, только на несколько минут останавливались, чтобы поесть, и не решались даже лечь ночью спать, а бежали все дальше и дальше вперед.

Но человек существо слабое. Как разбойники ни пересиливали себя, чтобы не лечь спать, сон в конце концов все-таки преодолел их, и они в одну ночь крепко заснули. Когда же они проснулись, то, к великому ужасу, увидели, что враги их находятся совсем близко от них и, следуя по их пятам, догоняют их. Вскоре после этого индейцы набросились на разбойников, и между ними началась кровопролитная борьба.

Те разбойники, которым удалось спастись, убежали, и, не разбирая, куда и в какую сторону они бегут, и не имея ни крошки провизии, кинулись по боковой тропинке в лес.

Все бедствия, которым подверглись беглецы, я не стану описывать, довольно того, если я скажу, что разбойники рассеялись в разные стороны и что неизвестно, кто из них спасся, а кто нет. Что из них в живых остались Моунтен и Секундра Дасс, это я знаю, об остальных же не имею сведений.

Моунтен был крайне удивлен тем, что его и Секундру не тронули, и был вполне убежден в том, что атаман шайки индейцев, набросившихся на них, был один из тех индейцев, с которыми он вел торговлю, и что поэтому его пощадили. Секундру Дасса они, по мнению Моунтена, пощадили по той причине, что они считали его сумасшедшим. Они пришли, по всей вероятности, к этому убеждению вследствие того, что в то время, как разбойники схватились за свое оружие и всячески старались сберечь свою провизию и не отдавать ее врагам, Секундра Дасс положил на плечо свою кирку, совершенно спокойно ожидал появления врагов и даже не намеревался бежать от них. Кроме того, он разговаривал сам с собой на своем родном языке, и это обстоятельство производило на всех довольно странное впечатление. Но когда ему впоследствии пришлось говорить по-английски, то оказалось, что он вполне здравомыслящий.

Когда Моунтен и Секундра Дасс остались вдвоем после того, как другие разбойники разбежались, а быть может и погибли, индус спросил Моунтена:

– Как вы думаете, наши враги ушли и теперь уже не настигнут нас?

– Я молю Бога, чтобы это было так. Я надеюсь, что мы спасены; я боюсь даже высказать это, но я надеюсь, что они оставят нас теперь в покое, – ответил Моунтен, как он передавал мне, неуверенным тоном, едва помня, что он отвечает.

И на самом деле, Моунтен был до такой степени расстроен, что когда он прибежал к нам в лагерь и рассказал нам обо всем, что с ним случилось, он не мог даже в точности припомнить, приснилось ли ему, что Секундра после того, как он ответил ему, повернулся и пошел обратно по тому направлению, где в последнее время они, стояли лагерем, и где он на каждом шагу мог наткнуться на искалеченные и обезображенные трупы.

Глава XII

Путешествие по дикой стране (*Продолжение*)

То, что я рассказал в предыдущей главе, рассказал Моунтен сэру Вильяму Джонсону и милорду в моем присутствии, но только в более коротких словах, чем я. Когда Моунтен дошел до того места, когда мастер Баллантрэ захворал, он начал говорить все с большим увлечением, и на лице его выразился страх при одном воспоминании о том, что происходило. Мы, находясь в пустыне, неподалеку от того места, где происходили все эти ужасные события, поневоле почувствовали также страх, когда услышали повествование Моунтена, так что и рассказчик, и слушатели были одинаково возбуждены, когда перед ними развертывалась такая ужасная картина. Рассказ Моунтена произвел очень сильное впечатление не только на лорда и на меня, но и на сэра Вильяма Джонсона, и тот вследствие этого рассказа даже переменял первоначальное намерение, которое он имел.

Об этом я расскажу несколько подробнее. До альбанцев донесся слух, будто против них начинаются враждебные действия со стороны индейцев, и что индейский дипломат Вильям Джонсон отправился на зиму в дикую страну, чтобы в самом начале пресечь неудовольствия и уладить дела, могущие в противном случае привести к весьма серьезным последствиям. Забравшись в пустыню, дипломат будто бы узнал, что он пришел сюда слишком поздно, и ему представился весьма трудный выбор: или, рискуя жизнью, идти дальше вперед, или же, не добившись никаких результатов, тотчас отправиться в обратный путь.

Сэр Вильям был человек не особенно храбрый, но и не особенно осторожный. Его положение по отношению к индейцам было приблизительно такое же, как положение лорда-президента Куллодена по отношению к нашим горцам в 45 году, т. е. сэру Вильяму, равно как и лорду-президенту, необходимо было выбрать удобный момент для политических переговоров с татуированными дикарями, иначе дело могло кончиться скверно: индейцы начали бы войну, стали бы жечь дома, нападать на проезжих и убивать и скальпировать несчастных альбанцев, попадающихся им навстречу. С другой стороны, если сэр Вильям Джонсон рискнет проникнуть дальше, то еще неизвестно, удастся ли ему умиротворить индейцев и не рискнет ли он своей жизнью совершенно напрасно, так как если индейцы уже начали свои военные действия, то их остановить чрезвычайно трудно.

Когда Моунтен окончил свой рассказ, сэр Вильям погрузился в мрачные думы и, понуриив голову, несколько минут молчал, а затем печальным голосом сказал:

– Я прибыл сюда слишком поздно, индейцев уже не унять, увы! Я пришел слишком поздно. – Сказав это, он поднял голову и взглянул на милорда, на Моунтена и на меня, сидевших вокруг костра, горевшего в одном из углов лагеря, и который мы развели специально для себя. Затем, обратившись к милорду, он продолжал: – Видите ли, милорд, хотя мне и очень жаль, но мне кажется, что лучше, если мы с вами расстанемся. Моя обязанность идти дальше вперед, но так как я вижу, что путешествие мое сопряжено теперь с риском и с опасностью для жизни, то я положительно не знаю, зачем мне подвергать этой опасности и вас. Мне кажется, что лучше, если вы возьмете одну из моих лодок и несколько человек из моей свиты и вместе с мистером Маккелларом отправитесь обратно в Альбани. Я бы очень советовал вам это сделать.

Я должен раньше еще заметить, что милорд прислушивается к тому, что рассказывает Моунтен, с удивительным интересом, и в продолжение всего времени, пока рассказ продолжался, не спускал с Моунтена своего напряженного и вместе с тем печального взгляда.

Но как только рассказчик кончил свой рассказ, милорд погрузился в мрачные думы и стал производить впечатление человека не бодрствующего, а спящего. Теперь в его взгляде

было что-то странное и, если можно так выразиться, что-то нечеловеческое; лицо у него было мрачное, и оно словно вытянулось и заострилось, а глаза налились кровью.

Я не мог смотреть на него без жалости, так как я любил его, а Моунтен и сэр Вильям прямо-таки отворачивались от него, такое неприятное впечатление он производил. Сэр Вильям, стараясь не смотреть на него, глядел в противоположную сторону, а когда во время своего рассказа Моунтен случайно взглядывал на него, он бледнел на минуту, запинаясь и также тотчас отворачивался.

Когда сэр Вильям предложил милорду отправиться обратно в Альбани, милорд как будто пришел в себя и совершенно спокойным голосом спросил:

– Вы, стало быть, советуете мне ехать в Альбани?

– Да, в Альбани, так как ближе нет места, где бы вы могли находиться в полной безопасности.

– Мне бы не хотелось возвращаться в Альбани, – ответил милорд. – Я не боюсь индейцев, – присовокупил он с некоторым ударением.

– Я был бы чрезвычайно рад, если бы мог сказать то же самое, – возразил сэр Вильям, улыбаясь, – но, к сожалению, я этого сказать не могу. А между тем, я не могу возвратиться обратно, как бы я этого ни желал, так как я обязан исполнить данное мне поручение, и несмотря на то, что я подвергаю жизнь свою опасности, должен идти дальше вперед. Вам же, насколько я могу судить, ехать дальше незачем. То, что вас интересовало, вы узнали. Очень сожалею о том, что вам пришлось получить такое печальное известие, но во всяком случае дальнейших известий вам ждать нечего, и ехать вам дальше также незачем, и поэтому я положительно отговариваю вас следовать за мной. Я не могу взять на себя ответственность везти вас дальше, так как знаю, какому риску я подвергаюсь сам, и вовсе не желаю подвергать ему и вас. Если с нами случится что-нибудь ужасное то каждый человек будет иметь право осудить меня за то, что я повел вас на погибель.

Милорд ничего не ответил и, обратившись к Моунтену, спросил:

– Почему вы думаете, что он умер?

– Я не вполне понимаю, что ваша милость спрашивает? – спросил в свою очередь Моунтен, глядя на милорда изумленным взглядом и оставляя в покое свои окоченевшие пальцы, которые он в продолжение нескольких минут усердно растирал.

Милорд на секунду призадумался, а затем голосом, в котором слышалось раздражение, сказал:

– Я спрашиваю вас, от какой болезни он умер? Мне кажется, что в моем вопросе ничего непонятного нет.

– О, от какой болезни, этого я не знаю, – ответил Моунтен. – Гости, и тот не знает, от какой. Мне известно только, что он захворал и умер.

– Ага, видите ли, вот оно что! – обратился милорд к сэру Вильяму.

– Милорд, то, что вы говорите, для меня непонятно, – ответил сэр Вильям.

– Как непонятно? Весьма понятно! – воскликнул милорд. – Все это весьма важно для моего сына. Если брата моего нет больше в живых, то все наше состояние и наш титул перейдут впоследствии к моему сыну, а если он жив, то сын мой не наследник. Надо, во-первых, достоверно знать, умер ли он на самом деле, а затем, если умер, то от какой болезни, иначе могут возникнуть различные толки, различные несправедливые подозрения, и прочее, и прочее.

– Но ведь его же похоронили, черт возьми! – воскликнул сэр Вильям.

– Я не верю этому, я не верю этому! – ответил милорд, дрожа всем телом. – Я никогда не поверю этому! – закричал он и вскочил на ноги. – Что, он имел вид умершего? – спросил он Моунтена.

– Вид умершего? – спросил в свою очередь Моунтен. – Разумеется, имел, он был бледен как мертвец. Ведь я же говорю вам, что он умер, и я сам лично бросил горсть земли на его могилу.

Милорд схватил сэра Вильяма дрожащей рукой за рукав и сказал:

– Я должен вам сказать, что мой брат был совершенно особенный человек: его нельзя было убить, и когда он умирал, он тотчас снова оживал.

– То есть, что вы хотите этим сказать? – спросил сэр Вильям.

– Могу вас уверить, что его убить никак нельзя, что у него совершенно особенная натура, – начал шептать милорд. – Я сам пронзил его саблей! – закричал он вдруг громко. – Я чувствовал, как лезвие моего оружия пронзило его грудную клетку и горячая кровь его брызнула мне в лицо, еще раз и еще раз, – повторил он, показывая при этом, как он поворачивал оружие в груди брата, – но, между тем, он все-таки не умер, и я его все-таки не убил. Так как же вы хотите, чтобы я поверил, что он умер теперь? О, нет, я этому не поверю раньше, чем я увижу, что он разлагается.

Сэр Вильям взглянул на меня удивленным взглядом, а Моунтен перестал осматривать свои отмороженные пальцы и, разинув рот, в упор смотрел на него.

– Милорд, – сказал я, – прошу вас, придите в себя и подумайте, что вы говорите.

Больше я ничего не мог сказать, так как у меня от волнения даже в горле пересохло, и я с трудом мог собрать свои собственные мысли.

– Я вижу, что говорить не стоит, он все равно не поймет меня (при этих словах он указал на сэра Вильяма), но Маккелар, тот понимает меня, тот отлично знает, что я говорю правду, так как при нем моего брата уже один раз похоронили. Он замечательно хорошо служит мне, замечательно усердно. И спросите его, сэр Вильям, он и отец мой уж один раз похоронили моего брата, ночью, при свете двух свечей, а между тем домовый привел его снова к нам. Я рассказал бы вам подробно обо всем, но не могу, потому что все это дела семейные. – Он сказал последние слова крайне печальным голосом, и мне показалось, что сильное возбуждение, в котором он находился, прошло. – Спросите Маккеллара, он вам скажет, что брат уже один раз умер, а затем он ожил, так почему же ему и теперь не воскреснуть? – заговорил он снова. – В тот раз мы уже думали, что он умер, а ведь домовый привел его снова домой. Если моего брата похоронили, и он действительно умер, так почему же домовый вернулся снова обратно и не пошел вместе с вами? – обратился он к Моунтену. – Нет, нет, все это необходимо выяснить.

– Я тотчас приду снова к вам, милорд, – сказал сэр Вильям, вставая. – Мистер Маккеллар, будьте так любезны последовать за мной, я желал бы сказать вам только два слова, – обратился он ко мне.

Я встал, и мы оба пошли за лагерь. Замерзшая земля хрустела под нашими ногами, а деревья были покрыты инеем, совершенно как тогда, в день дуэли, в аллее между кустарниками.

– Послушайте, он совсем сумасшедший, – сказал сэр Вильям, когда мы ушли настолько далеко, что милорд не мог слышать, что мы говорим.

– Вы правы, человек этот не в своем уме, – сказал я, – я также в этом убежден.

– В таком случае, быть может, его следует взять и связать? Но я не смею сделать это без вашего разрешения, – сказал сэр Вильям. – Если вы позволите мне поступить таким образом, то я сделаю насчет этого необходимые распоряжения.

Я посмотрел на землю, затем на лагерь с его горящими кострами и разгуливающими взад и вперед людьми, затем на лес и на горы, но единственно, куда я не решался взглянуть, это в лицо сэру Вильяму.

– Сэр Вильям, – сказал я наконец, – я не считаю милорда вполне здравомыслящим человеком, да и давно не считал его таковым, но, видите ли, сумасшествие сумасшествию рознь

и... одним словом, сэра Вильяма, я не беру на себя ответственности, если вы вздумаете лишить его свободы; я против этого.

– Ну, в таком случае я беру на себя ответственность, – сказал сэра Вильям. – Я слышал, какой вздор он болтал. Ну, скажите сами, был ли смысл в том, что он нам говорил, ну хотя бы в том, что он сказал, что вы похоронили уже раз его брата?

– Видите ли, похоронить-то я его не похоронил, но только... Нет, сэра Вильям, я не могу сказать вам, в чем дело, вследствие того, что не имею права открывать семейную тайну весьма почтенной семьи, а если я вам не открою ее, то не могу вам объяснить сути дела, и вы все равно ничего не поймете из того, что я вам скажу. Поэтому не могу вам препятствовать действовать так, как вы считаете необходимым, но должен вам сказать, что умственные способности милорда не настолько расстроены, как это кажется. Вы, к сожалению, получили понятие только о конце трагедии, разыгрывающейся в продолжение многих лет, начало же вам не известно, и поэтому вам трудно судить обо всем остальном.

– Я вовсе не желаю слышать ваши семейные тайны, – ответил сэра Вильям, – но должен сказать вам откровенно, рискуя даже казаться невежливым, что находиться в обществе милорда мне крайне неинтересно.

– Я несколько не удивляюсь этому и вполне сочувствую вам, – ответил я.

– Мне решительно все равно, удивляетесь ли вы или не удивляетесь, сочувствуете ли вы мне или не сочувствуете, – ответил сэра Вильям, – я желаю только избавиться от того общества, в котором я нахожусь, и поэтому я отдаю в ваше распоряжение лодку и предлагаю вам взять с собой несколько человек из моей свиты, а затем прошу вас взять милорда с собой и вместе с ним уехать.

– Это очень любезно с вашей стороны, – сказал я после некоторого раздумья. – Но позвольте только, раньше чем воспользоваться вашим предложением, сказать вам несколько слов. Я должен признаться вам откровенно, что меня также чрезвычайно удивляет тот факт, что индеец снова вернулся туда, где находится могила его господина. Я вполне могу понять моего патрона, меня также крайне интересует то обстоятельство, что индеец вернулся обратно, это весьма подозрительно...

– Да, это правда, – перебил меня сэра Вильям, – и поэтому, так как я отправляюсь приблизительно в ту местность, где, как я могу понять, находится могила брата милорда, то я имею намерение пуститься на поиски индийца. Я уверен, что человек этот, подобно собаке, скучающей по своему господину, отправился на могилу джентльмена, чтобы рыдать на ней и также умереть. Жизнь его, по моему мнению, в большой опасности, и я предлагаю пойти туда и спасти его. Вы его знаете, что он за человек, не дурной?

– По моему мнению, отнюдь не дурной, – ответил я.

– Ну-с, а какой человек был брат милорда? Милорд, насколько я могу понять, недолюбливает его, но судя по тому, что индеец любил его так сильно, надо полагать, что он обладал весьма благородными чертами характера.

– Не спрашивайте меня насчет него! – воскликнул я. – Это был не человек, а какой-то демон. Я знал его много лет и должен сказать, что я ненавидел его, но вместе с тем восторгался им и рабски боялся его.

– Я, кажется, своим вопросом снова заставил вас открыть мне до некоторой степени семейную тайну, – сказал сэра Вильям, – но если я сделал это, то совершенно помимо своей воли, могу вас уверить. Одним словом, мы решили таким образом: я отправляюсь туда, где находится могила брата лорда Деррисдира, и, если возможно, уговорю индуса следовать за мною, а вы постарайтесь уговорить лорда, чтобы он вернулся обратно в Альбани.

– Сэра Вильям, – воскликнул я, – это невозможно! Я заранее убежден, что мне не удастся уговорить его уехать, да я и не стану уговаривать его особенно много, так как я знаю, насколько для него важно знать, умер ли на самом деле его брат или нет... Быть может, вам кажется

это странным, но я люблю милорда, и кроме меня есть еще другие люди, которые его также любят. Вы не знаете его, не знаете, какой это был хороший человек, и поэтому вы не можете судить об этом. Заставить его вернуться в Альбани можно только силой, а подобного рода действие может произвести пагубное влияние на его умственные способности и может даже убить его. В этом я твердо убежден. Но так как я в настоящее время вполне завишу от вас, то я не смею протестовать, если вы возьмете на себя такую огромную ответственность и препроводите милорда в Альбани силой.

– Нет-с, такой ответственности я на себя не беру! – воскликнул сэра Вильям. – И после того, что вы мне сказали, я вовсе не настаиваю на том, чтобы вы увезли милорда. Вы желаете, чтобы я взял вас и милорда с собой, когда отправлюсь отыскивать могилу умершего джентльмена; пусть будет по-вашему. Мне все это дело по горло надоело, и я умываю руки, будь что будет.

С этими словами он отвернулся от меня и велел снять лагерь. В ту же минуту милорд, который находился неподалеку от нас, подошел ко мне и спросил:

– Ну, что, чем решили?

– Ваше желание будет исполнено, – ответил я. – Вы увидите могилу.

По описанию Моунтена могилу мастера Баллантрэ можно было очень легко найти: она находилась рядом с целой группой высоких гор, бросавшихся в глаза своей вышиной и находившихся как раз на меже пустыни. Насчет этого участка земли между индейцами и американцами, жившими у Чампленского озера, происходили постоянно ссоры. Мы избрали кратчайший путь и, по словам сэра Вильяма, приблизительно часов через шестнадцать должны были прийти к тому месту, где находилась могила. Лодки наши мы оставили на реке и приставили к ним караульных. Раньше чем отправиться в путь, мы захватили с собой множество меховых одежд и целую массу лыж, в случае, если бы снежная буря застигла нас и засыпала бы наш путь снегом.

Захватив все, что было необходимо для того, чтобы совершить путешествие, мы тотчас отправились в путь. Мы бодро маршировали целый день и находились уже не более нескольких сотен ярдов от того места, где была могила мастера Баллантрэ, когда настала ночь, и сэра Вильям велел раскинуть лагерь и переждать, пока наступит день, а затем уже отправиться на могилу. Сэр Вильям избрал удобное место для лагеря, расставив вокруг шатров караульных и затем уселся отдохнуть.

Перед нашими глазами была целая цепь высоких гор, к которым мы в течение всего дня продвигались все ближе и ближе. Мы с самого раннего утра отправились в путь, и перед нами в продолжение всего нашего путешествия блестели вершины гор, имевшие такой вид, как будто они из серебра. Это происходило от того, что они были покрыты снегом, и когда солнце освещало их, они блестели. Нам пришлось бродить по твердым кочкам, пробираться по лесу из невысоких деревьев и проходить по берегам бурных потоков, и все время перед нами сверкали серебристые вершины гор. Земля, по которой мы шли, сильно замерзла и так и трещала под нашими ногами, но снег лежал лишь на вершинах гор, на земле его не было.

В течение целого дня в воздухе стоял туман, так что солнце, выглядывавшее из-за тумана, имело вид золотой круглой монеты, и с левой стороны дул сильный ветер, вследствие чего левая щека моя даже заболела, но весь день воздух был замечательно чистый, и поэтому, несмотря на то, что мы быстро маршировали, дышать нам было очень легко. К вечеру ветер стал ослабевать и туман рассеялся; солнце садилось все ниже и ниже и наконец окончательно исчезло за горами. Но перед тем как закатиться, оно осветило еще вершины гор своими бледными лучами.

Было уже совершенно темно, когда мы уселись ужинать. Мы ели молча. Как только мы кончили есть, милорд встал и вышел из палатки. Я тотчас последовал за ним.

Лагерь был раскинут на возвышенном месте, на берегу замерзшего озера, имевшего ширину приблизительно с милю. В непосредственной близости от нас поднимались холмы,

поросшие лесом, а дальше виднелись те высокие горы, о которых я уже упомянул. Небо было чистое, и месяц ясно светил. В воздухе не было ни малейшего ветерка, вокруг нас царила мертвая тишина, ни одна ветка дерева не шевелилась, ни один звук не раздавался, даже шум и звук голосов, который раньше время от времени доносился до нас из лагеря, теперь прекратился. Все вокруг словно замерло. Теперь, когда после того, как солнце зашло, ветер окончательно утих, сразу сделалось так тепло, как будто наступила не осенняя, а июльская ночь. Подобная внезапная теплота производила какое-то особенное странное впечатление, тем более что земля, на которой мы стояли, и озеро, на которое мы смотрели, замерзли.

Милорд, опершись локтем правой руки о ладонь левой и подперев правой рукой подбородок, стоял и смотрел в пространство, на расстилавшийся перед его глазами лес. Я взглянул туда же, куда смотрел и он, и увидел целый ряд сосен; одна часть этих сосен росла на холмах, а другая – в долине. Неподалеку от этих сосен и холмов, как мне было известно, находилась могила нашего врага, покинувшего этот мир и избавившего его от одного из самых предприимчивых и живых его деятелей. О том, что он умер, я думал без сожаления и считал даже за счастье, что он покинул свет и освободил меня от постоянного страха, который я терпел. Из дня в день мучиться мыслью, что между братьями Дьюри может произойти ссора, которая может окончиться кровавой драмой, было ужасно. Мастер Баллантрэ окончил свое земное существование, и это было хорошо.

Думая о смерти мастера Баллантрэ, я невольно вспомнил и о живом мертвце, каким я считал милорда. И на самом деле, разве милорд не был живой мертвец? Разве он жил? Разве он был теперь такой человек, какой он был прежде? Нет, это был воин, у которого из рук выбили оружие, и который, хотя его и вышвырнули из ряда войск, боялся покинуть поле брани и, не будучи в силах сражаться, все-таки медлил уходить с места сражения. А между тем, что это был раньше за хороший, симпатичный человек, какой умный и благородный! Что это был за покорный сын, даже слишком покорный, что за любящий муж! Что это был за терпеливый человек, с каким терпением он переносил всевозможные неприятности, и как он умел при этом казаться спокойным и молчать! Как сильно я любил его, с каким удовольствием я пожимал его руку!

Мне стало его до такой степени жалко, что в то время, как я вспоминал о том, каким он был прежде, глухое рыдание вырвалось из моей груди. Я готов был громко расплакаться, когда я, стоя рядом с ним, взглянул на него и увидел это печальное лицо, на которое падал лунный свет, и я страстно, страстно желал видеть его снова таким, каким он был прежде. Я в душе своей взывал к Богу и просил Его освободить милорда от мук, которые он терпел, и помочь мне сохранить в моем сердце ту любовь, которую я к нему питал.

– О, Боже мой, – молился я, – человек этот был один из лучших людей, которых я знал! Как он был хорош со мной, как ласково он относился ко мне, а между тем теперь я даже боюсь его. Но если он поступал не так, как следовало, то не потому, что у него были злые помыслы, а потому, что он был убит горем. Но, несмотря на это, от него начинают отшатываться многие, и я, я также начинаю отшатываться от него. О, Господи, не дай ему пасть так глубоко, чтобы мы стали ненавидеть его!

В то время, как я в душе моей молился, я услышал вдруг какой-то звук. Он раздавался не особенно громко и не особенно близко от нас, но так как все время вокруг нас царила тишина, то не мудрено, что звук этот всполошил всех, словно трубный звук. Прежде чем я успел вздохнуть, сэр Вильям подошел уже ко мне, а за ним последовала большая часть его свиты. Все мы принялись прислушиваться.

Я взглянул на окружающих меня людей и заметил, что у всех у них лица были бледные, а во взглядах выражалось волнение и страх. У иных лица были мрачные и лбы сморщенные, в то время как они, то нагибая, то поднимая голову, прислушивались к звуку, который казался им чрезвычайно подозрительным.

Милорд, несколько согнувшись, стоял впереди всех. Он поднял руку, подавая этим знак, чтобы все молчали и не двигались, и, прислушиваясь к странному звуку, раздававшемуся беспрерывно, превратился словно в статую.

Мы все стояли и прислушивались к звуку, возбуждавшему наше любопытство, когда Моунтен вдруг шепотом сказал:

– Я знаю теперь, что это такое, – и когда мы все повернулись к нему, чтобы слышать, что он говорит, продолжал: – Это индус, это Секундра Дасс. Он, по всей вероятности, знает, где хранится клад его господина, и вырывает его теперь.

– Да, да, наверно, – сказал сэр Вильям. – А мы были настолько наивны, что вообразили, будто он отправился умирать на могилу своего господина.

– Странно только вот что, – сказал Моунтен, – что звук раздается как раз оттуда, где находился наш лагерь. Кроме того, трудно себе представить, чтобы это был Секундра Дасс, так как если это он, то каким образом он мог попасть туда раньше нас? Нужно иметь крылья, чтобы слетать туда так скоро.

– О, жадность и боязнь – это такие крылья, которые быстро носят, – сказал сэр Вильям. – Но, знаете ли, мне пришла в голову мысль, не отправиться ли нам тотчас также туда и не накрыть ли его в то время, как он вырывает клад?

Предложение сэра Вильяма было принято: решено было отправиться туда, откуда раздавался звук, и застать врасплох Секундру во время его занятия. Некоторые из индейцев, принадлежавших к свите сэра Вильяма, тотчас бросились бежать вперед; в лагере были оставлены караульные, и мы отправились в путь. Мы шли по неровной замерзшей земле, лед трещал под нашими ногами, когда мы наступали на него, и он проламывался, а над нами поднимались густые темные сосны и ярко светила луна.

Нам пришлось спуститься сначала в долину, и чем ниже мы спускались в нее, тем слабее делался звук, который заставил нас пуститься в путь, а когда мы окончательно спустились в нее, мы ничего больше не слышали. Но затем вскоре, когда мы начали подходить к равнине, окруженной холмами, на которых, хотя и в весьма малом количестве, росли сосны, и окруженной скалами, которые бросали на землю темные громадные тени, в то время как их освещала луна, мы не только вполне ясно расслышали звук, но увидели человека, который очень быстро действовал каким-то железным орудием. Мы шли все дальше и дальше вперед, и когда мы наконец подошли совсем близко к тому месту, где орудовал человек, мы остановились и, защищенные деревьями, растущими у подножия холма, к которому мы подошли, стали смотреть на весьма странную картину, представившуюся нашим глазам.

В то время как над нашими головами летали ночные птицы, мы стояли и смотрели на то, что перед нами происходило.

Мы увидели огромную площадь, окруженную высокими горами и освещенную луной. На земле то тут, то там лежали различные пожитки, разбросанные в беспорядке. Посреди площади стояла палатка, покрытая инеем. Дверь в палатку была отворена, и через эту дверь можно было заглянуть в палатку. В ней не было ни одного человека, и было совершенно темно. Неподалеку от нее лежал обезображенный труп человека. Не было никакого сомнения в том, что мы увидели перед собой покинутый лагерь Гарриса; на земле лежали пожитки, которые разбойники разбросали во время бегства, в палатке, стоявшей на площади, мастер Баллантрэ, по всей вероятности, испустил свой последний вздох, а труп, лежавший на земле, был труп убитого сапожника.

Видеть перед собой подобную картину и не ужаснуться было немислимо, и сколько бы человек ни был легкомыслен, при виде подобного потрясающего душу зрелища он невольно должен был почувствовать трепет. Зрелище это сильно подействовало на нас. Но когда мы увидели Секундру Дасса, раскапывающего могилу мастера Баллантрэ и уже по щиколотку влезшего в нее, мы просто окаменели от ужаса. Секундра снял большую часть своей одежды и

положил ее рядом с собой на землю; руки и плечи у него были голые и так и блестели при лунном свете от выступившего на нем обильного пота; на его лице выражались беспокойство и ожидание; звуки, происходившие от удара его заступа, глухо раздавались и напоминали собой глухие рыдания, а за его спиной, при лунном свете, его собственная тень выделяла те же самые жесты, которые делал он. Несколько ночных птиц вспорхнуло при нашем появлении, но Секундра Дасс не обратил на это никакого внимания, до такой степени он был занят своим делом.

Я услышал, как Моунтен шепнул сэру Вильяму:

– Боже милостивый, это могила его господина! Он разрывает ее. Вероятно, он хочет вырыть труп.

Мы все уже сами догадались, что Секундра имел это намерение, но когда Моунтен выговорил эти слова, дрожь пробежала по моему телу.

При словах Моунтена сэр Вильям вздрогнул и, бросившись к Секундре, закричал:

– Проклятая собака, что ты кощунствуешь? Что ты делаешь?

Секундра выскочил из могилы, слабый крик вырвался из его груди, заступ выпал у него из рук, и он на секунду, глядя на сэра Вильяма, словно остолбенел. Тотчас после этого он бросился бежать, но убежал недалеко, а вскоре, сделав руками решительное движение, снова вернулся и сказал:

– Ну, хорошо, если вы пришли сюда, так помогите мне.

Но в эту минуту милорд подошел к сэру Вильяму, и лунный свет упал прямо на его лицо. Увидев лорда, Секундра отскочил, всплеснул руками и жалобно закричал:

– Ах, это он, это он!

– Успокойтесь, успокойтесь! – сказал сэр Вильям. – Вас никто не тронет, если вы ничего дурного не сделали. Ну, а если вы намеревались совершить какой-нибудь дурной поступок, то вам все равно не удастся теперь бежать. Скажите, что заставило вас вернуться сюда, зачем вы раскапываете могилу?

– Вы не принадлежите к числу убийц? – спросил Секундра. – Вы честный человек? Вы не причините мне зла?

– Я не причиню вам никакого зла, если вы ни в чем не виноваты, – сказал сэр Вильям. – Вы можете быть в этом вполне уверены. Я не понимаю, почему вы воображаете, что я убийца?

– Потому что тут вокруг меня все убийцы! – закричал Секундра. – Вот убийца, – сказал он, указывая на Моунтена, – а вот еще двое убийц, – сказал он, указывая на лорда и на меня. – Всех их нужно повесить. Вот как только я вырою саиба, он, наверно, повесит их всех. Саиб, – присовокупил он, указывая на могилу, – саиб не умер, он жив. Он похоронен, но он жив.

Милорд тихо вскрикнул, подошел ближе к могиле и устремил в нее свой напряженный взор.

– Как, похоронен, но между тем жив!? – воскликнул сэр Вильям. – Что вы за вздор болтаете?

– Я расскажу вам, в чем дело, – сказал Секундра, обращаясь к сэру Вильяму. – Саиб и я, мы очутились в руках убийц, мы всячески пробовали убежать, но нам это не удалось; тогда мы решились на последнее средство, чтобы спастись. В Индии тепло, там это средство всегда можно употреблять, но тут, в этой проклятой холодной местности, это труднее, тут надо вырыть его как можно скорее. Я похоронил саиба, но он не умер, он жив. Помогите мне только вырыть его поскорее. Зажгите свет, помогите мне, ройте, ройте скорее. Тут страна холодная, не такая, как у нас, тут надо торопиться.

– Я не понимаю, что этот человек говорит? – спросил сэр Вильям. – У меня положительно голова идет кругом, я как будто одурел.

– Я же говорю вам, что я похоронил его живым, – сказал Секундра. – Саиб на это согласился. Помогите мне вырыть его, зажгите огонь и помогите мне, я же говорю вам, что надо торопиться.

– Зажгите огонь и помогите ему, – сказал сэра Вильям, обращаясь к своим слугам. – Я вижу, что мне во время этого путешествия суждено возиться с полоумными.

– Вы хороший человек, – сказал индус, – теперь я снова примусь вырывать саиба.

Сказав это, он подошел к могиле и стал ее разрывать. Вскоре мы увидели край одежды из буйволово́й шкуры, затем я увидел что-то белое – это было лицо мастера Баллантрэ, которое освещала луна. Секундра стал на колени и принялся своими тонкими пальцами разрывать землю, положительно задыхаясь от волнения. Когда он затем встал и отошел в сторону, я ясно мог разглядеть лицо мастера Баллантрэ: оно было бледно, как у мертвеца, глаза были закрыты, а ноздри и уши чем-то заткнуты; щеки были впалые, нос заострился, но, несмотря на то, что он столько времени лежал в земле, он нисколько не испортился. Но что больше всего поразило нас, так это то, что у него в то время, как он лежал в могиле, выросла борода.

– Боже мой, что это значит? Каким образом у него выросла борода? – воскликнул Моунтен. – Я отлично помню, что в тот день, когда мы его хоронили, он был без бороды.

– Я слышал, будто бывали случаи, что у мертвых вырастали волосы, – сказал сэра Вильям; но он сказал это сдавленным и нерешительным голосом.

Секундра не обращал никакого внимания на наши слова: он все время, словно такса, продолжал рыться в могиле и сбрасывать с мастера Баллантрэ землю. С каждой минутой фигура мастера Баллантрэ в одежде из буйволово́й кожи выделялась все больше и больше. Луна прямо светила на него и освещала его лицо, на которое время от времени падала тень то приближавшихся к могиле, то отдалявшихся от нее людей.

Зрелище, которого мы стали свидетелями, привело нас в ужас. Я положительно не решался взглянуть милорду в лицо. Он в продолжение всего времени, как Секундра разрывал могилу, не двигался с места и, глядя на то, что вокруг него происходило, как будто не переводил дыхания и словно застыл. Впечатление, которое вся эта картина производила, даже трудно описать. На кого-то из слуг сэра Вильяма, стоявших поодаль от меня, оно настолько подействовало, что он зарыдал. Кто это был – я не знаю.

– Теперь помогите мне вынуть его, – послышался вдруг голос Секундры.

После того, как мастера Баллантрэ вынули из могилы, Секундра принялся приводить его в чувство. Сколько времени это продолжалось, три ли часа, пять ли часов, – этого я не помню. Я помню только одно, что ночь еще не прошла, что луна еще не зашла, хотя и стала уже опускаться, и что тени наши стали гораздо длиннее, когда вдруг я услышал радостный возглас Секундры; я наклонился несколько вперед и заметил, что в окоченевшем лице мастера Баллантрэ произошла какая-то перемена. В следующую минуту веки его задрожали, а затем поднялись, и наш бывший враг на секунду взглянул мне прямо в глаза.

Все это осталось у меня в памяти, но появились ли в теле мастера Баллантрэ какие-нибудь другие признаки жизни, этого я сказать в точности не могу, так как меня в ту же минуту отвлекла другая обязанность. Мне говорили впоследствии, будто заживо погребенный открыл даже рот, стараясь говорить, и сморщил лоб, как бы желая собрать свои мысли, но что сказать он ничего не мог. Все это весьма возможно, но поручиться за то, что это было именно так, я не могу, так как в ту минуту, когда он открыл глаза, милорд упал на землю, и когда я бросился к нему, чтобы поднять его, он был мертв.

День настал, а Секундра все еще растирал окоченевшие члены мастера Баллантрэ и всячески старался привести его в чувство, но все напрасно. Сэра Вильям оставил несколько человек из своей свиты под моей командой, а сам отправился с большей частью своих слуг дальше, чтобы исполнить данное ему правительством поручение. Сэра Вильям ушел и давно уже покинул нас, а индус все не терял надежды привести своего господина в чувство и не переста-

вал употреблять всевозможные известные ему средства для оживления умершего. Подобные неутомимые старания со стороны индуса, казалось, могли оживить даже камень, но между тем они ни к каким результатам не привели, и за исключением того раза, о котором я упомянул, мастер Баллантрэ глаз больше не открывал.

Часов около двенадцати дня индус пришел к тому убеждению, что мастера Баллантрэ вернуть к жизни невозможно, и, к моему великому удивлению, придя к этому выводу, совершенно успокоился и вполне твердым голосом сказал:

– Тут слишком холодно, слишком холодно. Что возможно сделать в Индии, того тут нельзя.

После этого он спросил что-нибудь поесть и, усевшись рядом со мной у костра, с жадностью принялся есть, что ему подали. Кончив есть, он тут же на месте растянулся и заснул крепким сном. Через несколько часов после этого мне пришлось разбудить его с тем, чтобы он проводил обоих братьев Дьюри до их могил, так как в тот же день происходили эти двойные похороны. Он шел в процессии совершенно спокойно; казалось, что в душе его умерли оба чувства, которые он испытывал раньше: скорбь, которая мучила его при мысли о том, что господин его, которого он так страстно любил, умер, и страх, который им овладел при виде меня и Моунтена.

Между слугами, которых оставил сэр Вильям под моей командой, был один, который умел высекать надписи на камне. Я составил две надгробные надписи и попросил его высечь их на камне, и прежде чем сэр Вильям вернулся, чтобы взять нас с собой, надписи эти были высечены на скале, возле которой находилась могила братьев Дьюри-Деррисдир.

Я тотчас приведу копию с этих надписей и таким образом окончу этот печальный рассказ:

Дж. Д.

*Наследник знатного шотландского рода,
Человек в высшей степени талантливый,
Приводивший в восторг всех, кто его знал,
В Европе, Азии и Америке,
В военное и мирное время,
Побеждавший сердца дикарей, живущих в шатрах,
И образованных людей, живущих в столицах,
Но после всех подвигов, которые он совершил,
И бедствий, которые он претерпел,
Похороненный здесь, в пустыне,
И всеми забытый.*

Г. Д.

*Брат его,
После многих несчастий и неприятностей,
Постигших его в жизни,
Совершенно им не заслуженных,
Но храбро им перенесенных,
Умерший почти в один и тот же час
И покоящийся в одной и той же могиле
С враждебным ему братом.*

*Любящая жена последнего и старый преданный слуга поставили этот
памятник обоим братьям.*